

Книга представляет собой собрание подлинных жемчужин, выбранных из огромной сокровищницы мифов народов мира в пересказе известного исследователя традиционных народных культур Патрика Колума. Автор рассказывает о героических и трагических фигурах античного мира, сказочных персонажах, представленных в мифах Египта и Вавилона, Персии и Греции, Рима и Америки. В сборник включены и сравнительно малоизвестные полинезийские, китайские и японские мифы.

- [Патрик Колум](#)
 -
 - [ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ](#)
 - [ЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ВАВИЛОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ПЕРСИДСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ЕВРЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПОСТХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА](#)
 - [ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ЛАТИНСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ГРЕКО-РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [КЕЛЬТСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ФИНСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ИСЛАНДСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ЯПОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ПЕРУАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [МИФОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И МЕКСИКИ](#)
 - [МИФОЛОГИЯ ЗУНИ](#)
 - [ЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ОСИРИС И ИСИДА](#)
 - [РА, ЕГО НИСХОЖДЕНИЕ И ВОСХОЖДЕНИЕ](#)
 - [ВАВИЛОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [НАЧАЛО](#)
 - [ГИЛЬГАМЕШ](#)
 - [РАССКАЗ ОБ УТНАПИШТИ И ПОТОПЕ, КОТОРЫЙ УНИЧТОЖИЛ ВСЕ, ЧТО БЫЛО НА ЗЕМЛЕ](#)
 - [СОШЕСТВИЕ ИШТАР В ПОДЗЕМНЫЙ МИР](#)
 - [ПЕРСИДСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ДЖАМШИД БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ](#)
 - [ИУДЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПОСТХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА](#)
 - [АНГЕЛЫ, СОЗДАНИЕ И ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА](#)
 - [СМУЩЕНИЕ АНГЕЛА СМЕРТИ](#)
 - [ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [НАЧАЛО](#)
 - [ПРОМЕТЕЙ](#)
 - [ПАНДОРА](#)
 - [ДЕМЕТРА](#)
 - [ОРФЕЙ](#)
 - [ДИОНИС](#)
 - [АПОЛЛОН](#)
 - [ГЕРАКЛ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [ДЕТИ МАРСА](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [НУМА-ЗАКОНОДАТЕЛЬ](#)
 - [СИВИЛЛА](#)
 - [ПОМОНА И ВЕРТУМН](#)
 - [ГРЕКО-РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [КУПИДОН И ПСИХЕЯ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)

- КЕЛЬТСКАЯ МИФОЛОГИЯ
 - Ирландские мифы
 - МИДИР И ЭТАЙН
 - СМЕРТЬ КОНАЙРЕ МОРА, КОРОЛЯ ИРЛАНДИИ
 - I
 - II
 - III
 - ПУТЕШЕСТВИЕ БРАНА В СТРАНУ БЕССМЕРТНЫХ
 - Уэльские мифы
 - ПВИЛЛ, ПРАВИТЕЛЬ ДИВЕДА, И ЕГО ВИЗИТ В АННУВН, КОРОЛЕВСТВО ФЕЙРИ
 - МАТ, СЫН МАТОНВИ
 - 1. Предательство Гвидиона и Гилфайтви
 - 2. Превращение Гвидиона и Гилфайтви
 - 3. Гвидион и Арианрод
 - 4. Девушка из цветов
- ФИНСКАЯ МИФОЛОГИЯ
 - ЛЕММИНКАЙНЕН, ЕГО ГИБЕЛЬ И ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ
- ИСЛАНДСКАЯ МИФОЛОГИЯ
 - НАЧАЛО
 - СТРОИТЕЛЬСТВО СТЕНЫ
 - МИМИР
 - БАЛЬДР
 - НАКАЗАНИЕ ЛОКИ
 - ДЕТИ ЛОКИ
 - РАГНАРЁК, СУДЬБЫ БОГОВ
- ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ В е д и ч е с к а я: Небесная нимфа и ее смертный супруг. Э п и ч е с к а я: Пахтанье океана; Рождение Ганги, Савитри и властелин мертвых. В ы б о р Д а м а я н т и. Б у д д и с т с к а я: Достижение Готамы
 - Ведическая мифология
 - НЕБЕСНАЯ НИМФА И ЕЕ СМЕРТНЫЙ СУПРУГ
 - Эпическая мифология
 - ПАХТАНЬЕ ОКЕАНА
 - РОЖДЕНИЕ ГАНГИ
 - САВИТРИ И ВЛАСТЕЛИН МЕРТВЫХ
 - ВЫБОР ДАМАЯНТИ
 - Буддистская мифология
 - ДОСТИЖЕНИЕ ГОТАМЫ
- КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ
 - НАЧАЛО
 - НЕБЕСНАЯ ТКАЧИХА И ПАСТУХ
- ЯПОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ
 - СОЛНЕЧНАЯ БОГИНЯ, ГРОЗОВОЙ БОГ И ССОРА, КОТОРАЯ ПРОИЗОШЛА МЕЖДУ НИМИ
 - ПЕРВЫЕ ЛЮДИ
- ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ
 - Новая Зеландия
 - НАЧАЛО
 - Новая Зеландия и Гавайи
 - МАУИ, НЕСУЩИЙ ОГОНЬ
 - КАК МАУИ ХОТЕЛ ДОБЫТЬ БЕССМЕРТИЕ ДЛЯ ВСЕХ
 - ПЕЛЕ, ГАВАЙСКАЯ БОГИНЯ ВУЛКАНИЧЕСКОГО ОГНЯ
 - I
 - II
 - III
- МИФОЛОГИЯ ПЕРУ
 - ВИРАКОЧА
 - ПАСТУХ ЛАМ И СОЛНЕЧНАЯ ДЕВА
- МИФЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И МЕКСИКИ
 - НАЧАЛО
 - БЛИЗНЕЦЫ-ГЕРОИ И ВЛАСТИТЕЛИ ШИБАЛЬБЫ
 - КЕЦАЛЬКОАТЛЬ
 - ВРАГ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ
 - БОГИ АЦТЕКОВ
 - АЦТЕКИ
- МИФЫ ИНДЕЙЦЕВ ЗУНИ
 - ПАЙЯТУМА И КУКУРУЗНЫЕ ДЕВЫ

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
-

Патрик Колум

Великие мифы народов мира

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ

До недавнего времени мифологии не придавалось должного значения. Итальянский философ XVII века Вико знал, что герои мифов Геракл, который мог разрушать горы, законодатели Ликург и Ромул за короткое время, отведенное человеку, выполнили работу многих веков, были созданиями коллективного разума. Когда человеку потребовались антропоморфные божества, он пошел по пути, как утверждает Вико, воплощения в одном герое своих вековых идеалов. Ему вторил Гете, который считал, что в ранние века идеи существовали в интуитивных мысленных образах и лишь позднее их облекли в понятия – мироощущения обрели форму, богов, а сегодня они вновь становятся понятиями. Иеремия Кертин, человек, увлеченный поэтическими образцами мифологии, писал, что в греческом языке есть два существительных, имеющих долгую историю: *миф* и *логос*. Первоначально они имели одинаковое значение, во всяком случае, в повседневной речи. Во времена Гомера использовалось то одно, то другое, и обозначали они то же, что и *слово* в нашем современном языке. Постепенно *логос* стал обозначать *внутреннее содержание – смысл, понятие* и одновременно *внешнюю форму мысли – слово, высказывание, выражение*. Следовательно, *логос* есть выражение точной мысли, которая является таковой потому, что соответствует всеобщим и неизменным принципам, выработанным человечеством. *Логос* достиг высшей степени величия, поскольку относится не только к человеческому разуму, но и ко всей вселенной как универсальная осмысленность, ритм и соразмерность бытия. Божественный Логос – сын Господа и сам Господь... *Миф* в самом широком смысле означает все, произнесенное человеком, – слово, сообщение о чем-то, рассказ. В античной Греции *мифом* называли повествование о доисторических греках. Применение термина *миф* в среде современных ученых получило достаточно широкое толкование: теперь равнозначное значение имеют сказания любого племени на земле. С древности было широко распространено мнение о том, что миф является синонимом выдумки, хотя правдивые мифы – а таковых отнюдь не мало – могут быть самым исчерпывающим и поэтичным изложением реальных событий. Миф, даже когда он заключает в себе всеобщий принцип, выражает в особой форме через своеобразие своих героев язык и внутренний мир людей определенного времени и места. Люди, которые любят и понимают мифологию, согласятся, что правда неотделима от нее, как тело от души, подчеркивал Иеремия Кертин.

Из высказываний Вико, Гете и Иеремии Кертин мы узнаем о внутренней сущности мифологии. Теперь обратимся к специалисту, который поможет нам отличить подлинные мифы от выдумок и баснословных эпизодов в романтических и эпических повествованиях. Бронислав Малиновский считает, что существует особая категория «священных» рассказов, воплощенных в различных ритуалах, обычаях и даже в социальной организации сообщества людей, которые составляют неотъемлемую и активную часть примитивной культуры. Эти рассказы порождены не праздным интересом и являются не только художественным или документальным повествованием. Они служат для данного сообщества средством утверждения первоначальной, более великой реальности, которая определяет их современную жизнь, судьбу и деятельность и знание которой вооружает человека приемами ритуальных действий, а также указаниями, как их выполнять.

Таким образом, мы можем сделать вывод: мифология состоит из историй, считающихся священными и образующими составную и активную часть человеческой культуры. Истории из этого собрания должны быть таковыми или иметь знак того, что были такими когда-то. Австралийское, африканское или южноамериканское племя может передавать из поколения в поколение рассказ о сотворении мира жуком, и это повествование может быть для него священным. Но мы могли и не знать об этой истории. Примитивные формы цивилизации, такие варварские и такие великие, оставались забытыми или непонятыми, пока в период, получивший название романтизма, к ним не обратился европейский дух. Европейцы, если можно так сказать, признали эти истории как представляющие интерес для современности. Об этом писал Бенедетто Кроче, и я использую его выражения, чтобы обозначить пределы понимания, которых нам удалось достичь, в знакомстве с мифами разных народов мира. Это повествования, содержащие нечто, способное затронуть эмоциональную сферу сегодняшних читателей, пробудить у них желание поближе познакомиться с духовной жизнью ушедших цивилизаций.

ЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Представляется совершенно естественным начать с египтян. Однако дошедшие до нас образцы мифотворчества этой величайшей цивилизации фрагментарны; чтобы ознакомиться с самыми известными из них, приходится обратиться к греческому литературному памятнику – трактату Плутарха об Осирисе и Исиде. В приведенном здесь повествовании основные события даются по Плутарху. Но в него включен также рассказ о сотворении мира из египетских источников. Имена божеств не совпадают с именами, употребляемыми Плутархом: они даны в формах, принятых египтологами. Большая часть египетской мифологии посвящена появлению, исчезновению и повторному появлению солнца, а также описанию мира мертвых. Но ни одно из сохранившихся мифологических произведений не предлагает нам свода представлений египтян об этих процессах. Чтобы эти представления могли быть изложены в повествовательной форме, была придумана сказка о братьях и их умирающем отце. Гимн, приведенный в ней, взят из «Религии египтян» Адольфа Лемана.

Насколько сильно история Осириса и Исиды повлияла на весь Древний мир, свидетельствуют следующие размышления Плутарха: «И вот на что осторожно намекают нынешние жрецы, служа истине и укрывая ее: этот бог правит и царствует над мертвыми, и он есть не кто иной, как тот, кто называется у эллинов Плутоном, или Гадесом; а так как истина эта непонятна, то она приводит в замешательство многих людей, а именно: святой и священный Осирис обитает в земле и под землей, где скрываются тела тех, кто, как полагают, обрел конец. Напротив, этот бог очень далек от земли и пребывает нетронутым, незапятнанным и чистым от всякой сущности, причастной к разрушению и смерти. И для людских душ, которые облачаются в этом мире в тела и страсти, сопричастие богу ощущается только как образ туманного сновидения, которого можно коснуться познанием с помощью философии. Когда же души освобождаются и переходят в невидимое, незримое, невозмутимое и непорочное обиталище, тогда этот бог становится для них владыкой и царем, из-за него они как бы привязаны к несказанной и невыразимой для людей красоте, созерцают ее и ненасытно стремятся к ней. И, как гласит старинное предание, Исида, полюбив красоту, вечно тяготея к ней и пребывая с ней, наполняет наш мир всем прекрасным и благим, что имеет отношение к рождению. Таково объяснение всего этого, более всего соответствующее божественной природе».

Интерпретация Плутарха истории об Осирисе и Исиде вовсе не обязательно имеет египетские корни. Мы также не можем быть уверены, что молитва героя Апулея Люция Исиде была бы именно таковой, если бы произнес египтянин: «О святейшая, человеческого рода избавительница вечная, смертных постоянная заступница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью! Ни день, ни ночь одна, ни даже минута краткая не протекает, твоих благодеяний лишённая: на море и на суше ты людям покровительствуешь, в жизненных бурях простираешь десницу спасительную, которой рока нерасторжимую пряжу распускаешь, ярость судьбы смиряешь, зловещее светил течение укрощаешь. Чтут тебя вышние боги, и боги теней подземных поклоняются тебе, ты круг мира вращаешь, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, попираешь Тартар. На зов твой откликаются звезды, ты чередования времен источник, радость небожителей, госпожа стихий. Мановением твоим огонь разгорается, тучи сгущаются, всходят посева, поднимаются всходы. Силы твоей страшатся птицы, в небе летающие, звери, в горах блуждающие, змеи, в земле скрывающиеся, чудовища, по волнам плывущие. Но я для воздания похвал тебе – нищ разумом, для жертв благодарственных – беден имуществом, и всей полноты речи не хватает, чтобы выразить чувства, величием твоим во мне рожденные, и тысячи уст не хватило бы, тысячи языков и неустанного красноречия потока неиссякаемого! Что же, постараюсь выполнить то единственное, что доступно человеку благочестивому: лик твой небесный и божественность святейшую в глубине моего сердца на веки вечные запечатлею и сберегу».

ВАВИЛОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Вавилонская религия находилась на более высоком уровне развития, чем египетская, которая, по словам одного из величайших египтологов, Масперо, была близка к анимизму и фетишизму африканских племен. И все же шумеры и вавилоняне в сравнении с египтянами имели очень слабое представление о жизни после смерти. Для них нижний мир был средоточием тьмы, где ушедшие, сохраняя сознание, обречены лежать без движения на протяжении веков под строгим присмотром богини, царствовавшей в том мире. Профессор Ростовцев утверждает, что гимны и молитвы, адресованные богам Вавилона и Ассирии, полны неподдельного религиозного чувства и поэтического вдохновения. Вавилоняне в своей эпической поэзии старались объяснить великие тайны природы, связанные с жизнью богов и людей.

Их рассказы о борьбе богов против Хаоса и созданных им чудовищ, о приключениях Гильгамеша, о сошествии Иштар в страну мертвых по своей образности сравнимы с их резными изображениями, на которых цари и солдаты, лошади и львы, колесницы и копыя переданы с такой художественной выразительностью, что и сегодня выглядят устрашающе.

Чудеса, которые демонстрируют могущественную волю,
Огромная сила и непревзойденное мастерство,
Которые не ищут похвалы,
Слишком слабой, чтобы достичь такой высоты.

Сохранением вавилонских и шумерских мифов мы в значительной степени обязаны ассирийскому царю неовавилонского периода Ашурбанипалу, который правил в Ниневии в 668 году до н. э. Решив собрать в своем дворце библиотеку, царь приступил к систематической работе по сбору литературных произведений. Он послал переписчиков в древние города, центры ученой мысли – Ашур, Вавилон, Кута, Ниппур, Аккад, Эрех и многие другие, чтобы сделать копии с хранившихся там древних трудов, а когда они попадали в Ниневию, делал с них новые копии для дворцовой библиотеки сам либо поручал это своим переписчикам. В любом случае царь сличал тексты лично перед тем, как поместить их в библиотеку. Появление табличек с текстами из его библиотеки предполагает, что он создал мастерскую, где глину очищали, замешивали и формовали из нее однотипные таблички правильной формы. Существовала также промышленная печь, в которой их обжигали после нанесения надписей. Удивительно единообразие таких надписей, а ошибки в них встречаются очень редко. Ашурбанипал интересовался литературой шумеров, народа, населявшего Нижний Вавилон в 3500 году до н. э. и позднее. Он и его переписчики сделали двуязычный список знаков, слов и предметов всех классов и видов – все они воистину бесценны для современных студентов, изучающих шумерский и ассирийский языки.

Греки позаимствовали у вавилонян один миф – о Таммузе – Адонисе. Как утверждает Фрейзер в «Золотой ветви», каждый год Таммуз умирал, покидая веселую и радостную землю и переходя в мрачное подземное царство, и каждый год его божественная супруга отправлялась на поиски его. В середине лета смерть Таммуза оплакивали все мужчины и женщины на земле. История о сошествии в страну мертвых Иштар, возможно, была создана из гимнов, которые пели на траурных церемониях в середине лета. Как и Осирис, Таммуз олицетворял растительность, которая умирает и возрождается снова.

ПЕРСИДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В то время когда ассирийские цари неовавилонской эпохи создавали мифологические циклы, а египетская и греческая мифологии расцвели пышным цветом, оригинальная персидская или иранская мифология приостановилась в своем развитии; в последующее время почти все записи были уничтожены. Это произошло в царствование Дария (VI век до н. э.) из-за подъема маздеистского, или зороастрийского, дуализма – течения, которое, будучи признанным царем и правящими классами, лишило старую мифологию своего первоначального значения и ценности.

Зороастрийский дуализм являлся религией, которая находилась на более высоком уровне развития, чем религии Египта и Вавилона. Профессор Ростовцев утверждает, что, как и иудейские пророки, Зороастр достиг концепции единого духовного бога – Ормузда, или Ахурамазды, в котором воплощены принципы добра, тогда как принципы зла олицетворял Ариман, он же Ангра-Майнью. Эти два принципа находятся в вечном противостоянии в жизни и в природе, и в этой борьбе участвуют люди. Человек ответственен за свои действия, как хорошие, так и плохие; он хозяин своей судьбы, его воля определяет линию поведения. Если он борется против зла, признает Бога и заботится о чистоте своего тела и души, тогда по прошествии четырех периодов в мировой истории по три тысячи лет каждый, когда настанет время для окончательной победы добра над злом, Ормузда над Ариманом, – воскрешения мертвых и последнего суда, – ему гарантировано место среди спасенных и праведников.

Персидская религия имела сильное влияние на иудаизм и раннее христианство: царь, который был поборником раннего зороастризма, покончил с вавилонским пленом и дал возможность иудеям воссоздать культ волхвов, которые были персами и зороастрийцами. Эта религия в форме обожествления одной из ангельских сил зороастрийской теологии – Митры – распространилась и на западе в период заката Римской империи и стала могущественным соперником зарождающегося христианства. Культ Митры, которого идентифицировали с солнцем, поощрялся римскими военачальниками. Известно, что даже в Британии был храм, построенный в его честь. Современное христианство, в части, касающейся церемоний и ритуалов, имеет элементы, порожденные прежней близостью к митраизму. Прочитав «Восточную оду» Фрэнсиса Томпсона, мы узнаем кое-что о поклонении Митре. Показательно, что оду открывают метафоры из священного ритуала:

И вот на священном востоке
День, верный жрец,
Величественный во всех одеждах,
Поднимается медленно, поднимается плавно
Из своего восточного шатра.
Там появляется круглый священный символ,
Который дает миру благословление рассветом.

Чувства поклонников Митры проявляются еще сильнее в другом стихе:

Ты есть воплощенный свет,
Чье величие исконно и незыблемо, и после
Смерти и возрождения нашего дня и ночи;
От него твой наместнический жезл
С двойной силой черного и белого.
Дающий любовь, и красоту, и желание,
Страх, и притягательную силу, и чистоту,
Смертоносность и жизненную силу огня!

Считается, что оригинальная мифология Ирана и Персии принадлежит к тому типу, который существовал в арийской Индии около 1000 года до н. э., – мифологии ведических гимнов. Множество имен из самого старого слоя иранских традиций имеет корни среди имен в ведических гимнах. Одно из этих имен – Йима, впоследствии ставшее персидским Джемшид. Йима – то же, что и ведический бог Йама: Йама в Индии был божеством мертвых. Альберт Дж. Карной пишет: «...все известное о Йаме-Йиме свидетельствует о том, что это заходящее солнце. Он идет по пути солнца, чтобы отправиться в удаленное жилище, куда ведет за собой людей. ...В Иране солнечная природа Йимы больше подчеркивается, чем в Индии, и старые эпитеты, употребляемые вместе с именем Йимы, очень характерны в этом отношении. Его обычно называют *сверкающим*, и это прилагательное часто сопутствует солнцу». История Джемшида одна из самых ясных и законченных легенд мифологии, дошедшая до нас из Древнего Ирана. Она сохранилась в созданном значительно позже труде, названном «Шахнамэ», написанном поэтом Фирдоуси, который умер примерно в 1025 году н. э. Фирдоуси использовал древние обычаи, которые являлись мифологией, изложенной в виде псевдоисторических легенд. Интересно отметить, что вскоре после того, как Фирдоуси обратился к фрагментам арийской мифологии как к историческим обычаям и романтическим сказаниям, аналогичный подход был применен на другом конце арийского мира – в Уэльсе, где фрагменты кельтской мифологии были объединены в сборник романтических историй, известный как «Мабиногион».

ЕВРЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПОСТХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА

Еврейская мифология, дошедшая до нас в «Хагаде», наиболее родственна персидской мифологии. Ее монотеизм представляется номинальным, прикрывающим истинный дуализм. Так, Бог создает ангелов на второй день, чтобы люди не подумали, что ангелы помогали Богу в создании неба и земли. Этот дух соперничества присутствует во многих историях: с одной стороны Бог, с другой – ангелы. Ангел Самаэль, который впоследствии становится сатаной, то есть силой, противостоящей Всевышнему, занимает то же положение, что и Ангра-Майнью по отношению к Ахурамазде. Истории, составившие «Хагаду», создавались между II и XIV веками н. э.

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Мифы Древней Греции приводятся в данной книге в основном по «Теогонии» Гесиода и гимнам Гомера, созданным между VIII и VI веками до н. э. О греческой мифологии сказано и написано очень много – добавить почти нечего. Можно только процитировать несколько фраз из «Пролегомены к исследованию греческой религии», написанных Джейн Гаррисон: «Все люди благодаря своей человеческой природе являются создателями образов, но в одних случаях эти образы яркие и выразительные, в других – скучные и безжизненные. Греки были выдающимися «иконистами», величайшими создателями образов из всех известных миру, и поэтому их мифология жива и сегодня».

ЛАТИНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Важно разделять греческую и латинскую мифологии. Юпитер и Зевс хотя во многом и тождественны, но они вовсе не одно и то же лицо. Юнона – это не Гера, Минерва – не Афина, Нептун – не Посейдон. Римляне, как утверждает Джейн Гаррисон, обожествляли не богов (dei), а силы (numina).

И эти силы были совершенно безликими. Они не имели отличительных черт, они не были наделены яркой индивидуальностью, как греческие божества, вокруг каждого из них не слагались глубокие и поэтические мифы. Но мы должны помнить, что мифология, создание образов, является только лишь одним и, вероятно, не самым главным фактором в религии. Римляне, безусловно, не были «иконистами», но из этого вовсе не следует, что они были менее религиозны, чем греки. Скорее даже наоборот. Нечто смутное, не вполне ясное вызывает большее благоговение, чем известное и очевидное.

По утверждению Моммзена, Марс, сеющий смерть, был центральным италийским божеством, во всяком случае когда италийские народы жили на своем полуострове сами по себе. Он был защитником горожан. Потрясая копьем, он охранял свой народ и отражал его врагов. Марсу был посвящен первый месяц не только в римском календаре – который в других случаях не принимает во внимание богов, – но также, вероятно, и во всех латинских и сабинских календарях. Среди римских имен собственных, которые, аналогичным образом, не содержат намеков на других богов, с древнейших времен встречаются такие имена, как Маркус, Мамеркус и Мамуриус. С Марсом и его священным дятлом связано старейшее италийское пророчество; волк, священное для Марса животное, был эмблемой римских горожан. И даже священные легенды, на которые хватило даже бедного воображения римлян, относились исключительно к богу Марсу и его копии – Квирину. В то время как абстракция, которая лежит в основе каждой религии, где-то еще стремилась подняться до более широкого и полного понимания и глубже проникнуть в суть вещей, форма римской веры осталась застывшей или даже опустилась до необычайно низкого уровня понимания и проницательности. В религии Рима не было ничего тайного, за исключением имен богов города, Пенатов, а истинный характер даже этих богов был очевиден всем и каждому. Из всех римских культов, вероятно, самым глубоким был культ духов-хранителей, которые жили в домах, в кладовых, в общественных зданиях. Речь идет о культе Весты и Пенатов, причем Пенаты были общественные и домашние¹, о культе Сильвана – бога лесов и дикой природы – и, особенно, богов домашнего очага – Ларов, которым регулярно выделалась еда с домашнего стола. О мире духов можно сказать немного. Души умерших, «хороших» людей, продолжали существовать в виде теней, посещавших то место, где ранее пребывало тело, и получали еду и питье от живых. Но жили они глубоко под землей, и не было моста, по которому можно было выйти из нижнего мира к людям на землю или к богам над ней. Культ героев, столь сильно развитый в Греции, у римлян отсутствовал. Нума – древнейшая и самая уважаемая фигура в римской истории – никогда не обожествлялся в Риме так, как Тесей в Афинах.

Истории Ромула и Нумы приведены по жизнеописаниям Плутарха и трудам Ливия, где персонажи рассматриваются как исторические личности. История Помоны и Вертумна взята из трудов Овидия.

ГРЕКО-РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ

История о Купидоне (Амуре) и Психее является литературным вымыслом; тем не менее она приводится в данном сборнике мифов, поскольку приобрела черты священной истории, сосредоточения религиозной мысли. Кроме того, литературное произведение было основано на древнем греческом сказании, включавшем и религиозные элементы. Следует помнить, что мать Купидона является не Венера, героиня ранней римской мифологии, и не Венера-Родительница из поэмы Лукреция; она отождествлялась с Афродитой, богиней, культ которой был широко развит на южных и восточных островах Греческого архипелага. В дошедшей до нас форме история относится к довольно позднему периоду: она была написана Апулеем из Мадавра, который родился в 124 году н. э., и составляет эпизод его известного произведения «Золотой осел».

1 Домашние Пенаты охраняли единство семьи, общественные – целостность Римского государства. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

КЕЛЬТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Кельтская мифология известна только благодаря фрагментам, которые дошли до нас из ирландской (гаэльской) и уэльской (бритонской) романтических историй. О мифологии континентальных кельтов мы не знаем ничего.

Альфред Натт в «Путешествии Брана» писал, что на континенте кельтские племена соприкоснулись с богатой и высокоразвитой греко-римской мифологией и практически отказались от собственного мифотворчества. На Британских островах кельтский мифологический романтизм избежал влияния Рима, был пощажён христианством и вплоть до нашего времени служил основой для крестьянских представлений о феях и эльфах, которые, по существу, являлись древними сельскими верованиями в волшебные силы. Они сохранились в первоизданном виде и лишь частично видоизменились под яростным напором представителей воинствующего христианства. Гаэльские крестьянские верования отличались от верований жителей других частей Европы, потому что кельты сохранили в романтической форме элементы дохристианской мифологии. Благодаря тому, что эти элементы вошли в артурианский романтизм, литература современной Англии сохранила доступ в волшебное царство мифов и легенд и получила возможность собирать божественные плоды неувядаемой красоты в чудном саду старины.

В Ирландии образованные люди, которые гордились своей национальной историей, писали исторические произведения и романтические истории, используя образы мифологии. Они дошли до нас в документах XI и XII веков. В Уэльсе менее обширный и более разрозненный материал за период между 1080 и 1260 годами был оформлен в романтический сборник, который известен под названием «Мабиногион».

В Древнем мире кельты были известны своими самобытными взглядами, касающимися жизни души, – у них существовала концепция иного мира, в котором царил всеобщий счастье.

Известный исследователь кельтских мифов Альфред Натт пишет, что, хотя самые древние записанные греческие и ирландские высказывания разделяет от пятнадцати до двадцати веков, все же обе мифологические системы находятся примерно на одной ступени развития, разве что Ирландия сохранила с большей полнотой и точностью концепцию, из которой появилась гомеровская Греция. Исследование мифологий других арийских народов, вернее, народов, говорящих на арийских языках, как и на греческом и ирландском, выявляет удивительный факт: только греки и ирландцы сохранили раннюю концепцию иного счастливого мира в сравнительной полноте.

Кельтская религия представляла собой обожествление сил жизни и роста.

«В Греции силы жизни и роста, которым поклонялись примитивные земледельцы, являются только одним из элементов законченного эллинского пантеона, который подвергся таким многочисленным изменениям, был настолько расширен и прославлен, что стал почти неузнаваемым. В Ирландии, если судить по сохранившимся ранним текстам, эти силы, очевидно, составляли доминирующий элемент пантеона, который не слишком отклонился от своей первоначальной формы. Главное же заключается в том, что основными действующими феноменами являются сельские силы жизни и роста, поэтому в мифологии преобладают рассказы, связанные с сельскохозяйственным занятием жителей».

Альфред Натт делает следующий вывод относительно кельтской мифологии, проявляющейся в ирландском романтизме:

«Общие черты греческой и ирландской мифологий принадлежат к ранней стадии арийской мифологической эволюции и не являются результатом влияния, которое оказывает более развитый народ на сравнительно отсталый. Уцелев в Греции, они показывают высокий уровень ирландского дохристианского развития, отсюда последовательность и выразительность ирландской мифологии. Она, безусловно, несколько отрывочна по форме и искажена из-за передачи через создание христиан, однако мы обязаны Ирландии сохранением мифологических концепций и образов более архаичных, чем величайшие мифологии Греции и ведической Индии».

Приведенные здесь кельтские истории относятся главным образом к приключениям в ином, счастливом, мире, в божественной стране. «Путешествие принца Брана» – типичный образец этой части кельтской мифологии, оно опубликовано с комментариями Альфреда Натта. Поэмы, составляющие древнейшую часть этого произведения, относятся к VIII или, возможно, к VII веку. В божественной стране, по которой путешествует принц Бран, происходят события, которые приводят к рождению Этайн и к смерти короля Коннайре. Божественная страна также является местом приключений Пвилла в мифологии Уэльса. Пвилл, Аравн и Матонви первоначально были богами кельтской Британии: рассказы о них взяты из уэльского «Мабиногиона».

ФИНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Финская мифология создавалась финнами, народом, принадлежащим к финно-угорской группе, включающей финнов и их ближайших родственников эстонцев, а также саамов и венгров. Эта мифология знакома нам по эпосу «Калевала». В дошедших до нас финно-угорских мифах действие происходит в стране лесов и озер Северной Европы. До недавнего времени эти предания существовали в виде устного народного творчества. Разрозненные отрывки поэмы, известной под названием «Калевала», были опубликованы в 1822 году Закариасом Топелиусом. Элиас Леннрот собрал остальные и сформировал двадцать две или двадцать три тысячи стихов в пятьдесят рун. Метрической форме, в которой дошла до нас «Калевала», подражал Лонгфелло в своей «Песне о Гайавате».

Может показаться удивительным, что и в Новое время в Европе продолжало развиваться мифологическое творчество. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов влияние христианства на народные песни, составляющие «Калевалу». Значительная же часть такой поэзии, где не обошлось без влияния католицизма, находилась на подъеме в Средние века.

Приведенные здесь эпизоды взяты из «Калевалы», использованы руны XIII и XIV, а также труд Джона Аберкромби о магических песнях финнов.

ИСЛАНДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Приняв во внимание, что во Франции, Британии и Ирландии христианство было установлено на шестьсот лет раньше, чем оно появилось в Исландии и Скандинавских странах, мы осознаем, какая долгая жизнь была суждена мифологии Северной Европы в сравнении, скажем, с мифологией Британии и Ирландии. Исландская мифология является частью скандинавской мифологии, которая, в свою очередь, образует часть мифологии германских народов. Она развивалась отдельно в Норвегии и, возможно, в Исландии, где и были сделаны записи, дошедшие до наших дней. Исландия в том виде, в каком она представлена в исландских сагах, была центром скандинавского мира. Впоследствии ее мифология подверглась влиянию христианства. О величайшем произведении, которое рассказывает нам о сотворении мира и судьбе богов – «Прорицание провидицы» («Волюспо»), – ее переводчик Генри Адамс Беллоуз пишет следующее:

«Не подлежит сомнению, что поэма является языческой, а не христианской. В каждой ее строфе присутствует сила и яркость образов, которой ни один архаизированный христианин не может достичь. С другой стороны, свидетельства христианского влияния достаточно весомы, чтобы перевесить аргументы Финнура Джонссона, Мюлленгофа и других исследователей, которые утверждают, что «Волюспо» – продукт исключительно язычества. Норвежцы X века – скитальцы, из них христианство приняли только единицы, тем не менее они имели тесные связи с уже обращенными кельтами, и во многих отношениях кельтское влияние ощущается очень сильно».

Мы обязаны своими знаниями этой мифологии поэтической и прозаической Эдде. Первая представляет собой собрание поэм, прославляющих богов и героев прежних времен, а вторая является справочным руководством, где описываются божества и их деятельность, а также приводятся отдельные истории из жизни богов и героев. Ученые пришли к выводу, что саги, составляющие «Поэтическую Эдду», приняли свой нынешний вид примерно между 900 и 1050 годами. «Прозаическая Эдда» была составлена исландским ученым Снорри Стурлусоном примерно в 1220 году. Повторное открытие этой мифологии приветствовалось всеми германскими народами и считается достоянием человечества. Сюжеты германской мифологии легли в основу знаменитой оперы Вагнера «Кольцо нибелунга»^[1]; трагическая музыка знаменитого композитора дала им новую жизнь.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Индия – самая «мифологизированная» из существующих цивилизаций; мифология, широко используемая в ее литературе, имеет тройственный характер. Прежде всего, существует арийская мифология, которая имеет связь с мифологиями Персии, Греции и Италии. Мы знаем ее по ведийским гимнам (оформившимся между 1200 и 800 годами до н. э.) и поэтому называем ведийской. Затем, существует мифология, которая номинально происходит из вед, но значительно отличается по содержащимся в ней идеям и концепциям. Это мифология брахманизма, живая мифология Индии, открытая для нас в грандиозных эпических произведениях, созданных примерно в IV веке до н. э., – «Рамаяна» и «Махабхарата». Буддизм, движение, изначально имевшее целью упростить брахманизм, добавил новые черты в мифологию страны. Из него сформировалась мифологическая система, связанная с существами, которые время от времени воплощались в героев, призванных спасти человечество: истории о подобных инкарнациях и о попытках будд достичь просветления являются ее составными частями. В нее также входят рассказы о животных, повествующие о воплощениях будд в тела зверей. В отличие от Персии и Европы мифотворчество Индии никогда не вытесняли движения, подобные зороастризму и христианству.

В отношении своей мифологии Индия является неким водоразделом: системы, которые на первый взгляд сильно различаются между собой, на самом деле очень близки друг другу. Диаус Питар, отец-небо, по сути, не кто иной, как Зевс или Юпитер; с ним взаимодействуют Индра – грозовой бог, Агни – бог огня и небесные всадники-близнецы, которые сходны с богами в европейской мифологии. Ведическая мифология была идеологией простых людей, обрабатывавших землю и выращивавших скот. Брахманизм же исходил из определенных философских идей: время и пространство представлены здесь в размерах непостижимых для европейской культуры; есть бесчисленное количество миров, нет числа периодам творения; боги бессмертны, но им суждено быть поглощенными вместе со вселенной в конце космического цикла. Мифология брахманизма, в том виде, в каком она представлена в эпосах, очень богата. В предлагаемом сборнике из нее взяты четыре истории: о пахтанье океана и рождении Ганги (из «Рамаяны»), о Савитри и властелине мертвых, о выборе Дамаянти (из «Махабхараты»). Рассказ о Готаме взят из буддистской мифологии и является одной из письменных историй о Будде, в которого воплотился принц Сиддхаратха, живший в V веке до н. э. В ранних ведах сюжеты очень бедны: индийские гимны, если сравнивать их с гомеровскими, чрезвычайно объемны, однако ни один из них не содержит последовательно изложенного сюжета. История о небесной нимфе и ее смертном супруге пересказана на основе единственного более или менее распространенного упоминания в гимнах. Она также встречается в более поздней литературе, однако персонажи ее уже несколько видоизменены. Если в ведах апсары являются нимфами, которым свойственна простота и даже суровость, то в литературе более позднего периода они предстают сладострастными искушительницами. Интересно отметить, что эти божеества, дэвы, в Персии после появления там зороастризма стали демонами. Позднее эти демоны превратились в демонические существа из арабских сказок.

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В Китае, в отличие от Индии и Греции, не уделялось большого внимания литературному описанию деятельности богов. Здесь не было ни своего Гесиода, ни Гомера, ни Вальмики^[2]. Можно подумать, что у китайцев отсутствовало любопытство относительно своего происхождения. Их философы всегда занимались проблемами этики и политики, а поэты – человеческими взаимоотношениями и связями с природой. Последователи Конфуция считают, что предметы, о которых мастер отказывался говорить, это «необычайные явления, подвиги, хаос и духи». Такое отношение культивировалось и литературными кругами, уничтожив интерес к мифологии. Однако не приходится сомневаться, что у китайского народа есть немало преданий о личностях, которые можно считать мифическими. Вместе с тем эти предания настолько прозаичны и фантастичны и столь очевидно являются продуктом литературного вымысла, что их просто невозможно пересказать, сохраняя серьезность. Для китайцев вселенная создана и поддерживается безликими силами; у них отсутствует то, что является основой мифологии, – персонификация сверхъестественных сил и их идентификация с некоторыми интересами человечества.

Легенда о творении Паньгу имеет свои истоки в даосизме. Китайские ученые полагают, что он появился в Китае извне. «Небесная ткачиха и пастух» – звездный миф, объясняющий происхождение звезд Вега и Волопас. Его герои почитаются женщинами, занимающимися рукоделием разного рода. Миф известен не только в Китае, но и в Японии.

ЯПОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В отличие от даосизма, конфуционизма и буддизма синтоизм является примитивным комплексом верований японского народа. Два приведенных в настоящей книге космологических мифа взяты из идеологии синто. Триумф солнечной богини над тьмой и хаосом идентифицируется с триумфом императорской династии над враждебными ей силами: считается, что императорский род происходит от солнечной богини.

ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Широко распространенный на островах Тихого океана народ канака, или маори, имеет богатую и удивительно однородную мифологию. Одни и те же божественные существа фигурируют в мифах большинства островов. «Мы находим, – пишет Марта Уоррен Беквит, – одну и ту же историю, которую рассказывают в Новой Зеландии и на Гавайях с точностью до мелких деталей; одинаковы даже имена». В нашем понимании все полинезийские предания являются мифологическими. М. Беквит утверждает, что боги и люди являются для полинезийца представителями одной семьи, только выступающими в разных формах. Боги имеют власть над определенными явлениями. Сверхъестественное сочетается с естественным в точности так же, как у полинезийца боги связаны с людьми. Факты об одном существе, даже переместившемся на небеса, считаются объективными и касающимися любого другого и используются для объяснения социальных обычаев и физических явлений в действительности.

Полинезийцы, как и древние египтяне, считали, что душа имеет двойственную природу: часть ее может покидать тело и потом возвращаться или ее можно изъять и вернуть с помощью заклинаний.

Самое точное художественное изложение полинезийского мифа о Пеле и Хииаке мы находим у Н.Б. Эмерсона. Перед нами мифическая история о гавайской богине вулканического огня в том виде, как ее излагают верящие в нее люди, переданная для нас исследователем, знающим этих людей и уважающим их традиции. Упомянутый миф, впервые опубликованный, занимал более двухсот страниц, и в нем было использовано сто семьдесят драматических поэм. Читая этот миф, мы в полной мере осознаем, насколько изолирована и не похожа на нашу полинезийская культура. Приведенный далее полинезийский миф о сотворении мира родился в Новой Зеландии. Он включен в «Полинезийскую мифологию» Джорджа Грея. Рассказ о попытке Мауи завоевать бессмертие для людей взят из этого же труда. Другой рассказ о Мауи является частично новозеландским, частично гавайским. Он приведен в моей книге «У порога дня». В конечном счете он основан на труде У.Д. Уэстервелта «Мауи – полубог». Мауи – панполинезийский герой. Мифы о нем существуют на всех островах, которых достиг народ канака-маори.

ПЕРУАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Две великие американские цивилизации – среднеамериканская и южноамериканская – находились на подъеме примерно в одно и то же время, а их упадок наступил в период, предшествовавший приходу европейских завоевателей. До нас дошло намного меньше сведений о цивилизации инков, нежели об ацтеках. Большинство наших знаний о древнем Перу основывается на трудах Гарсиласо де ла Вега, отец которого был испанцем, а мать – коренной жительницей Перу, он же считал себя потомком инков. Труды Г. де ла Вега были переведены на английский язык К. Маркхэмом, в книгах которого содержится почти все, что нам известно о древних памятниках, литературе и традициях инков. В первом мифе я вообразил рассказчика – кого-то вроде Г. де ла Веги. Второй рассказ, по существу, мифом не является. Это скорее сказка. Но до нас дошло так мало мифов инков, что любой рассказ, имеющий пусть даже отдаленное отношение к их мифологии, но являющийся плодом воображения этого древнего народа, не лишен интереса. «Пастух лам и солнечные девы» – это пересказ версии К. Маркхэма. Он был рассказан Мартину де Моруа, который в 1583 году изучал культуру кечуа.

МИФОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И МЕКСИКИ

Что касается восприятия Центральной Америки и Мексики как единой культурной области, я в этом вопросе признаю авторитет Эдуарда Селера, объединяющего Гватемалу, Юкатан и Мехико. Он писал: «Единство обширного района, на котором существовала древняя цивилизация, яснее всего выражено через календарь, который эти люди считали основой, альфой и омегой всех возвышенных и оккультных знаний». Согласно этой точке зрения культуры майя, тольтеков и ацтеков являются разновидностями единой культуры.

Самым художественным изложением мифологии этой культуры по праву считается книга, написанная в Гватемале на языке майя примерно в XVII веке. Она называется «Пополь-Вух». Испанская версия индейского текста была переведена на французский язык Брассером де Бурбуром, и наши знания об этой крайне любопытной книге почерпнуты именно из этого перевода. Две истории, приведенные в настоящем сборнике, взяты именно из этой книги – история сотворения мира и приключения близнецов-героев. Часть материала взята из английского перевода другой индейской книги – «Анналы», посвященной индейцам какчикелям. Остальные рассказы являются ацтекскими; они принадлежат людям, жившим там, где сейчас находится столица Мексики. Политическое и материальное могущество, которого достигли эти люди, прекрасно отражено в том впечатлении, которое их главный город – Теночтитлан произвел на летописца испанских завоеваний Бернала Диаса.

«Мы поинтересовались мнением своих солдат, которые побывали в разных странах света: в Константинополе, Италии, Риме. Они сказали, что нигде не видели так удачно спланированного, просторного и ухоженного города, где проживало так много людей».

Из ацтекских легенд самой трогательной представляется повествование о Кецалькоатле, его благодеяниях и изгнании из Толлана. Ученые придерживаются мнения, что Кецалькоатль был или божеством тольтеков, или же последним тольтекским царем и носил имя главного божества своего народа. Тогда рассказ о нем символизирует падение умеренной и просвещенной тольтекской цивилизации под натиском более воинственных племен ацтеков. Другое толкование дано Льюисом Спенсом:

«С апреля или мая до начала октября пассат с восточного берега дует над плато Анахуак, неся с собой дожди, благодатные для урожая, таким образом «очищая дорогу для богов дождя». Он движется довольно медленно. Дожди в Веракрусе начинаются на три-четыре недели раньше, чем в Пуэбле и Мехико. Однако в начале октября он неизменно видоизменяется местным муссоном. Кецалькоатль олицетворяет мягкий и спокойный пассат, который сопровождается благодатными для растительности дождями. Проводя политику мира и изобилия, он встречает противодействие в лице Тецкатлипоки, который представляет собой муссон. Как неустойчивый вихрь, преследует он своего противника «от города к городу», бросаясь на него, словно тигр, и в конце концов изгоняет из страны. Тецкатлипока также является богом ветра, иногда его называют «ветром ночи». А тот факт, что он – муссон или ураган, неопровержимо доказывается тем обстоятельством, что этот ветер, по преданиям, носится по ночным дорогам с огромной скоростью. Кстати, Хуракан – таково его имя у индейцев киче – используется для обозначения ветра и стало нарицательным для сильных ветров практически во всех европейских языках, когда это слово, без сомнения, пришло из Америки».

Когда мы рассматриваем монументальные скульптуры древних мексиканцев и их рисунки, поневоле возникает впечатление, что эта цивилизация необычайно сильно связана с землей: все фигуры словно имеют корни. На некоторых рисунках руки людей изображены в движении, но это движение больше напоминает дрожание веток дерева, и мы нигде не видим лиц, обращенных к небу. В их мифологии, как нам кажется, отсутствует абстрактная мысль. Такой прагматизм мышления выработал религию самую жестокую из всех, когда-либо связанных с земными цивилизациями. Если они ждали дождя, то старались показать ответственному за него божеству, что именно им нужно, проливая человеческую кровь. Они ежегодно приносили в жертву тысячи людей; кульминацией любой ацтекской церемонии было человеческое жертвоприношение.

Вот что можно сказать об этой религии:

«Ученые, изучающие религиозные верования, довольно часто демонстрируют нежелание более глубоко рассматривать культовые традиции мексиканцев. Это происходит не только по причине многочисленных трудностей, препятствующих полному изучению этой интереснейшей фазы человеческой веры в вечные истины, но также, вероятно, из-за «дьявольской» репутации этой религии. Никому не хочется погружаться в пучину ужасов, неразрывно с ней связанных. Эта религия явно не обладает притягательной силой. И все же, если принять во внимание неукоснительное соблюдение жрецами-священнослужителями и народом установленных обрядов, от чего не мог уклониться ни один человек и ни одно поколение, и рассматривать религию ацтеков с терпимостью и либерализмом, тот, кто проявит достаточное упорство в ее изучении, со временем будет вознагражден. Она не только изобилует ценными фактами, обогащающими наши представления о верованиях древних, но и своей потрясающей красочностью и богатством символики не может не найти путь к сердцу исследователя, одарив его волшебством открытия. Эхо священных барабанов из змеиной кожи, отразившееся от величественной пирамиды Уицилопочтли и пролетевшее над таинственным Теночтитланом, словно гром с Олимпа, покажется не менее яркой сущностью исчезнувшей веры, чем память о песнопениях Эллады. И если воспоминания о живописных, хотя и ужасных ритуалах этого талантливого, обладающего живым воображением и, несомненно, замечательного народа терзают душу, разве они не вызывают у нас сознание беспомощности человека перед богами, которое провозглашают примитивные религии, и поддерживает разум?»

МИФОЛОГИЯ ЗУНИ

Индейцы, живущие в индейских поселках, называемых пуэбло, главными представителями которых являются зуни, принадлежат к той стадии культуры, из которой вышли великие цивилизации Средней и Южной Америки. Приведенная в настоящем сборнике история взята из книги «Мифотворчество зуни» Кушинга, опубликованной в виде доклада американского бюро этнологии в 1896 году. Цитируемые далее замечания Кушинга о верованиях зуни явились следствием наблюдений, проведенных им в период между 1879 и 1881 годами.

«Вера зуни <...> это капля масла в воде, окруженная и открытая для прикосновений со всех сторон, но в нее нигде не проникли и не изменили ее чужие верования, которых вокруг немало. <...> В то же время случайный посетитель зуни, видя, но не будучи способным проанализировать указанные выше знаки, был бы приведен другими, более заметными знаками к иному выводу, вероятнее всего, противоположному. Он бы увидел лошадей, скот, ослов и коз, не говоря уже о свиньях и цыплятах. Он бы увидел персиковые сады и пшеничные поля, телеги (а сегодня и оружие), всевозможные металлические инструменты. Он бы увидел индейских серебряных дел мастеров, раздувающих свои примитивные мехи и использующих нехитрые инструменты из железа и камня для превращения серебряных монет в блестящие пуговицы, рельефные украшения, бусы и браслеты, которые носит каждый обеспеченный зуни. Он бы увидел изношенную, особенно у мужчин, одежду из яркого миткала и других продуктов ткачества. Не приходится сомневаться, что зуни на протяжении своей истории сталкивались с благородными францисканскими монахами и их куда более тяжелыми на руку и менее благородными испанскими спутниками. Но они смогли выжить, приспособиться к новым внешним условиям и уберечься от судьбы, постигшей несколько десятков менее стойких индейских племен, истребленных воинственными и хорошо вооруженными племенами навахо и апачей. Свой вклад в сохранение народа зуни внесли и первые отцы-миссионеры».

Я назвал свой сборник «Орфей» – по имени менестреля, который, как писал Аполлоний Родосский в «Аргонавтике», «пел о том, что земля, небо и море, прежде сплоченные между собой в едином образе, разделились под действием лютой вражды на отдельные существа, и о том, что навеки незаблемый предел имеют в эфире звезды, луна и пути солнца. И как выросли горы и родились шумящие реки, с нимфами вместе и всеми зверями лесными».

Патрик Колум

ЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Осирис и Исида. Ра, его нисхождение и восхождение

ОСИРИС И ИСИДА

Когда царствовал Осирис, смерти не было на земле. Мужчины не держали в руках оружие, не было войн. Во всех концах земли звучала музыка; мужчины и женщины говорили настолько благозвучно, и глубина их чувств была так велика, что из уст их выходили только стихи и песни.

Осирис учил людей мудрости и различным искусствам. Именно он первым посадил в землю виноградную лозу; он показал людям, когда и как сеять зерно, как растить фруктовые деревья и ухаживать за ними; как выращивать цветы и радоваться им. Осирис создал для людей такие законы, по которым они могли жить в полной гармонии друг с другом; он дал им знания о богах и показал, как их следует чествовать.

Он дал им знания о богах: вначале был бесформенный хаос – Нун. Из Нуна появился Ра – солнце. Ра был первым божеством. Ра создал формы всего сущего. От его мысли произошли Шу и Тефнут – верхний и нижний воздух. От Шу и Тефнут произошли Геб и Нут – земля и небо. Земля и небо были отделены друг от друга, но некогда они были едины. Из ока Ра, из сущности того, что было в нем, вышли первый мужчина и первая женщина.

И от Геба, отца, и Нут, матери, родился Осирис. Когда он появился на свет, в мире зазвучал голос, который провозгласил, что родился повелитель всего сущего.

Вместе с Осирисом родилась Исида, его сестра. Затем родился Тот, бог мудрости. Потом родилась Нефтида. Последним был рожден Сет неистовый. Он проделал дыру в утробе своей матери. Осирис и Исида полюбили друг друга, стали мужем и женой и вместе правили миром. Мудрый Тот был с ними, он учил людей искусствам счета и письма. Нефтида пошла за Сетом и стала его женой, а жилище Сета было в пустыне.

Сет, пребывая в пустыне, затаил злобу против Осириса, потому что везде на земле росли зеленые растения, которые он ненавидел, – виноград, зерновые культуры, цветы. Много раз Сет пытался уничтожить своего брата Осириса, но всегда его планы разрушала бдительная Исида. Однажды он измерил тело Осириса – снял мерки с его тени – и сделал сундук в точности по этим размерам.

Вскоре, как раз перед началом засушливого сезона, Сет устроил празднество, на которое пригласил всех детей неба и земли. На праздник пришел Тот, мудрейший, Нефтида, супруга Сета, сам Сет, Исида и Осирис. С того места, где они сидели, им было хорошо виден сундук, сделанный Сетом из восхитительно благоухающих сортов дерева. Всем понравился сундук. Тогда Сет, как будто вовлекая гостей в игру, объявил, что подарит сундук тому, кто ляжет в сундук, и окажется, что он сделан как раз по размерам его тела. Дети Геба и Нут по очереди подходили и ложились в сундук, который сделал Сет. Сет подошел и лег в него, Нефтида подошла и легла в него, Тот подошел и лег в него. Для всех он оказался слишком длинным; все, укладываясь в сундук, обнаруживали, что остается еще много места в изголовье или в ногах.

Тогда Осирис снял с головы корону и лег в сундук. Тот идеально подходил к размерам его тела и в длину, и в ширину. Исида, Нефтида и Тот стояли рядом с сундуком и смотрели сверху вниз на лежащего в нем Осириса, на его великолепное лицо и совершенную фигуру. Они поздравили его с приобретением роскошного сундука, который сделал Сет. Сета рядом с ними не оказалось. Вдруг раздался его крик, и его помощники числом семьдесят два ворвались в зал, где происходило празднество. Они накрыли сундук тяжелой крышкой, они вбили в нее гвозди, они залили ее вокруг расплавленным свинцом. Ни Исида, ни Тот, ни Нефтида не могли прорваться сквозь кольцо, образованное вокруг сундука помощниками Сета. И те, забив крышку гвоздями и запечатав свинцом, взяли сундук и, под предводительством Сета, вышли из зала.

Исида, Нефтида и Тот побежали за теми, кто нес сундук. Но только ночь была темна, и трое детей Геба и Нут потеряли друг друга, а также Сета с его приспешниками. Последние отнесли сундук на берег реки и бросили в воду. Исида, Тот и Нефтида, идя по следам, оставленным помощниками Сета, вышли на берег реки в самый разгар дня, но к этому времени течение уже унесло сундук в море.

Исида пошла по берегу реки, причитая по Осирису. Она подошла к морю и пересекла его, но только она не знала, куда идти и где искать тело Осириса. Она бродила по миру, и, где бы она ни появлялась, толпы детей следовали за ней и помогали в ее поисках.

Сундук, в котором было тело Осириса, вынесло в море. Потом течение прибило его к берегу. На нем была полянка в чаще молодых деревьев, и на нее волны выбросили сундук. Растущее дерево подняло его. Ветви дерева обвили его. Кора дерева обернула его. И выросло дерево, внутри которого поместился сундук.

Земля, где этого произошло, называлась Библ. Царь и царица города, Мелькарт и Астарта, услышали о чудесном дереве, ветви и кора которого испускали чудесный аромат. Царь велел срубить дерево, его ветви обрубил, а из ствола сделали колонну для царского дворца. Исида, пришедшая в Библ, узнала о чудесном дереве, росшем у моря. О нем ей рассказали дети, как всегда прибежавшие к ней. Она пришла на указанное место, обнаружила, что дерево срублено, а из ствола сделана колонна для царского дворца.

Узнав о чудесном аромате, распространявшемся от ветвей и ствола дерева, Исида поняла, что сундук, который она ищет, находится внутри ствола. Она долго оставалась там, где было дерево. Многие пришедшие на то же место видели царственную фигуру, день и ночь стоявшую возле того места, где росло чудесное дерево. Но ни с кем, кто осмеливался приблизиться, она не разговаривала. Тогда царица, услышав о незнакомке, сама пришла к ней. Когда она остановилась поблизости, Исида возложила руку на ее голову, и аромат, исходивший от богини, наполнил тело царицы.

Царица захотела, чтобы незнакомка пошла с ней во дворец. Исида согласилась. Она нянчила ребенка царицы, пребывая в том самом зале, где стояла колонна, заключавшая в себе сундук....

Она кормила ребенка царицы, положив ему в рот свой палец. А ночью она обламывала ветви с колонны, которая росла, словно дерево, и бросала их в огонь, и в этот огонь укладывала ребенка царицы. Огонь не причинял ему никакого вреда, он горел, мягко обволакивая малыша. А Исида, обернувшись ласточкой, летала вокруг колонны и причитала.

Однажды ночью царица вошла в зал, где находилось ее дитя. Она не увидела нигде его няни; зато она увидела своего малыша, лежащего в огне. Она выхватила младенца из пламени и закричала. Тогда Исида заговорила с царицей. Ее голос раздался с колонны, на которой она сидела, обернувшись ласточкой. Она сказала царице, что, если бы ее дитя пролежало в пламени из веток с колонны ту ночь и еще одну ночь, оно обрело бы бессмертие. Теперь же ребенок будет жить долго, но останется смертным. Она открыла царице свою божественную сущность и сказала, что колонна сделана из ствола чудесного дерева.

Царь приказал повалить колонну; ее разрубили, и взорам собравшихся предстал сундук, который Исида так долго и безуспешно искала по свету. Исида завернула сундук в ткань, и его унесли из царского дворца. Ей был дан корабль, и на нем Исида, ни на мгновение не

отходившая от сундука, поплыла в Египет.

Прибыв в Египет, она открыла сундук и вынула тело своего супруга и господина. Онадохнула ему в рот и мановением крыльев (ведь Исида была богиней и, следовательно, могла, по желанию, обзаводиться крыльями) вернула жизнь Осирису. И там, вдали от людей и всех остальных детей Геба и Нут, Осирис и Исида стали жить вместе.

Но однажды Сет, охотившийся при лунном свете на газелей, застал Осириса и Исиду спящими. В ярости набросился он на своего брата; он разорвал его тело на четырнадцать частей. После этого, взяв куски, раньше бывшие телом Осириса, разбросал их по всей земле.

Смерть пришла в мир с тех самых пор, как Осирис, благодаря коварству Сета, был заключен в сундук; войны пришли в мир, мужчины взяли в руки оружие. Больше не звучала музыка, а речи мужчин и женщин перестали быть благозвучными и исходить из глубин их сердец. Меньше стали плодоносить злаки, плодовые деревья и виноград. Зеленые леса и луга на земле уступили место пустыням. Сет торжествовал: Тот и Нефтида боялись его.

Вся красота и все изобилие, полученное от Ра, могли быть уничтожены, если только куски тела Осириса не будут снова собраны вместе. Итак, Исида вновь отправилась на поиски, и ее сестра Нефтида помогала ей. Исида в тростниковой лодке плыла по болотам, разыскивая части тела своего возлюбленного супруга. Одна часть, потом другая, а за ней еще одна были найдены. В конце концов она нашла все четырнадцать частей разорванного тела. На плавучем острове она сложила все куски вместе и придала им форму тела. И когда тело Осириса снова стало единым, войны на земле прекратились, наступил мир, зерно и виноград и фруктовые деревья снова стали плодоносить.

И услышала Исида голос, который сказал, что Осирис снова жив, но пребывает он в подземном мире, где стал Судией мертвых, и что благодаря справедливости, которой он неуклонно следовал, мужчины и женщины обрели жизнь бессмертную. И у Исиды родилось дитя Осириса, и нарекли его Гор. Нефтида и мудрый Тот воспитывали его на плавучем острове, где он родился. Гор вырос и выступил против власти злобного Сета. В битве он победил и в оковах привел Сета, убийцу своего отца, к Исиде, своей матери. Исида не стала убивать Сета; он все еще живет, но больше не является одним из главных божеств, а его злая сила не столь велика, как в те времена, когда еще не подрос Гор, отомстивший за отца.

РА, ЕГО НИСХОЖДЕНИЕ И ВОСХОЖДЕНИЕ

Жили-были два брата, каждый из которых обладал могучей силой: первого брата звали Эдфу, а второго – Нефер-Ка. Эдфу был воином, и его сила заключалась в его руках, а Нефер-Ка был книжником, он знал заклинания, записанные в книге Тота, бога мудрости, письма и счета. Но вот два брата пришли в дом своего отца, и им стало ясно, как это уже было ясно их отцу, что смерть уже стоит на пороге старого человека.

Итак, их отец послал к книжникам за книгой, где описаны путешествие и испытания души, которые ей предстоят после смерти, он не мог обрести покоя, пока не возьмет эту книгу в руки, пока еще жив. Поэтому он призвал своих сыновей, чтобы они охраняли его от злых духов, которые могли явиться к нему и отобрать силу рук и зоркость глаз, прежде чем он возьмет в свои руки книгу и заглянет в нее собственными глазами – в книгу, которая называлась Книгой мертвых.

Оба сына поклялись, что будут сдерживать злых духов, при этом один подумал о силе, заключенной в его руках, а другой – о силе, заключенной в знании известных ему заклинаний. Быстроногие посланцы устремились к книжникам, чтобы возвратиться с утренней зарей.

Итак, Эдфу пошел и встал на восточной стороне дома, он весь подобрался, словно пантера, изготовившаяся к прыжку. А его брат Нефер-Ка пошел и встал на западной стороне дома, напряженно-внимательный, словно ястреб Гора.

Это был час, когда Ра, бог солнца, спускается вниз в подземный мир. И воин, следя за этим спуском, думал о мести Ра, и то, что он думал, приводило Эдфу в волнение и не давало ему покоя.

Воин так рассуждал: сейчас над Ра люди смеются и говорят: «Ра правил нами сотни лет, он стал старым и дряхлым, его кости как серебро, а его плоть – как золото. Кто такой Ра сейчас, чтобы считаться нашим хозяином?»

А в это время Ра, слушая такие разговоры людей, думал: «Эти люди, которые сейчас насмеяются надо мной, убегут в горы и пустыни, стоит мне наслать на них мою дочь Сехмет». И воин, наблюдая за востоком, вспомнил, как выглядит Сехмет.

Она имела голову львицы и тело женщины. По приказу отца она выступила против людей, и ее голос звучал страшно. Она наполнила реки, вместо воды, кровью человеческой. И воин, вглядываясь в ночь, представлял людей, убегающих от львиноголовой богини, как от армии фараона. Они не могли найти убежища в ни горах – горы не прятали их, ни в пустынях – пустыни не укрывали их. Сехмет убивала и убивала, и ее голос грохотал, словно львиный рык. Те, к кому она не подошла достаточно близко, чтобы убить, были охвачены паникой. Так Сехмет прошла по землям египетским.

Воин представил себе, что случилось после. Ра сжалился над людьми и пожелал спасти их от ярости Сехмет. Но даже Ра не мог уберечь людей от львиноголовой богини. Она должна была сама перестать убивать. Ра задумался, как этого добиться. В конце концов он велел Тоту, который был его советником, созвать всех посланцев, быстрых, словно гроззовые тучи. Тот выполнил приказ, и посланцы предстали перед великим Ра.

Он сказал посланцам:

– Отправляйтесь на Элефантину; и поспешите; принесите мне растение, которое вызывает сон, а именно мандрагору^[3]. Будьте быстроногими, поскольку то, что должно быть сделано, должно быть сделано до рассвета.

Посланцы побежали быстро, словно гроззовые тучи. Они прибыли на Элефантину; они взяли растение, которое вызывает сон, а именно мандрагору. Алым был плод, и сок его был цвета человеческой крови. Посланцы доставили плод к трону Ра.

Тогда боги и богини, даже Шу, чье место было в верхнем воздухе, и Геб, и Нут, и Нун, от которых произошел сам Ра, даже эти великие боги растолкли ячмень и сделали пиво. Семь тысяч мер пива сделали боги. Они готовили его в большой спешке, потому что рассвет был близок; с пивом они смешали сок мандрагоры. Ра увидел, что смесь похожа на человеческую кровь, и сказал:

– Этим пивом я спасу человечество.

Боги взяли семь тысяч мер пива и на исходе ночи принесли туда, где мужчины и женщины были убиты Сехмет, львиноголовой богиней. Они полили пивом поля, его цвет был как кровь.

А потом явилась Сехмет, готовая убивать. Она шла и смотрела то в одну сторону, то в другую – выискивала добычу. Ни одного живого существа не заметила она. Поля были залиты пивом, которое было цветом похоже на человеческую кровь. Сехмет рассмеялась. Ее смех был похож на рычание львицы. Сехмет подумала, что именно она пролила всю эту кровь. Она остановилась, увидела свое отражение в луже крови и рассмеялась снова. Она остановилась и выпила пиво, думая, что пьет кровь. Она еще много раз останавливалась и пила снова и снова. Но больше она не смеялась, потому что сок растения, вызывающего сон, уже овладел ее мозгом. Она больше не могла убивать. И она пошла, когда Ра позвал ее. Он сказал:

– Приди, дочь моя, приди, моя хорошая, приди и отдохни.

Львиноголовая богиня легла отдохнуть, и человечество было спасено от истребления.

Эдфу, воин, смотрел на восток, и – что это? Он увидел, как по небу разлилось красное сияние, похожее на красное пиво, которое покрывало поля, когда Сехмет, львиноголовая богиня, увидела в нем свое отражение. И Эдфу стоял подобранный, словно изготовившаяся к прыжку пантера, готовый отразить нападки любого злого духа, который может попытаться войти в дом его отца с недобрыми намерениями.

А на западной стороне дома стоял книжник Нефер-Ка; его губы были готовы произнести заклинания, которые он хорошо изучил. Он вел наблюдение с момента захода солнца, то есть с момента ежедневной смерти Ра.

А Ра, уже мертвый, лежал в барке, которая называлась Семектет, лодке, имевшей длину семьсот и еще семьдесят локтей. Нефер-Ка, книжник, знал, какое путешествие предстоит совершить Ра. Мысленно он следил за его передвижением по подземному миру.

Вот барка Семектет, в которой возлежит мертвый Ра, следует через царство мертвых. Двенадцать богинь ночи занимают свое место в лодке, чтобы охранять Ра. Вместе с ними Упуаут – привратник, открывающий ворота. С ними и Исида, супруга Осириса – та, которой ведомы самые сильные заклинания.

Медленно движется барка Ра, следуя через царство мертвых. Каждая его область, которых числом двенадцать, имеет большие ворота. Страж каждого часа произносит имя, при этом ворота открываются, и лодка, в которой возлежит мертвый Ра, проходит через них. И когда богиня первого часа уступает место богине второго часа, и когда богиня второго часа уступает место богине третьего часа, лодка Ра, называемая Семектет, попадает туда, где царствует Осирис.

Затем, думая о том, что происходит во время третьего часа в третьей части царства, книжник Нефер-Ка взглянул в небо, и что же он увидел? Небо было покрыто вечными звездами, которые являются душами тех, кого оправдал Осирис.

В царстве Аментет правит Осирис, Осирис – бог мертвых. Все умершие предстают перед его троном на суд. Их сердца кладутся на весы, на другой чаше которых – перо правды. Трон Осириса стоит у стремительного ручья, из вод которого поднимается одинокий цветок лотоса. На цветке стоят четверо детей Гора, сына Осириса, их лица повернуты к Осирису. Первый имеет лицо человека, второй имеет лицо обезьяны, третий имеет лицо шакала, четвертый имеет лицо птицы. Сердце умершего человека кладется на весы, на другой чаше которых – перо правды. Если сердце человекаотягощено злодеяниями, оно перевешивает и тянет чашу весов вниз. Если же человек чист, сердце поднимается, а перо опускается. Тогда Тот, бог письма и счета, берет сердце и снова вкладывает его в грудь человека; Гор берет человека за руку. Все это книжник Нефер-Ка видел так же ясно, как если бы это происходило в его присутствии, потому что он прочитал об этом в книге, называемой Книгой мертвых.

Богиня третьего часа уступает место богине четвертого часа, и барка, в которой лежит Ра, прибывает к следующим воротам. Произносится имя стража ворот, ворота открываются, и барка попадает внутрь следующей области. Эта область – пустыня. Четвертый час истекает, наступает пятый час. Богиня пятого часа произносит имя, и барка, называемая Семектет, входит в пятую область подземного мира.

Охраняют эту область существа, чьи тела – это тела львов, а лица – лица людей; они взрывают песок когтями, которые есть когти орлов. Свирепый Сокар правит в этом царстве. Он и сам стоит здесь же, он, имеющий голову сокола и тело человека.

Богиню пятого часа сменяет богиня шестого часа. Она произносит имя, и ворота распахиваются настезь. И тогда барка входит в царство, имя которому – Бездна вод. Это шестая область царства мертвых.

Думая об этом, книжник понимал, что истекает шестой час. Смотри! Теперь утренняя звезда, которая ведет барку Ра дальше, появилась на небесах. Именно этот, шестой час – самый тяжелый для людей. Ведь в Бездне вод пребывает страшный змей Апоп, который обвивает мир своими кольцами и терпеливо ждет, чтобы уничтожить Ра – дарителя света и жизни, и погрузить мир в непроглядный мрак. Когда барка Ра движется по шестой области подземного мира, те, кто в лодке, внимательно следят за берегами и видят там силуэты богов и богинь. Боги громко кричат, когда барка с безжизненным Ра проплывает мимо; их голоса, громкие, как рев быков, пролетев над мрачной бездной, кажутся не громче, чем жужжание пчел. Чудище Апоп шипит и ревет, он хочет разорвать свои оковы. Но теперь место рядом с Ра занимает Исида. Ее чары побеждают, и монстр теряет силу. Барка плывет дальше мимо обширной песчаной отмели, где Апоп отчаянно пытается освободиться.

В седьмой час лодка проплывает по области тьмы и холода. Здесь владычествует Хепри, обновитель. Здесь можно видеть огромную свившуюся кольцами змею с пятью головами, а внутри ее колец – Хепри. Обернувшись скарабеем, он летит в лодку Ра; он ждет времени, когда сможет вернуть ему жизнь. Дальше плывет лодка; богиню седьмого часа сменяет богиня восьмого часа. И барка входит в область, где находятся гробницы богов. Гробницы стоят у реки; они представляют собой высокие песчаные курганы; на каждом конце каждой гробницы голова человека наблюдает за движением лодки Ра. И гигантский лев появляется из темноты.

Восьмой час проходит; за ним проходит девятый час и десятый, и барка Ра входит в одиннадцатую область.

Книжник Нефер-Ка вспомнил, что он знает об этой области. Ее опасаются те, кто отвергнут Осирисом. Рядом находятся огненные ямы. Огнедышащие богини держат в руках сверкающие мечи огня. Книжник поднял голову и увидел в небе то, что казалось отражением огненных ям.

Богиня одиннадцатого часа уступает место богине двенадцатого часа. Произносится могущественное имя, и открываются последние ворота. Теперь Хепри соединяется с Ра и возвращает ему жизнь. Между бирюзовыми столбами появляется барка Ра. И где проплывает барка, раскинулся великий остров, на котором отдыхают боги. Там находится Древо жизни, растущее между океаном и небом, между верхним и нижним миром. Его плоды позволяют богам и душам людей, оправданных Осирисом, оставаться вечно молодыми; прошлое, так же как и будущее, начертано на его листьях. И когда барка подходит к нему, а в ней стоит оживший Ра, боги сбегаются, словно собаки, к его ногам и приветствуют его.

Обновленное солнце снова показывается людям. Книжник Нефер-Ка протягивает руки к яркому диску и поет свое приветствие великому Ра:

Он повелел, и родились боги.

Люди вышли из его очей, а боги изо рта.

Это он создал траву для скота и фруктовые деревья для людей;

это он создал реки для рыб и небеса для птиц.

Это он вдохнул жизнь в яйцо, и дал пищу сыну червя, и сотворил многообразие насекомых.

Это он дал пищу мышам в норах и птицам на каждом дереве.

Ради любви к нему течет Нил; почитаемый и обожаемый, когда он встает, люди начинают жить.

И этот главный из богов открывает свое сердце тому, кто в нем нуждается.

Он защищает боязливого человека от нападающего.

Поэтому его любят и почитают все живущие в небе, на земле и в глубинах моря.

Боги склоняются перед его величием и превозносят их творца.

Они радуются при виде его, того, кто является их отцом.

Будь славен, говорят дикие звери. Будь славен, говорит пустыня.

Твоя красота покоряет мир.

В лучах восходящего солнца книжник Нефер-Ка увидел посланцев, приближающихся к дому его отца, один из них нес в руке книгу, где описано путешествие и испытания, которые ожидают умершего. И вот его брат Эдфу говорит, что в руках еще живого отца хватило силы, чтобы взять книгу, а в глазах осталось достаточно зоркости, чтобы прочитать, что в ней написано.

ВАВИЛОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Начало. Гильгамеш. Рассказ об Утнапишти и потопе, который уничтожил все, что было на земле. Сошествие Иштар в подземный мир

НАЧАЛО

Вначале были Апсу – первозданность и Тиамат – хаос. Больше не было никого. Воды не были разделены; они и земля были перемешаны, и не было тверди, на которой могло бы что-то произрастать. Тогда не было имен и названий, судьбы не были predetermined.

Затем появились боги: Лахму и Лахаму. Шли века. Появились и другие боги: Аншар и Кишар. Шли века. Появились Эйа, Ану и Бел.

Боги думали, как можно разделить воды, отделить землю от воды, дать имена и predetermined судьбы. И пока боги размышляли об этих вещах, царство Тиамат, матери всех, стало для нее мало. Она затаила ненависть к богам. Вместе с Апсу она решила уничтожить тех, кого родила.

Взгляните! Тиамат вызвала к жизни ужасных древних чудовищ, она породила монстров, неведомых ранее. Она приготовилась уничтожить богов. Боги почувствовали, что их царство пошатнулось, и испугались.

Тогда Анштар разомкнул уста и заговорил со своим сыном Ану. Он сказал Ану:

– Иди и умиротвори Тиамат, чтобы боги не были уничтожены той, которая их родила.

Ану пошел и увидел ужасных чудовищ, порожденных Тиамат. Они заставили его сердце содрогнуться, и он повернул обратно в жилище богов. Их сердца тоже наполнились страхом, когда они увидели выражение лица Ану.

Тогда Эйа был послан умиротворить Тиамат. Он увидел вызванных ею к жизни ужасных древних чудовищ. У них были острые зубы и страшные клыки; они несли не знающее пощады оружие. Эйа испугался и повернул обратно в жилище богов. Те взглянули на выражение его лица и тоже почувствовали страх. Менее значительные боги стали громко плакать, вопрошая:

– Что изменилось и почему она затаила ненависть к нам? Мы не можем понять злую волю Тиамат.

Тогда Мардук, подчиняясь зову сердца, встал среди богов. Он открыл уста и заговорил:

– И вот я, Мардук, стану победителем среди богов, если только вы на своем совете решите следующее: что бы я ни сделал, останется неизменным, что бы мои уста ни произнесли, никогда не будет изменено или признано бесполезным.

И боги сказали:

– Ты будешь главнейшим среди великих богов; пусть станут законом твои слова. Неоспоримыми будут твои приказы, никто из богов не станет нарушать твои законы! О, Мардук, ты – победитель.

Они приготовили для него роскошное жилище, они даровали ему скипетр, трон и перстень. Боги дали победителю оружие: лук и копье. Они вложили в его правую руку дубину, и он взял ее; они повесили ему на бок колчан. Он сам приготовил огромную сеть, чтобы поймать монстров, порожденных Тиамат, и ужасных древних чудовищ, которых она пробудила к жизни.

Тиамат была в ярости; она была полна гнева против богов. Она сделала своих чудовищ ужасными и величественными, их увенчанные гребнями головы были высоко подняты. Она дала им непобедимое оружие. Их тела, вместо крови, были наполнены ядом. Жилища богов содрогнулись, когда она дала своим воинам боевой сигнал: Тиамат произнесла заклинание, поднявшее их на битву.

Тогда Мардук поднялся в свою колесницу. В руках он держал гром и молнию. Боги взирали на него и знали, что никто не мог бы вызвать больший ужас, чем он. Он запряг четверых своих коней и впряг их в колесницу. Свирепыми, смелыми и быстроногими были кони Мардука; более того, они были научены атаковать врагов. Они шелкнули зубами, и их туловища покрылись пеной. Итак, Мардук двинулся вперед, и семь созданных им ветров летели следом. Это были Шторм и Ураган, Смерч, Четырехкратный ветер, Семикратный ветер, Ветер, не имеющий равных, и ветер, называемый Злым. Боги следовали за Мардуком.

Теперь, когда Мардук приблизился к месту обитания Тиамат, движение ее орды остановилось. Монстры были испуганы появлением Мардука. Но Тиамат бросилась вперед; она испускала злобные крики; не склоняя головы, она бросала богам обидные упрёки. Все сущее содрогнулось.

Мардук выпустил Злой ветер. Рот Тиамат был открыт, ветер влетел в него и наполнил ее живот. Она упала и больше не могла выкрикивать боевые приказы монстрам. Мардук пронзил копьем сердце Тиамат. Он наступил на ее распростертое тело. Затем он раскинул вокруг свою сеть и поймал в нее чудовищ. Весь мир наполнился их криками.

Он растоптал Тиамат, и она, мать всего сущего, стала похожа на сломанный тростник. Дубиной он разбил ее череп. Он прорезал отверстия, чтобы из нее вытекла кровь, и приказал ветрам унести ее кровь прочь в тайные места.

Как человек разделяет свежую рыбу, так и Мардук разделал тело Тиамат. Он установил одну половину ее тела наверху и создал небеса; он предусмотрел засовы, чтобы влага, которая наверху, не лилась беспрепятственно вниз; и еще он поставил дозорного, чтобы следил за засовами. Из другой половины тела Тиамат он создал землю. Он поделил все, что было создано, между Ану, Белом и Эйа – небеса, землю и преисподнюю. Он поставил звезды на свои места, создал год и разделил его на части. Он заставил бога-луну светить и отдал ему ночь в качестве его доли.

После этого Мардук разработал план. Он разомкнул уста и заговорил с Ану, Белом и Эйа. Он сказал:

– Я возьму мою кровь и придам форму кости; я создам человека, который заселит землю и всегда будет служить богам.

Так сказал Мардук, и человек стал жить на земле.

ГИЛЬГАМЕШ

В храм, где жила его мать, пришел Гильгамеш. Когда она, взглянув на выражение его лица, поняла, что он собирается отправиться в какое-то опасное путешествие или сотворить некое ужасное деяние, то обратилась к богу солнца Шамашу и спросила, почему он дал ее сыну сердце, которое никогда не знает покоя. Гильгамеш, услышав ее крик, сказал:

– Спокойно, женщина. Я – Гильгамеш, и я должен все увидеть, все узнать и все понять.

Тогда мать сказала ему:

– Эти твои желания и стремления происходят оттого, что ты не весь смертен. На две трети ты бог и только на одну треть человек. Именно божественная плоть заставляет тебя быть отважным и беспокойным. Но, увы, мой сын, тебе все же предстоит умереть. Ты не бессмертен. И ты умрешь, потому что часть тебя – плоть человеческая. Да, Гильгамеш, ты умрешь и уйдешь вниз в дом пыли.

И Гильгамеш, услышав слова своей матери, застонал громко, ужасно; слезы хлынули по его щекам, никакие слова не могли его успокоить. Он стонал, он рыдал, не обращая внимания на то, что во дворе храма женщины пели:

Кто же красив среди героев,
Кто же горд среди мужей?
И одна другой отвечала:
Гильгамеш красив среди героев,
Гильгамеш горд среди мужей.

Через некоторое время он встал и спросил:

– О, Нинсун, о, моя мать, что значит умереть?

И Нинсун, его мать, ответила. Она сказала:

– Это значит уйти в обитель мрака, откуда еще никто никогда не возвращался; это значит уйти в темную бездну ужасной богини Иркаллы. Те, кто там обитают, никогда не видят света; для живущих там существ «пища – прах, и еда их – глина».

Гильгамеш жил в Уруке, был там царем и правил людьми. Работы, которые он выполнял в Уруке, были громадными, превосходящими возможности людей. Он строил стены вокруг города, которые были в толщину больше ста локтей. Он возводил башни, которые были выше всех, построенных человеком раньше. Он строил великолепные корабли, которые уходили в далекие моря. Все это Гильгамеш делал, потому что имел беспокойное сердце. Но люди Урука стонали, поскольку работы, которые их вынуждали выполнять, были для них непосильными. Они роптали и возносили молитвы богам.

Боги услышали молитвы людей Урука. Они сказали на совете богов:

– Гильгамеш заставляет людей работать свыше их сил. Жизнь уходит из их тел, они больше не могут приносить жертвы богам. Он возлагает на них столько работ, потому что только один в мире обладает могуществом. Но если мы создадим кого-то, кто будет могущественнее, Гильгамеш будет смущен, увидев его, и больше не будет думать, что он господин мира. Тогда он не станет занимать людей работами, не давая им ни минуты отдыха.

Боги призвали богиню Аруру. И Аруру придумала, как создать существо более могущественное, чем Гильгамеш. После этого она вымыла руки, взяла глину и замесила ее со своей слюной. И так Аруру создала существо, живого мужчину, похожего на бога Ану. Его тело было покрыто шерстью, и казалось, что он одет в листья. Боги назвали его Энкиду, и ему отдали для жизни самые дикие места на земле.

И Энкиду, обладавший могучим телосложением и непобедимой силой, жил в отведенных ему диких местах. Гильгамеш проходил через земли, где жил Энкиду, но не видел его. Гильгамеш шел через его земли, чтобы воевать с Хумбабой, который жил в стране кедровых лесов. Те, кто были с ним, испытали благоговейный страх, увидев растущие очень близко друг к другу величественные кедры. Солдаты Гильгамеша были измучены долгим путешествием и владевшим ими страхом, они молили богов освободить их от царя, сердце которого не знает покоя. Они подошли к Хумбабе, чей голос был похож на рев бури, чье дыхание было как порыв ветра. Солдаты Гильгамеша вступили в сражение с армиями Хумбабы, и Гильгамеш сам бился с Хумбабой и убил его собственными руками. А потом Гильгамеш и его армия прошли по стране, где обитал Энкиду, но его они не встретили. А Энкиду пил воду, которую пили дикие звери, ел травы, служившие пищей газелям. Он дружил с животными и никогда не видел человеческого лица.

Когда же Гильгамеш, победив Хумбабу, вернулся в свой город Урук, он услышал, как женщины во дворце поют:

Кто же красив среди героев,
Кто же горд среди мужей?
И одна другой отвечала:
Гильгамеш красив среди героев,
Гильгамеш горд среди мужей.

Но он вспомнил, что ему было сказано о доме мрака и бездне богини Иркаллы, он застонал, и по его лицу потекли слезы.

В кедровом лесу жил охотник, молодой человек, копавший ямы и раскидывавший сети на диких животных, водившихся в горах. Однажды, ожидая найти в ямах и сетях много добычи, он отправился к ним – но что это? Ямы оказались засыпанными, а сети порванными. Добыча исчезла. Потом молодой человек пошел вверх по склону горы и, приблизившись к одной из выкопанных им ям, насторожился: в яме что-то было. Он увидел плечи и голову человека. Он проследил, как человек выбрался из ямы; на его плечах была газель, упавшая в эту яму. Но что это? Странный человек пошел туда, где невдалеке паслось небольшое стадо газелей, и они не испугались. Он опустил на землю газель, которую нес на плечах, и она присоединилась к остальным. После этого человек вернулся, наполнил яму землей и большими шагами удалился в сторону леса. Охотник увидел, что человек обнажен и его тело покрыто шерстью, а волосы на голове длинные, как у женщины. Охотник испугался и предпочел удалиться. Он направился к другим ямам и обнаружил их все засыпанными землей. В них не было никакой

добычи, так же как и под сетями, которые он расставил.

Тогда охотник забеспокоился. Он спросил себя: «Что со мной станет? Я не умею обрабатывать землю, и я не знаю другого способа добыть себе пропитание, кроме охоты – моих ям и сетей. Как я смогу найти еду для себя и своих родителей?» Он плакал, когда говорил это самому себе, и, так и не найдя добычи, отправился обратно в хижину, где жил его отец.

Отец юноши услышал эти слова и задумался.

– Это некто, проявляющий дружелюбие к зверям, но не знающий людей, – сказал он. – То, что он сделал, он будет повторять снова и снова, и для нас не останется добычи в ямах или под сетями. Поэтому мы должны выжить его с этого места. Ты часто приносил животных в храм Урука для принесения в жертву Ану, Иштар и другим богам. Иди в этот город, где правит могущественный Гильгамеш, и пусть тебе дадут женщину, которая вернется с тобой. Когда тот, кто никогда не видел человеческого лица, увидит женщину и то, как она снимает с себя одежды, он будет изумлен; он подойдет к женщине, и она будет говорить с ним, и уведет его с этого места.

Молодой охотник сделал все так, как сказал его отец: он пошел в Урук, город, где правил Гильгамеш, и вошел в храм. Он заговорил с Нинсун, матерью Гильгамеша. Услышав его рассказ, мать Гильгамеша привела к нему женщину; она вложила руку женщины в руку охотника, и молодой человек повел ее из города в горы, где он впервые встретил Энкиду.

Именно тогда богиня Иштар предстала перед Гильгамешем во всей своей ужасной красе. Она сказала ему:

– Ты, Гильгамеш, станешь моим мужчиной, а я буду твоей женщиной. Ты придешь ко мне в дом, и те, кто восседают на тронах, будут целовать твои ноги. Перед тобой будут складывать дары, принесенные с гор и долин. По моему велению для тебя запрягут колесницу из золота и лазурита; ее колеса будут золотыми, а рожок украшен драгоценными камнями. В нее будут впряжены могучие лошади, они будут гордо гарцевать, и ни у кого не будет лошадей, как те, что ходят под твоим ярмом. Все это будет дано тебе, когда ты в благоухании кедра войдешь в мой дом.

И Гильгамеш ответил богине; в гневе заговорил он, обращаясь к Иштар, прекрасной и ужасной. Он сказал:

– Твои любовники погибли. Ты – жаровня, что гаснет в холод, черная дверь, что не держит ветра и бури, дворец, обвалившийся на голову герою, слон, растоптавший свою попону, смола, которой обварен носильщик, плита, не сдержавшая каменную стену, таран, предавший жителей во вражью землю, сандалия, жмущая ногу господина. Любовь твоей юности – Таммуз, даже он уничтожен; уничтожены все мужчины, с которыми ты имела дело. Существа, попадающие под твое влияние, радуются, но радоваться им приходится недолго. Благодаря тебе сломано крыло птицы, уничтожен лев, до смерти загнана лошадь. Ты говоришь, что любишь меня, Иштар. Если это так, я буду бояться так же, как боялись они.

Услышав слова, произнесенные Гильгамешем, сердце Иштар наполнилось гневом. Она покинула место, где он жил. Она замыслила против него злое деяние. Через некоторое время она создала огнедышащего быка и отправила его в Урук, чтобы уничтожить Гильгамеша и его народ.

А тем временем молодой охотник вернулся в горы, где копал ямы и расставлял сети. Он привел с собой женщину. Он посадил ее возле водоема, куда звери ходят на водопой; он попросил ее позвать к себе дикого человека, если он придет напиться вместе с животными.

После этого охотник ушел. Женщина села у водоема и начала заплетать волосы в длинные косы. Один за другим животные приходили на водопой, но, почувствовав запах человеческого существа, убежали.

В конце концов к водоему пришел Энкиду, дикий человек. Он не обладал таким острым чутьем, как животные. Он подошел к месту водопоя и наполнил ладони водой, и поднес их ко рту, и выпил воду. Женщина увидела его, его мощное телосложение, развевающиеся волосы, длинные, словно у женщины, шерсть на теле, похожую на одеяние из листьев. Она окликнула его, она заговорила, и Энкиду услышал ее голос.

Энкиду увидел женщину; она протянула к нему руки, она сняла свои одежды. Энкиду был потрясен. Он пошел к ней, и она взяла его руку и повела прочь. Он попал под чары женской красоты: он не оставит ее, но останется там, где будет она, на опушке леса. На шестой день Энкиду встал и пошел оттуда, где была она. Его сердце тосковало, он хотел увидеть диких зверей, друзьями которых был. Он пошел туда, где гуляла стайка газелей. Но газели убежали от него. Он пошел туда, где пасся дикий скот, но скот разбежался, лишь только он подошел. Он пошел туда, где были пантеры, но и пантеры убежали, лишь только он приблизился. Энкиду был ранен в самое сердце. Он закричал:

– Почему мои друзья-животные покинули меня?

Он не знал, что животные чувствуют исходящий от него запах другого человека. Куда бы он ни пошел, звери убежали от него. Тогда Энкиду почувствовал стыд; колени под ним подогнулись, и от стыда он упал в обморок.

Когда он снова встал на ноги, то снова пошел туда, где оставалась женщина, и звери продолжали от него разбегаться. Женщина ждала его; она улыбнулась ему, протянула к нему руки, сказала ластивые слова. Энкиду остался с ней, и она рассказала ему об Уруке, о храме и о Гильгамеше всемогущем. И она повела его в Урук, город Гильгамеша.

Именно тогда Гильгамеш боролся с огнедышащим быком, которого Иштар, охваченная злобой, послала против него и его народа. Многие жители города уже были уничтожены быком. Гильгамеш – даже он – не мог справиться с этим небесным созданием. Он всадил стрелу в шею быка. Но животное продолжало нападать, и Гильгамешу пришлось бежать от него.

И бык оказался на дороге, по которой шел Энкиду вместе с женщиной. Он ухватил быка за рога и держал. Тогда пришел Гильгамеш и стал наносить быку мощные удары между рогами и шеей; когда же бык хотел растоптать его, Энкиду, обладавший великой силой, оттащивал его. Гильгамеш и Энкиду снова и снова шли на быка. Долго сражались они со свирепым огнедышащим чудовищем, и в конце концов вместе они убили могучее создание Иштар.

Богиня предстала перед героями. Она прокляла их за то, что они уничтожили небесного быка. И Энкиду, не ведавший страха перед богами и перед людьми, вырвал плоть из бычьего бока и бросил ее к ногам Иштар. Богиня и все женщины причитали над плотью быка, которая была брошена им.

Но Гильгамеш созвал народ своего города. Он показал людям чудовище, которое было убито. Они посмотрели, и они ужаснулись размеру рогов, ведь это были рога, которые могли вместить шесть мер масла. Гильгамеш отнес рога быка в храм бога Лугальбанды и повесил их перед священным местом бога. Он подружился с Энкиду. И он, и Энкиду спустились к реке Евфрат, и они омыли свои тела, и они вернулись и остановились на рыночной площади. Все люди восхищались могучей статью этих двоих, Гильгамеша и Энкиду. Гильгамеш отвел Энкиду в свой дворец; он дал ему стул; и он посадил его по левую руку от себя; он дал ему пищу, пригодную для богов, и вино, пригодное для царей. Эти два могущественных человека стали друзьями и очень полюбили друг друга.

Вместе Гильгамеш и Энкиду охотились; вместе они воевали; лев и пантера пустыни падали под их стрелами. И наконец люди Урука

смогли отдохнуть от непосильных трудов, ведь Гильгамеш больше не заставлял их возводить гигантские строения, и они получили мир, ведь больше он не вел их на войну с народами далеких земель.

Пришло время, когда Энкиду затосковал о жизни в лесу. Туда он и отправился. И Гильгамеш, узнав, что его друг ушел из Урука, надел на себя грубое одеяние. Он облачился в шкуру льва, и он последовал за Энкиду. И Энкиду был рад этому, ведь он знал, что его друг, благородный Гильгамеш, не покинет его. Вместе они жили в лесу; вместе охотились и все больше и больше привязывались друг к другу.

Потом Энкиду приснился сон, ужаснувший его. Он видел во сне гром в небесах и сотрясение земли. Он видел, как перед ним появилось существо и схватило его когтями, и то были когти орла, и унесло оно его вниз в страшную бездну. Там Энкиду увидел существа, которые были царями, когда жили на земле, он увидел призрачные фигуры, приносящие жертвы богам. Он увидел в доме мрака священнослужителей, волшебников и пророков, и они там жили. Он увидел там Белит-сери, которая ведет запись всех событий на земле.

Энкиду был в ужасе; он не знал значения своего сна. И он пошел к Нинсун, и он рассказал ей свой сон. Она плакала, слушая его, но не объяснила его значения.

После этого Энкиду лег на роскошную кровать, которую дал ему его друг Гильгамеш. Он стонал, лежа на кровати. Гильгамеш подошел, чтобы его успокоить. Только Энкиду, хотя и обрадовался приходу друга, не мог выбросить из головы те страшные вещи, которые привиделись ему во сне. В течение десяти дней лежал он на кровати, и Гильгамеш находился рядом. Через два дня его болезнь стала еще более мучительной. А потом Энкиду затих, и сказала Нинсун сыну, что Энкиду умер.

Долго смотрел Гильгамеш на Энкиду, своего друга во дворце, спутника в охоте в горах и в лесу, отважного союзника в борьбе против огнедышащего быка. Долго смотрел Гильгамеш на своего друга, лежавшего неподвижно. И сказал Гильгамеш:

– Что за сон овладел тобой? Ты смотришь безучастно и меня не слышишь. Охватит ли такой же сон и Гильгамеша? Быть может, я тоже лягу и буду как Энкиду? В мою душу вошла печаль. Из-за страха смерти, явившегося ко мне, мое сердце не знает покоя. Я уйду. Я буду странствовать по другим землям.

Гильгамеш коснулся груди друга и почувствовал, что сердце его не бьется. Нежно, словно невесту, Гильгамеш укрыл Энкиду. Он отвернулся. В горе он ревел, словно лев или львица, у которой отобрали детенышей. И когда его крики стихли, его мать сказала ему:

– Чего ты желаешь, сын мой, и что может уменьшить твою горе и успокоить сердце?

И ответил Гильгамеш:

– Мое желание – избежать смерти, которая забрала Энкиду, моего друга.

Его мать сказала:

– Только один избежал смерти, это Утнапишти, твой предок.

РАССКАЗ ОБ УТНАПИШТИ И ПОТОПЕ, КОТОРЫЙ УНИЧТОЖИЛ ВСЕ, ЧТО БЫЛО НА ЗЕМЛЕ

В храме были таблички, на которых была записана история Утнапишти, о нем, получившем бессмертие от богов. На этих табличках были слова самого Утнапишти. Вот эти слова:

«Я жил в Шуриппаке, городе солнца, городе, который был очень стар, и в нем жили боги. Боги решили уничтожить человечество ветром и водой так, чтобы на земле не осталось ничего живого. Ану, отец богов, был там, когда боги обдумывали это, и Энлил, воин богов, и Энурта, посланец богов. Но боги подумали еще раз и решили оставить на земле живым одного мужчину и его семью.

Эйа явился туда, где находился я. Он крикнул мне, когда я спал; он крикнул мне выйти из дома и построить корабль; он крикнул мне бросить все мои пожитки и спасти жизнь.

Он сказал мне о размерах корабля, который я должен построить; он сказал мне о количестве зерна, которое я должен взять с собой. Он приказал, чтобы я выступил перед старейшинами и жителями города, и сказал, что Энлил затаил злобу против них и что он намерен их уничтожить. Тогда я сказал Эйа:

– Куда я должен плыть, когда построю корабль?

И он ответил:

– К богам; доверь свой корабль течению и ничего не бойся.

Я поговорил со старейшинами и жителями города. Они посмеялись надо мной. Я собрал вокруг меня слуг и начал строить корабль. Я сделал его сто и двадцать локтей в длину; я хорошо просмолил его; я снабдил его мощным рулем. И когда корабль был построен, я погрузил в него зерно и взял на борт семью. Разные звери из лесов и полей, а также птицы тоже пришли на борт. Они пришли парами. Когда все было готово, передо мной явился бог Шамаш. Он сказал мне, что вечерней порой на землю обрушатся потоки воды.

Вечером начался ливень. Я смотрел, как сгущается темнота и начинается непогода. Мною владел ужас. Я пошел туда, где была моя семья, а также пары птиц и зверей, и я тщательно запер двери; да, я закрыл девять частей, на которые разделил внутреннее помещения корабля, и предоставил корабль божьей воле.

Затем показалась черная туча, и из черной тучи и смерча громыхали боги. Звездные боги южного неба угрожающе размахивали своими факелами. Каждый проблеск света проглатывала темнота. С небес лились потоки. Воды напали на человека, словно в великой битве. Отцы больше не видели своих детей; брат больше не видел брата. Дождь лил до тех пор, пока воды не поднялись до вершин гор. Когда же они поднялись, боги сами почувствовали страх; они ушли со своих мест; они направились высоко в небеса к Ану. Богиня Иштар кричала, как женщина в родовых муках. Да, Иштар стенала, сетуя на то, что говорила о потопе в присутствии богов. Боги южного неба рыдали вместе с ней, и шесть дней и шесть ночей дождь заливал и ветер бил все, что оставалось на земле.

Но после седьмого дня бушующие потоки исчезли; смерчи и бури стихли, и вода больше не поднималась. Я посмотрел на воду; я увидел, что спокойствие снизошло. Спокойствие снизошло, но земля лежала под водой, а человечество превратилось в грязь. Я наклонился; я упал лицом вниз, и по моему лицу потекли слезы. Я взглянул в направлении всех четырех сторон света, и я увидел только открытое море. Двенадцать дней корабль плыл. Корабль остановился у горы Низира и больше не двигался.

И когда через семь дней корабль все еще стоял, я открыл отдушину, и моего лица коснулся луч света. Я выпустил голубку. Голубка вернулась, потому что не нашла места, чтобы сесть. Я выпустил ласточку. Ласточка тоже вернулась. Я выпустил ворону. Ворона не вернулась; она увидела землю, появившуюся под спадающей водой; она поела, она поклевала землю, она закаркала и больше ко мне не вернулась.

Тогда я вынес все, что было на корабле; я принес все туда, где дули четыре ветра. Я предложил жертву. Я совершил возлияние там, где стоял, на вершине горы. И там ко мне явилась богиня Иштар, она проклинала Бела за то, что он наслал потоп.

Бог Бел был в гневе, увидев, что часть человечества уцелела после потопа. Он бушевал. Он кричал:

– Никто не должен остаться в живых; ни один человек не должен быть живым среди всеобщего разрушения!

Но бог просил Бела пощадить человечество, и Бел сдался. Тогда бог Эйа пришел на корабль, он взял меня за руку и повел вперед, и мою жену повел тоже; он повернул нас лицом друг к другу и сказал опуститься на колени. Он благословил нас, сказав:

– Прежде Утнапишти и его жена были смертными; теперь пусть Утнапишти и его жена сами станут богами и обретут бессмертие».

Дочитав написанное на табличках до конца, Гильгамеш спросил:

– Как я могу пойти туда, где живет Утнапишти? Как мне найти дорогу в его жилище? Я отправлюсь к тому, кого боги сделали бессмертным, и узнаю от него, как человек может спасти себя от ухода в нижний мир Иркаллы.

Его мать сказала:

– Мы только знаем, что жилище Утнапишти находится за горой Машу, где солнце встает и садится.

После этого Гильгамеш отправился к горе Машу. У подножия на него напали львы; он убил многих львов, но другие следовали за ним почти до самой вершины горы. Когда же он подошел к вершине, он увидел ужасных стражников, охранявших место, где солнце встает и садится. Это были люди-скорпионы, и на них даже смотреть было страшно. И Гильгамеш, увидев их, сказал:

– Ах, если бы мой друг Энкиду был сейчас со мной! С его помощью я бы одолел этих стражей, от одного взгляда которых меня бросает в дрожь.

Он пошел дальше; он приблизился к ужасным стражам, и он, сам Гильгамеш, униженно склонился перед ними.

Один человек-скорпион сказал другому:

– Тела всех тех, кто приходил этим путем, мы пожираем, но что это? Тот, кто подходит к нам, – плоть богов. Мы не можем его пожрать. На две трети он бог, на одну – человек. – И голосами, от которых дрогнули камни на вершине горы, они предложили Гильгамешу пройти. И они крикнули ему, что он входит в царство тьмы и что никто и никогда еще из тьмы не возвращался.

Они еще не окончили свои речи, а Гильгамеш уже шагнул во тьму. И сразу исчезли горы и небо. Он шел, и темнота становилась все гуще и гуще, ни один смертный еще не шагнул сквозь такую тьму, как та тьма. День и ночь Гильгамеш шел вперед, он шел сквозь густую, непроницаемую тьму. Он думал, что больше никогда не увидит света. А потом он вышел туда, где был свет. Он увидел вокруг себя яркий дневной свет. Он увидел перед собой сад, наполненный разными цветами и созревающими фруктами.

Это был сад богини Сидури-Сабиту. В этом саду росло древо богов. Его охраняла богиня. Сидури-Сабиту сидела на троне у моря. Она сказала Гильгамешу:

– Кто ты, пришедший сюда с впалыми щеками и поникшей головой? «Печально сердце твое, лицо увяло, тоска в утробе твоей обитает». Никто подобный тебе не приходил в этот сад, где растет древо богов.

И она приказала слугам закрыть перед ним ворота сада. Гильгамеш положил руки на ворота. Он стал трясти их, да так сильно, что они зашатались и загремели. Он сказал богине:

– Я иду туда, где живет Утнапишти, это мой предок.

Она говорила с ним сидя на троне, а он не убирал рук с ворот. И он сказал ей:

– Я – Гильгамеш, а Энкиду, который был моим другом, стал землей. Судьба моего друга угнетает меня, и потому я отправился сюда, чтобы поговорить с моим предком Утнапишти и освободиться от страха смерти. О, Сабиту, ты, которая сидит на троне у моря и охраняет ворота, поговори со мной, покажи мне дорогу туда, где живет Утнапишти. Опиши мне ее. Если будет возможно, я пересеку море, чтобы попасть в его страну. Если пересечь море будет невозможно, я пересеку землю, даже если это будет земля, которой владеет тьма.

Тогда богиня Сидури-Сабиту, охранявшая ворота, зная, что две трети его плоти есть плоть богов, ответила Гильгамешу. Она сказала ему:

– Море, у которого я сижу и на которое ты взираешь, это воды смерти. Никто прежде не пересекал этих вод, кроме Шамаша, солнечного бога.

– Я пересеку эти воды, – сказал Гильгамеш.

И молвила Сидури-Сабиту, сидя на троне у моря:

– Воды пересекает корабельщик Уршанаби. Отыщи его, и, быть может, он перевезет тебя туда, где обитает Утнапишти.

Гильгамеш ждал у моря, пока не увидел корабельщика Уршанаби. Он вошел в его лодку. Пятьдесят дней и ночей плыли они по водам смерти, и корабельщик предупредил Гильгамеша, чтобы тот не вздумал опустить руки в воду. И вот они прибыли к земле, где Утнапишти, предок Гильгамеша, имел жилище.

Утнапишти вместе с женой подошел к кромке воды. Он увидел приближающуюся к берегу лодку Уршанаби. Удивленный тем, что в лодке Уршанаби есть кто-то еще, Утнапишти ждал на берегу.

Гильгамеш вышел из лодки, и он направился к двум фигурам, которые стояли невдалеке. Утнапишти знал своего потомка, и он приветливо заговорил с Гильгамешем.

И Гильгамеш поведал ему обо всем, что случилось с ним в мире людей; он рассказал, как отобрали у него его единственного друга Энкиду, и тот, который был словно пантера в пустыне, который помог уничтожить огнедышащего быка, стал землей.

– И я тоже должен буду однажды лечь и не вставать целую вечность? – закричал он, обращаясь к Утнапишти. И снова закричал: – Я был ужасно испуган! Я боялся смерти, и поэтому я убежал из моей страны.

И отвечив Утнапишти Гильгамешу. И сказал он:

– Никому не дано знать день своей кончины, так решила Маммиту, устроительница судеб, и никто не знает его, кроме самой Маммиты.

Пока Утнапишти говорил, Гильгамеш ел и освежался после дальней дороги. Освежившись, он растянулся в лодке, и им овладела дремота. Он уснул. Тогда Утнапишти сказал своей жене:

– Посмотри на героя, что хочет жизни! Сон дохнул на него, как мгла пустыни.

Гильгамеш спал. Шесть дней жена Утнапишти пекла хлеб и складывала у его изголовья. На седьмой день, принеся ему хлеб, она дотронулась до молодого человека, и он проснулся.

И весь день он задавал вопросы Утнапишти о возможности избежать смерти. Утнапишти поведал ему, что на дне моря, которое он пересек, и в самом центре его, находится цветок, и тот, кто съест его через девять дней после того, как он будет сорван, избежит смерти. Сказав это, Утнапишти велел корабельщику быть готовым везти Гильгамеша обратно через воды смерти.

Корабельщик приготовился; жена Утнапишти дала Гильгамешу хлеба, которого хватило бы на весь обратный путь. Когда лодка достигла середины моря, Гильгамеш привязал к ногам камни и шагнул в воду. На дне он обнаружил цветок и сорвал его. Он вернулся в лодку, и через некоторое время она пристала к берегу у подножия горы. Земля была красивой, и Гильгамеш решил там отдохнуть. Еще не пришло время съесть цветок, который он сорвал на дне моря.

Змея почуяла цветочный запах и приползла туда, где был Гильгамеш. И тут «увидел Гильгамеш водоем, чьи холодны волны», и захотел омыть свое тело. И он пошел купаться. И пока он плескался в пруду, змея съела цветок – да, она съела его целиком. И Гильгамеш остался без того, что могло помочь ему избежать смерти. Он заплакал, и к нему явился дух Энкиду и поведал ему о стране мертвых и о том, как живут те, кто туда попадает.

СОШЕСТВИЕ ИШТАР В ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Пришло время, и богиня Иштар вспомнила о друге своей юности, о Таммузе; ее сердце заставило ее отправиться вниз во владения Иркаллы, в царство тьмы, куда ушел Таммуз. Итак, облачившись в великолепные одеяния, во всей своей красе и могуществе госпожа Иштар вошла в пещеру, из которой был вход в царство Иркаллы. Она подошла к ее владениям, окруженным семью стенами, в которые вели семь ворот, месту, где мертвые пребывают в вечном неизменном мраке. Перед первыми воротами она остановилась и крикнула привратнику Неду:

– Эй, привратник, открой ворота, чтобы я могла войти!

Привратник посмотрел на нее из-за ворот; он не заговорил с ней; он не открыл ей ворота.

– Если ты не откроешь ворота, я буду биться в них, я буду трясти их и стучать, и я разрушу ворота. Да, я потревожу мертвых, которыми правит твоя госпожа! Я подниму мертвых, и они пожрут живущих, и мертвых станет на земле больше, чем живых.

Так сказала богиня, стоящая перед воротами во всем своем могуществе и великолепии.

Услышав ее повелительный голос, увидев ее могущество и великолепие, Неду, привратник царства Иркаллы, сказал:

– Великая госпожа, не круши ворота, которые я охраняю. Позволь мне пойти и сообщить твою волю нашей царице Иркалле.

И он отправился к царице. Услышав о приходе гостьи, Иркалла пришла в ярость. Она велела привратнику открыть ворота и взять у гостьи принадлежащую ей вещь, как предписывают древние законы. Привратник возвратился к первым воротам. Он положил руки на ту сторону ворот, где лежал толстый слой пыли; он открыл засов, покрытый пылью.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова и снял корону с головы Иштар.

– Почему ты снял с моей головы корону? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в первые ворота и увидела перед собой вторую стену. Склонив голову, она пошла к ней. Привратник при ее приближении открыл вторые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова, протянул руку и снял украшавшее шею Иштар ожерелье – восьмиконечную звезду.

– Почему, о привратник, ты снял с моей шеи ожерелье? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла во вторые ворота и увидела перед собой третью стену. Склонив голову и уже не излучая вокруг сияния, она пошла к ней. Привратник при ее приближении открыл третьи ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова и снял браслеты с рук Иштар, браслеты из золота и лазурита.

– Почему, о привратник, ты снял с моих рук браслеты? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в третьи ворота и увидела перед собой четвертую стену. Склонив голову и уже не излучая вокруг сияния, не блистая золотыми украшениями, она пошла к ней. Привратник открыл четвертые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова и снял с ног Иштар туфли.

– Почему, о привратник, ты снял с моих ног туфли? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в четвертые ворота и увидела перед собой пятую стену. Склонив голову и уже не излучая сияния, не блистая роскошными золотыми украшениями, пошатываясь и спотыкаясь, она пошла к ней. Привратник открыл пятые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова, протянул руки и снял с Иштар ее великолепное покрывало.

– Почему, о привратник, ты снял с меня покрывало? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в пятые ворота и увидела перед собой шестую стену. Склонив голову и уже не излучая сияния, не блистая роскошными золотыми украшениями, пошатываясь и спотыкаясь, не поражая взгляд великолепием облачения, она пошла к ней. Привратник открыл шестые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова, протянул руки и снял с Иштар ее платье.

– Почему, о привратник, ты снял с меня платье? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы.

Иштар вошла в шестые ворота и увидела перед собой седьмую стену. Склонив голову и уже не излучая сияния, не блистая роскошными золотыми украшениями, пошатываясь и спотыкаясь, не поражая взгляд великолепием облачения, лишившись одежд, она пошла к ней. Привратник открыл седьмые ворота.

– Входи, о госпожа, и да возрадуется твоему приходу царство Иркаллы; да приветствует тебя дворец, из которого нет возврата. – Он молвил эти слова, протянул руки и снял с Иштар ее набедренную повязку.

– Почему, о привратник, ты снял с меня набедренную повязку? – удивилась Иштар.

– Входи же, госпожа, таков закон Иркаллы^[4].

Обнаженная, лишенная былого великолепия, могущества и красоты, предстала Иштар перед Иркаллой. Иркалла, богиня нижнего мира, имела голову львицы и тело женщины; в руках она держала змею. Перед ней стояла Белит-сери, дева пустыни, и держала в руках таблички, на которых записывала приказы Иркаллы.

Иштар увидела мертвых, которые были там. Они жили без света, они ели глину, и пищей их был прах. Они были одеты в перья и имели крылья, словно птицы. Увидев их, Иштар очень испугалась. Она стала просить разрешения Иркаллы вернуться из дома мрака, где обитали священнослужители и их помощники, волшебники и пророки, где обитал Таммуз, друг ее юности. Но Иркалла ей сказала:

– Ты находишься в царстве, откуда нет возврата, в мире тьмы; ты находишься в доме мрака, откуда никто и никогда не выходил; ты выбрала дорогу, которая ведет только в один конец. Ты пришла в дом, где все, кто сюда входит, лишены света, где их хлеб – прах, а еда их глина, где они не видят света и живут во мраке, одетые, словно птицы, в перья. На двери и запорах лежит пыль.

Иркалла обрушилась на Иштар с бранью, она призвала Намтара, демона чумы, чтобы он ударил богиню. И Намтар подошел, и ударил ее, и чума поразила все ее члены. Иштар больше не видела света, ее тело покрылось перьями, она ела прах и глину, она стала одной из тех, кого посылала в царство Иркаллы.

Иштар осталась во владениях Иркаллы и не вернулась на землю. Миновал один сезон. Земля стала не такой, какой была, когда по ней ходила Иштар. Корова больше не склонялась перед быком, а бык больше не ревел, чтобы коровы услышали его могучий глас. Овца больше не бежала к барану, а кобыла не обращала внимания на жеребца. Козел, вожак стада, спокойно щипал траву и листья вместе с другими животными, словно в нем не было мужских и женских особей, даже птицы не перекликались весело и призывно друг с другом. Мужчина не подходил на улице к служанке, воин, возвратившись домой, не обнимал жену, да и она не шептала слова любви воину. Никто не интересовался женщинами в храме Иштар. Блудницы не зазывали мужчин. Так было на земле, пока Иштар пребывала в нижнем мире.

Шамаш, солнечный бог, встревожился. Он узнал о скорби, охватившей людей, птиц и зверей и всех живущих на земле. Поколение живых существ умрет, и на земле не останется ничего живого. Те, кто были созданы Богом, погибнут. Так подумал Шамаш и поспешил к Эя, великому богу. Тот выслушал рассказ Шамаша о том, что жизнь на земле не возобновляется, и узнал, что так происходит потому, что Иштар удерживают в нижнем мире. Тогда Эя, великий бог, слепил из глины существо – Уд-душу-намира^[5] – и повелел ему отправиться в нижний мир, во владения Иркаллы, и просить ее от имени богов дать ему живую воду, чтобы сбрызнуть ею богиню Иштар.

Итак, существо, созданное Эя, отправилось во владения Иркаллы. Над Уд-душу-намиром Иркалла была не властна. Он обратился к ней от имени богов с просьбой дать живую воду, чтобы сбрызнуть богиню Иштар. Иркалла, услышав эти слова, рассвирепела. Она открыла свою львиную пасть, ее женское тело задрожало, она прокляла Иштар и существо, стоявшее перед ней. Но существо, созданное Эя, не испугалось ее проклятий. И ей пришлось принести живую воду. Она вложила сосуд с водой в его руки и приказала Намтару привести богиню Иштар.

Иштар вышла из праха и глины; живая вода пролилась на ее тело. Она стояла перед Иркаллой живая, но бледная, бессильная, обнаженная и дрожащая.

Неду, привратник, положил руки на засов, покрытый пылью, открыл ворота, на которых лежал слой пыли. Иштар прошла через ворота. Он отдал ей набедренную повязку; она надела повязку и прикрыла свою наготу. Она пошла дальше. Привратник открыл вторые ворота. Он отдал Иштар ее платье. Он отдал ей покрывало; он отдал ей туфли для ее ног; он отдал ей браслеты из золота и лазурита; он отдал ей восьмиконечную звезду, которая украшала ее шею. Наконец, он открыл внешние ворота царства Иркаллы. Он взял золотую корону и надел на голову Иштар. И богиня вышла из владений Иркаллы. Но она не шествовала в своем величии, она не шла, излучая сияние. Она шла склонив голову. Она вернулась в мир, где был свет. Но там не было цветов и не пели птицы.

Но лишь только она появилась на земле, величие и могущество вернулось к Иштар; и она пошла дальше, как богиня – да, как настоящая богиня любви. Живые существа на земле услышали ее голос. И заревел бык, его глас услышала корова и склонилась перед ним; заржал жеребец, и к нему устремилась кобыла; возвратившийся воин обнял свою жену, и та сказала: «Ты мой мужчина, а я буду твоей женщиной»; мужчина на улице подошел к служанке. Все живые существа возрадовались; они восхваляли деяния Иштар. И боги возрадовались, зная, что созданная ими жизнь не исчезнет без следа.

ДЖАМШИД БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ

Было время, когда деяния Ангра-Майнью, воплощения зла, больше не беспокоили мир и когда боль и смерть были неизвестны людям. Это время длилось тысячу лет. Это было, когда Джемшид Блистательный восседал на золотом троне в царстве света и имел на челе своем славу, принадлежащую царям Ирана, которые снискали благосклонность Ахурамазды, благого божества.

Такими были цари и маги, правившие людьми до Джемшида. Сначала был Гайя Маретан – в его время люди жили в горах и одевались в шкуры животных. Потом был Сийамак, он жил в согласии с демоном Ангра-Майнью, и его жизнь оказалась потерянной. Затем пришел Хошанг, и Хошанг дал людям огонь и показал, как искать и использовать металлы, которые находились в земле. Также он показал им, как отводить реки, чтобы они орошали землю, как обрабатывать землю и выращивать зерно. Для них он свел в пары овец, скот и лошадей. Более того, он научил собак преследовать добычу и показал людям, как сооружать укрытия для себя из шкур зверей, добытых на охоте. И Хошанг дал людям правосудие, и показал, как обходиться друг с другом по справедливости. Его правление, из-за безопасности и процветания людей в это время, было почти таким же, как правление Джемшида. И дана была Хошангу слава, которая сияла вокруг царей, к которым был благосклонен Ахурамазда, и Хошанг был первым, показавшим ее на своем челе. После Хошанга был Тахмурат; он покорил демона Ангра-Майнью и ездил на нем, как на коне. Демон так и остался бы покоренным, если бы не предательство жены Тахмурата. Демон явился к женщине и принес ей роскошные подарки. Он спросил у нее, боится ли его Тахмурат. Демон попросил ее выяснить это и сказать ему, и тогда он даст ей еще больше подарков. Женщина спросила у Тахмурата, боится ли он когда-нибудь демона, на котором скачет, как на коне.

– На горе Албурз есть равнина, – ответил ей Тахмурат, – где меня охватывает страх. Когда я верхом на демоне попадаю а это место, я громко кричу и бью его, чтобы он скорее увез меня прочь от опасности.

Все это жена Тахмурата поведала демону Ангра-Майнью. И когда в следующий раз Тахмурат поехал на гору Албурз и стал кричать на демона в облике лошади и бить его, Ангра-Майнью сбросил его на землю и уничтожил его. Но до того, как он был уничтожен демоном, Тахмурат получил от дэвов, демонических созданий, благо для человека. Однажды, когда он убивал их одного за другим, дэвы сказали ему:

– Не убивай нас больше, и мы научим тебя очень полезному искусству.

Тахмурат согласился, дэвы показали ему искусство письма, и он научил людей писать.

Теперь Джемшид отвоевал у демонов Славу, и она сияла на его челе, пока он правил Ираном, царством света. И его называли Блистательным, из-за сияния, которое лежало на нем и на всех предметах в его время. Смерти тогда не знали; отец и сын шли по земле вместе, и оба пребывали в расцвете юности. Люди, птицы, звери и дэвы повиновались своему правителю Джемшиду.

В первые столетия своего правления он разделил людей на классы; он создал класс священнослужителей, которые приносили жертвы; он создал класс воинов, которые охраняли троны правителей и отбрасывали врагов ариан¹⁶. Он образовал класс земледельцев, которые обрабатывали землю и выращивали урожай и которых никто не мог угнетать или срамить; он создал класс ремесленников, которые жили в одном месте и были очень беспокойными. Людями, входящими в эти классы, мудро и справедливо правил Джемшид со славой на челе.

Во второе столетие своего правления он создал могущественные сооружения – дворцы, храмы, огромные, окруженные прочными стенами города. Тогда и был построен Персеполь – город, названный «троном Джемшида». В третье столетие своего правления он привлек в этот город тех, кто жил очень далеко, а также тех, кто кочевал с племенами. И он обеспечил их, получив от земли, благодаря своей мудрости, много даров. Тех, кто были больны, он вылечил, открыв, благодаря своей мудрости, превосходные лекарства, и показал людям, как их готовить. Все больше и больше людей, которых Джемшид собрал вокруг себя и накормил, славили своего правителя.

А потом Джемшид изменился. Он забыл, что все, чем он владеет, исходило от Ахурамазды. Он решил, что все, давнее процветание людям, исходит от него, и только от него. И как только он так подумал, Слава покинула его чело, оставив его бледным и дрожащим. Она покинула его в облике птицы Варегны. И тогда Митра завладел ею и вернул Славу обратно Джемшиду – Митра, которому мы поем:

Ты, кто проносишься над Албурзом,
Рысаки, которые поднимают ветер, —
Митра, первый из бессмертных!

Ты, кто видишь внушительные когорты
И поддерживаешь сердца воинов, —
Митра, первый из бессмертных.

Подвиги, которые ты можешь видеть, —
Подвиги сегодняшних сердец неробких —
Митра, первый из бессмертных!

Слава вернулась на чело Джемшида. Но скоро он сказал себе: «Мир принадлежит мне, потому что именно я дал людям все то, чем они пользуются». Слава опять покинула его, и он остался бледный и дрожащий. И опять она была ему возвращена.

И снова высокомерие овладело Джемшидом. Он устроил празднество и собрал народ вокруг своего трона. Он велел людям славить его прежде, чем они возносят хвалу небесам. Он обратился к ним и молвил:

– Мир принадлежит мне. Я создал его по своей воле, и только от меня получены все блага, которыми вы владеете, – ваши одежды и пища, ваш отдых и удовольствия, ваше здоровье и счастье. Мне вы обязаны жизнью. Поэтому вы должны поклоняться мне, как творцу и правителю мира. Все, кто не поклоняется мне, принадлежат демону Ангра-Майнью.

Но едва он окончил эту речь, Слава сошла с его чела, и он остался бледным, дрожащим и без охраны. И Слава больше к нему не вернулась. Болезни пришли в мир; раздоры пришли в мир; толпы людей, собравшиеся вокруг его города, стали враждовать друг с другом. Смерть пришла к людям. Демон Ангра-Майнью обрел силу в мире.

В это время в аравийских землях жил принц Дахак. Его отец имел бесчисленные стада скота и отары овец, а Дахак имел тысячу лошадей. Демон Ангра-Майнью отправился к Дахаку в облике юноши и попросил взять его на работу. Он стал одним из конюхов, ухаживающих за лошадьми. Он был расторопен, услужлив и завоевал расположение принца Дахака. Через некоторое время демон стал

улавливающих за лошадей. Он был растерзан, услужив и завесив расположение принца дахака. Через некоторое время демон стал искушать принца, говоря ему, что вся власть окажется в его руках, если его отец умрет. Дахак долго слушал эти речи и в конце концов согласился с тем, что его отец должен умереть. И тот был убит, как будто случайно, и Дахак стал царем Аравии.

Когда же Дахак стал царем Аравии, демон Ангра-Майнью снова явился перед ним; он опять пришел в обличье юноши и попросил разрешения Дахака служить ему поваром. Дахак согласился, и новый повар стал готовить блюда для царя и его придворных. До этого времени люди питались только растительной пищей; они не знали, что можно употреблять в пищу плоть животных. Ангра-Майнью готовил блюда из мяса и подавал их царю и знати. Всем очень понравился вкус мяса, поедая которое люди становились сильнее и храбрее, и вскоре аравийские воины прослыли настоящими львами в сражениях. Однажды вечером, после того как царю и придворным была подана особенно вкусная и обильная трапеза, тот позвал своего повара и сказал ему:

– Имеешь ли ты какое-нибудь желание, о котором хотел бы меня просить? Если да, говори, и я клянусь, что сделаю все, что ты захочешь.

И демон, усмехнувшись, ответил:

– Только об одном я хотел бы попросить царя. Позволь мне стать за твоей спиной, положить руки тебе на плечи и запечатлеть поцелуй между твоими лопатками.

Царь разрешил. Тогда демон в облике юноши положил руки на плечи Дахака и поцеловал его между лопатками. Как только он это сделал, земля разверзлась, и юноша исчез, а все присутствующие застыли в изумлении. Но что это? С каждого плеча царя свисало по шипящей змее.

Все были в ужасе из-за случившегося. Придворные попытались оторвать змей от спины царя, но не могли это сделать. Они достали мечи и стали рубить шипящих тварей. Но лишь только они отрубали от них части, змеи вырастали снова, шипя еще ужаснее и вгрызаясь в плоть царя. И никто не знал, что можно сделать, чтобы спасти царя от змей, которые пожирали его.

И тут перед Дахаком и его придворными появился Ангра-Майнью. На этот раз он принял облик мудреца. Он обратился к царю и сказал:

– Это зло нельзя исцелить; всегда будут змеи оставаться на плечах царя. Но можно сделать так, чтобы они не вгрызались в его плоть непрерывно. Для этого их следует кормить иначе. Каждый день давайте каждой из них мозг молодого мужчины. Если это будет сделано, царю станет легче.

Слова Ангра-Майнью были услышаны. Каждый день убивали двух молодых мужчин и их мозги скармливали змеям, поселившимся на плечах Дахака. Царь был избавлен от постоянной боли, но в стране воцарился страх и уныние из-за убийств молодых мужчин.

И опять Ангра-Майнью не был удовлетворен. Он желал, чтобы страх и уныние, воцарившиеся вокруг Дахака, были перенесены в Иран, царство света. Это было время, когда Джемшид лишился своей Славы в третий раз и на земле господствовали горе и болезни. Раздоры тоже процветали, поскольку придворные отвернулись от Джемшида и боролись за право отнять у него власть. Они слышали об аравийском царе, который был силен и могуществен и являл собой угрозу для врагов. И они послали гонца к Дахаку – Дахаку, которым владел демон, – и пригласили его стать царем и править Ираном.

И тогда Дахак и его армия пришли в Иран. Джемшид в страхе бежал. И в течение ста лет тот, кто был так славен и имел на своем челе Славу царей Ирана, прятался от ярости Дахака, которым владел демон. Дахак искал его везде. И наконец, на берегу самого далекого моря слуги Дахака нашли Джемшида. Они взяли его, того, которого некогда звали Блистательным, распилили его пополам и послали Дахаку известие об этом.

Тогда Дахак взял себе Славу и мировое господство, словно это было кольцо, которое он надел на палец. И он, возлюбленный демоном Дахак, сел на золотой трон и стал править Ираном, царством света. В те дни воля плохого человека исполнялась, а те, кто желал добра или говорил о добре, делали это шепотом, украдкой. Чистые жертвы больше не приносились, а люди по наущению дэвов стали практиковать черную магию. И каждый день двух молодых мужчин убивали, чтобы накормить змей, обосновавшихся на плечах Дахака.

Тысячу лет правил Дахак, и тысячу лет на земле процветало зло. Но вот наконец услышал Ахурамазда плач своего народа. Он решил, что пора положить конец власти зла на земле.

И тогда Дахаку приснился сон; привиделся ему юноша с царской осанкой, изящный, словно кипарис, и он знал, что этот юноша из рода Джемшида. И юноша подошел к нему, словно хотел ударить булавой, которую держал в руках. Дахак пробудился. Он призвал своих советников-мудрецов и, когда те предстали перед ним, потребовал, чтобы они растолковали ему сон.

Мудрецы испугались, и в течение трех дней они хранили молчание. А Дахак непрерывно требовал от них ответа. В конце концов они заговорили. И сказали они:

– Юноша из рода Джемшида поднимется и изменит твою судьбу.

Услышав это, Дахак упал в обморок, а мудрецы в ужасе разбежались.

И тогда Дахак повелел искать по всему миру юношу из рода Джемшида. Он пребывал в страхе, и он вел бесконечные войны, и на земле воцарилось насилие и убийства. Но он так и не нашел юношу, привидевшегося ему во сне. А такой юноша жил на земле, и звали его Фаридуна. Его мать услышала о поисках потомка Джемшида и спрятала его в дремучем лесу, где он был вскормлен молоком чудесной коровы и обучался премудростям теми, кто эту корову охранял. И Фаридуна вырос высоким и стройным, как царский кипарис.

Наконец, известия о чудесной корове и вскормленном ее молоком юноше достигли ушей Дахака. Он собрал армию и подступил к лесу, где они жили. Но матери Фаридуна было видение, предупредившее ее об опасности; она убежала вместе с сыном и привела его на гору Албурз; она попросила живущего там отшельника сохранить сына и обучить его. Она сообщила отшельнику, что юноша – потомок Джемшида, тот, кто уничтожит Дахака, одержимого демоном Ангра-Майнью. Отшельник спрятал юношу в своей пещере. Что же касается одержимого демоном царя, то, когда он обнаружил, что юноша действительно был в лесу, но скрылся от него, он пришел в бешенство и стал похож на взбесившегося слона. Он убил чудесную корову, убил тех, кто эту корову охранял, и сжег лес, в котором они жили. Его сердце было переполнено страхом и злобой, и он продолжил поиски Фаридуна.

Дахак собрал армию еще большую, чем у него была ранее; но он стал опасаться того, что о нем скажут. Тогда он призвал народ собраться перед его тронном и зачитал манускрипт, в котором говорилось, что он есть и всегда был справедливым царем. Люди собрались перед его тронном; в страхе они склонились перед ним; они подписали свои имена под словами, в которые не верили, что Дахак есть и всегда был справедливым царем.

Однажды, когда люди собрались, чтобы написать свои имена в свитке, перед воротами дворца возник странный шум. Офицеры спросили, в чем причина беспорядков. Перед ними предстал человек и сказал:

– Со мной поступили несправедливо, я требую правосудия царя.

Тогда заговорил Дахак. Он сказал:

– Я требую, чтобы ты назвал имя человека, который тебя обидел. Скажи его имя, чтобы царь мог свершить правосудие.

Тогда человек вышел перед царем и, глядя прямо на него, сказал:

– Я – Кава, кузнец и невинный человек. Я подаю жалобу и требую правосудия. Жалобу против тебя, о мой царь. У меня было семнадцать сыновей, и теперь остался только один. Остальные были безжалостно убиты, чтобы накормить твоих проклятых змей. Я прошу тебя, мой царь, оставить жизнь последнему из моих сыновей.

Все присутствующие в зале почувствовали страх, услышав речи Кавы, обращенные к царю. Но Дахак сохранил спокойствие, он сказал, что жизнь последнего сына будет сохранена. И он подвел мужчину туда, где другие подписывали свои имена в свитке, утверждавшем, что Дахак – справедливый царь, и велел поставить свое имя.

Когда это было сказано, кузнец поднял руки и объявил, что не станет подписывать эту ложь. Он взял свиток, разорвал его и разбросал обрывки по залу. Затем он вышел из дворца, оставив тех, что хранили молчание и были исполнены благоговения.

Кава отправился на рыночную площадь, и вокруг него собралась толпа. Он поведал людям все, что случилось во дворце, и напомнил им злые деяния, которые вершил Дахак, его несправедливость, из-за которой они страдали. Он поднял их, и они были готовы нанести удар, чтобы сбросить ярмо прислужника демона Ангра-Майнью. Кава снял кожаный фартук, которым кузнецы обычно закрывают колени, когда куют железо. Он привязал его к палке и поднял, словно знамя. И люди объявили, что пойдут за ним под этим знаменем.

Так образовалась армия, во главе которой был Кава. Солдаты Дахака выступили против нее, и армия Кавы отступила в другие земли. Она подошла к горе Албурз, где повстанцы разбили лагерь. И с горы спустился подросший Фаридун, теперь уже взрослый молодой человек. Теперь он знал, что является потомком Джамшида, знал он и о злых деяниях Дахака и был полон решимости уничтожить его. Он так сказал матери:

– Я иду на войну, а ты останешься и будешь молиться Ахурамазде, чтобы он сохранил меня.

Армия Кавы знала, что этому юноше судьбой предназначено свергнуть одержимого демоном царя.

И армия под знаменем Кавы выступила на запад. В Багдаде, что стоит на Тигре, армия остановилась. Фаридун просил перевозчиков переправить его людей через реку, но те отказались. Они сказали, что незадолго до этого царь Дахак переправился через реку и приказал им больше никого не перевозить на другой берег. Услышав эти слова, Фаридун разгневался, и в гневе он не думал о подстерегающих его опасностях. Он устремился на своем жеребце прямо в воду, и первые ряды воинов последовали за ним. Течение оказалось сильным, и в какой-то момент показалось, что поток унесет смельчаков, но вот Фаридун верхом на жеребце выехал на противоположный берег Тигра, и, когда его люди увидели это, они с легким сердцем последовали за ним.

Они направились к городу, который теперь носит имя Иерусалим. В нем стоял прекрасный дом, который Дахак возвел для себя, дом, выстроенный в форме птицы. И когда Фаридун подошел к городу, его население присоединилось к армии, потому что люди ненавидели Дахака. И Фаридун вошел в дом, построенный царем, любимцем Ангра-Майнью, и разбил талисманы зла, развешанные на стенах, и стал хозяином дома и всего, что в нем было.

Потом Фаридун стал преследовать Дахака, он гонялся за ним по дому и поймал с помощью веревки, сделанной из львиной шкуры. Он заковал пленника в оковы, которые удержали бы слона. Потом он хотел убить его, того, кто угнетал мир в течение тысячи лет. Но Дахаку не суждено было быть убитым. Фаридуну явился ангел Сраоша и молвил:

– Не убивай его, час Дахака еще не пробил.

Фаридун опутал пленника прочными путами и отвез на гору Демавенд и оставил его в узком ущелье привязанным к скале, чтобы он висел там веками. И ангел Сраоша поместил на чело Фаридуна Славу, которая была у Джамшида. И Фаридун правил миром справедливо, в его время люди жили в безопасности и полном согласии. И на земле воцарились радость и благоденствие.

Но древняя история гласит, что Дахак, привязанный Фаридуном в ущелье на горе Демавенд, будет освобожден Ангра-Майнью, и силы зла снова одержат верх. Он будет освобожден от оков, и в ярости ринется вперед, и будет глотать все, что попадется на его пути. Он проглотит треть человечества, треть скота, треть овец. Он будет уничтожать воду, огонь и растительность на земле. И тогда вода, огонь и растительность обратятся к Ахурамазде. И Ахурамазда пошлет ангела Сраоша, чтобы тот разбудил героя Керсаспа. Ангел позовет три раза. Услышав призывы ангела, герой проснется, отправится в путь, встретит Дахака, ударит его своей огромной булавой и убьет любимца Ангра-Майнью. И когда Дахак будет убит, на земле начнется такая же эра счастья, как при Джамшиде Блистательном.

ИУДЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПОСТХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА
Ангелы, создание и падение человека. Смущение ангела смерти

АНГЕЛЫ, СОЗДАНИЕ И ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Когда Всемогуший (да будет благословенно его имя) создавал мир, двадцать две буквы – таково число букв священного алфавита – отделились от его венца и предстали перед его глазами. Каждая молила, чтобы он сделал ее первой буквой созидательного мира. Многие из них были начальными буквами разных священных имен. Но только одну из двадцати двух Всевышний выбрал для того, чтобы сотворить мир посредством ВЕТН; это начальная буква еврейского глагола «барах» (barach), что означает БЛАГОСЛОВЛЯТЬ.

В первый день Всевышний сотворил небеса и землю, свет и тьму, продолжительность дня и продолжительность ночи. Из-под своего трона он достал камень и бросил его в хаос: этот камень стал центром земли, и все, что было сотворено, было создано вокруг него. На второй день Бог сотворил ангелов. На третий день он сотворил растения, и среди них то растение, которое было главнее всех, – ливанский кедр. Но чтобы эти деревья, самые высокие из всех существующих, не вознеслись чрезмерно, в тот же день он создал железо, которое будет эти деревья валить. Он создал рай, где предстояло жить первому человеку и вечно обитать душам праведников. На четвертый день он создал солнце, луну и звезды. На пятый день он создал рыб, и среди них ту рыбу, которая главнее всех, – Левиафана, и птиц, и среди них ту птицу, которая главнее всех, – Зинн. На шестой день он создал животных, и среди них то животное, которое главнее всех, – Бегемота.

На шестой день он создал человека. Но Всевышний, прежде чем сотворить его, посоветовался со своими ангелами. И некоторые ангелы высказались так:

– Что есть человек и зачем ты о нем заботишься?

Всевышний вытянул вперед палец, и те ангелы, которые это сказали, были истреблены пламенем, все, кроме их предводителей – Михаэля и Гавриэля. Затем Всевышний приказал Гавриэлю доставить с четырех сторон света пыль, чтобы из нее мог быть сделан человек. Гавриэль отправился выполнять повеление. Но земля не давала слуге Господа собрать пыль со своей поверхности.

– Мне суждено быть проклятой человеком, – сказала земля, – и благодаря ему мое хорошее состояние станет плохим. Если Всемогуший не возьмет с меня пыль, чтобы сотворить человека, никому никогда не будет позволено это сделать.

Когда Господь услышал речи земли, он вытянул вперед руку и взял пыль с четырех сторон света и сотворил человека из этой пыли.

Когда Бог соединял тело, которое он вылепил из пыли, с душой, созданной им в первый день творения, сонмы ангелов, знавшие о силе, которую человеку предстояло получить от Бога, возроптали против этого. И главным из тех, кто роптал, был ангел, крыльев у которого было двенадцать, в то время как у других было только шесть. Ангела того звали Самаэль. Он сказал Богу:

– Ты создал нас, ангелов, из своей Шехины^[7], а теперь хочешь поставить нас ниже этого низменного творения, созданного из грязи? Ты потратишь душу на комок грязи?

Человек мог погибнуть в огне, насланном на него Самаэлем, если бы Бог не простер над ним защищающую руку. Всевышний сбросил Самаэля и его приспешников с небес в ад. С тех пор этот падший ангел известен под именем Сатаны и является противником человека.

Бог назвал человека, которого сотворил, Адамом и поселил его в раю, который создал на третий день. И еще одно существо было создано Богом из пыли. Это была женщина по имени Лилит. Лилит жила с Адамом в раю. Она вознеслась над Адамом, зная, что и она, и он были сотворены из земной пыли, и сочла, что он не должен главенствовать. Лилит в своей гордыне произнесла Имя, которое нельзя было упоминать всуе, – тайное, священное имя Бога, и исчезла с глаз Адама. Она отправилась жить среди демонов.

После этого Адам был погружен в глубокий сон, у него было взято ребро, и из него Бог создал Адаму женщину, чтобы та стала женой Адама. Этой женщиной была Ева. Адам властвовал над всеми животными мужского пола на востоке и севере рая, а Ева властвовала над всеми животными женского пола на юге и западе рая. В центре рая росло дерево, мужчине и женщине было строго запрещено есть плоды этого дерева.

Самаэль, ставший Сатаной, падший ангел, катался верхом на змее. Животные видели Самаэля и змея и были испуганы этим зрелищем. И Самаэль, так чтобы слышала Ева, пел ангельские песни, и она, думая, что эти песни во славу Господа, внимала им. Змей заполз на дерево и впрыснул яд злых намерений в плод. Он наклонил ветвь, на которой висел плод, почти до земли. И Ева, после того как с ней поговорил Самаэль, сорвала плод и съела часть его. Она позвала Адама и убедила его съесть часть плода тоже. После этого повязки, завязанные на плечах каждого из них, на которых было написано священное имя Бога, упали, и им пришлось прикрывать свои чресла листьями, которые деревья сбросили, когда Ева съела запретный плод.

Тогда Всевышний изгнал Адама и Еву из рая и назначил херувимов «с обращающимися пламенными мечами», охранять врата рая, чтобы не дать людям вернуться. Земля почувствовала проклятие из-за падения человека. С тех пор ее поливали дожди, плоды были подвержены падению; ей предстояло порождать существа, которые несли ей гибель. Ей также пришлось изменить форму, образовать горы и долины и знать, что однажды она состарится. Ангелы на небесах горевали о падении человека; солнце также пребывало в унынии. Только луна рассмеялась, и за это Господь разгневался и затмил ее сияние.

СМУЩЕНИЕ АНГЕЛА СМЕРТИ

Когда Моисей состарился и приблизился к порогу смерти, Самаэль, ангел, исполненный враждебностью к человечеству, предстал перед троном Всемогущего Господа и сказал:

– Разрешите мне забрать душу Моисея.

Но Бог сказал ангелу, которого называли «злойбой Господа»:

– Как ты намерен забрать у него душу? С его лица? Как ты сможешь приблизиться к лицу, которое взирает на мое лицо? Из его рук? Но эти руки получили от меня Тору, так как же ты сможешь приблизиться к ним? Из его ног? Но его ноги касались моих облаков, так как же ты сможешь приблизиться к ним? Ты не сможешь подойти близко к Моисею.

Но Самаэль сказал:

– Я прошу только твоего разрешения взять его душу.

Тогда Господь ответил:

– Считай, что ты его получил.

Самаэль завернулся в красное одеяние ярости, взял меч и пошел туда, где жил Моисей. Когда он предстал перед ним, Моисей писал Священное имя. Поэтому его лицо было залито сиянием, а его глаза лучились светом. И когда он повернул свое лицо к Самаэлю и устремил свой взор на ангела смерти, в глазах того потемнело, а рука, сжимающая рукоятку меча, задрожала. Он неуверенно проговорил:

– Уступи мне свою душу, потому что подошло твое время покинуть этот мир.

И Моисей ответил:

– Не тебе, ненавидящему людей, отдам я свою душу. – Держа свой посох, он выпрямился и сказал ангелу с мечом: – Я тот, кто вывел шестьдесят мириад израильтян из Египта, который превратил горькую воду в сладкую, кто вознесся на небеса и там говорил с Господом Вседержителем. Я тот, кто высек два камня, на которых Господь написал свой закон, кто сражался с великанами Сихоном и Огом, сотворенными еще до потопа, которые были так высоки, что воды потопа не достигли даже их щиколоток. Как смеешь ты, злобное создание, думать, что сможешь завладеть моей душой? Ты не смеешь даже сидеть там, где сижу я, и стоять там, где стою я. Убирайся прочь, я не отдам тебе свою душу.

В страхе покинул Самаэль Моисея и снова предстал перед Всемогущим. А Господь молвил:

– В радости отправился ты за душой моего слуги Моисея, но вернулся ты без нее. Ты, презренный, отправляйся снова за душой Моисея, и если ты не доставишь ее, то больше никогда не будешь забирать человеческие души.

Тогда Самаэль покрыл себя малиновой одеждой гнева и, держа в руке обнаженный меч, пошел туда, где был Моисей. Моисей встал, когда появился падший ангел, и посохом, на котором было написано Священное имя, прогнал Самаэля.

Но когда он это сделал, Моисей услышал голос, который произнес:

– Зачем ты стараешься напрасно? Твоя последняя минута уже близка.

И сам Бог появился перед ним, и Моисей пал ниц и сказал:

– Господь всемогущий, творец мира! В любви ты сотворил этот мир, и в любви правишь им. Не лишай меня своей любви и не отдавай в руки Самаэля, ненавидящего род людской.

Вместе со Всевышним прибыли три ангела: Михаэль, Гавриэль и Загагель. Гавриэль вышел вперед и соорудил ложе для Моисея, Михаэль расстелил на нем пурпурное покрывало, Загагель положил подушку. Всевышний стал в изголовье, Михаэль справа от Моисея, Гавриэль слева, а Загагель – в ногах.

– Скрести твои ноги!

Моисей так и сделал.

– Сложи твои руки!

Моисей так и сделал.

– Положи их на грудь!

Моисей так и сделал. Тогда Всемогущий молвил:

– Закрой глаза!

Моисей так и сделал, а Господь обратился к душе Моисея, находившейся внутри его тела:

– О дочь моя, я велел, чтобы сто и двадцать лет ты жила в этом праведном теле, но теперь покинь его немедленно, потому что настало время тебе сделать это.

Когда Моисей услышал эти слова, он сказал душе:

– Возвращайся к отдыху, о душа моя, и Господь будет щедр с тобой.

После этого Господь взял душу Моисея, поцеловав того в губы.

Бог и его ангелы спрятали тело Моисея в тайном месте на земле, а душу Моисея Господь взял и положил возле своего трона. Самаэль не знал о деянии Бога и его ангелов и в третий раз явился к Моисею, чтобы забрать его душу.

Но Моисея не было там, куда пришел Самаэль. Тогда падший ангел отправился в Землю обетованную, думая, что Моисей ушел туда, и он спросил землю, где Моисей, и ответила земля:

– Долго молился Моисей, чтобы быть здесь, но Моисея здесь нет.

Тогда Самаэль поспешил к морю и спросил он у моря:

– Здесь ли Моисей?

И ответило море:

– Я не видела Моисея с того дня, когда он разделил меня на двенадцать частей, чтобы двенадцать племен могли пройти через мои воды.

Самаэль отправился к бездне и спросил:

– Здесь ли Моисей?

И ответила бездна:

– Я не видела Моисея, но слышала его глас.

Тогда Самаэль взмыл вверх к небесным облакам, и спросил он облака:

– С вами ли Моисей?

И ответили облака:

– Мы не видели его с того дня, когда, по приказу Бога, он прошел сквозь нас, чтобы получить Тору на небесах.

Самаэль отправился туда, где растёт дерево знания, и спросил его, где Моисей. И дерево ответило, шурша листьями. Оно сказало:

– С того дня, как он пришел ко мне за щепкой, из которой хотел сделать ручку и записать ею Тору, я его не видело.

И Самаэль пошел к горе и спросил у нее о Моисее. И гора ответила:

– С тех пор как он вырубил из меня две каменные таблички для написания Закона Божьего, я не видела Моисея.

Тогда он спросил ангелов, видели ли они Моисея, и ангелы ответили:

– Мы слышали причитания по нему на земле, и мы слышали радость ему на небесах, но его мы не видели.

Тогда Самаэль, которого называли «злой Господа», стал ходить среди людей и спрашивать, где Моисей, а люди, смело глядя на него, отвечали:

– Что тебе за дело? Зачем он тебе? Господь забрал его душу к себе, и она сейчас находится возле его трона.

Услышав эти слова и увидев выражение лиц людей, Самаэль, ангел смерти, почувствовал себя смущенным.

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Начало. Прометей. Пандора. Деметра. Орфей. Дионис. Аполлон. Геракл

Вначале Нюкта, которая есть ночь, парила в темноте. Яйцо отложила Нюкта, чернокрылая птица. Из верхней оболочки этого яйца образовался Уран, который есть небеса, а из нижней оболочки – Гея, которая есть земля. И Эрос, который есть любовь, вылетел из яйца. Эрос соединил Урана и Гею. От их союза родились дети – могучие титаны: Океан, Гиперион, Рея и Фетида. А потом Уран, который был отцом, и Гея, которая была матерью, породили самое коварное дитя – Крона. Крон взял в жены Рею, и от Крона и Реи родились боги, которые были не такими, как титаны.

Крон ненавидел отца своего Урана. С помощью серпа, который дала ему мать, Крон напал на отца и нанес ему жестокие раны. И тогда Уран и Гея навеки разделились. У Крона и Реи родились дети – Гестия, Деметра, Гера, Гадес, Посейдон и Зевс, и все они были бессмертными богами. Крон опасался, что один из его сыновей поступит с ним так же, как он сам поступил со своим отцом. И когда у Реи родился еще один ребенок, Крон захотел проглотить его. Но Рея завернула в пеленки большой камень и отдала его Крону. Крон проглотил камень, уверенный, что пожирает своего новорожденного сына.

Этим сыном был Зевс. В младенчестве его прятали в глубокой пещере, и те, кто кормил и нянчил его, били в большие барабаны, чтобы его крики не были слышны. Его няней была Адрастея; когда же он подрос достаточно, чтобы играть, она дала ему мяч. Весь золотой был мяч и обвит темно-синей спиралью. Когда Зевс играл с мячом, он пролетал по небу, сверкая, как звезда.

Титаны, рожденные Ураном и Геей, ушли на гору Отрий и там стали царствовать. Когда Зевс стал юношей, он поднялся на гору Олимп, и там он, Посейдон, Гадес, Гера, Деметра и Гестия построили свои сияющие дворцы. Крон знал, что, если Зевс возьмет в жены Геру, его собственному правлению придет конец. И он попытался убить Геру. Но Рея спрятала Геру во владениях Океана и Фетиды. Там она стала женой Зевса. Мойры, которые есть судьба, подвели невесту к жениху; сам Эрос правил свадебной колесницей. Океан создал для молодой пары прекрасный сад Гесперид.

Тогда Зевс сверг своего отца Крона. Много детей родилось у Зевса и Геры, и олимпийцы стали могущественными. Но титаны с горы Отрий пошли на олимпийцев войной. Ни одна из сторон не могла одержать победу. Наконец, Зевс придумал, как помочь олимпийцам победить титанов. Он спустился в недра земли, где великаны, порожденные Ураном и Геей, были спрятаны их отцом. Они были связаны и закованы цепями. Зевс освободил их, и в благодарность сторукие великаны дали ему гром и молнию.

Зевс хотел использовать великанов в борьбе против титанов. Но хотя они и были очень сильны, в их сердцах не горел огонь смелости. И Зевс стал думать, как дать великанам смелость. Он принес им пищу и напитки богов – амброзию и нектар. Когда они все съели и выпили, в их душах родилось мужество, и они были готовы воевать с титанами.

– Сыны неба и земли, – сказал им Зевс, – уже давно жители Олимпа враждуют с титанами. Отдадите ли вы свое непобедимое могущество олимпийцам и поможете ли им свергнуть старших детей Крона?

– Божественный, – сказал Котт, один из великанов, – благодаря тебе мы вышли из мрачного подземелья; мы избавились от тяжелых оков, в которые нас заковал Крон. Мы желаем помочь вам в борьбе с титанами.

И великаны, на плечах которых росло пятьдесят голов и которые имели сто рук, двинулись на титанов. Громко стонала земля, волновалось и бушевало бескрайнее море, все кругом колебалось, даже высокий Олимп. Великаны отрывали от горных хребтов огромные скалы и бросали их в титанов.

Зевс тоже не остался в стороне от битвы. Он метал молнии и оглушительно рокочущие громы; один за другим вылетали они из его сильных рук; и были молнии, и был гром, и был огонь повсюду. Пламя охватило всю землю, полыхали леса, кипели океанские воды. Огонь вплотную подступил к титанам. Три сотни скал, одну за другой, метнули в титанов Котт, Бриарей и Гиес. И дрогнули титаны, их ряды были смяты, великаны захватили их и привели к Зевсу.

Некоторые титаны с самого начала осознали, что борьба бесполезна, что они обречены на поражение, и они перешли на сторону Зевса. Их Зевс принял открыто и дружелюбно. Другие титаны были скованы и низвергнуты в мрачный Тартар, в вековую тьму.

Так же как земля от неба, далек от земли Тартар. Медная наковальня, брошенная с неба на землю, будет падать девять дней и девять ночей и долетит до земли на десятый день. А бронзовая наковальня, брошенная с земли в Тартар, будет падать девять ночей и девять дней и долетит до Тартара на десятую ночь. Вокруг Тартара стоит бронзовый забор, и ночь трижды окружила его, словно три нити ожерелья шею. Туда Зевс заключил титанов, которые выступили против него; они оказались в полной темноте, в мрачном и сыром месте на краю земли. Они не могут вырваться за окружающий их забор. Посейдон установил бронзовые ворота в их тюрьме, которые вечно охраняют сторукие великаны Котт, Бриарей, Гиес и остальные.

Там властвует ночь. Ночь и день встречаются в этом месте, когда переступают бронзовый порог. Они подходят близко друг к другу, они приветствуют друг друга; но никогда не пребывают в одном доме вместе, ведь когда один собирается войти в дом, другая как раз из него выходит. Один держит в своей руке свет, другая – сон.

Там живут дети темной ночи – Сон и Смерть. На них никогда не попадают солнечные лучи. Сон может бродить по земле, путешествовать по морю, и он добр к людям. Но Смерть не знает доброты, и если схватит кого-то, то уже никогда не выпустит из рук.

Там также стоит жилище властелина подземного мира Гадеса, брата Зевса. Зевс отдал ему во владение подземное царство, когда делил между олимпийцами мир, которым правил Крон. Страшный пес охраняет жилище Гадеса, Кербер имя его. У него три головы. К тем, кто заходит в жилище, он ластится, на тех же, кто пытается выйти из него, он прыгает и пожирает.

Но не всех титанов Зевс низверг в мрачный Тартар. Те из них, кто перешли на его сторону, остались в верхнем мире. Крон, теперь безобидный, остался с этими титанами. А Зевс царствовал на Олимпе, став правителем богов и людей.

Олимпийские боги не единожды создавали человеческую расу. Первый род людской и первый век был золотым. Очень близки богам были представители этого рода людского, среди людей царила справедливость, хотя не было законов, принуждающих их. Во время золотого века на земле было только одно время года – вечная весна. Мужчины и женщины жили намного дольше, чем живут люди сегодня, а когда они умирали, то это было так, как если бы они погрузились в вечный сон. Люди имели все, что было их душе угодно, и имели это без труда, и земля без принуждения давала им свои плоды. На протяжении своей жизни люди не знали ничего, кроме мира, когда же они умирали, их души оставались на земле, вдохновляя людей, пришедших на смену умершим, совершать великие и благородные дела, поступать правильно и справедливо.

После золотого века боги создали на земле второй род людской и второй век – серебряный. Люди серебряного века были менее благородны телом и духом, а времена года, которые приходили на землю, были уже не столь одинаково приятными. В серебряный век боги создали времена года – лето, осень, зиму и весну. Люди узнали, что такое иссушающий зной и ледяной ветер, они узнали, что такое снег, дождь и град. Именно люди серебряного века впервые построили на земле дома, которые служили им укрытиями. Продолжительность их жизни была больше, чем сегодня, но все же они жили не достаточно долго, чтобы обрести мудрость. Дети росли рядом с матерью первые сто лет, пока играли и баловались. Когда же наступало второе столетие, они ссорились друг с другом и обижали друг друга. Более того, они были недостаточно умны, чтобы почитать бессмертных богов. Когда же по воле Зевса серебряный век ушел вслед за золотым, души умерших стали попадать в подземный мир, и люди их называли благословенными духами подземного мира.

Тогда был создан третий род людской и третий век – бронзовый. Его представители имели могучее телосложение, были сильны и ужасны. Их оружие было из бронзы, их мечи были из бронзы, их утварь тоже была из бронзы, бронзовыми были и их дома. Они жили не очень долго, поскольку с помощью оружия, которое взяли в свои ужасные руки, истребили друг друга. Так их раса исчезла с лица земли, и после них не осталось имен, которые помнили бы пришедшие после них.

И боги создали четвертый род людской и четвертый век – наш век – железный. У нас нет справедливости, которая царила среди людей золотого века; у нас нет простоты, которая царила среди людей серебряного века: у нас нет ни стати, ни силы людей бронзового века. Наш удел – железо. Наша судьба – никогда не прекращать работать и при этом быстро стареть.

Но пусть мы сегодня жалкие и несчастные, было время, когда люди были еще более несчастны. Они имели плохие орудия труда и были вынуждены обрабатывать твердую землю. В те дни было еще меньше справедливости и доброты, чем сейчас.

Однажды Зевс решил уничтожить четвертый род людей на земле и оставить землю нимфам и сатирам. Он намеревался уничтожить людей, устроив великий потоп. Но Прометей, титан, помогавший Зевсу, Прометей, которого звали Провидец, не мог допустить, чтобы людей полностью истребили, и он стал думать о том, как спасти хотя бы некоторых представителей человеческого рода. Мужчине и женщине, Девкалиону и Пирре, он рассказал о планах Зевса и научил, как построить корабль, который поможет им спастись.

А Зевс закрыл все пещеры, запретил дуть всем ветрам, кроме того, что несет дождь и тучи. Он приказал этому ветру, южному ветру, облететь вокруг земли и затопить ее ливнем. Он вызвал Посейдона и повелел, чтобы моря вышли из берегов и затопили сушу. И Посейдон приказал рекам усилить напор, смести все плотины и залить берега.

Ливень, реки и море обрушились на землю. Вода поднималась все выше и выше, над чудесными плодородными долинами теперь гуляли волны, а люди вылавливали рыбу, сидя на верхушках самых высоких деревьев. Водные нимфы были удивлены, встречая под водой человеческие города.

Вскоре даже тех мужчин и женщин, у которых были лодки, поглотила водная стихия. Погибли все, кроме Девкалиона и его жены Пирры, воды не приняли их – они находились в корабле, построенном по совету Прометея. В конце концов вода спала, и Девкалион и Пирра выбрались на землю. Зевс заметил, что два представителя рода человеческого спаслись, но он видел, что это люди добрые и справедливые и, ко всему прочему, почитают богов. Он сохранил им жизнь и вскоре увидел, как их дети снова заселяют землю.

Прометей, спасший их, взирал на мужчин и женщин, населявших землю, с состраданием. Их труд был тяжел, они работали много, а получали мало. Ночами они мерзли в своих домах, а ветра, которые дули в дневное время, вынуждали пожилых мужчин и женщин сгибаться к земле. Прометей подумал, что, если бы мужчины и женщины имели то, что известно только богам – огонь, – они могли бы согреться у его пламени, создать для себя новые орудия труда и построить дома, которые защитили бы их от ветра.

Но только боги не хотели, чтобы у людей был огонь, а идти против воли богов было опасно. Но Прометей пошел против их воли. Он похитил огонь от алтаря Зевса, спрятав его в полем стебле фенхеля и принес людям.

Люди, получившие огонь, смогли сделать железные орудия труда; они смогли рубить лес топорами и пахать землю на том месте, где раньше росли леса. Они могли строить дома, которые выдерживали жестокие ураганы, и могли согреться около пламени огня. Люди, имевшие огонь, получили возможность иногда отдыхать от своих трудов. Они стали строить города; они больше не были существами, вечно склонявшимися к земле и сгибаемыми спинами; они могли теперь поднять головы и взглянуть в лицо даже самим богам.

Зевс пощадил людей, получивших священный дар – огонь. Но Прометея он не пощадил. Он знал, что Прометей похитил огонь от его собственного алтаря. И он долго думал, как наказать непокорного титана за неповиновение.

Он призвал из Тартара великанов Котта, Бриарей и Гиеса. Он приказал им схватить Прометея и приковать к самой высокой и самой черной скале на Кавказе. И Котт, Бриарей и Гиес схватили титана, отнесли к Кавказским горам и приковали его несокрушимыми цепями из бронзы к самой высокой и самой безжизненной скале. Его оковы были настолько прочны, что разбить их было невозможно. Они оставили титана прикованным к скале. Его хлестали ветра и жгло безжалостное солнце. А чтобы страдания титана были еще сильнее, Зевс послал коршуна, который прилетал каждый день и клевал его печень.

И все же Прометей не сожалел о том, что сделал для людей. Хотя лежал он распростертый на высокой скале, пригвожденный к ней, опутанный оковами, над ним проносились бури, его тело хлестали дожди и град, летом нещадно жгли палящие лучи солнца, зимой засыпал холодный снег, а коршун терзал печень, Прометей не обращался к небесам со словами раскаяния, но и Зевс не мог окончательно уничтожить его. Ведь Прометей, Провидец, знал секрет, который очень хотелось знать и Зевсу: так же как Зевс некогда сверг своего отца и сделал себя правителем, некто другой свергнет и Зевса – лишится он царства и низвергнут будет во мрак. Никто из богов не ведал, как отвратить от Зевса злую судьбу, знал только один Прометей. Однажды придется Зевсу разбить оковы своей жертвы, забрать его со скалы, прогнать коршуна и доставить на совет великих олимпийских богов непокоренного титана Прометея.

ПАНДОРА

Был у Прометея брат Эпиметей. Он был не слишком умен. Его мудрый брат не единожды предупреждал его не принимать от Зевса никаких даров, но тот не внял добрым советам, поэтому и навлек на род людской неисчислимые беды и заботы.

Зевс был зол на людей, которые теперь знали секрет божественного огня, зол он был и на титанов, и он размышлял, как навредить людям, используя для этого глупого титана Эпиметея.

Пока он раздумывал, на высоком Олимпе, горе богов, царил тишина. Потом Зевс призвал к себе бога-кузнеца, послушного Гефеста, и повелел ему сделать из глины существо, похожее на прекрасную девушку. С радостью и гордостью приступил Гефест к выполнению возложенной на него задачи, и создал он существо, очень напоминающее красивую деву, и представил плод трудов своих на суд богам.

Все старались добавить грации и красоты творению Гефеста, а Зевс наделил его способностью видеть и чувствовать. Афина облачила ее в одежды, прекрасные, как цветы. Богиня любви Афродита дала ей неотразимую прелесть. Грации надели на ее шею золотые ожерелья, а на голову – сияющую корону. Горы украсили ее весенними цветами. Затем глашатай богов вложил в ее уста лживые и полные лести речи. От всех богов и богинь получила она дары, и по этой причине творение Гефеста стали называть Пандорой, что означает «наделенная всеми дарами».

Она была прелестна, и боги знали это; не красива, словно сами боги, ведь тот, кто обладает божественной красотой, вызывает скорее почтение, чем любовь, а прелестна, как цветы и вешние воды, как земные девушки. Зевс усмехался, глядя на нее; он призвал Гермеса, который знал все тропинки на земле, и поручил Пандору его заботам. Он также дал Гермесу большой сундук; это был ящик Пандоры.

Эпиметей жил в глухой низине. Однажды, когда он сидел на поваленном столбе разрушенного дворца, покинутого другими титанами, он увидел, как к нему направляются двое. Один из них имел крылья, и Эпиметей знал, что это Гермес, посланец богов. Другим путником была девушка. Эпиметей засмотрелся на корону, сиявшую на ее голове, и на ее прекрасные одежды. Вокруг нее распространялось золотое сияние. Он встал с того места, где сидел на сломанном столбе, и стоя ожидал гостей. Он увидел, что Гермес несет сундук. Восхищенный и взволнованный Эпиметей взирал на девушку. Ему уже давно не приходилось видеть столь очаровательного существа. Она была истинным чудом, эта золотая дева, а когда она подошла ближе, неотразимые чары, данные ей Афродитой, подействовали на Эпиметея, и он радостно заулыбался.

Гермес подошел и остановился. Он тоже улыбался, но в его улыбке таилась печаль. Он вложил руки золотой девы в большие мягкие руки титана и сказал:

– О Эпиметей, отец Зевс решил примириться с тобой и, как знак доброй воли, посылает тебе эту прекрасную богиню, которая станет твоей спутницей.

О, глуп был Эпиметей, рожденный на земле! Стоило ему взглянуть на золотую деву, посланную ему Зевсом, и позабыл он, как поступил Зевс с титанами; забыл он и о своем брате, прикованном цепями на вершине самой высокой горы. Не вспомнил он и о предупреждениях брата, мудрейшего из всех живых существ. Взял он руки Пандоры в свои и больше не мог думать ни о ком, кроме нее. И голос Гермеса, сообщающий, что принесенный ему сундук тоже с Олимпа, что в нем вещи Пандоры, казался ему далеким, и титан к нему не прислушался.

Долго стоял он позабытым, этот сундук, и на нем даже выросла трава. А Эпиметей гулял в садах с прекрасной девой, следил, как она рассматривает свое отражение в кристально чистой воде ручья или ищет в заброшенных уголках плоды, которые старшие боги вкушали, когда пировали с титанами еще до прихода Зевса к власти. Не вспоминал Эпиметей о страданиях своего брата, прикованного к скале, поскольку все его мысли занимал только подарок Зевса.

А Пандору интересовали только теплое солнце, красивые вещи и вкусные плоды, которые срывал для нее Эпиметей. Она могла провести в садах целую вечность. Но однажды Эпиметей взял ее за руку, вывел из сада, из глухой низины, и повел к жилищам людей. Он не забыл о сундуке, который оставил Гермес. Все, что принадлежало прекрасной деве, было, несомненно, ценным, и Эпиметей взял его с собой.

Люди того времени были простыми и довольными жизнью. Их дни проходили в труде, но теперь, когда Прометей дал им огонь, их труд приносил хорошие плоды. У них были орудия труда, с помощью которых они обрабатывали землю и строили дома. Огонь согревал их жилища и горел у алтарей богов.

Велико было их почитание Прометея, давшего им это чудо, и велико было их почитание всего рода титанов. Поэтому, когда Эпиметей появился среди них, высокий, словно человек, идущий на ходулях, они приветствовали его и приняли его и прекрасную деву в свои сердца. И Эпиметей показал Пандоре божественный огонь, который его брат подарил людям; она обрадовалась и в восхищении захлопала в ладоши. Сундук, принесенный Эпиметеем, теперь стоял на открытом месте.

Пока Эпиметей нес его по заросшим тропам из своей долины, он, должно быть, задевал им о деревья, возможно, даже ронял, потому что крышку, которая была закрыта очень плотно, теперь можно было свободно открыть. Но никто не обращал внимания на сундук, и он так и остался стоять на том месте, где его оставил Эпиметей.

Сначала мужчины и женщины смотрели на прелестную Пандору, ее великолепные одежды, золотую корону и венок из полевых цветов с восторгом и удивлением. Эпиметею хотелось, чтобы люди восхищались и восхваляли Пандору, что они некоторое время и делали. Мужчины оставили работы в полях, кузницах и на стройках, женщины перестали прясть и ткать и явились по его зову. Они стояли и взирали на прекрасную деву. Но время шло, и настроение женщин изменилось. Одна из них расплакалась, другая разозлилась, а третья молча вернулась к своей работе.

Однажды, когда женщины собрались вместе, одна из них, мудрейшая, сказала:

– Мы никогда не думали о себе; мы всегда были довольны тем, что мы есть и что мы имеем. Но теперь нам стоит подумать о себе и признаться, что мы грубы и некрасивы, в сравнении с золотой девой, которой так восхищен титан. И нам неприятно, что наши мужчины взирают на нее с восторгом, и в душе мы все хотели бы ее уничтожить, если б могли.

– Это правда, – согласились другие женщины, а самая молодая из них воскликнула:

– О, мудрейшая, скажи нам, как мы можем стать такими же прекрасными, как Пандора?

И женщина, которую считали мудрой, проговорила:

– На эту золотую деву приятно смотреть, потому что у нее красивые одежды и есть все средства, чтобы хорошо ухаживать за собой. Боги снабдили ее знаниями о том, как сохранить кожу гладкой и нежной, волосы золотыми и шелковистыми, губы алыми, а глаза сияющими.

И я думаю, что многие средства для сохранения красоты находятся в сундуке, который Эпиметей принес с собой.

Когда женщина, которую считали мудрой, сказала это, остальные некоторое время сидели молча. Но затем одна из женщин встала, и другая тоже встала, и они стали возбужденно переговариваться между собой. Они решили пойти туда, где Эпиметей оставил сундук, и взять из него мази, амулеты и краски, которые сделают их такими же красивыми, как Пандора.

И женщины пошли. По пути они остановились у водоема и склонились над ним, чтобы увидеть свои отражения. Они увидели себя с грязными неухоженными волосами, большими натруженными руками, тревожными глазами и не улыбающимися ртами. Они лишь нахмурились, увидев свои отражения, и сказали грубыми голосами, что скоро у них будет возможность сделать себя такими же прелестными, как золотая дева.

Они пошли дальше и увидели Пандору. Она играла на покрытой цветами лужайке, а Эпиметей, высокий, как человек, стоящий на ходулях, ломал для нее цветущие ветви кустарников. Женщины прошли мимо и наконец подошли к месту, где Эпиметей оставил сундук, в котором были вещи Пандоры.

Это был большой каменный сундук; на нем не было изображений ни птицы, ни цветка, ни ветки. Он был высок – по плечо женщине. И когда пришедшие оценили его размеры, то поняли, что в нем достаточно притираний и благовоний, чтобы сделать их красивыми на всю жизнь. Но каждая решила, что она не будет последней, кто запустит в него руки.

Крышка, некогда плотно пригнанная, теперь немного сдвинулась. Когда руки женщин схватили ее, чтобы снять, сундук опрокинулся, и содержимое вывалилось наружу^[8].

То, что появилось из сундука, было черным, серым и красным; оно ползло, катилось и летело. И пока женщины взирали на деяние рук своих, то, что появилось из сундука, исчезало с глаз, или, наоборот, намертво прилипало к женщинам.

Сундук, как и сама Пандора, был создан и наполнен злой волей Зевса. В нем находились вовсе не мази и благовония, как надеялись женщины, а беды и заботы. Прежде чем женщины пришли туда, одна беда уже успела выкатиться из сундука, это было Самомнение – оно лежало сверху. Именно Самомнение поразило женщин, заставив их позабыть обо всем, кроме забот о собственной внешности, и позавидовать прелести золотой девы.

А теперь и остальные беды обрели свободу – Болезнь, Война, Ссора. Они разлетелись по округе и вошли в дома людей. А в это время безмозглый титан Эпиметей спокойно собирал цветочки для своей возлюбленной.

Чтобы она не устала от игр, титан позвал ее. Он повел ее в дома людей. Приблизившись, они увидели женщину, которая сидела на земле и рыдала. Ее муж неожиданно стал груб с ней и выгнал из дома, захлопнув дверь прямо перед ее носом. Они пошли дальше и увидели ребенка; он плакал от боли, которую не мог понять. А потом они увидели двух дерущихся мужчин; они поспорили из-за собственности, которой ранее спокойно владели сообща.

В каждом доме, куда они заходили, Эпиметей говорил:

– Я брат Прометея, который подарил вам божественный огонь.

Но вместо торжественной встречи, он везде слышал в ответ:

– Мы ничего не знаем о твоих родственных связях с Прометеем и видим перед собой только глупого человека на ходулях.

Эпиметей был обеспокоен суровыми взглядами и холодными словами людей, которые прежде почитали его. Он отвернулся от людей и ушел. В тихом уединенном месте он сел на землю, задумался и на некоторое время потерял из виду Пандору. И тут он, словно наяву, услышал глас своего мудрого страдающего брата, который говорил: «Никогда не принимай даров Зевса».

Титан вскочил и заторопился прочь, оставив Пандору играть на лужайке. В его смятенный ум вторглись и прочно обосновались там Сожаление и Страх. Эпиметей бежал так быстро, что споткнулся. Он упал со скалы в море, и оно унесло тело неразумного брата Прометея.

Не все содержимое вывалилось из сундука и вместе с Пандорой пришло в мир людей. Там находилось очень красивое живое существо – Надежда. Это существо зацепилось за ободок сундука и осталось внутри. Однажды плачущая женщина нашла Надежду и принесла ее в дома людей. После появления среди них Надежды люди стали верить, что когда-нибудь придет конец их бедам. Мужчины и женщины, опечаленные тревогами и заботами, очнулись; они увидели возможность познать радость. Надежда, когда-то застрявшая под ободком сундука Пандоры, поселилась в их доме.

Что же касается Пандоры, золотой девы, она продолжала играть, не замечая ничего, кроме яркого солнца и красивых цветов вокруг. Она казалась прекрасной всем, кто ее видел. Но только она была далеко от домов людей, и Эпиметея, который мог бы восхищенно взирать на нее, рядом не было. Тогда божественный ремесленник Гефест отложил свои инструменты и отправился на поиски. Он нашел Пандору и вернул ее на Олимп. Она поселилась в медном доме, хотя иногда, по воле Зевса, все еще посещает мир людей.

Однажды, когда Деметра, дочь Крона и Реи, бродила по миру, наделая плодородием поля, она услышала крик, донесшийся до нее через горы и моря. Сердце Деметры сжалось, потому что она узнала в этом крике зов дочери ее, юной Персефоны.

Деметра покинула поля и поспешила на Сицилию, где она оставила Персефону в цветущих долинах Энны^[9]. Всю Энну обыскала безутешная мать, но не нашла ни следа Персефоны и юных дев, с которыми она играла. Ко всем встречным зывала Деметра о помощи, но, хотя многие видели играющих и собирающих цветы девушек, никто не мог сказать, почему так страшно кричала Персефона и куда она исчезла.

Кое-кто все же мог сказать Деметре, что произошло. Одной из них была нимфа, но только она, прежде чем Деметра пришла к ней, обратилась в журчащий ручей. Теперь она не могла говорить и поведать Деметре, куда исчезла ее дочь и кто унес ее, однако она показала пояс Персефоны, оставшийся в ее водах. А Деметра, обнаружив пояс своей дочери в воде, больше не сомневалась, что юную деву увели насильно. Она зажгла факел от вулкана Этна и в течение девяти дней и девяти ночей искала Персефону в самых темных уголках земли.

Однажды, забравшись на высокий и темный холм, богиня Деметра встретила лицом к лицу с Гекатой, луной. Геката тоже слышала крик Персефоны, ей стало жаль горюющую Деметру. Геката заговорила с ней, пока та стояла на высоком темном холме, и сказала, что за новостями следует обратиться к яркому Гелиосу, хранителю богов, который обязательно скажет, кто увел юную деву в неизвестном направлении.

Деметра пошла к Гелиосу. Он стоял перед своими нетерпеливо бьющими копытами сияющими жеребцами, которые каждый день возят солнце по небесам. Деметра встала на пути горячих коней; она попросила Гелиоса, который видит все происходящее на земле, сказать, кто силой увел ее дитя Персефону.

И Гелиос, который не может ничего скрывать, молвил:

– Царственная Деметра, знай, это царь подземного мира, мрачный Гадес похитил Персефону, чтобы сделать ее царицей мира, в который никогда не проникают мои лучи.

И пока он говорил, его кони нервно встряхивали гривами и выдыхали огонь – им не терпелось тронуться в путь. И наконец, Гелиос поднялся в колесницу и начал свое ежедневное путешествие в небесах.

Деметра, узнав, что Персефону увел против ее желания один из богов и что это было сделано по воле Зевса, решила больше не ходить к олимпийцам. Она погасила факел, который не выпускала из рук девять дней и девять ночей, сняла облачение богини и, безутешная из-за потери любимой дочери, отправилась странствовать по земле. Она перестала выполнять свои функции богини плодородия для людей, она больше не благословляла их поля, она больше не делала ничего из того, чем раньше занималась с большим удовольствием.

Персефона играла с нимфами – дочерьми океана в волшебных долинах Энны. Они собирали цветы, которых было очень много весной, – ирисы и крокусы, лилии, гиацинты и душистые розы. Девушки собирали цветы и складывали их в свои корзины. Неожиданно они увидели водоём, в котором плавали белые лебеди.

Рядом с глубокой трещиной в земле рос чудесный цветок. Цветом он был как крокус, но источал аромат сотни цветов. И Персефона, заметив дикувинку, решила, что, если она сорвет этот цветок, у нее появится нечто более ценное, чем у ее подружек.

Она не знала, что страшный Гадес, властелин подземного мира, заставил цветок вырасти в таком месте, чтобы его аромат увлек Персефону прямо к пропасти.

Когда Персефона склонилась, чтобы сорвать чудесный цветок, мрачный Гадес вырвался из пропасти на железной колеснице, схватил девушку и увлек за собой. Только одна из нимф попыталась спасти Персефону, и тогда у нее в руках остался пояс похищенной девы.

Юная Персефона закричала, сначала потому, что рассыпались ее цветы, а потом от страха, когда поняла, что ее увозят. Она позвала мать, и ее крик преодолел горы и отразился от поверхности моря. Перепуганные дочери океана поспешили спрятаться в глубинах моря.

В своей огромной железной колеснице, которую везли черные кони, Гадес увозил Персефону через глубокую трещину в подземный мир, где царствовал. Колесница перемахнула через реку Стикс и остановилась у трона Гадеса. На свой темный трон посадил он Персефону, дрожащую дочь богини Деметры.

Деметра больше не наделала плодородием земные поля; там, где раньше колосилось зерно, росли сорняки; люди поняли, что скоро у них не останется хлеба и придется голодать.

Богиня странствовала по свету, думая только о дочери, которую у нее похитили. Однажды она присела отдохнуть у колодца на обочине дороги, продолжая думать о Персефоне, которую не могла обнять.

Она увидела идущих по дороге четырех девушек. Их молодость и грация напомнили ей о потерянной любимой дочери. Девушки легко шагали вдоль дороги, неся в руках кувшины, – они направлялись к «колодцу дев», у которого сидела неподвижная, словно изваяние, Деметра.

Увидев богиню, девушки подумали, что перед ними древняя старуха, сердце которой болит от горя. Решив, что она наверняка не благородная дама да и выглядит несчастной, девушки, наполнив кувшины чистой водой, заговорили с ней.

– Почему ты сидишь так далеко от города, матушка? – спросила одна из девушек. – Почему не идешь к людям? Похоже, у тебя нет крова. Мы рады сообщить тебе, что в нашем городе много домов, где тебя примут с радостью.

Изболевшее сердце Деметры потянулось к девушкам – они выглядели такими юными, невинными и простыми, да и были, судя по всему, добры и искренни.

– Куда я могу пойти, дети мои? Мой народ далеко отсюда, и во всем свете не найдется ни одного близкого мне человека.

Одна из девушек сказала:

– У нас многие будут рады, если ты согласишься нянчить одного из детей. Но почему это я говорю о других людях, а не о нашем отце Келее? В его доме ты найдешь самый теплый прием. Недавно у Метанейры, нашей матери, родился ребенок, и она будет очень рада, если такая мудрая женщина, как ты, согласится нянчить маленького Демофонта.

Деметра слушала девушек и видела, что их свежесть и чистота делают их похожими на Персефону. Она подумала, что ей станет легче в доме, где живут эти очаровательные создания, и она не отказалась, когда девушки предложили спросить у матери, нужна ли ей няня для голубого ребенка.

грудного ребенка.

Девушки побежали к дому – их волосы струились за ними, как цветы лотоса. Это были милые и добрые девушки – Каллидика, Клейсидика, Демо и Каллифоя. Они отправились к матери и рассказали о странной женщине, которую звали Досо. Она станет мудрой и доброй няней для Демофонта, сказали они. Их мать, Метанейра, встала с дивана, на котором сидела, чтобы приветствовать незнакомку. Однако, увидев Деметру, переступившую порог, она почувствовала благоговейный страх – пришелица оказалась ей волшебницей.

Метанейра хотела усадить ее рядом с собой на диван, но богиня выбрала самый низкий стул, а приветствуя свою будущую хозяйку, сказала:

– Пусть боги даруют вам только хорошее, госпожа.

– Печаль заставила тебя уйти из родного дома, – сказала Метанейра, – но теперь, когда ты вошла в этот дом, у тебя будет все, что пожелаешь. Только согласишься воспитывать моего Демофонта, дитя наших надежд и молитв.

Деметре дали ребенка, и она прижала малыша к груди. Маленький Демофонт взглянул в лицо своей будущей няни и улыбнулся. И сердце Деметры навеки привязалось к малышу и всем живущим в доме.

Мальчик рос и становился все сильнее и красивее. Маленький Демофонт питался не так, как другие дети, а как боги питались в детстве. Деметра кормила его амброзией, он вдыхал бессмертное дыхание богини. А ночью, когда все в доме Келея засыпало, она, завернув Демофонта в пеленки, клала его в пылающую печь.

Однажды ночью Метанейра выглянула из комнаты, где обычно спала, и увидела своего сына лежащим в печи. Испугалась Метанейра, подбежала к очагу и выхватила ребенка из пламени.

– Демофонт, сын мой, – воскликнула она, – что с тобой сделала эта странная женщина? Да падут на меня самые страшные кары за то, что я позволила ей взять тебя в руки.

И тогда ответила Деметра:

– Вы, смертные, действительно глупы и не способны понять, что для вас хорошо, а что плохо. Ты глупа, Метанейра, потому что в своей неразумности своими руками лишила своего сына бессмертия, а ведь он мог стать бессмертным, как сами боги. Он лежал у моей груди и стал мне дорог, и я хотела наделить его величайшим даром, который могут дать божественные существа. Я хотела сделать его бессмертным и нестареющим. Но теперь это невозможно. Демофонт будет окружен почестями, но он узнает, что такое старение и смерть.

И Деметра сбросила облик старой женщины, к ней вернулась молодость и красота, а от ее одеяния стал исходить божественный аромат. Ее тело распространяло такое сияние, что темная комната осветилась. Метанейра стояла рядом, дрожащая и лишившаяся дара речи, она даже не подумала, что нужно взять ребенка, который лежал на земле.

И тогда сестры услышали плач Демофонта. Одна из них вбежала в комнату и взяла ребенка на руки, другая снова разожгла огонь в очаге, третья и четвертая приготовили все необходимое для купания малыша. Всю ночь они заботились о нем, поочередно беря на руки и укачивая, но малыш не успокаивался. Няни, которые ухаживали за ним, оказались не столь опытными, как няня-богиня.

Что же касается Деметры, она покинула дом Келея и пошла вдоль по дороге. Ей было горько и одиноко. И на землях, по которым она шла, напрасно тащили быки тяжелые плуги по пашне – не приносила результата их работа. Бесплодна была земля, на полях не всходило ни травинки. Голод становился все сильнее, и весь род человеческий оказался на грани уничтожения.

Снова подошла Деметра к «колодцу дев». Она подумала о дочерях Келея, вспомнила о том, как они пришли к колодцу с бронзовыми кувшинами в руках, какими добрыми глазами смотрели на нее – незнакомую старуху. Вспомнив все это, она села на камень у колодца. Потом она подумала о Демофонте, малыше, которого она прижимала к своей груди. На землях вокруг их дома не колосились поля – везде росли только сорняки. Деметра, сидя на камне у колодца, оглянулась вокруг, и в ее сердце закралась жалость к людям, в доме которых она жила.

Она встала и вернулась в дом Келея. Она нашла его рядом с домом – он отмеривал немного зерна. Богиня подошла к нему и сказала, что искренне полюбила обитателей его дома, и поэтому она благословит его поля, и на них снова будет произрастать все, что посеяно. Келей возликовал; он созвал свой народ, и люди поклялись возвести храм богине Деметре. Она прошла по полям и благословила их, и посеянные в них зерна начали расти. И богиня некоторое время жила среди этих людей. А город назывался Элевсин.

Но только Деметра упорно держалась в стороне от олимпийских богов. Зевс отправил к ней вестницу богов златокрылую Ириду, которая звала Деметру, молила вернуться на Олимп. Деметра не вяла ее мольбам. Посылал к ней Зевс и других богов и богинь, но никто не мог унять в ее сердце тоску по Персефоне, и никто не мог убедить ее вернуться в компанию бессмертных богов.

И был вынужден великий Зевс отправить посланца в подземный мир, чтобы вернуть Персефону безутешной матери. Быстрый, как мысль, Гермес был тем посланцем. Через самые темные уголки земли прошел Гермес и предстал перед тронном, на котором восседал мрачный Гадес. Персефона сидела рядом. Гермес поведал властителю подземного мира волю Зевса, сказав, что Персефона должна вернуться к матери.

Персефона, услышав волю Зевса, которой не должно противоречить, вскрикнула, и это был первый звук, сорвавшийся с ее уст после того, как она издала крик во время своего похищения – тот самый крик, который достиг сердца ее матери. И Гадес, услышав волю Зевса, которой не должно противоречить, склонил свою темную голову.

– Она должна подняться в верхний мир и утешить свою мать, – молвил Гадес. Но потом, не удержавшись, воскликнул: – Ах, Персефона, неужели в сердце твоём нет ни капли доброты ко мне, тому, кто увел тебя силой и против твоей воли! Я могу дать тебе одно из самых больших царств из всех, где правят олимпийцы, хотя это темное царство. И я, брат Зевса, вполне подходящий муж для тебя, дочери Деметры.

Так сказал Гадес, мрачный властитель подземного мира, и велел приготовить свою колесницу, в которую впряжены бессмертные кони, чтобы доставить Персефону в верхний мир.

Возле одинокого дерева, росшего в подземном мире, Гадес остановил колесницу. На этом дереве рос единственный плод – гранат. Персефона протянула руку и сорвала его. Тогда Гадес велел ей разломить плод, и, сделав так, Персефона съела семь зернышек граната.

Затем колесницей стал править Гермес. Он взял вожжи, и ни реки, ни моря, ни густые леса, ни высокие горы не могли сдержать бессмертных коней Гадеса. Очень скоро колесница доставила Персефону туда, где ее ожидала мать.

И когда с вершины холма Деметра увидела колесницу, подлетающую, словно дикая птица, она устремилась навстречу, чтобы обнять вновь обретенное дитя. Персефона, увидев ласковые глаза матери, выпрыгнула из колесницы, бросилась к матери и обняла ее. Долго держала Деметра дочь в объятиях и никак не могла наглядеться. Неожиданно у нее появилось дурное предчувствие. Не в силах побороть

страх, она спросила:

– Дорогая, вкушала ли ты какую-нибудь пищу в подземном мире?

С легким сердцем ответила Персефона, что ничего не ела в подземном мире, но тут же вспомнила о семи зернышках граната, которые ей велел проглотить Гадес. Когда она поведала об этом матери, Деметра зарыдала, и ее слезы омыли лицо Персефоны.

– Ах, милая моя, – плакала Деметра, – если бы ты не съела зернышки граната, ты бы осталась со мной, и мы больше никогда бы не расстались. Но теперь, когда ты вкусила пищу в подземном мире, царство Гадеса завладело тобой. Ты не сможешь навсегда остаться со мной. Снова и снова ты будешь возвращаться в подземный мир и сидеть на троне мрачного Гадеса^[10]. Но не всегда ты будешь оставаться там. Когда на земле расцветут цветы, ты будешь выходить из царства вечной тьмы, и мы вместе с радостью пойдем по земле, мы, Деметра и Персефона.

С тех пор Персефона две трети года живет с матерью, а на одну треть возвращается к своему мужу Гадесу. Когда она с матерью – на земле все цветет и зеленеет, леса покрываются нежной листвой, на изумрудной траве лугов пестреют цветы. Потом начинают колоситься хлебобродные поля, цветут сады, сверкает на солнце зелень виноградников. Когда колосья сжаты и собраны плоды, наступает грустное время – Персефона удаляется от матери. Она спускается в подземное царство и садится на трон рядом со своим могущественным повелителем. Но в ее сердце нет места печали; она сидит, гордо подняв голову, потому что является могущественной царицей. И она радуется, предвкушая, как снова поднимется в верхний мир и отправится вместе со своей матерью Деметрой по земле, чтобы дарить людям радость.

Давным-давно по земле бродили менестрели. Они пели людям о великих богах, об их деяниях, об их рождении и начале всего. Но ни один из певцов не был так искусен, как Орфей, никто не мог поведать о богах более правдивых историй, ведь Орфей сам был наполовину богом. Говорили даже, что он сын самого Аполлона.

Но однажды великое горе постигло Орфея, и он не мог больше петь и играть на лире – его молодая жена Эвридика покинула его. Однажды прекрасная Эвридика собирала со своими подругами цветы в зеленой долине. Не заметила Эвридика в густой траве змею и наступила на нее. Змея ужалила ее, и отправилась прекрасная нимфа в царство мертвых.

И весь мир померк для певца богов; сон больше не приходил к нему, а еда не имела вкуса. И сказал Орфей: «Я сделаю то, чего не делал еще ни один смертный. Я сделаю то, от чего содрогаются даже бессмертные. Я отправлюсь вниз в царство мертвых, чтобы вернуть к жизни и свету мою возлюбленную Эвридику».

По пути Орфей играл на лире и пел; деревья слушали его песни и сочувствовали горю, своими ветвями они показывали ему дорогу к глубокой и мрачной пещере – Тэнара^[11]. Через эту мрачную пещеру спустился Орфей в царство мертвых.

Вниз, вниз и вниз по извилистой тропе шел Орфей. И наконец увидел огромные ворота, ведущие в царство мертвых^[12]. Безмолвные стражи ворот были удивлены, увидев живое существо перед ними; они не позволили Орфею приблизиться к воротам.

Тогда менестрель взял в руки лиру и заиграл. Волшебные звуки музыки разнеслись далеко вокруг, а молчаливые стражи столпились около Орфея, оставив ворота без охраны. Он играл, и на звуки музыки вышли даже повелители мертвых – Гадес и Персефона, они тоже стояли рядом и слушали живого человека, пришедшего в царство мертвых.

Орфей пел о своей любви к жене, о том, как счастлива была его жизнь с ней в светлые ясные дни весны. Но быстро миновали дни счастья. Погибла Эвридика. О своем горе, о муках разбитой любви, о тоске по умершей пел Орфей. Он поведал, что пытался побороть свое горе, но не смог, старался смириться с потерей, но так и не сумел.

Когда Орфей произнес имя своей любимой, Персефона, царица мертвых, склонила голову, и бородастый Гадес, царь мертвых, склонил голову тоже. Персефона подумала о том, как ее мать, Деметра, искала ее по всему свету, вспомнила, как горячи были слезы матери, струившиеся по ее лицу. А Гадес подумал о том, как любовь к Персефоне заставила его похитить юную деву с зеленой долины, где она собирала с подругами цветы. Гадес и Персефона отступили и дали дорогу Орфею. Он прошел через ворота и очутился среди мертвых.

Орфей играл, и Тантал, который за преступления был приговорен вечно стоять по горло в воде и не иметь возможности утолить жажду, услышав волшебные звуки, позабыл о жажде и о текущей мимо его губ воде. Орфей играл, и Сизиф, обреченный вечно вкатывать на гору камень, который всегда скатывался обратно, прекратил свою тяжкую работу, сел на камень и задумался. Орфей пел, и Иксион, прикованный к колесу, на время перестал вращаться; коршуны прекратили терзать печень великана Тития, а данаиды позабыли о своей бездонной бочке. Слезы блестили даже на глазах не ведающих жалости Эриний, которые не дают мертвым забыть о своих грехах и преступлениях.

В группе умерших недавно Орфей заметил Эвридику. Она увидела мужа, но не могла приблизиться к нему. Она медленно подошла, только когда ее окликнул Гадес. Орфей радостно схватил ее за руки.

Им было разрешено – ни одному смертному еще не была дарована такая милость – уйти вместе из мира мертвых и поселиться в мире живых. Им было поставлено только одно условие: ни Орфей, ни Эвридика не должны по пути оглядываться.

Они прошли через ворота и оказались среди стражей. Те показали им тропу, которая вела вверх – в мир живых, и они пошли по ней: первым шел Орфей, за ним – Эвридика.

Они поднимались все выше и выше во тьме. Орфей знал, что Эвридика идет за ним, но он ни разу не оглянулся. Он шел вперед, и его сердце было переполнено радостью, он думал о новостях, которые должен рассказать жене: какие деревья и цветы расцвели в саду, который она покинула, как восхитительно журчит и сверкает на солнце вода в фонтане. Он хотел ей сказать, как гостеприимно распахнутся перед ними двери дома, сидя на пороге которого можно наблюдать, как солнце играет в лавровых кустах. Все это Орфей собирался рассказать своей любимой жене, которая шла за ним – молчаливая и невидимая.

Но вот впереди забрезжил свет. Это выход! Скоро они войдут в пещеру, которая является дверью в мир живых. Орфей вглядывался в постепенно рассеивающийся мрак и наконец увидел впереди голубое небо. Он сделал шаг из пещеры, заметил легкокрылую птицу, пролетающую мимо, и воскликнул:

– О, Эвридика, взгляни на мир, в который я тебя возвратил!

Орфей оглянулся и увидел ее. Он увидел свою любимую, ее длинные развевающиеся волосы, бледное лицо. Он протянул руки, чтобы обнять ее, но в этот самый миг она скользнула обратно в темноту пещеры. Он расслышал одно только слово: «Прощай!» Долгий и трудный путь прошла Эвридика, карабкаясь по тропе наверх в мир живых, но в тот самый момент, когда Орфей оглянулся, она снова провалилась в мир мертвых. Ведь он оглянулся, хотя это было строжайше запрещено.

Орфей снова устремился через пещеру вниз и через некоторое время оказался перед стражами ворот. Но теперь его никто не замечал и не слушал. Потеряв надежду, он вернулся в мир живых.

Теперь друзьями Орфея стали птицы, деревья и камни. Птицы летали вокруг него и горевали вместе с ним; деревья и камни часто двигались за ним, тронутые звуками его лиры. Но жестокие люди убили Орфея и бросили его голову вместе с лирой в реку Гебр. Поэты говорят, что, пока лиру уносили волны, ее струны тихо звучали, словно сетуя на гибель певца, и им вторила голова Орфея.

Орфей покинул мир живых и направился прямой дорогой в мир мертвых. Безмолвные стражи пропустили его, он оказался в окружении мертвых и сразу заметил Эвридику. Они снова были вместе, Орфей и Эвридика, и даже жестокие Эринии не мучили их воспоминаниями о свершенных преступлениях и ошибках.

Корабль стоял в гавани, когда на берегу появился юноша. Он был одет в пурпурный плащ; его темные густые волосы развевались, лицо его поражало красотой. Моряки на корабле подумали, что это, наверное, сын или младший брат царя. Это были морские бродяги этрусков, которые знали, что им не на что рассчитывать на этой земле. Поэтому они решили похитить юношу и потребовать за него выкуп или, если не получится, продать его в рабство.

Моряки схватили юношу, связали и доставили на борт корабля. Он не кричал и не сопротивлялся, а спокойно сидел на палубе с улыбкой на устах и загадочным блеском в глазах. Взглянув на него, рулевой вскричал:

– Безумцы! Зачем вы это сделали? Говорю вам, тот, кого вы привели в путях, на самом деле житель Олимпа! Давайте его немедленно освободим! Если он на нас разгневется, ветра и море станут самыми страшными врагами нашего корабля. Поверьте, даже самое прочное судно не сможет далеко увезти такого, как он.

Но капитан корабля рассмеялся, услышав слова рулевого.

– Ты сам безумец, – заявил он, – если ведешь разговоры об олимпийцах. – Он дал команду немедленно выходить в море, после чего добавил, обращаясь к рулевому: – Оставь вопросы добычи нам, а сам следи за ветром, и пусть он наполнит паруса. Что же касается юноши, которого мы захватили, я отлично знаю такой сорт людей. Сначала он будет молчать и улыбаться, но очень скоро заговорит, это я могу гарантировать. Он нам скажет, где его братья и кто его друзья и сколько мы сможем за него получить. Иначе ему придется стоять на рыночной площади до тех пор, пока мы не получим нужную цену.

Так сказал капитан морских разбойников, и на корабле закипела работа; были подняты паруса, их наполнил ветер, и корабль понесся прочь от берега по сверкающей морской глади. Пираты были довольны, они пели и веселились. Но когда корабль стал маневрировать, лова парусами ветер, разбойники увидели нечто, заставившее их удивиться. Что разлилось по палубе, источая дивный аромат? Неужели вино? Да, это вино, но какой чудесный вкус! Неужели вокруг мачты вьется молодой плющ – настоящий плющ с темно-зелеными листьями и ягодами? Что это? Неужели вверх по парусу тянется виноградная лоза, а с нее свисают крупные грозди спелых ягод? И что за зелень появилась из укючин? Морские пираты замерли в восхищении. Но неожиданно их восторг сменился диким страхом: на корабле объявился лев, его рычание доносилось отовсюду. Моряки столпились вокруг рулевого. Все кричали: «Поворачивай, поворачивай корабль!» И тут появился лев. Он прыгнул на капитана корабля и схватил его. Страшный хищник немного потрепал добычу в зубах, а потом бросил ее в море. Моряки не стали ждать, когда лев примется за них, и сами начали прыгать в море. И на корабле не осталось никого, кроме рулевого. Когда же и рулевой приготовился прыгать за борт, то внезапно понял, что льва на палубе больше нет. Он увидел юношу, которого они захватили в плен, только на нем больше не было веревок. Улыбка играла на его губах и в темных лучистых глазах, а чело венчал венком из плюща, щедро усыпанного ягодами. Рулевой пал пред ним ниц.

– Не бойся, добрый человек, – молвил юноша. Теперь не приходилось сомневаться в том, что это действительно один из олимпийцев. – Твои друзья превратились в дельфинов и отныне будут жить в море. Но ты заслужил мою благосклонность. Знай же, что я – Дионис, которого Семела родила Зевсу.

Это был тот самый бог, само рождение которого было чудесным. Зевс-громовец полюбил Семелу, дочь фиванского царя Кадма. Она попросила возлюбленного показаться ей во всем великолепии его божественного могущества. И Зевс явился в своем величии, яркая молния сверкала в его руках, удары грома потрясали дворец. Все вокруг вспыхнуло, зашаталось и стало рушиться. Семела пала на землю, и жизнь покинула ее.

Зевс взял ее нерожденного ребенка и зашил в свое бедро. Ребенок родился из бедра Зевса на горе Ниса, в тайном месте, которое не посещала Гера, супруга Зевса. Горные нимфы получили дитя от Зевса и спрятали его. Они кормили его амброзией и нектаром – пищей бессмертных. Ребенок вырос в уютной плющом пещере, наполненной ароматом цветов и винограда. Став подростком, он полюбил гулять по заросшим лесами склонам Нисы, и его чело всегда украшал венок из плюща. Нимфы всюду следовали за ним, и в лесах всегда раздавались их голоса. Царь, услышав эти голоса и увидев коронованного плющом подростка и нимф, неотлучно следовавших за ним, очень разозлился. Ликург было имя того царя. Он направил своих людей, вооруженных тяжелыми кнутами, которыми они погоняли волов, за Дионисом – так звали сына Зевса – и нимфами. Нимфы взлетели на вершину горы, Дионис бросился вниз к морю, а Ликург за свою жестокость был поражен слепотой, да и срок его жизни существенно сократился – бессмертные боги возненавидели его.

Корабль с преданным рулевым доставил Диониса на остров Наксос. Там дочь царя Миноса Ариадна стала его невестой. Дионис отправился в Египет и был с почетом принят царем Египта, затем он посетил Индию и поселился на берегу реки Ганг. И всюду, где он бывал, Дионис показывал людям, как выращивать виноград и как делать вино, которое радует сердца и освобождает ум от насущных забот.

И куда бы Дионис ни отправился, за ним следовали женщины; они радовались, когда находились рядом с ним; они танцевали, они били в тимпаны, они вместе пировали, вдали от глаз мужчин. В сопровождении женщин Дионис вернулся на землю, где родился. Он ехал в колеснице, в которую были впряжены леопарды, подаренные царем Индии, а его чело украшал венок из плюща и виноградных листьев.

Итак, Дионис вернулся в Фивы, которыми правил Кадм, отец Семелы. Кадм был уже глубоким старцем и давно передал бразды правления сыну его дочери Пенфею. Дионис заявил, что он сын Семелы, и Пенфей сразу обвинил его в обмане. И тогда женщины Фив, оставив своих мужей и дома, присоединились к тем, что повсюду следовали за Дионисом. Они устраивали пышные празднества в горах, куда не допускался ни один мужчина. Пенфей пришел в ярость, глядя на поведение своих подданных, попавших под влияние бродяги из Индии, и стал думать, что предпринять.

Он запретил выращивать виноград в Фивах; он не позволял фиванцам делать или пить вино. Он сделал это, хотя его отец, держа в руках чашу с вином, предостерегал его от преследования последователей Диониса.

Пенфей запер Диониса в темнице; он проследил за женщинами и обнаружил их тайное место встречи высоко в горах. Чтобы лучше видеть, он вскарабкался на высокое дерево. Там его и заметили женщины. В гневе они подбежали к дереву. Они сняли мужчину с ветвей и стали угрожать ему; Пенфей увидел свою мать Агаву среди женщин – она была их предводительницей. Мать не узнала сына и стала кричать: «Кабан, кабан оказался среди нас, уничтожьте его!» Женщины разорвали тело Пенфея на куски, и его мать Агава была первой среди них. Так погиб Пенфей, а Дионис воцарился на земле, где Семела впервые познала своего божественного возлюбленного – Зевса.

Об Аполлоне лебедь поет, когда выходит на берег бурлящей водоворотами реки Пеней, он бьет крылами и под этот аккомпанемент чистым голосом поет о златокудром боге. Об Аполлоне поет и менестрель, держащий в руке лиру. Аполлон и Артемида были детьми Лето (Латоны) и Зевса. Долго Лето странствовала по свету в поисках места, где могла дать жизнь своим детям. Гонимая Герой, грозной супругой Зевса, она нигде не находила приюта. Наконец, она попала на остров Делос и попросила остров позволить ей произвести здесь на свет своих детей. И маленький остров Делос сказал, что с радостью предоставит место для их рождения.

– Я, маленький остров, – сказал он, – пользующийся у людей дурной славой из-за своей пустынной, лишенной растительности, скалистой местности, сочту великой честью, если здесь родятся твои дети. Но мне страшно. Я опасаясь, что твои дети будут стыдиться места своего рождения, они перевернут меня и ввергнут в морскую пучину. Я боюсь, что меня опутают щупальца странных и уродливых морских чудищ, что морские львы станут ползать по моим долинам и на них никогда не ступит нога человека. Но все будет иначе, о богиня, если ты поклянешься, что на моей земле будет построен храм.

И Лето поклялась священными водами Стикса – эту клятву не может нарушить ни один бог, – что ее сын построит на этом острове храм.

Итак, дети Лето, Аполлон и Артемида, родились на Делосе, маленьком острове. И хотя Гера постаралась лишить Лето любой помощи, при рождении присутствовали многие богини. Они приняли Аполлона и омыли его в чистой воде, они завернули его в чистую ткань и обвязали золотой лентой. И Темис, одна из старших богинь, дала ему амброзию и нектар, пищу бессмертных богов.

Отведав божественной пищи, ребенок спрыгнул с колен няни. Он заговорил, и весь остров засиял и зацвел. Засверкали прибрежные скалы, и долины, и море. Ребенок взял в руки лук и лиру. Позже он получил от Гефеста колчан со стрелами. Этими стрелами, выпущенными из серебряного лука, он убил Пифона, ужасного дракона, который был отпрыском Земли. И еще он убил Тифона – чудовище, не похожее ни на что, созданное богами.

Оставив поверженное чудовище, он отправился в чудесную долину Темпе. Там он увидел Дафну; Земля была ее матерью, а отцом – Пеней, река. Когда Дафна сбегала по склонам горы Осса, ее волосы развевались по ветру. Она увидела Аполлона, стоящего на вершине горы с серебряным луком на плече, распространяющего вокруг себя свет. Она поняла, что этот юноша – самый красивый из олимпийцев. Но когда он позвал девушку, она побежала прочь, потому что поклялась, что никто – ни бог, ни человек – никогда не будет обладать ею^[13]. Она бежала быстро, словно молодой олень. Аполлон не отставал. Они бежали по склону горы Осса: девушка впереди, Аполлон за ней. Дафна знала все укромные уголки и тайные тропинки и была уверена, что сможет спрятаться от преследователя. К тому же она была очень легкой и быстроногой. Она бежала все дальше и дальше. Но вскоре она начала задыхаться, а ее сердце едва не разорвалось в груди. Она слышала, как прекрасный Аполлон звал ее, просил остановиться. Она слышала его дыхание у себя за спиной.

Она добежала до места, где земля оказалась рыхлой и мягкой, и ее ноги провалились по щиколотки.

– О, мать моя Земля, – взмолилась Дафна, – сделай так, чтобы мне не пришлось покориться ему.

Вдруг она почувствовала, как ее шею коснулось дыхание преследователя, а плеч – его горячие руки. Она покачнулась, но она знала, что больше ей ничто не угрожает, так как она изменилась, она вросла в землю. А Аполлон обнаружил, что обнимает ветви и листья лаврового дерева. Он только вскрикнул, когда почувствовал, что кровь, стремившаяся по жилам девушки, стала соком дерева, а ее плоть и развевающиеся волосы – ветвями и листьями. Велико было горе Аполлона. Но он горячо полюбил Дафну, пока она была девой, и продолжал любить, когда она стала деревом. Он сорвал листья и водрузил их на свое чело. С тех пор Аполлон всегда носит лавровый венок и вручает его победителю в соревнованиях.

Геракл, рожденный смертной женщиной Алкменой, был сыном Зевса. Гера, супруга Зевса, затаила злобу на Алкмену и ее сына, и, когда Геракл еще лежал в колыбели, она послала двух огромных змей, чтобы уничтожить его. Но младенец протянул свои маленькие ручонки к змеям, схватил их за шеи и сдавил с такой силой, что задушил их. Затем коварная богиня наслала на Геракла безумие, в припадке которого он убил своего брата Ификла. Когда разум вернулся к юноше и он узнал, что натворил, он лишился сна и покоя. Он отправился в Дельфы к святилищу Аполлона, чтобы очиститься от скверны.

Аполлон устами пифии повелел Гераклу отправиться на родину его предков в Тиринф и поступить на службу к Эврисфею. Если же он совершит по велению Эврисфея двенадцать великих подвигов, то получит бессмертие. Услышав эти слова, Геракл пошел в Тиринф.

Он предстал перед Эврисфеем, который его ненавидел. Он стал слугой слабого и трусливого Эврисфея. Царь очень боялся могучего героя. Геракл сказал:

– Я пришел, чтобы выполнить подвиги, которые ты повелишь. Говори же, Эврисфей, скажи, что я должен делать.

Эврисфей, глядя на сильного молодого человека, спокойно стоящего перед ним и больше похожего на бессмертного бога, чем на простого смертного, чувствовал, как его дрожащее сердце наполняется ненавистью. Он поднял голову и изрек:

– В Немее есть лев, который сильнее и свирепее любого льва, доселе жившего на земле. Убей его и принеси мне шкуру, чтобы я мог убедиться в выполнении задания.

Так сказал Эврисфей, и Геракл, у которого не было ни щита, ни оружия, немедленно вышел из царского дворца и направился сражаться с ужасным немейским львом.

Он долго шел и в конце концов пришел в страну, где все заборы были повалены, поля опустошены, дома пусты и разрушены. Он пошел дальше и вышел на пустошь, где и заметил следы льва; они вели к склону горы, и Геракл, не имея ни щита, ни оружия, пошел по следу.

Вскоре он услышал рык льва. Взглянув вверх, он увидел гигантского зверя, стоявшего у входа в пещеру. Чудовище имело длинную косматую гриву. Лев издал три грозных рыка, далеко разнесшихся по окрестностям, и вошел в пещеру.

Возле входа в пещеру были разбросаны кости животных и людей, которых лев убил и принес в свое логово. Геракл посмотрел на кости и вошел внутрь его. Он шел по пещере до тех пор, пока не увидел льва, пожиравшего очередную добычу. Геракл почувствовал зловонное дыхание зверя. Лев зевнул. Геракл прыгнул на него и обхватил своими могучими руками шею чудовищного зверя. Ни одного звука не вырвалось из пасти льва, но его огромные глаза яростно сверкали, а ужасные лапы пытались достать Геракла. Могучий герой крепко прижал зверя к скале, одновременно стискивая его шею. Он чувствовал, насколько прочна, почти непробиваема шкура чудовища. Лев отчаянно сопротивлялся, но Геракл оказался сильнее; вскоре лев перестал биться и затих^[14].

Геракл снял непробиваемую шкуру льва и надел на себя вместо плаща. Проходя по лесу, он вырвал молодой дуб и обломал с него ветви, чтобы сделать для себя посох. С лвиной шкурой на плечах – шкурой, которую не могли пробить ни копье, ни стрела, – и посохом в руках Геракл отправился в обратный путь к царю Эврисфею и, спустя некоторое время, подошел к его дворцу.

Царь, увидев приближающуюся к нему могучую фигуру, покрытую шкурой чудовищного льва, задрожал и спрятался в большом кувшине. Он лишь слегка приподнял крышку и поинтересовался у слуг, что означает это страшное явление. Слуги ответили, что это вернулся Геракл, надевший на себя вместо плаща шкуру льва. Услышав это, Эврисфей снова спрятался. Он так боялся Геракла, что не стал разговаривать с ним и даже запретил подпускать его близко к себе. Но Геракл был доволен, что его оставили в покое. Он обосновался во дворце и устроил для самого себя пир.

Слуги пришли к царю и, когда Эврисфей поднял крышку кувшина, сказали, что Геракл пирует и уничтожает все, что есть во дворце. Царь разгневался, но все равно не осмелился призвать к себе Геракла. Через своих глашатаев он передал герою приказ немедленно приступить к выполнению второго задания.

Теперь Гераклу предстояло убить чудовище с телом змеи и девятью головами дракона, обосновавшееся в болотах Лерны, – лернейскую гидру. Геракл пировал еще один день, затем набросил на плечи шкуру льва, взял посох и снова отправился в путь. Но на этот раз он был не один, его сопровождал юный Иолай – сын его брата Ификла.

Придя к обширному лернейскому болоту, они обнаружили, что гидра расположилась в самой его середине. Девять голов имела она. Когда герой и его спутник подошли к болоту, гидра подняла их все над водой. Пересечь болото, чтобы подойти к монстру поближе, было невозможно – трясина засасывала и человека, и зверя.

Гидра оставалась в середине болота и только бросала комья грязи в героя и его спутника. Геракл взял лук и стал пускать горящие стрелы в головы чудовища. Гидра пришла в ярость; она поднялась на своем громадном хвосте, чтобы напасть на возмутителя ее спокойствия. Геракл взмахнул посохом. Когда гидра подползла, он начал сбивать ее головы одну за другой.

Но на месте каждой утраченной головы у гидры вырастало две новых. На помощь гидре из болота выполз чудовищный рак и впился клешнями в ногу Геракла. Пока тот был занят сбиванием голов гидры, рак попытался утащить героя в болото. Помог герою юный Иолай – он убил огромного рака.

Геракл схватил гидру своими могучими руками и вытащил ее из болота. Он начал сбивать головы гидры, а Иолай, разведя огонь, прижигал то место, где была голова, и новые головы перестали вырастать. Вся жизненная сила гидры была сосредоточена в средней голове, но эту голову Геракл не смог сбить своим посохом. Поэтому он поднапрягся и оторвал ее руками, после чего положил ее под большой валун, чтобы она больше не возродилась к жизни. Так была уничтожена жизненная сила гидры. Геракл рассек ее тело и погрузил свои стрелы в желчь чудовища. С тех пор раны, нанесенные стрелами Геракла, стали неизлечимыми.

С великим торжеством вернулся Геракл в Тиринф, а Эврисфей, увидев приближающегося героя, снова спрятался в кувшине. Геракл приказал слугам, чтобы они доложили царю о выполнении второго задания.

Эврисфей, услышав, что Геракл вполне мирно общается со слугами, вылез из кувшина и нахально заявил:

– Ты должен совершить для меня двенадцать подвигов, что ж, осталось одиннадцать.

– Как? – удивился Геракл. – Разве я уже не совершил два? Разве я не убил немейского льва и лернейскую гидру?

– В деле с лернейской гидрой тебе помогала Иолаи, – сказал царь, глядя на героя бегающими глазами. – Этот подвиг не может быть засчитан тебе.

Геракл уже поднял руку, чтобы отвесить наглому царю хорошую оплеуху, но вспомнил о преступлении, совершенном в припадке безумия, и о том, что искупить свою вину он сможет, только совершив двенадцать подвигов по приказу этого человека. Поэтому он лишь тяжело вздохнул и проговорил:

– Говори, что еще надо сделать. Я пойду и сделаю.

Эврисфей велел герою очистить от навоза скотный двор царя Авгия. Геракл пришел в Элиду, где царствовал Авгий. Вонь, распространявшаяся от его конюшен, чувствовалась на много миль вокруг. Бесчисленные стада крупного рогатого скота и коз находились на скотном дворе годами. Из-за скопившихся нечистот погиб урожай во всей округе. Геракл пообещал Авгию очистить в один день его громадный скотный двор, если тот согласится отдать за это десятую часть своих стад.

Царь согласился. Тогда Геракл выгнал крупный рогатый скот и коз со двора, сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвел в него воду двух рек – Алфея и Пенея. Вода потекла через скотный двор и в один день унесла весь навоз. После этого Геракл вернул реки в прежние русла.

Однако обещанной награды он так и не получил. Вернулся Геракл к Эврисфею и доложил об успешном завершении работы.

– Осталось выполнить десять твоих заданий, – сказал он.

– Одиннадцать, – возразил Эврисфей. – Как я могу засчитать очистку скотного двора царя Авгия, если ты делал это ради награды?

И пока Геракл старался сдержаться, чтобы не задать наглому родственнику хорошую трепку, царь убежал и спрятался. О следующем задании он информировал Геракла через своих глашатаев.

Ему предстояло очистить окрестности города Стимфала от птиц-людоедов, которые гнездились там; поймать и доставить царю златорогую керинейскую лань и эриманфского кабана.

Пришел Геракл к городу Стимфалу. Вокруг него росли такие густые заосли, что он никак не мог пробиться в их чащу, где гнездились птицы. Они сидели на низких кустах и насыщались принесенным мясом.

Много дней пытался Геракл пробиться к птицам-людоедам, но безуспешно. Решив, что он не сумеет выполнить это задание, он в отчаянии опустился на землю и глубоко задумался.

И тогда перед ним явилась одна из бессмертных богинь: это был первый и последний раз, когда ему помогли боги. Пришла к нему Афина. Она стояла поодаль от Геракла и держала в руках два медных тимпана. Она ударила в тимпаны, и стимфалийские птицы взлетели с низких кустов, растущих в чаще зарослей. Одна за другой птицы падали на землю, пораженные стрелами Геракла.

Покончив с птицами, Геракл отправился на север, туда, где паслась керинейская лань. Она была настолько быстроногой, что ни одна собака и ни один охотник не могли догнать ее. Целый год гонялся Геракл за ланью, но она ускользала от него. Наконец, он настиг ее на склоне горы Артемизион. И тогда явилась перед ним разгневанная Артемида, богиня-охотница, покровительница животных, и сказала, что это ее лань. С благоговением склонился Геракл перед прекрасной богиней и объяснил, что выполняет волю богов. Тогда богиня смягчилась и позволила Гераклу отнести добычу в Тиринф и показать ее царю Эврисфею. Артемида даже согласилась последить за златорогой ланью, пока Геракл будет охотиться за эриманфским кабаном.

Пришел Геракл в город Псофис, жители которого пребывали в великом страхе из-за набегов кабана. Геракл отправился в горы на поиски зверя. А на той горе жили кентавры. Один из них, по имени Фол, отвел Геракла в дом, где кентавры хранили свое вино. Пили они это вино очень редко. Один лишь глоток этого напитка приводил их в состояние неконтролируемого бешенства, поэтому они хранили его отдельно. Геракл попросил Фола дать ему глоток вина. После того как герой снова и снова повторил свою просьбу, Фол открыл один из сундуков.

Геракл выпил вино, но при этом пролил немного. Кентавры почуяли запах вина и стали ломиться в дверь, требуя своей доли. Геракл вышел, чтобы их прогнать, но они напали на могучего героя. Тогда Геракл стал стрелять в них своими смертоносными стрелами и обратил в бегство. Высоко в горы к самым дальним рекам убежали кентавры, преследуемые Гераклом.

Один из них был убит. Это был Фол, открывший герою вино^[15]. Стрела Геракла случайно поразила его в ногу. Безутешный Геракл отнес тело кентавра на вершину горы и похоронил там. После этого он установил в снегах Эриманфа ловушку для кабана. Там он его и поймал.

На своих плечах принес герой кабана в Тиринф и привел златорогую лань. Когда Эврисфей посмотрел на кабана и на лань, кабан уже был мертв, а лань, согласно условию Артемиды, убежала обратно в горы.

Царь Эврисфей придумал более тяжелую задачу для Геракла. Теперь он решил отправить его за море сражаться со свирепыми племенами и ужасными чудовищами. Обдумав все как следует, Эврисфей велел позвать Геракла и объяснил ему, что он должен сделать.

Ему предстояло отправиться в дикую Фракию и уничтожить коней царя Диомеда, которые питались человеческим мясом. Затем должен был состояться его поход к ужасным женщинам, амазонкам, дочерям бога войны Ареса, за поясом царицы Ипполиты. Этот пояс подарил ей Арес. Следующим должно было стать путешествие на остров Крит за быком, которого царю Миносу послал сам Посейдон. После этого Гераклу предстояло посетить остров Эрифейи и забрать у великана Герiona, имевшего три туловища вместо одного, стадо красных коров. Их охранял двуглавый пес Орфо. Затем Геракл должен был проникнуть в сад Гесперид и взять оттуда золотые яблоки, данные Зевсом Гере в качестве свадебного подарка. Причем, где именно располагался сад Гесперид, не знал ни один смертный.

И Геракл отправился в долгое, чреватое опасностями путешествие. Сначала путь его лежал во Фракию, дикую землю, которой правил Диомед, сын бога войны Ареса. Геракл вломился в конюшню, где находились кони, схватил троих из них за гривы и, хотя они отчаянно старались освободиться, отвел их на свой корабль. Там его ждал Абдер, сын Гермеса, которому он и поручил охрану коней. Ржание свирепых коней было услышано фракийцами; царь Диомед собрал войско и погнался за Гераклом. Могучий герой принял бой с фракийскими войнами и их царем. Он начал пускать в них свои отравленные стрелы, отогнал их от берега и вернулся на корабль, где его ожидал Абдер с конями. Велико было отчаяние Геракла, когда он увидел, что кони растерзали Абдера. Геракл достал лук и стрелы, отравленные желчью лернейской гидры, и стал пускать их в коней. Заржали кони и побежали к морю. Сначала упал один жеребец, за ним – второй, а у самой кромки воды упал и третий. Все свирепые кони Диомеда пали жертвами смертоносных стрел Геракла.

Геракл поднял тело своего погибшего друга и устроил ему пышные похороны. На его могиле он насыпал высокий холм, а рядом основал город, назвав его в честь друга Абдерой.

Далее его путь лежал к Понту Эвксинскому. Там, где в море впадает река Фемискира, он увидел жилища амазонок. Всюду – и на скалах и на берегу – стояли вооруженные женщины-воины. Каждая из них держала в руках лук с натянутой тетивой; они показались Гераклу чрезвычайно опасными созданиями, и он не знал, как к ним подойти. Геракл, конечно, мог начать стрелять в них отравленными стрелами,

но их у него было меньше, чем амазонок, и, когда стрелы закончились бы, они могли легко его убить.

Он долго стоял на внушительном расстоянии от воительниц, размышляя, как поступить, и тут услышал звук рога и увидел амазонку, направляющуюся к нему верхом на белом коне.

– Геракл, – сказала она, – царица Ипполита позволяет тебе посетить страну амазонок. Войди в ее шатер и расскажи, какое дело привело тебя в страну непокоренных амазонок.

Геракл вошел в шатер царицы. Там его встретила Ипполита. Ее голову венчала железная корона, а талию обвивал великолепный пояс из бронзовых пластин и переливающихся камней. Гордо, как свирепый горный орел, взирала царица на Геракла, но он не мог придумать, как можно ее покорить. А вокруг шатра стояли амазонки; они угрожающе стучали копьями по щитам, издавая непрекращающийся угрожающий гул.

– С какой целью Геракл явился в страну амазонок? – спросила царица.

– За поясом, который ты носишь, – честно ответил Геракл и приготовился к битве.

– Ты говоришь о поясе, подаренном мне Аресом, богом войны?

– Да.

Мудрая царица не пожелала идти на конфликт. Она сняла пояс из бронзы и переливающихся камней и протянула его герою, который с благодарностью принял дар.

Геракл взял прекрасный пояс в руки, все же опасаясь, как бы не стать жертвой обмана. Он водрузил пояс на свою голову и еще раз сердечно поблагодарил царицу. Но как раз когда он произносил слова признательности, шум вокруг шатра стал еще более угрожающим. Гера, извечный враг Геракла, приняв облик амазонки, появилась в толпе. Она стала подстрекать воительниц к нападению на героя. Амазонки направили на Геракла свои копья. Пришлось Гераклу взять в руки лук. Тогда Ипполита вышла из шатра и села на коня. Она хотела увести амазонок от Геракла и направилась к реке Фемискире, увлекая их за собой. Вслед им летели стрелы Геракла, и белые бока коней окрашивались кровью их хозяек.

Геракл покинул страну амазонок, унося пояс Ипполиты. Он переплыл море и прибыл на Крит. Там, на специальном пастбище, пасся бык, подаренный Посейдоном царю Миносу. Геракл схватил животное за рога и бросил на землю. Потом он отнес быка на берег моря.

Затем он отправился выполнять следующий подвиг – пригнать Эврисфею красных коров великана Гериона. Далекий путь к Гериону. Чудовище обитало на острове Эрифей, расположенном среди великого океана. Стадо охранял двуглавый пес Орфо – брат Кербера – трехглавого пса, сторожившего подземный мир. Когда Геракл приблизился к острову, заставив быка Миноса плыть вместе с ним, героя ослепили яркие лучи солнца и стал доносить невыносимый палящий зной. В гневе поднял Геракл лук и стал выпускать стрелы в небо. Он выкрикивал угрозы в адрес солнца и даже посмел бросить ему вызов. Высоко ввысь летели стрелы Геракла, и Гелиос-солнце восхитился необычайным мужеством человека – сына Зевса, который стремился совершить то, что заведомо невыполнимо. И Гелиос направил к Гераклу свой золотой челн.

Все ниже и ниже опускался золотой челн Гелиоса, и вскоре он уже плавал в водах седого океана, большой и вместительный, как океанский корабль. Геракл погрузил быка Миноса в челн, и они направились на запад к острову Эрифей.

Наконец, Геракл прибыл на остров. На его богатых и обширных пастбищах паслись стада красных коров Гериона. Геракл оставил быка в челне Гелиоса и вышел на берег. Он сделал из растущего на берегу дерева палицу и направился к коровам.

Пес Орфо залаял и бросился к пришельцу. Двуглавый зверь прыгнул на Геракла, из каждой его пасти капала ядовитая слюна. Взмахнул Геракл палицей и убил пса. Там же, куда капала ядовитая слюна, выросла ядовитая трава. Взял Геракл тело пса и забросил его далеко в море.

И тогда к Гераклу вышло чудовище Герион. Три туловища имел он, вместо одного. Он начал бросать в Геракла огромные камни. Затем великан заметил челн Геракла; он начал бросать камни в золотую лодку, стремясь потопить ее и оставить Геракла без средства передвижения. Геракл достал лук и стал пускать стрелы в чудовище. И пал мертвым Герион на сочную траву своих роскошных пастбищ.

Тогда Геракл собрал стадо и погнал его на берег. Он погрузил его в золотой челн Гелиоса, где уже находился бык Миноса. И двинулся золотой челн по волнам седого океана в обратный путь. Критский бык и красные коровы Гериона вместе с Гераклом проплыли в челне мимо Сицилии и через пролив, называемый Геллеспонтом¹¹⁶¹. Наконец, они прибыли во Фракию. Там Геракл выгрузил скот на берег, а золотой челн Гелиоса утонул в море. Геракл долго гнал скот по обширным землям Фракии, пока не прибыли вместе с добычей в Тиринф.

Там Геракл надолго не задержался. Он сразу вновь отправился в путь, чтобы отыскать сад Гесперид, дочерей Атланта. Поиски оказались долгими; никто не мог подсказать Гераклу, где находится этот сад. В конце концов пришел он к горе Пелион, где жил кентавр Хирон. И мудрый кентавр поведал Гераклу, какое путешествие ему предстоит совершить, чтобы добраться до сада Гесперид, дочерей Атланта.

Далекий путь Геракла; усталым и измученным прибыл герой туда, где стоял Атлант, держащий на плечах небесный свод. Подойдя поближе, Геракл почувствовал восхитительный аромат. Могучий герой так устал, что больше всего ему захотелось лечь и уснуть, вдыхая сей неповторимый запах. Однако он не позволил себе расслабиться – собрав все свои силы, он твердым шагом направился туда, откуда шел прекрасный запах. Над этим местом всегда вставала звезда.

Вскоре он обнаружил серебряную решетку, которая окружала прекрасный сад. Был тихий спокойный вечер. В воздухе летали золотые пчелы, повсюду слышалось их мерное жужжание. Геракл остро ощутил, каким диким и суетным был мир, из которого он явился. Он понял, что ему будет невероятно трудно покинуть эту дышащую покоем землю и вернуться в свой мир.

Геракл увидел трех дев. Они гуляли по саду, на их головах были венки, а в руках – цветущие ветви деревьев. Когда девы заметили Геракла, они подошли к нему и хором воскликнули:

– О человек, пришедший в сад Гесперид, не приближайся к дереву, которое охраняет спящий дракон!

Потом они встали под деревом, словно для того, чтобы его охранять. Вокруг росли деревья, покрытые благоухающими цветами и спелыми плодами. Но на этом дереве меж зеленой листвой сверкали золотые яблоки.

Геракл увидел и чудовищного стража этого дерева – рядом с его стволом лежал дракон. Когда Геракл приблизился, дракон продемонстрировал ему блестящую чешую, покрывавшую его мощное тело, и страшные челюсти.

Яблоки находились в пределах досягаемости, но путь к ним преграждал дракон. Геракл выпустил свою отравленную стрелу, и дрожь прошла по телу спящего дракона; он закричал, упал и затих. Девы тоже закричали, на их лицах отразилось горе и ужас. Геракл подошел к дереву, сорвал ветвь с золотыми яблоками и положил ее в мешочек, который принес с собой. На землю опустились Геспериды, дочери

Атланта; покидая заколдованный сад, Геракл слышал их стоны и причитания.

Геракл пустился в обратный путь с края земли, где стоял Атлант, державший небо на своих могучих плечах. Он прошел Азию, Ливию и Египет и снова прибыл в Тиринф, во дворец Эврисфея.

Он доставил царю стадо Гериона и критского быка; он доставил царю пояс Ипполиты и золотые яблоки Гесперид. Бледный и недовольный сидел царь Эврисфей на царском троне и взирал на принесенные ему сокровища. Не был доволен Эврисфей; более того, он был страшно зол; ему не нравилось, что человек, которого он ненавидел всей душой, мог достать такие чудесные сокровища.

Он взял в руки золотые яблоки Гесперид; но эти волшебные плоды были не для таких людей, как он, – орел вырвал их из его рук и улетел. Он летел очень долго, пока не достиг сада Гесперид, где горько плакали дочери Атланта. Там орел бросил ветвь с золотыми яблоками. Девы поднесли ее обратно к дереву, и – о чудо! – она снова стала расти, как росла до того, как ее сорвал Геракл.

На следующий день посланцы Эврисфея объявили Гераклу, в чем будет заключаться его последнее задание. Теперь герою предстояло спуститься в подземный мир и доставить Эврисфею Кербера, трехглавого пса царя Гадеса.

Геракл надел непробиваемую шкуру льва и снова отправился в дорогу. Это вполне могло стать последним деянием Геракла при жизни, ведь Кербер не был земным созданием, и тот, кто вступит с ним в борьбу, вызовет гнев богов подземного мира, богов смерти.

Но это не остановило Геракла. Он пришел в пещеру, откуда вела дорога в подземный мир. Он долго шел по ней, спускаясь все ниже и ниже, пока не подошел к реке, отделяющей мир живых от мира мертвых. Кербер, стороживший переправу через реку, залаял на героя. Он набросился на него, но не смог прокусить непробиваемую шкуру немейского льва. Геракл схватил пса за шею средней головы, и Кербер больше не мог ни лаять, ни кусаться.

Тогда на берег реки вышла Персефона. Она сказала Гераклу, что боги подземного мира не будут гневаться на него, если он пообещает вернуть Кербера обратно в подземный мир.

Геракл пообещал и сразу зашагал назад; его руки сжимали шею чудовища, со страшных клыков его падали клочья пены. Герой нес пса наверх – в мир живых. Он вышел из пещеры, которая находилась в землях Трезены^[17], все еще сжимая своими могучими руками шею чудовища.

Из Трезены в Тиринф шел Геракл, и люди разбежались при виде монстра, которого он нес в своих руках. В тот день Эврисфей расположился вне стен дворца. Он посматривал на большой кувшин, в котором так часто прятался, и с удовольствием думал, что Геракл больше никогда не вернется и больше не будет его пугать. Тут и появился Геракл. Он окликнул Эврисфея и протянул ему адского пса. Три головы Кербера устались на Эврисфея; царь завopil от ужаса и юркнул в кувшин. Но раньше чем его ноги коснулись дна сундука, Эврисфей был мертв – он умер от испуга. Кувшин упал, и Геракл увидел тело царя, сведенное судорогой страха. Герой отвернулся и пустился в обратный путь. Он должен был выполнить свое обещание, данное Персефоне, и вернуть Кербера. На берегу реки он освободил пса, и лай всех трех его голов снова огласил подземный мир.

II

Геракл за свои подвиги получил оружие богов – меч от Гермеса, лук от Аполлона, щит, выкованный Гефестом; именно тогда, придя на Кавказ, Геракл убил коршуна, терзавшего печень Прометей, и по воле Зевса освободил титана от оков. После этого Зевс и Прометей помирились, причем Зевс, не забывший, как дорого стоила их вражда богам и человечеству, приказал изготовить для Прометей кольцо. Оно было выковано из цепей, которыми был скован Прометей, и в него был вставлен камень – кусочек скалы, к которой титан был прикован.

В это время жил-был царь, который обещал отдать свою дочь в жены тому, кто превзойдет его самого и его сыновей в стрельбе из лука, до которой он был большим охотником. Геракл уже видел девушку – голубоглазую Иолу и пожелал получить ее в жены. Началось состязание. Царь и его сыновья стреляли превосходно, так же как и герои, принявшие участие в состязании вместе с Гераклом. Подошла очередь Геракла. И как бы далеко ни устанавливали мишень, он неизменно поражал ее, причем в самую середину. Люди ждали, когда же будет объявлен лучший стрелок. И вот имя победителя прозвучало – Геракл!

Когда царь услышал имя Геракла, он не позволил ему продолжить соревнование, заявив, что не отдаст девицу Иолу тому, кто уже был безумен и мог впасть в безумие снова.

При этих речах царя ярость охватила Геракла, но только он не дал ей воли, чтобы снова не прослыть безумцем. Геракл покинул город, пообещав, что еще вернется.

В Калидоне он увидел Деяниру. Она была высока, эта женщина гор; она была похожа на пифию и в то же время на женщину, которая сумеет подбодрить мужчин своим советом, своей смелостью, своей дружбой. Ее волосы были очень темными, такими же темными были ее глаза. Она и Геракл сразу стали друзьями, когда же молодые люди некоторое время провели в обществе друг друга, они почувствовали взаимную любовь. И Геракл забыл Иолу, голубоглазую деву, которую так стремился получить в жены. Чтобы завоевать Деяниру, Гераклу пришлось бороться с Ахелоем, речным богом. Тот вступил в сражение, приняв облик мощного быка. Но Геракл сломал ему один из рогов. Чтобы получить обратно рог, Ахелой отказался от притязаний на Деяниру.

А потом ужасное несчастье случилось в Калидоне. Однажды, бездумно демонстрируя свою силу, Геракл случайно убил юношу, приходившегося Деянире родственником. Теперь он не мог жениться на ней, пока не отбудет наказание за убийство кровного родственника будущей жены.

В качестве наказания Геракл был отдан в рабство на три года. По истечении этого срока он мог вернуться в Калидон и жениться на Деянире.

Итак, Геракл и Деянира расстались. За убийство герой был продан в рабство в Лидию вдове по имени Омфала. Геракл отправился в ее дом с оружием и прихватил с собой шкуру немейского льва. Завидев могучего мужчину, завернутого в львиную шкуру, который явился к ней, чтобы стать рабом, Омфала расхохоталась.

Она, так же как и вся ее челядь, насмехалась над Гераклом. Ему поручали мелкие работы по дому. Он носил воду, накрывал стол и убирал грязную посуду. Омфала заставила Геракла прясть и ткать со своими служанками. Она часто надевала на себя львиную шкуру и, волоча за собой его тяжелую палицу, ходила за Гераклом, который, облаченный в женские одежды, мыл грязную посуду.

Геракл терял терпение, выполняя скучную и грязную работу, и тогда Омфала позволяла ему уйти и совершить что-нибудь героическое. Он часто отправлялся в путешествия, из которых долго не возвращался. Находясь в рабстве у Омфалы, Геракл совершил поход в Трою^[18]. Там он помог царю Лаомедонту починить стены, построенные вокруг города еще Аполлоном и Посейдоном. В качестве награды ему была предложена в жены дочь Лаомедонта Гесиона, но Геракл вступил девушку Теламону. В день их свадьбы Геракл показал молодым парашего

предложена в жены дочь Лаомедонта Геспона, но Геракл уступил девушку Теламону. В день их свадьбы Геракл показал молодым парашею в небе орла, отметив, что это особый знак. Поэтому Теламон назвал своего сына Аякс, что значит «орел».

Когда Геракл вернулся в Лидию, Омфала приняла его с радостью. Она снова поручила ему работу на кухне, а пока он ее выполнял, сидела рядом и разговаривала с ним о Трое и деяниях царя Лаомедонта. Потом она завернулась в львиную шкуру и вышла во двор, волоча за собой тяжелую палицу, которую, как ни старалась, не могла поднять. Необременительным и веселым было оставшееся время рабства для Геракла. И вот настал последний день его пребывания в Лидии. Герой попрощался с Омфалой и направился в Калидон, чтобы потребовать свою невесту Деяниру.

Деянира, уже оправившаяся от горя, выглядела красивее, чем раньше. Ее звонкий смех оглашал царские палаты, ее глаза сияли словно звезды, она лучилась радостью и дружелюбием. Геракл взял Деяниру в жены, и они вместе пошли в Тиринф.

Во время этого путешествия Геракл с женой подошли к реке Эвен. Геракл один мог бы переплыть эту бурную реку, но он не знал, как переправить Деяниру. Молодые люди пошли вдоль реки в поисках перевозчика. Они шли по берегу, радуясь жизни и друг другу, и вот, наконец, они увидели кентавра.

Геракл знал его – это был Несс, один из кентавров, которых Геракл преследовал на склоне горы, когда охотился за эриманфским кабаном. Кентавр заговорил с Гераклом, словно тот был его другом. Он согласился перевезти жену Геракла на другой берег.

Геракл переплыл реку и стал ждать Несса с Деянирой. И вдруг он услышал крики – это кричала его любимая жена. Он увидел, что кентавр напал на нее и хочет похитить. Геракл поднял лук. Он послал в тело кентавра одну стрелу за другой. Кентавр отпустил Деяниру, а сам упал на берегу реки; кровь стремительно вытекала из его ран.

Даже умирая, Несс думал о мести Гераклу. Он не хотел умирать неотомщенным и, страстно желая, чтобы его смерть принесла герою страдания, позвал к себе Деяниру. Девушка, видя, что он больше не сможет причинить ей зла, подошла. Кентавр сказал, что сожалеет о своем порыве похитить ее и во искупление своей вины хочет сделать ей великий подарок. Он собрал свою кровь и дал ее Деянире, объяснив, что, если Геракл когда-нибудь ее разлюбит, эта кровь вернет его любовь, стоит только натереть ею одежду Геракла.

Деянира, зная от Геракла о мудрости кентавров, поверила словам Несса. Она взяла пиалу с кровью, а Несс, бросившись в реку, умер.

Геракл выбрался из реки и подбежал к Деянире. Она не рассказала мужу о последних словах Несса и не показала пиалу с его кровью. Они пересекли реку в другом месте и через некоторое время пришли в Тиринф, царство, доставшееся Гераклу.

Геракл с Деянирой жили счастливо, и родился у них сын Гилл. Вскоре отправился Геракл на войну с Ойхалией, царством, которым правил отец Иолы.

До Деяниры дошли слухи о том, что Ойхалия завоевана Гераклом, а Иола стала его пленницей. Деянира знала, что Геракл когда-то хотел получить Иолу в жены, и испытывала понятные опасения, что, увидев прежнюю возлюбленную, он может испытать к ней былые чувства.

Тут она вспомнила о словах Несса и его прощальном подарке. И как раз, когда она раздумывала, не пора ли прибегнуть к нему, явились посланцы от ее мужа. Геракл просил жену прислать ему новую рубашку – красивое одеяние, которое он мог бы надевать, принося жертвы богам. Деянира взяла рубашку в руки. Если пропитать ее кровью кентавра, подумала она, волшебная кровь коснется тела мужа и его любовь к ней вернется. Недолго думая она так и поступила.

Геракл был в Ойхалии, когда вернулись посланцы. Он взял рубашку, посланную ему Деянирой, и забрался на гору, стоявшую на берегу моря, чтобы принести там жертву. Он надел новую рубашку. Коснувшись тела Геракла, рубашка загорелась. Он попытался сорвать ее, но тщетно. Глубже и глубже вгрызалось пламя в плоть героя. Огонь полыхал, и погасить его не мог никто.

Геракл понял, что настал его последний час. Ему суждено найти смерть в огне. Зная это, оно велел собрать большую кучу хвороста и забрался на нее. Там он ждал, а рубашка горела на нем, и он просил тех, кто должен был поджечь хворост, чтобы они поторопились и чтобы конец наступил поскорее.

Но никто не решался поджечь хворост. Наконец, вперед выступил молодой воин по имени Филоктет, и Геракл обратился к нему со своей последней просьбой. Филоктет, зная, что по воле богов Гераклу суждено умереть в огне, выполнил ее. И Геракл в благодарность подарил ему свой лук и смертоносные стрелы. Именно этот лук и эти стрелы, принесенные от Филоктета, впоследствии помогли взять Троию, великий город царя Приама.

Хворост, на котором стоял Геракл, воспламенился. Все, кто был рядом, убежали – все, кроме Иолы. Она стояла и смотрела, как языки пламени поднимаются все выше и выше. Вот они заслонили небо, и послышался голос Геракла, призывающий Зевса. И спустилась с неба великолепная колесница, вознесшая Геракла на Олимп. Там встретили его боги, и он сам стал одним из них. Живет с тех пор на светлом Олимпе в сонме бессмертных богов Геракл, и это стало ему наградой за все его подвиги на земле, за все его страдания.

РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Дети Марса. Нума-законодатель. Сивилла. Помона и Вертумн

В древней италийской земле стоял славный город, который протянулся вдоль горного хребта, и потому назывался Альба-Лонга. В прежние времена правил там Сильвий, получивший свое имя потому, что родился в лесу¹⁹¹. После него там правили Эней Сильвий и Латин Сильвий; три царя сохранили имя, полученное от бога леса. Затем власть получил царь по имени Прока, который завещал древнее царство Сильвиев своему сыну Нумитору.

Был у Нумитора брат – завистливый и коварный человек по имени Амулий. Лишь только Прока умер, Амулий свергнул того, кому было завещано царство. Только убить брата он не осмелился. Он схватил и умертвил юных сыновей Нумитора. В доме Нумитора осталась только дочь. Злой и коварный Амулий опасался и дочери; он справедливо полагал, что она может выйти замуж за могущественного принца, родить детей, и те потребуют вернуть царство. И все же он не решился убить ее, как убил ее братьев. Он знал, что тогда люди отвернутся от него. Поэтому он применил не насилие, а хитрость: он поместил девушку (ее звали Рея Сильвия) среди тех, кто никогда не мог выйти замуж, среди жриц священного огня богини Весты – весталок. При этом он всячески подчеркивал, что оказал дочери брата великую честь.

В лесу Рея Сильвия встретила человека, который шел в компании с волком и дятлом. Пленившись красотой Реи Сильвии, он вынул весталку вступить с ним в любовную связь. Это был Марс, могущественный бог войны.

Весталки, которые нарушали данные ими обеты, приговаривались к смерти. Теперь у Амулия появился повод избавиться от оставшихся членов семьи брата. Рею Сильвию схватили и бросили в темницу. Там она родила двух мальчиков-близнецов, которых жестокий царь приказал утопить в реке.

То была река, которая в прежние времена называлась Альбула, а когда в ней утонул царь Альбы Тиберий, была переименована в Тибр. В то время года, когда родились близнецы Реи Сильвии, река вышла из берегов, и по всей округе образовались мелкие стоячие лужи. Рабы, получившие приказ утопить близнецов, не донесли корзину с плачущими младенцами до берега реки, а бросили в одну из таких луж, решив, что и той воды, что там есть, будет достаточно, чтобы малыши захлебнулись.

Корзина поплыла по воде и застряла в ветвях осоки, а когда вода спала, она оказалась на влажной земле. В это время на берег вышла волчица, у которой недавно родились волчата; она согрела близнецов и покормила их из сосцов, полных молока. Тут и дятел подоспел к корзине и стал кормить младенцев, как птенцов, бросая им пищу в открытые рты. Так волчица и дятел, бывшие спутниками бога Марса, выкормили близнецов.

В должное время пастух по имени Фаустул, преследовавший волка, набрел на корзину с близнецами. Увидев двух прекрасных младенцев, он забрал их, принес в свою хижину, и они с женой их воспитали. Так два внука Нумитора выросли в пастушьей хижине.

Их воспитывали как пастухов. Но, рожденные от бога Марса и вскормленные молоком волчицы, юноши не могли удовлетвориться такой долей. Они не зная устали бродили по лесам и горам, охотясь на диких зверей. Другие юноши охотно шли за ними, безоговорочно признавая в них лидеров. Братья были сильными, смелыми и решительными, они нередко нападали на отряды разбойников и отнимали у них добычу, деля ее затем со всеми.

Близнецов звали Ромул и Рем. В то время холм, который теперь называется Палатин, был местом проведения праздника Луперкалий. Юноши раздевались и бегали обнаженными, воздавая тем самым почести богам. Ромул, Рем и их спутники пришли на холм и приняли участие в празднике. Рем разделся и стал бегать с другими юношами. В это время на них напали разбойники, у которых они не так давно отобрали их добычу. Рем не смог защитить себя и был уведен в плен. Ромул последовал за братом и увидел, что того посадили в царскую тюрьму.

Ромул вернулся в хижину пастуха. Когда он рассказал приемному отцу, что Рем попал в тюрьму царя Амулия, Фаустул, который был пастухом Нумитора, заволновался. Он всегда подозревал, что юноши, выросшие в его хижине, могут быть отпрысками царской семьи. Он знал, что младенцы Реи Сильвии были брошены в реку, а он нашел своих близнецов вскоре после того, как приговор царя Амулия был приведен в исполнение. Но только пастух никогда ни с кем не делился этими мыслями.

Когда же Ромул рассказал ему о том, что Рема поймали и он вот-вот предстанет перед царем по обвинению в набегах, Фаустул поведал юноше, что и он, и его брат, скорее всего, являются внуками Нумитора – того самого Нумитора, которому Прока оставил Альбу. Ромул видел Нумитора; тот вернулся в Альба-Лонга, и, поскольку был стар, немощен и не имел ни детей, ни друзей, ему сохранили жизнь и даже позволили жить в царском дворце.

Ромул отправил гонца к своему деду; Нумитор был очень удивлен, узнав новости. Он пошел туда, где в темнице томился Рем, внимательно изучил черты его лица, отметил гордую статью и нашел в нем сходство с Сильвиями. И он объявил гонцу Ромула, что готов оказать помощь в освобождении Рема.

Ромул пришел к царскому дворцу, его друзья были с ним, и все они были вооружены. Нумитор отослал царских стражников, сообщив, что как раз в это время на город нападают враги извне. Стражники ушли защищать крепость, и Рем вырвался из тюрьмы. Лишь несколько человек осталось с царем, и он был убит друзьями Ромула.

Нумитор собрал горожан на совет. Он рассказал им о преступлениях Амулия и напомнил, что Альбанское царство было завещано царем Прокой именно ему, Нумитору. Народ провозгласил Нумитора царем, а Ромул и Рем были признаны членами царской семьи. Они согласились служить деду.

Прошло некоторое время, и юношей охватило желание основать город на том месте, где их нашли и вырастили. В Альба-Лонга уже было слишком много народа, особенно молодых людей. Предложение основать новый город, в котором будут править молодые Ромул и Рем, было с энтузиазмом воспринято друзьями юношей.

Итак, братья Ромул и Рем отправились на холмы, где они пасли своих овец, на тенистые просеки, где они охотились на дичь и воевали с разбойниками. Ромул начал работы на холме Палатин, а Рем – на холме Авентин. И тут Рему было первое предзнаменование. Он увидел стаю коршунов – птиц было шесть. Коршун был священной птицей, поскольку никогда не охотился на других птиц, а питался только падалью. Когда Рем увидел птиц, те, кто находились с ним, закричали, что именно он должен основать город и дать ему имя. Но не успел Рем поведать об этом знаке брату, как было другое предзнаменование, на этот раз Ромулу. Он тоже увидел полет коршунов, только птиц было двенадцать. После этого друзья каждого из близнецов стали утверждать, что именно он должен заложить город, дать ему имя и править

в нем.

Между прежде дружными братьями возникли разногласия, перессорились и их сторонники. Рем, которому первыми явились вестники воли богов, считал, что царем должен быть он. Ромул же, поскольку коршунов мимо него пролетело в два раза больше, настаивал на том, что решение богов было вынесено в его пользу. Оба брата были упрямы и не желали уступать друг другу. Рем, раздосадованный упорством брата, стал насмехаться над ним. Он легко перескакивал через ров и насыпанный вал, возведенные Ромулом, с издевкой приговаривая, что никогда не видел столь мощных укреплений. Взбешенный Ромул не помня себя от гнева нанес Рему страшный удар, от которого тот пал мертвым, и сказал: «Так будет с каждым, кто осмелится переступить стены моего города».

Ромул основал новый город, дал ему свое имя – Рим и стал в нем царем. В первое время население города было малочисленным. Немногие присоединились к сторонникам Ромула и Рема. Тогда, чтобы привлечь народ в город, Ромул построил приют для людей, которые занимались опасными делами, имели долги, которые не могли оплатить, а также для всех тех, кто по тем или иным причинам подвергался преследованию. Он располагался между двумя рощами на холме, который называется Капитолийским. Тот, кто приходил в этот приют, мог чувствовать себя в безопасности. Туда приходили и опасные, и отчаявшиеся люди, и все принимались Ромулом, добавляя силу и могущество населению города на холме.

В новом городе было очень мало женщин. Многие молодые люди, пришедшие вместе с Ромулом и Ремом, так же как и все, нашедшие убежище в приюте, не имели жен. В Риме не было детей, а это значило, что город быстро старел. Ромул отправлял посольства во все соседние государства и города с предложением о заключении брачных союзов с его подданными, но соседи не любили новый город и не желали выдавать своих дочерей за собравшийся там «сброд». Посланников с позором изгоняли. Им говорили, что жен для мужчин Рима не будет, если только Ромул не построит приют еще и для беглых женщин. Те, кто говорили такие слова, надеялись, что в Риме не будут расти семьи и город будет заброшен.

Молодые люди Рима восприняли подобные речи как оскорбление, за которое захотелось отомстить. Разгневался и Ромул и решил, что он добудет жен для своих людей хитростью или силой. Во время сбора урожая римляне устроили празднество в честь бога Консуса^[20], алтарь которого находился под землей; это был бог, который помогал людям собирать и хранить урожай. Люди из соседних городов были приглашены посмотреть представление, обещанное римлянами.

Ближайшими соседями римлян были сабиняне. Им стало любопытно посмотреть на римский праздник. Многие сабиняне прибыли в Рим с женами и детьми – мальчиками и девочками. Их гостеприимно встретили, проводили в дома. Гости получили возможность взглянуть на город, оценить его стены и укрепления – им понравилось увиденное.

Потом им показали представление. Его героями были юноши на конях. Сабиняне были восхищены прекрасной внешностью молодых людей и безупречным уходом за лошадьми. Неожиданно всадники ринулись в толпу. Сабиняне разбежались. Отцов и братьев, которые могли защищать своих женщин, согнали в один угол обширного поля. А римские юноши схватили сабинянок и увезли их, сделав своими женами.

Взрослые сабиняне в горе и негодовании разошлись по домам. Они проклинали римлян за то, что те нарушили закон гостеприимства.

Тогда Ромул отправил гонца к царю сабинян. Он объявил, что сабинянки отпразднуют пышные свадьбы с римскими юношами и станут равноправными хозяйками всех богатств Рима. Он также сообщил, что каждый римлянин считает своим святым долгом не только стать хорошим мужем похищенной им сабинянке, но также приложит все силы, чтобы утешить ее, лишившуюся родителей и дома.

Как Ромул сказал, так и было. Но сначала была война. Отцы семейств, лишившиеся дочерей, в траурных одеждах пошли по городу, призывая народ наказать Рим за насилие, совершенное над их дочерьми. И вскоре Ромулу пришлось защищать Рим от ярости сабинян.

II

В этой войне не жажда наживы руководила сабинянами; они выступили за то, что считали правым делом, и могли нанести римлянам поражение. Они захватили крепость и в ожесточенном сражении оттеснили римлян через древние ворота на Палатинском холме. Ромул находился среди солдат; вместе с армией его вытесняли из города, который он сам же и построил. Римская армия дрогнула и обратилась в бегство. В отчаянии Ромул воздел руки к небу и, потрясая мечом и щитом, громовым голосом стал звать к Юпитеру, моля его вернуть римлянам мужество и не дать врагу овладеть городом. Закончив молитвы, он обратился к солдатам. Он говорил с ними так, словно был уверен, что молитва услышана и помощь непременно придет.

– Слушайте меня, о римляне, – взывал он, – Юпитер приказывает нам остановиться и возобновить сражение!

И римляне остановились, словно вняли гласу небес. А Ромул, очевидно понимая, что нет ничего лучше личного примера, ринулся в бой. Он ворвался в гущу вражеской армии, когда сабиняне ликовали и кричали: «Мы разбили бесчестных хозяев, трусливых врагов! Теперь они знают, что воевать с мужчинами стократ тяжелее, чем похищать невинных девушек!» Лишь только командир сабинян собрался обратиться к своим воинам с хвалебной речью, как на них напал отряд римлян, и сабиняне были отброшены в долину, раскинувшуюся меж двух холмов.

Там римляне и сабиняне снова встали друг против друга, готовые возобновить сражение. Но тут случилось неожиданное. Словно вдохновленные божеством, с мольбами, слезами и криками, с распущенными волосами и в изодранных одеждах, с холмов устремились сабинянки, прижимавшие к груди младенцев. Они бросились между сражающимися, умоляя своих мужей, отцов и братьев прекратить битву. «Для нас будет лучше погибнуть здесь, – кричали они, – чем жить, оплакивая кого-то из вас! Если сражение продолжится, мы станем вдовами, или сиротами, или сестрами, лишившимися любимых братьев». Женщинам удалось остановить кровопролитие. Обе враждующие стороны были тронуты их мольбами, а командиры армий выступили вперед и заключили перемирие.

Так закончилась война, причиной которой стало похищение сабинянок. Римляне и сабиняне стали одним народом, и новое имя было дано тем, кто жил в городе или его окрестностях: больше не было римлян и сабинян, все они стали квиритами. А сабинский царь стал править вместе с Ромулом.

В городе значительно увеличилось население. Другие государства и города, опасаясь быстрого роста могущества Рима, пошли войной на Ромула. Этруски напали на Рим; Ромул выступил навстречу и победил их. После этого он устроил смотр своей армии на Марсовом поле. Перед ним с приветственными криками прошли римские войска. В это время послышались раскаты грома. Облако скрыло Ромула от глаз воинов. Когда же облако рассеялось, Ромула на месте не оказалось. Его больше не было на троне. Его больше не было на земле. Воины и горожане склонили головы, не в силах смириться с потерей.

Тогда один из приближенных Ромула сказал:

– Квириты, Ромул, отец нашего города, попросил меня объявить вам волю небес. Рим должен стать величайшим городом мира. Пусть римляне в совершенстве овладеют искусством войны. Пусть они учат своих детей, и дети с детства знают: ни одна армия не может победить

римляне в совершенстве овладели искусством войны. Пусть они утратят своих детей, и дети с детства знают, ни одна армия не может победить римскую армию или противостоять римскому оружию. Что же касается Ромула, его отец, великий Марс, призвал его на небеса и дал ему место в сонме бессмертных богов.

Воины и горожане удовлетворились этим объяснением. Да и как могло быть иначе? Ведь их царь, основатель Рима, стал бессмертным. Теперь они могли обращаться к нему в своих молитвах. Они просили, чтобы он защитил их детей. И Ромул, бывший царем Рима на земле, оказавшись на небесах, стал зваться Квирином, и под его покровительством Риму было суждено достичь небывалого величия.

НУМА-ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Человек, родившийся в день, когда был заложен город, был избран царем Рима после Ромула. Его звали Нума. В то время, когда римляне и сабиняне сделали его своим царем, у него не было жены из числа смертных. Его спутницей была богиня. Под сенью священных рощ на берегу прозрачного ручья она встречала Нуму, беседовала с ним, давала советы. Ее близость сделала будущего римского царя более мудрым и человечным. Ее имя было Эгерия.

На берегах того же чистого ручья встречала она Нуму и после того, как он стал царем Рима. В то время италийские племена косила страшная моровая язва; римляне впали в уныние, видя вокруг столько смертей. Они думали, что их город не сможет устоять перед этим ужасным врагом, против которого бессильно оружие. Когда же моровая язва подошла к стенам города, Нуме было знамение. Ему в руки с небес упал бронзовый щит. Эгерия поведала Нуме, что щит послан во спасение народу. Пока он будет находиться в Риме, благополучию его горожан ничто не угрожает. Но чтобы сберечь его, следует изготовить еще одиннадцать точно таких же щитов. Когда же двенадцать щитов будут собраны вместе, никто, даже сам Нума, не сможет сказать, который из них был низринут с небес. Тогда ни один злоумышленник не сможет узнать и похитить дар небес, от которого зависит благополучие города. И римляне, зная, что в их руках имеется знак процветания и он находится в безопасности, отбросили уныние. А вскоре и моровая язва покинула италийские земли.

«Ты не должен совершать возлияния вином, приготовленным из неподрезанного винограда. Ты не должен приносить жертвы без зерна». Эти две заповеди Нума, повинаясь совету Эгерии, сообщил своему народу. Этими заповедями он показал римлянам, что они должны быть земледельцами, обрабатывать землю, выращивать зерно и подрезать виноградные лозы. Он научил людей искусствам и ремеслам; он покровительствовал музыкантам, золотых дел мастерам, кузнецам, плотникам, красильщикам, обувщикам и гончарам, то есть людям мирных профессий. Он назначал суды и советы для ремесленников, показывал всем, какие религиозные церемонии они должны соблюдать.

И еще Нума возводил храмы. Сначала он построил храм в честь богини священного огня Весты. Ее храм был круглым, в нем горел вечный огонь, который поддерживали девы; люди верили, что, пока чистые девы поддерживают священный огонь Весты, Рим будет процветать. После завершения строительства храма Весты был построен храм Януса. Поскольку бог Янус имел два лица, в храме было двое ворот: во время войны они были распахнуты, а в мирное время стояли закрытыми. В более поздние времена ворота храма Януса очень редко бывали закрытыми, но во время правления Нумы их ни разу не открывали – больше четырех десятков лет. В то время не было войн. Нума умиротворил не только воинственных римлян: население соседних городов и государств тоже стало более миролюбивым. Людям понравилось жить в мире; они обрабатывали землю, растили детей и поклонялись великим богам. Об этих днях было сказано:

На железных щитах свили свою паутину пауки.

И еще:

Ржавчина разъедает заточенные копья и обоюдоострые мечи.
Больше не слышен громкий звук трубы,
Сладкий ночной сон ничто не прерывает.

Нума упорядочил месяцы года. Он сделал январь, месяц бога мира Януса, первым; март, месяц бога войны Марса, – третьим, а между ними поместил февраль – месяц очищения. В феврале римляне приносят дары предкам, в этом же месяце проходит праздник Луперкалий – праздник очищения.

Известно, что Юпитер, великий бог неба и грома, спустился на землю к Нуме и возвестил, что после удара молнии следует проводить обряд очищения, причем только головами.

- Луковичными? – быстро спросил Нума, наученный Эгерией.
- Нет, человеческими... – продолжил Юпитер.
- Волосами? – спросил Нума.
- Нет, живыми... – отвечивал Юпитер.
- Живыми рыбешками? – не сдавался Нума.

И Юпитер, так и не дав ответа, удалился. Но по сей день римляне, чтобы отвратить от себя гром и молнии – знамение гнева великого Юпитера, – жертвуют ему головки лука, человеческие волосы и живых рыбешек.

Таким образом, Нуме удалось даже великих богов склонить к проявлению милосердия в отношении к человеку. Это мудрая Эгерия научила Нуму, как заставить великого Юпитера спуститься с небес на землю, чтобы с ним можно было поговорить. Сначала ему следовало изловить двух мелких божков. Нума хитростью поймал двух полубогов, которые владели даром колдовских заклинаний, знали тайны волшебных снадобий, очень любили разыгрывать людей, но сами были очень простыми и легко обманывались. Звали их Фавн и Пик. Они часто гуляли в тенистых чащобах, отдыхали на берегах прозрачных ручьев. В один из ручьев, который протекал по Авентинскому холму, Нума налил мед и вино. Пик и Фавн пришли к этому ручью. Они захотели утолить жажду и испили меда и вина. Напиток им понравился. Они легли на берегу ручья – так им показалось удобнее – и стали пить. Захмелев, оба божка уснули. Тогда появился Нума и схватил их. Божкам стали менять облик. В руках Нумы оказывались то горностай и птица, то куст и букет листьев. Но Нума продолжал держать их. Божкам надоело превращаться, и они приняли свой изначальный вид. Тогда Нума спросил их, занимавших самую низшую ступень в иерархии богов, как заставить Юпитера спуститься на землю. Те рассказали и тут же получили свободу. Так Нума получил возможность побеседовать с Юпитером.

Однажды Нума собрал народ на пир. Он принял гостей в простом доме, за скромно убранными столами, уставленными непритязательной пищей. Люди знали, что царь живет очень просто, и почитали его за это. Они расселись за столами и стали вкушать хлеб и фрукты, молоко и вино. И царь ел вместе с ними. Когда трапеза была в самом разгаре, стало известно, что прибыл еще один гость. Сидевшие за столом никого не видели, но по комнате разлилось великолепное сияние. Деревянные тарелки превратились в изысканные золотые и серебряные блюда, пища приобрела богатый восхитительный аромат. И те, кто был с Нумой, поняли: среди них появилась Эгерия.

Люди слушали чудный разговор между царем и богиней, которая давала ему советы. Не все, что они услышали, было им ясно. Но все поняли: очень скоро Нума уйдет от них.

Так и случилось. Вскоре после этого праздника Нума умер. Его тело согласно его распоряжению не было сожжено. Было приготовлено два каменных гроба: в один из них положили царя, в другой – книги, которые он написал, и книги, которые помогал составлять. Люди знали, что так и нужно было сделать: Нума трудился ради их блага, обучил их множеству премудростей, тем самым вложив все написанное в этих книгах в умы и души людей. Только тогда народ понял, насколько мудр был правивший ими царь, пришедший на смену вознесшемуся на небеса Ромулу, который всегда поддерживал в своих людях воинственный дух. А Нума познакомил людей с музами. Он научил их превыше всех почитать музу Тациту – молчаливую богиню – римскую музу. Но больше он никогда не будет давать людям мудрые советы, никогда не придет на берег прозрачного ручья посоветоваться с богиней Эгерией. У подножия горы Яникула было поставлено два каменных гроба, в одном возлежал мудрый Нума, в другом – священные книги.

Старая женщина явилась туда, где правил царь Тарквиний Гордый, и потребовала, чтобы ее отвели к царю. Она предстала перед царем, одетым в пурпурные одежды и восседавшим на троне из кости. Вокруг него стояли люди с хлыстами и топорами. Женщина была очень стара и тяжело опиралась на дорожный посох. Ее лицо было изрезано морщинами. Но седые волосы, копной падавшие на плечи, были густыми и шелковистыми, а глаза – полными света и жизни. Она остановилась прямо перед царем и показала, что держала в руках.

У женщины было девять книг, которые она предложила царю купить. Ее голос поразил всех, кто был вокруг, потому ли, что она говорила так, словно не привыкла произносить слова, потому ли, что ее голос был чище и звонче, чем можно было ожидать.

– Эти книги я продам тебе, царь Рима, – повторила она.

– Но что в этих книгах? – спросил царь.

– В них предсказаны события, которые могут произойти, – ответила она, – и советы, как себя вести при этом, чтобы сохранить безопасность и величие Рима.

– Сколько ты хочешь получить за эти книги?

– Половину того, что лежит в царской сокровищнице, – сказала пришельца.

– Эта женщина безумна, – молвил царь.

– Сумасшедшая старуха, – вторили ему придворные.

А женщина потребовала, чтобы ей принесли жаровню с горящими углями, которая стояла в углу зала, где сидел царь. Требование исполнили. Старая женщина взяла три книги, бросила их в огонь и стала следить, как пламя пожирает страницы. Когда книги превратились в золу, она снова взглянула на царя.

– У меня есть книги на продажу, о царь Рима, – сказала она, – и ты можешь их купить.

– Сколько же ты просишь за оставшиеся шесть книг? – полюбопытствовал царь.

– Половину того, что лежит в царской сокровищнице, – сказала женщина.

– Но ты просила эту цену за девять книг, а теперь у тебя осталось только шесть.

– У меня одна цена и за девять, и за шесть книг, – сказала женщина.

– Эта старуха давно выжила из ума, – возмутились одни царские придворные.

– Она не здешняя, в Риме ее никто и никогда не видел, – сказали другие.

– Что скажешь, о царь? – спросила женщина.

– Я не могу заплатить такую цену ни за эти, ни за любые другие книги, – ответил Тарквиний.

Старая женщина бросила в жаровню еще три книги и долго следила, как они превращаются в пепел. Какое-то время она стояла молча, опершись на свой посох и глядя в жаровню. Пляшущие языки пламени освещали ее лицо, на котором отчетливо выделялись глубокие морщины, и Тарквиний Гордый, неожиданно для самого себя, почувствовал нечто сродни благоговейному страху перед этой странной женщиной. Она отвела взгляд от жаровни и снова взглянула на царя.

– Итак, половина того, что лежит в царской сокровищнице, за три оставшиеся книги, о царь Рима, – сказала она, – за три книги, которые еще не сожжены.

Те, кто стоял вокруг царя, весело расхохотались, только царь не смеялся. Он знал, что если не купит книги, женщина бросит их в огонь и они сгорят дотла. Потом она уйдет, и в Риме никто и никогда ее больше не увидит. Тогда он кивком подозвал женщину; она подошла и остановилась рядом с его тронem. Она оставила царю три книги, потом вышла из зала, ее отвели в сокровищницу и позволили взять половину всего, что там лежало.

Три книги, полученные от странной посетительницы, царь Тарквиний Гордый поместил в храм Юпитера. И там они оставались тысячу лет. Их охраняло пятнадцать жрецов. В обязанность этих пятнадцати священнослужителей входило чтение этих книг всякий раз, когда требовался совет бессмертных богов относительно благосостояния Римского государства. Книги стали называть «Сивиллиными книгами», а та, что принесла их в Рим, вошла в историю под именем Сивиллы. Позже говорили, что кто-то видел Сивиллу: она сидела в клетке и горевала, потому что никак не могла умереть.

ПОМОНА И ВЕРТУМН

Давным-давно, когда на итальянских землях правили цари из рода Сильвиев, жила-была нимфа, которую звали Помона. Она никогда не отдыхала на берегах ручьев, озер или рек; она любила только те места, где росли деревья, ветви которых сгибались под тяжестью плодов. Она не была охотницей, и единственными орудиями, которые она когда-либо держала в руках, были нож для подрезки ветвей и лопата.

Она рыхлила почву вокруг корней деревьев, она подрезала слишком разросшиеся ветви, иногда она делала надрез на коре дерева и вставляла в него побег другого дерева и потом радовалась, видя два разных плода, растущих на одном дереве. Иногда она направляла виноградную лозу, заставляя ее расти вдоль ильмового дерева. В общем, днями напролет она работала там, где на деревьях произрастали плоды, поливала их корни, уничтожала насекомых.

Весной она видела свою сестру – нимфу Флору, которая бродила по полям, давая цвет и запах цветам, сладость меду в сотах. Юношей и девушек, которые следовали за ней, она наделяла неповторимой грацией. Флора дала бы Помоне все, что могла, но только Помона никогда не выходила в поля к Флоре и не звала ее зайти под сень деревьев. Иногда она видела и Венеру, великую богиню, имевшую очень много почитателей, но она никогда не выходила из леса, чтобы пойти в святилище Венеры.

Помона выросла гибкой и сильной, здоровой и красивой, как наливные яблоки на ее деревьях. Она никогда не пользовалась украшениями; она всегда носила коричневое платье и только надевала на голову венок из листьев, чтобы солнце не обжигало ее лицо.

Сильван и Пик были первыми из полубогов, которые заметили, какой красавицей становится Помона. Оба знали, что она очень застенчива; но каждый воображал, какой восхитительной подругой она станет, если он уговорит ее пойти с ними на прогулку или хотя бы просто поговорить. И оба знали, что у нее есть что им дать – великолепный сад, в котором росло множество сочных фруктов – яблок и груш, винограда и вишен. Сильван был первым, кто отправился попытать счастья. Он пошел к Помоне в костюме охотника, с копьем в руке и убитой дичью в сумке на боку. Помона не подошла к нему. Тогда он устремился в погоню, и ей пришлось спасаться бегством, прячась за деревьями. Она утомила преследователя, и он ушел. Но только он снова вернулся, когда сменилось время года. На этот раз он пришел не с охоты; он явился с убранных полей, на которых паслись овцы. Он пришел в облике пастуха и хотел немного поухаживать, но нимфа не только не заговорила с ним, но даже не позволила подойти.

В тот самый день, когда к Помоне явился Сильван в образе пастуха, к ней пришел и Пик – сын Сатурна и бог зерновых полей. Пик был красив; на нем был ярко-красный плащ; он мог заговорить любую женщину. Но когда он попытался приблизиться, Помона плеснула ему в лицо воды из ручья. В это время Пик увидел Сильвана и, решив, что Помона отдала предпочтение ему, стал оскорблять соперника. Разгневанный Сильван схватил Пика; он ударил его, сорвал ярко-красный плащ с его плеч. Помона убежала от обоих и после этого случая не позволяла ни одному божеству мужского пола приближаться к себе. Она построила стену вокруг своих любимых деревьев; она никогда не выходила за ворота и внимательно следила, чтобы ни один потенциальный претендент на ее сердце не мог войти в сад.

Юный Вертумн увидел Помону через ворота; он увидел ее и влюбился всем сердцем – таких чувств не испытывали ни Сильван, ни Пик. Сильван был стар, хотя выглядел намного моложе своих лет, и успел многое повидать, а для Пика состояние влюбленности было обычным; он всегда имел подружку. Вертумн подошел к воротам, но Помона не позволила ему войти. Он вернулся в облачении жнеца и принес ей в дар корзину, наполненную колосьями ячменя. Она попросила его уйти. В другой раз он пришел в облике косца, с венком из трав на челе. Она не стала разговаривать с ним и не пустила в ворота. В следующий раз он явился в обличье пахаря, большой и сильный. Он держал в руке острую палку, которая должна была заставить Помону подумать, что он действительно погонял быков на пашне. Но она так и оставила его за воротами. Вертумн стал трясти их изо всех сил, но так и не смог открыть. Потом он решил, что нимфа проявит к нему больший интерес, если он представится сборщиком фруктов. Он пришел с лестницей на плече, словно готовый забраться на самую высокую яблоню и сорвать плоды. Но Помона узнала в нем одного из богов мужского пола, хотя и самого молодого, и не позволила ему пройти в сад, где она ухаживала за деревьями.

Однажды Помона увидела за воротами старую согбенную женщину. На ней был капюшон, закрывавший лицо; женщина тяжело опиралась на палку. Помона, добрейшая из нимф, предложила ей войти в сад, отдохнуть в тени деревьев и подкрепиться плодами. Старуха не отказалась.

– Какой у тебя красивый сад! – воскликнула она. – Я еще никогда не видела таких ухоженных деревьев и таких крупных плодов. Неужели ты живешь здесь одна, дитя мое? – Она съела фрукты, которые ей дала Помона, и внимательно взглянула на нее, одетую в коричневое платье с венком из листьев на голове. – Я слышала о тебе, дорогая, – сказала она. – Я предполагала, что ты красива, но даже подумать не могла, что настолько. – Молвив эти слова, старуха поцеловала Помону.

Помона медленно пошла по саду. Женщина окликнула ее. Помона вернулась и остановилась недалеко от ильмового дерева, под которым сидела старуха. Ильм поддерживал лозы, на которых висели тугие гроздья.

– Взгляни, – сказала женщина. – Если бы этот ильм не был обручен с лозой, он бы ценился только своей древесиной. А виноград, который здесь растет? Если бы его не поддерживал ильм, лоза и спелые грозди лежали бы на земле, грязные и невзрачные. Ты сама видишь, сколько пользы принесло вступление в брак двух существ – ильма и виноградной лозы. Но ты, моя дорогая, отказываешься от брака, отказываешься от дружбы, отказываешься даже разговаривать с тем, кто может стать твоим возлюбленным. Послушай, девушка, согласишься на выбор, который для тебя сделаю я, старая женщина.

Помона была так удивлена и взволнована такими разговорами, что без сил опустилась на траву рядом со старухой.

– Будь мудрой, девушка, и выбери Вертумна. Я хорошо знаю этого юношу – я знаю его так же хорошо, как себя. Он не из тех, кто проводит время, лениво и бесцельно странствуя по белу свету. Ему есть чем заняться, да и живет он совсем рядом. Он не похож на других, к примеру на Пика, который влюблялся во всех подряд; в конце концов в него влюбилась колдунья, которой он не ответил взаимностью, и она превратила его в дятла. Я уже не говорю о Сильване. Он был возлюбленным почти всех нимф. Вертумн не такой, как эти божки. Ты станешь его первой и последней любовью, дорогая Помона. И между прочим, его интересует все то же, что интересует тебя, – деревья, плоды и все такое. Он создан для тебя, а ты для него. И я пришла сюда, чтобы сказать тебе это.

В это время капюшон упал с головы старухи, и на Помону взглянули молодые, горящие любовью глаза. Помона вскочила и уже хотела бежать, но оказалось, что мужские руки бережно, но крепко держат ее руки.

– Ты – Вертумн, – сказала Помона, вглядываясь в юное лицо.

Палка, на которую опиралась старуха, отлетела в сторону, плащ упал, и нимфа увидела перед собой юношу, такого же стройного и

красивого, как любое из ее деревьев. И пока в небе не показалась вечерняя звезда, молодые люди гуляли среди деревьев, а когда расстались, Помона пообещала стать женой Вертумна.

КУПИДОН И ПСИХЕЯ

I

В одной далекой стране жили-были царь и царица. У них было три дочери. Все девушки были красивы, но младшая была настолько прекрасной, что не находилось слов, чтобы воспеть ее дивную красоту. Мужчины приходили к ее жилищу, как к святилищу; при виде ее каждый считал своим долгом поцеловать кончики пальцев на своей правой руке, тем самым воздавая земной деве такие же почести, какие воздавались бессмертной богине Венере.

Даже стали поговаривать, что Венера покинула небесные сады, спустилась на землю в облике смертной девушки и стала жить среди людей младшей дочерью царя и царицы далекой страны. Люди больше не посещали алтари богини Венеры. Храмы в Пафосе, Книде и Кифере стояли пустыми – почитатели богини Венеры теперь молились смертной деве – Психее. Когда она утром выходила из дома отца, люди усыпали ее путь цветами, ей приносились жертвы, которые прежде приносили только бессмертным богам.

Слухи об этом вскоре достигли ушей самой богини Венеры. Она подумала: «Неужели я, признанная прекраснейшей из богинь пастухом с Иды, допущу, чтобы мои законные почести были отняты земной девой? Конечно нет. Мало радости получит Психея от бездумного поклонения толпы». После этого Венера призвала своего сына. Она привела его за собой в далекую страну и показала деву Психею, когда та шла по улицам города. Она велела сыну отомстить за мать, и месть эта должна была стать достойной великой богини. Она приказала сыну сделать девушку рабой недостойной любви. Она обняла сына и оставила в далекой стране, а сама отправилась туда, где у ее алтаря еще оставались почитатели.

Ее сына звали Купидон. Это был тот самый крылатый юноша, который по ночам являлся в дома людей с луком и стрелами, внося беспокойство в их супружескую жизнь. Мать оставила его глазеющим на Психею. Купидон долго смотрел на прекрасную Психею и в конце концов почувствовал, что влюбился. Он не хотел выполнять приказ своей разгневанной матери; он не желал вселять в ее душу безумие недостойной любви. Совсем наоборот, он думал о том, как завоевать ее для себя, ту, что прекраснее всех на земле и даже на небесах.

А Психея, которую все обожали за несравненную красоту, не чувствовала от этого радости. Она знала, что является объектом восхищения, но так восхищаются прекрасной работой ремесленника, которая имеет некоторое сходство с божественным обликом. Ни один мужчина не желал сделать ее своей женой. Ее сестры уже давно обзавелись семьями, а она достигла их возраста и стала старше, все еще оставаясь девицей. Никто не стремился ввести ее в свой дом. Девушка сидела дома и проклинала свою неземную красоту, перед которой преклонялись все мужчины – и стар и млад – и считали ее недосягаемой для простых смертных. В конце концов ее отец, царь, не зная, что делать с дочерью, был вынужден обратиться за советом к оракулу. Пришедший ответ означал ужасную участь для девушки. «Пусть дева будет оставлена на вершине горы, одетая как для свадьбы, так и для смерти. Не ищи зятя из числа смертных юношей; ее возьмет к себе змей, которого боятся даже боги и который пугает души умерших на священной реке Стикс».

На много дней после того, как стало известно о пророчестве, в доме царя воцарились скорбь и уныние. Но, понимая, что от судьбы все равно не уйдешь, царица достала свадебные украшения дочери и собрала людей, которые должны были доставить деву к ее ужасному жениху. Все было готово. Только факел, зажженный для свадьбы, не горел, а лишь дымил, музыкальные инструменты играли не радостные, а заунывные похоронные мелодии, а невеста, завернувшись в желтое свадебное покрывало, дрожала и плакала. Были выполнены свадебные церемонии, а люди вели себя как на похоронах. После этого Психею отвели на указанное место на вершине горы.

По пути она сказала своим провожатым: «Вот плоды моей так называемой красоты. Вы зря горюете обо мне сейчас. Когда люди воздавали мне почести, коих достойны только богини, вот тогда надо было причитать, словно я уже мертва. Меня перевозносили выше бессмертных богов и тем самым уничтожили. Так ведите же меня скорее к тому месту, что указал оракул. Я сгораю от нетерпения обнять моего нареченного змея, которого боятся даже боги».

Отца и мать она попросила не тратить время и силы, оплакивая ее, и попросилась с ними. Они оставили ее на вершине и горы и, плача, вернулись в город. Они затворились в своем доме, и для них наступила вечная ночь – ночь скорби.

А Психея осталась одна на вершине горы – бледная и дрожащая. Прилетел легкий бриз – нежный Зефир. Он поднял Психею в воздух и понес ее, а ее свадебные одежды развевались на ветру; он пронес ее над склоном горы и опустил среди цветов на раскинувшейся у подножия долине.

Зефир проделал все легко и осторожно, не причинив Психее никаких неудобств. Она легла на постель из мягкой травы и благоухающих цветов и уснула. Девушке требовался отдых после суматохи последних дней. Вскоре она проснулась и увидела рошу, в которой бил фонтан воды, чистой, как слеза; неподалеку от фонтана стоял дом.

Психея подумала, что этот дом, должно быть, жилище одного из бессмертных богов. Золотые столбы поддерживали крышу. Арки были сделаны из кедра и кости. Стены украшали серебряные решетки. Перед домом резвились животные – кролики, и белки, и олени, а на деревьях пели невиданные птицы. Каждая дорожка, ведущая к дому, была выложена камнями, которые образовывали картину.

Девушка пошла по дорожке. Она переступила порог и вошла в дом. Там было множество красивых вещей, но нигде не было видно ни замков, ни цепей, ни охранников. Она осмотрела дом, и он привел ее в восторг. Неожиданно она услышала голос, который проговорил: «Госпожа, все, что находится здесь, принадлежит тебе. Отдохни, пусть уйдет твоя усталость. Мы, чьи голоса ты слышишь, твои слуги. Как только пожелаешь, тебе будет подана трапеза, достойная царицы».

Психея отправилась спать, уверовав, что некое божественное существо взяло на себя заботу о ней. Проснувшись, она приняла ванну и села за стол. Для нее был приготовлен не завтрак, а настоящий пир. Но она никого не видела. Она слышала голоса, но те, кто служили ей, оставались невидимыми. Когда трапеза подошла к концу, некто невидимый вошел в комнату и запел для нее. Он пел под аккомпанемент арфы, на которой играл тоже кто-то невидимый. Наступил вечер, и невидимые руки зажгли лампы. Потом те же руки погасили огни, и к Психее, лежавшей в постели, пришел жених. Он ушел перед рассветом, и она стала его женой.

День был прекрасен, для нее пели невидимые менестрели, она слышала их чудные голоса и звуки восхитительной музыки. Пришла ночь, огни загорелись, потом погасли, и к Психее, как и накануне, явился ее муж. И так же как накануне, он ушел перед рассветом. Так продолжалось много дней и ночей. И однажды ночью муж сказал жене:

– О Психея, моя супруга и моя любовь. Счастье отвернулось от нас. Над тобой нависла смертельная угроза. Послушай! Твои сестры собираются искать тебя. Они придут на вершину горы, где оставили тебя. Но если их крики донесутся до тебя в этом жилище, ни в коем

случае не отвечай и не выходи. Если ты слушаешься меня, то навлечешь несчастья на нас обоих. Я прошу тебя поступить именно так, но ты вольна сделать как хочешь.

Психея обещала, что сделает все, как велел ее супруг. Он опять ушел перед рассветом, когда еще не рассеялась тьма. В тот день Психея услышала голоса сестер, которые звали ее по имени. Оставаясь в одиночестве в доме, где не было никого, кроме бесплотных голосов, она подумала, что действительно умерла и навсегда отрезана от сестер и родителей. Она знала, как сильно они горюют, и расплакалась, понимая, что никак не может их утешить. Ночью пришел ее супруг. Целует ее лицо, он почувствовал, что оно влажное от слез.

Он выразил свое недовольство, она еще сильнее расплакалась. Перед рассветом он сказал:

– Пусть будет как ты хочешь. Сделай так, чтобы твое сердечко больше не болело. Но, принимая решение, прошу тебя, Психея, не забывай о моем предостережении.

Все это он сказал после того, как она, плача, заявила, что умрет, если не сможет увидеться с сестрами, которые ее ищут.

– Я скажу тебе только одну вещь, – добавил он. – Если они придут сюда к тебе, одари их любимыми подарками, какими только захочешь, но ничего не рассказывай им обо мне. Ты знаешь меня, твоего мужа. Но твои сестры знать меня не должны. Ничего не отвечай им на вопросы о моем телесном облике. Если ты это сделаешь, мы больше никогда не сможем обнять друг друга.

Психея продолжала горько плакать. Она сказала, что лучше сто раз умрет, чем откажется от его страстных объятий. Супруг смягчился, и его речи стали менее суровыми. Тогда Психея сказала:

– Ради любви, которую я отдала тебе всю без остатка, пусть Зефир принесет сюда моих сестер так же, как принес меня.

Супруг пообещал сделать это и, прежде чем первые лучи рассеяли предрассветную тьму, исчез.

II

Ее сестры пришли на место, где оставили Психею; они искали ее следы. Ничего не обнаружив, они стали плакать, и их рыдания становились все громче. Прилетел Зефир. Он поднял их и перенес с вершины горы вниз. Он опустил их на лужайку, расположенную перед жилищем Психеи.

Она услышала голоса сестер; она вышла из чудесного дома и пригласила их внутрь.

– Войдите, – сказала она, – и забудьте о своей скорби в обществе Психеи, вашей сестры.

Она показала им все сокровища своего диковинного жилища; они слышали голоса, видели, как невидимые руки прислуживают Психее. Ее сестры были удивлены и восхищены, но вскоре восторг сменился завистью.

– Кто он, – спрашивали они, – твой таинственный супруг и хозяин всех этих чудес?

– Молодой мужчина, – отвечала Психея. – Я бы вас обязательно познакомила, но большую часть дня он охотится в горах.

Потом, чтобы тайна не сорвалась с ее уст, она одарила сестер золотом, драгоценностями и другими подарками, словами, которые слышала от мужа, вызвала Зефира и приказала ему отнести сестер обратно на вершину горы.

Женщины вернулись в свои дома, но их сердца сжигала зависть к богатству Психеи. Они никак не могли забыть, что их, старших сестер, отдали в жены мужчинам, которых они не знали и которые не располагали большим состоянием. А младшая сестра оказалась владелицей таких несметных богатств, что смогла одарить сестер золотом и драгоценностями, словно это для нее простые безделушки. Сколько же еще ценностей хранится в ее доме? Женщины видели золотые короны, усыпанные драгоценными камнями, роскошные украшения... Да там золото просто под ногами валяется! Если же ее супруг так молод и красив, чтобы соответствовать этому дому, тогда ни одной женщине в мире не повезло так, как Психее. Зависть переполняла сестер Психеи, она не давала им спокойно жить, а из зависти, как известно, рождается злоба.

Поразмыслив, сестры пришли к выводу, что супруг Психеи, скорее всего, имеет божественное происхождение и из одной только привязанности к жене может сделать ее богиней. Да, она и вела себя всю жизнь как богиня! Им было невыносимо думать, что их младшая сестра станет одной из бессмертных.

Исполненные завистью и злобой, женщины вернулись в золотой дом и сказали Психее:

– Ты, сестра, глупа и ничего не ведаешь об опасности, которая тебя подстерегает. Ты никогда не видела своего мужа, мы это знаем. Но его видели другие и знают, что это ужасный змей. Вспомни слова оракула: он сказал, что ты предназначена в жены страшному всепожирающему чудовищу. Многие видели, как оно, насытившись, возвращается в этот дом, когда на землю опускается ночь. А теперь ты готовишься стать матерью. Чудовище только и ждет, чтобы ребенок появился на свет, чтобы пожрать и его, и мать. Возможно, ничего для тебя сделать уже невозможно. Змей привязал тебя к этому месту роскошью, богатствами и даже своей отвратительной любовью. Но мы, твои родные сестры, должны, по крайней мере, предостеречь тебя.

Услышав эти слова, Психея позабыла о просьбах мужа и даже о своих обещаниях и с болью в сердце закричала:

– Возможно, те, кто говорят эти страшные вещи, говорят правду. Я действительно никогда не видела лица моего мужа и даже не знаю, на кого он похож. Он не позволяет мне взглянуть на себя, утверждая, что, если я увижу его лицо, случится нечто ужасное. О вы, кто были со мной с моего рождения, помогите, если можете, вашей сестре, которая оказалась в опасности!

Сестры Психеи, исполненные злобы, ответили:

– Мы думали об этом и, нам кажется, нашли выход. Возьми острый нож и спрячь его рядом с постелью. А за занавеской помести зажженный светильник. Когда ты услышишь, что он дышит ровно и спокойно, встань с кровати, возьми лампу и взгляни на него. Держи в другой руке нож. Ты должна собрать все силы и отсечь его змеиную голову. Тогда ты будешь избавлена от участи, которую навлекла на тебя слава о твоей неземной красоте, и сможешь возвратиться в дом своего отца.

Сказав это, сестры поспешно распрощались, и Психея осталась одна. Ее терзали сомнения. Ее одолевали дурные предчувствия. Ей казалось, что над ней нависло страшное несчастье, которое она может отвратить, только если будет сильной и сделает то, что посоветовали сестры. Незаметно наступил вечер, и она торопливо стала готовиться к ужасному деянию. Стемнело, и в темноте к ней явился тот, кого она знала как своего суженого. Через некоторое время Психея услышала ровное и спокойное дыхание – он уснул.

Психея тихо встала. Она, никогда не отличавшаяся физической силой, достала нож и зажала его в правой руке. В другую руку она взяла зажженный светильник и подняла его. И увидела того, кто лежал на кровати. И тогда ей действительно стало страшно. Ноги девушки подкосились, и она едва не вонзила нож себе в грудь. Потому что на кровати лежала сама Любовь – с золотыми локонами, румяными щеками и белоснежной шеей и крыльями, еще влажными от росы. Ее возлюбленный спокойно спал, легкий и нежный, как богиня Венера, его мать. А в ногах кровати лежал колчан со стрелами и лук.

Психея, затаив дыхание, склонилась над ним, чтобы поцеловать в губы. И случилось так, что капля масла из лампы, которую она держала в руке, упала на его обнаженное плечо. Почувствовав ожог, бог проснулся. Он увидел склонившуюся над ним Психею и понял всю степень ее вероломства. Он отвел протянутые к нему руки, встал с кровати и улетел.

Девушка пыталась удержать его, но тщетными были ее усилия. Она не могла вынести обрушившегося на нее несчастья и без сил опустилась на пол. Пришел рассвет, и она через окно увидела своего божественного возлюбленного – он отдыхал на высоком кипарисе, росшем неподалеку. Она не могла даже плакать и звать его. А он в большом волнении заговорил:

– Глупая женщина! Венера, моя мать, приговорила тебя к мукам низкой, недостойной любви. Я не выполнил ее приказ, потому что не хотел, чтобы тебя постигла такая страшная участь. И я пронзил своей стрелой собственную плоть и предназначил тебя себе. Я привел тебя сюда, я сделал тебя своей супругой и дал тебе все. Не думал я, что мог казаться тебе монстром и ты захочешь отсечь мою голову, чтобы навсегда закрылись глаза, полные любви к тебе. Я думал, что ты прислушаешься к моим словам и не дашь обмануть себя тем, кто подготовил тебе ловушку. Но теперь все кончено. Я улетаю отсюда, и это станет тебе наказанием.

Распростертая на полу Психея следила за полетом своего возлюбленного супруга. Когда же расстояние скрыло его от ее глаз, она вскочила на ноги и выбежала на лужайку. Она пошла прочь от дома, в котором жила с Любовью. Долго шла она не разбирая дороги и вышла к реке. В отчаянии она бросилась в ее воды; пастушеский бог Пан в это время сидел на берегу и играл на дудочке. Неподалеку паслось стадо коз. Бог Пан вытащил девушку из реки.

– Я всего лишь пастух, – сказал он, – но я мудр, поскольку живу на свете очень давно. Печаль в твоих глазах и горькие вздохи, вырывающиеся из твоей груди, сказали мне о том, что все твои беды от любви. Послушай меня, юная дева, и не ищи смерти в быстрых водах реки. Забудь на время о своем горе и вознеси молитву Купидону. Это бог, благосклонность которого можно завоевать, так послужи ему.

Психея не нашла в себе силы, чтобы ответить. Она покинула бога Пана и его коз и пошла дальше. Она решила отправиться на поиски Купидона, своего супруга, даже если ей придется обойти весь белый свет. А Купидон в это время находился в доме матери. Он очень страдал от раны, которую нанесло ему горячее масло, пролившееся из лампы Психеи. Да и сердце у него тоже болело. Белая птица, принадлежавшая его матери, увидела, что он вернулся, и полетела за моря. Она нашла Венеру, купавшуюся в прозрачном источнике, и сообщила ей, что сын вернулся и очень страдает. Венера отправилась в свое жилище и обнаружила Купидона, испытывающего и физические, и душевные муки. Она выяснила причину его страданий и разгневалась.

– Прекрасно, – вскричала она, – ты не подчинился приказу матери и избавил ее врага от участи, которую она для нее предназначила, – недостойной любви! Да еще и соединился с ней и дал мне невестку, которая меня ненавидит! Но я заставлю вас обоих раскаяться в любви, которая возникла между ней и тобой, и в вашем супружестве будет только горечь! – С этими словами Венера в ярости покинула свой дом.

III

Психея бродила по свету в поисках своего возлюбленного супруга, надеясь унять его гнев супружескими ласками, если же он не примет ее как жену, стать его преданной служанкой. Однажды, увидев храм на вершине горы, она направилась к нему в надежде отыскать там хотя бы какие-нибудь следы своего господина. В храме были колосья пшеницы, увязанные в снопы или сплетенные в венки; там также были колосья ячменя, серпы и прочие орудия жнецов. «Я не могу, – подумала Психея, – обходить святыни и пренебрегать службой другим богам и богиням и должна стараться трудами своими завоевать благосклонность их всех». И она навела порядок, разложила серпы и инструменты жнецов, колосья и зерно по местам.

Церера, богиня урожая, нашла ее за работой. Богиня знала, что Психея – супруга Купидона.

– Ах, Психея, – сказала Церера, – разгневанная Венера идет за тобой по пятам. Она ищет тебя, чтобы заставить заплатить за все неприятности, которые она претерпела по твоей милости, а я случайно нахожу тебя здесь, в моем храме, занимающейся делами, которыми положено заниматься мне.

Тогда Психея пала к ногам богини и, подметая пол своими прекрасными волосами, омывая ноги богини своими слезами, попросила ту, что принадлежала к сонму бессмертных, смиростивиться над ней.

– Позволь мне укрыться на несколько дней среди твоих снопов и кип зерна, восстановить силы, утраченные в долгой дороге, коротким отдыхом!

Но Церера ответила:

– Твои слезы трогают меня, и я бы хотела тебе помочь. Но я не хочу навлечь на себя гнев могущественной родственницы. Поэтому уходи отсюда, и как можно быстрее.

И Психея, лишившись последней надежды, пошла прочь из храма. Она долго шла по сумрачным лесам, которые росли в долине у подножия горы, и увидела еще один храм. Она увидела богатые дары, сложенные у двери и висящие на ветках растущих у входа деревьев. Золотыми буквами у входа было написано имя богини, в честь которой был построен храм. Психея вошла внутрь, преклонила колени, протянула руки к алтарю и вознесла горячую молитву.

– О Юнона, сестра и супруга Юпитера, ты, которую называют доброй и благодатной. Смилуйся над моей несчастной судьбой. Ты всегда охотно помогаешь женщинам в родах. Молю тебя, избавь меня от гибели, грозящей мне.

И пока Психея горячо молилась, перед ней предстала сама богиня Юнона, сестра и супруга Юпитера, во всем своем величии и великолепии. Богиня ответила:

– Меня тронула твоя молитва, но против воли Венеры, которую я всегда любила, как дочь, я не могу дать тебе то, что ты просишь.

Психея покинула храм и, чувствуя себя совсем несчастной, подумала: «Куда мне теперь идти? Где я могу укрыться от всевидящего ока Венеры? Лучше уж предстать перед ней, признать в ней хозяйку и принять любое наказание, какое она пожелает». Приняв решение, Психея направилась напрямик к жилищу Венеры. В глубине души она лелеяла надежду, что в доме матери она найдет и того, по ком истосковалось ее сердце.

Когда Психея подошла к дому Венеры, ей навстречу выскочила одна из служанок и закричала:

– Негодная девчонка, значит, ты наконец поняла, кто твоя хозяйка? – С этими словами она схватила Психею за волосы и потащила в дом пред светлые очи великой богини.

Увидев несчастную девушку, Венера рассмеялась и сказала:

– Ты все же соблаговолила предстать перед свекровью? Это радует. Теперь я позабочусь, чтобы ты стала покорной и почтительной невесткой – сказав это, она взяла ямень, просо и много других зерен, смешала их и высыпала в большую кувч. – Полагаю, что такая

невесткой. – Сказав это, она взяла ячмень, просо и много других зерен, смешала их и вывешала в большую кучу. – Подумай, что такая простая девушка, как ты, может завоевать возлюбленного только своим умением и работоспособностью. Приступай к работе и покажи, как ты с ней справишься. Отдели зерна друг от друга и помни, что работа должна быть закончена к вечеру.

Венера ушла, а Психея опустилась на пол и без всякой надежды устала на зерна. Она понимала, что не сможет выполнить порученную ей работу. Часы шли, а девушка все сидела без движения у груды зерна. Мимо нее прополз маленький муравей. Он сжалился над девушкой и привел целую армию своих собратьев. Он сказал им, что они должны пожалеть супругу Любви и помочь ей выполнить задание. Муравьиная армия очень быстро справилась с сортировкой зерна и уползла восвояси.

К ночи вернулась Венера. Она увидела, что работа, порученная ею Психее, выполнена, и пришла в ярость.

– Это не твоя работа! – закричала она. – Тот, в чьих глазах ты находишь благосклонность к себе, научил тебя, как это сделать.

Великая богиня удалилась, но рано утром снова призвала пред свои очи Психею.

– В той роще, что у стремительного потока, пасутся овцы, шерсть которых сияет золотом. Принеси мне кусочек этой шерсти, а как ты ее добудешь, меня не касается.

И Психея отправилась выполнять задание. Она остановилась перед стремниной, решив, что найдет долгожданный отдых в ее глубинах. Но тут она услышала голос, это шептал зеленый тростник, родитель музыки. Он сказал:

– О Психея, не стоит загрязнять эти воды своим мертвым телом. Я расскажу тебе, как достать кусочки шерсти тех овец. Ложись под тем деревом и отдыхай, жди, когда наступит вечер и мерный рокот реки успокоит отару. Потом иди к деревьям, под которыми они паслись, и собери с них клочки шерсти, которые зацепились за ветки и листья.

Психея, получив совет от простого тростника, сделала все в точности, как он сказал. Тихим вечером она зашла в рощу и собрала с листьев и ветвей клочки золотой шерсти. Затем она вернулась к Венере. Богиня мрачно усмехнулась и сказала:

– Мне отлично известно, от кого ты получила помощь, впрочем, ладно, я все равно еще не закончила с тобой. Ты видишь самую дальнюю вершину той горы? Темный поток, который течет с нее, орошает стигийские поля. Ты должна принести мне в этом маленьком кувшине глоток воды из ее источника, находящегося глубоко внутри горы. – Сказав это, Венера вложила в руки девушки хрустальный сундук.

Психея отправилась в горы. Теперь она искала только место, где могла бы положить конец своей несчастной жизни. Она подошла к скале – отвесной и гладкой. На этой скале брала начало река, воды которой с ревом падали вниз в невидимый сверху водоем. А с окружающих водный поток скал свисали змеи, они раскачивались и глядели по сторонам немигающими глазами. Психее показалось, что с ней заговорили воды; они на разные голоса шипели, журчали, грохотали: «Что ты здесь делаешь? Оглянись вокруг! Здесь всюду смерть! Ты погибнешь!» Но Психея уже неспособна была бояться. Она молча стояла у воды, словно сама превратилась в камень.

И к ней прилетела птица Юпитера. Она расправила над ней крылья и сказала:

– Смертная женщина! Ты думала, что сможешь похитить каплю воды из этого безжалостного потока, из реки, которая кажется ужасной даже богам? Дай мне скорее твой сосуд!

Орел взял кувшин, наполнил его из источника и вернулся к Психее, спокойно пролетев меж поднятыми головами змей.

Получив бесценный сосуд, Психея почувствовала, что ей снова подарили жизнь. И она со всех ног бросилась к Венере. Но разгневанная богиня, как выяснилось, еще не была удовлетворена.

– Тебе осталось выполнить последнее задание, – сказала она Психее. – Возьми этот ларец и отнеси его Прозерпине. Скажи ей, что Венера хотела бы получить то, что она использует для поддержания своей красоты в количестве достаточном на один день. Скажи ей это и принеси в ларце то, что тебе даст царица Гадеса. И поторопись!

Психея поняла, что ее отправили прямо в лапы смерти. Ей придется идти по собственной воле вниз в царство мрачного Гадеса, где живут души мертвых. Она поднялась на вершину самой высокой башни и подумала: «Я брошусь отсюда вниз и, таким образом, попаду быстрее в царство мертвых, чем если отправлюсь туда своими ногами». Но башня заговорила с девушкой; она сказала:

– Глупая девчонка! Если душа покинет твоё тело, ты, конечно, сразу попадешь в царство Гадеса, но уже никогда не вернешься на землю. Послушай меня. Недалеко отсюда есть гора, а в ней пещера, из которой открывается дорога в нижний мир. По ней можно дойти до замка Орка. Но только ты не должна идти с пустыми руками. Возьми в каждую руку по куску ячменного хлеба, смоченного в гидромеле^[21], а во рту держи две монеты. Когда ты пройдешь часть пути, ты догонишь хромого осла, везущего хворост, и хромого возницу. Он станет просить тебя подать ему веревки, чтобы привязать хворост, падающий со спины осла. Не обращай на него внимания и молча пройди мимо. Ты выйдешь к реке мертвых. Харон в протекающей лодке перевезет тебя на другой берег. За это ты дашь ему одну монету. Но ты должна отдать ее так, чтобы его рука взяла монету из твоих губ. Когда ты будешь переезжать через реку, из воды поднимется старик; он будет протягивать к тебе руки и молить втянуть его в лодку. Но помни, ты не должна поддаваться жалости.

Когда ты окажешься на другом берегу, тебя окликнут седоволосые пряжи и станут просить помочь им. Помни, ты ни в коем случае не должна прясть. Если ты им поможешь, ты бросишь один из кусков хлеба, которые держишь в руках. Запомни хорошенько: потеря даже одного куска хлеба будет означать, что ты больше никогда не увидишь дневного света. У порога дома Прозерпины лежит сторожевой пес. Ты дашь ему один кусок хлеба, и он впустит тебя внутрь. Тогда ты предстанешь перед Прозерпиной. Передай ей послание, возьми то, что тебе даст царица мертвых, и возвращайся обратно. Дай псу второй кусок хлеба, а перевозчику – вторую монетку, которая еще останется у тебя во рту. После этого ты сможешь вернуться на землю. Знай: ты не должна открывать ларец и смотреть на божественные средства, которые там лежат».

Так сказали камни башни, и Психея учла все советы. Она вошла в одинокий дом Прозерпины. Она не стала отдыхать на кушетке, стоявшей в комнате, отказалась и от предложенной ей пищи и скромно села у ног богини. Она передала послание и стала ждать. Прозерпина наполнила ларец, захлопнула крышку и подала ларец Психее. Девушка вышла из дома. Она помнила о куске намоченного хлеба, который должна была дать собаке, и о монетке для перевозчика. Психея вышла из пещеры на дневной свет и заторопилась к дому Венеры. По пути она подумала: «В моих руках божественная красота. Возможно, я могла бы взять для себя маленькую частичку, чтобы вернуть любовь того, кого я так долго ишу». Она приоткрыла крышку ларца, но что это? Внутри был только сон, такой, каким спят мертвые. Сон овладел Психеей, она опустилась на землю и больше не шевелилась.

А в это время Купидон, излечившись от ожога и тоскуя о своей возлюбленной Психее, вылетел из дома своей матери. Он нашел Психею лежащей на земле во власти тяжелого беспробудного сна. Юноша стряхнул с нее сон. Он разбудил девушку, пощекотав ее кончиком стрелы. Потом он взлетел и поднимался все выше и выше, пока не достиг небесного царства. Там правил Юпитер, отец богов и людей. Когда к нему подошел Купидон, Юпитер взял его руки в свои, поцеловал его и сказал:

– Ты, сын мой, очень редко относишься ко мне с должным почтением. Своими быстрыми стрелами ты часто нарушаешь гармонию, которую я создаю. Но ты вырос на моих руках, поэтому я выполню любое твое желание.

Он попросил Меркурия собрать богов. Когда же те собрались, Юпитер обратился к ним с речью:

– О боги, мне кажется правильным, чтобы этот юноша связал себя узами брака. Он выбрал для себя смертную девушку. Так пускай же он будет счастлив, обладая ею вечно.

После этого отец богов велел Меркурию доставить к ним Психею. Девушка поднялась на небеса и предстала перед отцом богов и людей. Тот протянул ей свою чашу с амброзией:

– Выпей это, и ты будешь жить вечно. Купидон никогда не расстанется с тобой.

И боги устроили свадебный пир в честь Купидона и Психеи. Бахус подавал вина всем богам, кроме Юпитера, – ему подавал вино личный слуга. Аполлон пел, аккомпанируя себе на лире. Пан играл на тростниковой дудочке. Венера танцевала. Так Психея, рожденная смертной, стала бессмертной супругой Любви. От Купидона и Психеи родилась дочь, которую люди называли Волюптой.

КЕЛЬТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Ирландские мифы: Мидир и Этайн; Смерть Конойре Мора, короля Ирландии; Путешествие Брана в страну Бессмертных. Уэльские мифы: Пвилл, правитель Дифеда, и его визит в Аннуви, королевство Фейри; Мат, сын Матонви

Серебряный гребень Этайн держала в руке, гребень, украшенный золотом; рядом с ней стояла серебряная чаша, на которой были выгравированы четыре птицы, а по краям ее сверкали маленькие самоцветы. Тело ее окутывал пурпурный плащ, а под ним был другой, украшенный серебряной бахромой, и верхний скальвала на ее груди золотая фибула. Под плащом виднелась туника с широким капюшоном, и вышивка красного золота украшала зеленый шелк, и на плечах были застежки чудесной работы из золота и серебра, так что все видели издали, как сверкает под солнцем зелень шелка и яркое золото. С головы девы ниспадали две золотых косы, каждая – из четырех прядей; и на конце каждой пряди был маленький золотой шарик. Служанка распускала ее волосы, чтобы она могла помыть их. Руки Этайн были белы, как первый снег, а щеки розовые, как наперстянка. Зубы ее были маленькие и ровные и сияли, как жемчуг. Глаза ее были сини, как гиацинт, губы тонки и алы; плечи ее были мягкие и белые. Нежны, гладки и белы были ее запястья; пальцы длинные и белы; ногти изящные и розовые. Шея ее была бела, как снег или пена волн, стройная и мягкая, как шелк; бедра ее были гладки и белы; колени круглы, белы и тверды; голени прямые, как линейка плотника. Ноги ее были стройны и белы, как морская пена; ровно поставлены были ее глаза; брови ее были иссиня-черные, цвета спинки жука. Вместе с пятьюдесятью служанками она шла к заводу в лесу, чтобы помыть волосы, и там ее увидели король Ирландии и его слуги. Никогда девушки более прекрасной или более достойной любви не видели глаза мужчин; и некоторым из свиты короля казалось, что Этайн – одна из тех, кто пришел из чудесных холмов.

Эохайд, король Ирландии, посватался к Этайн, дочери ольстерского принца, женился на ней и привез ее, свою королеву, в Тару. Вскоре начали происходить странные события. Однажды утром Эохайд, поднявшись на возвышение Тары, увидел вдруг перед собой незнакомого воина: до плеч, покрытых пурпурным плащом, спускались его золотистые волосы. Светились его серые глаза. В одной руке держал он пятиконечное копьё, а в другой щит с белой шишкой и драгоценными камнями. Неожиданно незнакомец исчез из поля зрения короля. Эохайд никому не сказал о том, что видел, так как знал, что ему скажут, что еще вчера такого воина не было в Таре и что ворота, через которые он мог бы пройти, еще не были открыты. Спускаясь с возвышения, Эохайд взглянул на равнину Брега; прекрасна и ярка была равнина, особенно выделялся на ней великолепный цветок, переливавшийся всеми известными цветами.

Но после этого заболел брат короля Айлиль, и никакой лекарь не мог ему помочь. Король же должен был покинуть Тару, чтобы объехать Ирландию. Он умолял свою жену позаботиться о брате. Он заставил ее пообещать, что она сделает все для выздоровления Айлиля, а если же он умрет, то похоронит его с должными почестями и воздвигнет огамический камень на его могиле. Этайн пообещала исполнить все это и, когда король покинул Тару, отправилась навестить Айлиля.

Она спрашивала больного молодого человека, что она может сделать для него. Он ответил ей, что чахнет от любви к ней и что если она не уступит его желанию, то он, несомненно, умрет. Этайн ответила ему:

– Ты не умрешь, если исполнение твоего желания сохранит тебе жизнь.

Она пообещала Айлилю встретиться с ним на следующий день в доме за границами Тары.

Этайн отправилась к этому дому. Айлиль пришел туда же, но за руку ее не взял. Он встал перед ней и укоризненно заговорил с ней.

– Ты – та, которая забыла, – сказал он ей. Затем он ушел.

На следующий день Этайн снова ждала его в доме для свидания. Снова он пришел и встал перед ней.

– Ты – та, которая забыла, – опять сказал он ей и, больше ничего не добавив, ушел.

В третий раз ждала она его. И снова встал он перед ней, но в этот раз запел песню. «О прекрасноволосая дева, пойдешь ли ты со мной? – пел он. – О прекрасноволосая дева, пойдешь ли ты со мной в дивную землю, исполненную музыки, где волосы золотисты, как первоцвет, а тело бело, как снег?»

Там никто не скажет «мое» или «твое» – зубы белы, а брови черны; глаза сияют многими цветами, и на щеках – краски наперстянки.

Приятны для глаз равнины Эйрина, но они – пустыня в сравнении с Великой равниной.

Опьяняет эль Эйрина, но эль Великой равнины пьянит сильнее.

Неторопливы и сладостны реки, что текут через эту землю; изобильна она вином и медом. И одним из чудес этой страны является то, что юность не сменяется старостью.

Мы видим все вокруг, но люди нас не видят. О дева, если придешь ты к моему могучему народу, чистейшее золото украсит твою голову, пищей твоей будет свежее мясо свиньи, молоко и мед будешь пить там со мной, о прекрасноволосая дева.

Затем он сказал:

– Я не Айлиль. Его я погрузил в глубокий сон, это я вложил в душу Айлиля страсть – страсть, которая его покинет. Но ты, ты меня не знаешь, ты забыла. Я Мидир Гордый, король среди бессмертных. В стране бессмертных я любил тебя, и ты любила меня. Но Фуамнах, моя королева, из ревности приказал своему Друиду заколдовать тебя, превратив в муху. Она вызвала могучий ветер, который носил тебя по миру. В конце концов он привел тебя в замок Энгуса – Энгуса, Бога любви, моего приемного сына. Энгус устроил для тебя жилище из стекла, внутри которого для твоего питания и восторга устроил сад медовых цветов. Ты была потеряна для меня, потому что я не знал, что Энгус заботится о тебе. Но Фуамнах узнала об этом. И когда ты покинула свое жилище из стекла, снова подул вихрь и унес тебя. Унес в дом Этара, твоего смертного отца: его жена держала в руке чашку. Ты попала в чашку, и жена его, сделав глоток, проглотила тебя. После этого ты родилась как дочь Этара. Все, что произошло до твоего рождения, как смертной, ты забыла. Но я помню и утверждаю, что ты была моей невестой в стране бессмертных.

Этайн ответила:

– Я – жена короля Ирландии; я ничего не знаю о твоей стране, а что касается тебя, ты для меня неизвестный человек.

– Если Эохайд отдаст тебя мне, пойдешь ли ты со мной?

– Если он прикажет мне пойти с тобой и позволит тебе обнять меня, я пойду с тобой.

Когда Этайн сказала это, он, принявший облик Айлиля, ушел. Этайн поторопилась к Айлилю и обнаружила его очнувшимся от глубокого сна. Когда же она рассказала ему о странных вещах, происшедших с ней, вся страсть к ней Айлиля прошла.

Вернулся Эохайд. Поднявшись однажды утром на возвышенность Тары, чтобы полюбоваться на равнину Брега, он снова увидел того же воина. Король знал, что этого воина не было вчера в пределах Тары и что ворота, через которые он мог бы попасть внутрь, еще не были

открыты. Незнакомец заговорил с королем и предложил сыграть партию в шахматы. Игра в тот вечер была очень тяжелой. Эохайд победил и потребовал огромные сокровища от незнакомца. Сокровища были доставлены ему. Он играл снова и снова победил, и потребовал, чтобы для него была проделана большая работа. Эта работа была выполнена. Они снова играли, и в этот раз победил незнакомец. Когда король спросил, чего желает незнакомец в качестве оплаты, воин ответил:

– Я желаю держать Этайн в своих объятиях и получить от нее поцелуй.

Эохайд, услышав требование, долго молчал. Он не мог отказаться, потому что получил от незнакомца всю полагающуюся за поражения оплату.

– Через месяц, – сказал он, – приходи во дворец, и ты получишь желаемое.

Когда король сказал это, незнакомец покинул Тару.

Затем Эохайд приказал окружить Тару огромным войском. Никто не принадлежащий к королевскому двору не мог войти во дворец. Когда прошел месяц, Эохайд и его люди устроили пир. Этайн была там, она разносила напитки. Внезапно среди них появился тот, кого все они знали под именем Мидир Гордый. Он был еще прекраснее, чем обычно.

– Я требую свой выигрыш, король Ирландии, – сказал он.

Эохайд кивнул и приказал Этайн подойти к войну и позволить ему обнять ее. Она подошла к нему, он обнял ее правой рукой, и в тот же миг Этайн вспомнила всю любовь, которая существовала между ними в стране бессмертных. Они поднялись в воздух и вылетели через отверстие в крыше дворца. Когда король и его воины выбежали во двор, то увидели лишь двух лебедей, летевших к Сливенемону, где у Мидира Гордого был волшебный дворец.

СМЕРТЬ КОНАЙРЕ МОРА, КОРОЛЯ ИРЛАНДИИ

I

Когда король Этерскел умер, убили быка; затем ясновидец выпил мясной отвар и наелся досыта мясом только что убитого быка; после чего отправился спать, и над его ложем произнесли заклинание правды. Все это было сделано, чтобы он мог показать людям человека, которому предначертано судьбой стать их королем. Во сне ясновидец закричал, что увидел человека, которому суждено стать королем Ирландии. Он увидел обнаженного мужа, который направлялся к Таре, вложив в пращу камень. Тотчас во все стороны были разсланы люди, чтобы встретить нагого мужа, привести его во дворец и объявить королем.

В это время молодой человек, воспитанный в доме Этерскела и являющийся сыном короля Ирландии, играл со своими молочными братьями на равнине близ Лиффи. Это был принц Конайре. Играя со своими молочными братьями, Конайре увидел стаю огромных птиц невиданной красоты и цвета. Он погнался за ними на колеснице, птицы взлетели и на некотором расстоянии сели на землю. Когда же Конайре подъехал ближе, птицы снова вспорхнули ввысь и все время держались на расстоянии чуть больше броска камня. Конайре расстался со своими братьями. В конце концов птицы приземлились на берегу моря, Конайре сошел с колесницы и направился к ним с пращой в руке.

Вдруг птицы превратились в воинов и кинулись на него с копьями и мечами. Однако один из них вступился за него и сказал:

– Я Немглан, король птиц твоего отца, и нет перед тобой никого, кто не был бы близок тебе по отцу или матери.

– Донуны не знал я об этом, – ответил Конайре.

Именно тогда молодой человек узнал о своем происхождении. Его матерью была Месс Буахалла. Это имя, означающее «воспитанница пастухов», было ей дано, потому что ее воспитали два пастуха. Они построили для нее домик из прутьев и научили многим премудростям, и не было в Ирландии королевской дочери прекраснее ее. Один из людей короля Этерскела из любопытства заглянул в хижину и увидел внутри прекраснейшую девушку в Ирландии. Он сообщил об этом королю. Этерскелу было предсказано, что он женится на девушке неведомого рода. Услышав о воспитаннице пастухов, он сказал: «Вот женщина, согласно предсказанию, назначенная мне в жены».

Однако в тот же день, когда Месс Буахалла сидела в своей хижине из прутьев, через которые проникали последние лучи заходящего солнца, через отверстие в крыше залетела птица. Приземлившись на пол, птица превратилась в прекраснейшего юношу. Месс Буахалла знала, что это один из владык данаана из страны бессмертных. Они стали любовниками, и Конайре стал плодом их любви. Этерскел послал за Месс Буахалла, и стала она его королевой. Все считали, что Конайре был сыном Этерскела.

Те, кто принадлежал к народу данаана, любили или ненавидели род, к которому принадлежала Месс Буахалла. Она была внучкой Этайн, которую в стране вечноживущих любил Мидир Гордый. Этайн стала смертной и вышла замуж за короля Ирландии Эохайда. И когда Мидир забрал Этайн обратно в страну бессмертных, Эохайд опустошил места, где жил народ данаан. От разорившего эти земли Эохайда, через Месс Буахалла, дочь его дочери, происходил и Конайре.

Так Конайре узнал от Немглана о своем роде и происхождении.

– Ты станешь королем Ирландии, – сказал ему Немглан, – а вот список тех вещей, которые ты не должен никогда делать.

После этого Немглан протянул Конайре список *гейсов*, вещей, которые ему запрещено совершать.

– Если ты нарушишь один из этих запретов, – сказал он, – то ничто не остановит мечь народа данаана этому дому, – после чего добавил: – Полностью обнаженный мужчина, который под утро придет по одной из дорог в Тару с камнем в праще, именно он и станет королем.

Конайре снял с себя одежды и отправился сквозь ночь в Тару. Наблюдатели следили за дорогой, высматривая его. Когда же они встретили обнаженного мужчину, то надели на него королевские одежды и привезли в королевский дворец. Все ликовали, узнав, что именно принцу Конайре предначертано стать их королем. Его молочные братья, Фер Рогайн, Фер Гобар и Ломна Друг, тоже радовались тому, что он стал их королем.

II

Конайре Мор был самым прославленным, благородным и красивым королем, когда-либо правящим в Ирландии, и также он был самым добрым и милосердным среди них. У него не было никаких изъянов в фигуре, внешности или одежде, а также в ловкости или красноречии, в знаниях, мужестве или родстве. Во время его правления в Ирландии с середины весны до середины осени ни одно облако не закрывало

солнце, ни одна капля росы не падала с травы до полудня. Даже с волками в королевстве из года в год поддерживался мир. Не случилось ни одному ирландцу тогда погубить другого. Для каждого голос другого был ласков, словно мелодия арфы. Тогда у Ирландии было три короны: корона из кукурузных початков, корона из цветов и корона из дубовых мачт.

Следующие запреты были наложены на Конайре Мора:

Он должен запретить грабеж в стране.

Каждую девятую ночь не может он покидать пределы Тары.

Нельзя обходить ему Брегу слева направо, а Тару справа налево.

Он не должен охотиться на злых зверей Керны.

Трое Красных не должны перед ним идти к дому Да Дерги.

Нельзя ему впускать в свое жилище после захода солнца одинокую женщину.

Мир в королевстве был нарушен молочными братьями Конайре. Гордыня и своеобразие овладели ими, и отправились они по Ирландии грабить. Год за годом в течение трех лет занимались они грабежом. Когда люди стали жаловаться на них, король сказал: «Пусть каждый отец убьет своего сына, но пусть мои братья останутся живы». Он разрешил совершать грабежи, тем самым нарушив один из запретов, наложенный на него. В конце концов он перестал защищать своих молочных братьев. Они взяли корабли и отправились за море. В море они встретили Ингкела Одноглазого, сына короля Британии, также изгнанного из своей страны. Они объединили свои силы и совершили набег на Британию. Налетчики разрушили крепость, а находящихся в ней отца Ингкела и его семерых братьев убили.

Ингкел требовал разрушения за разрушением. Он вынудил молочных братьев Конайре напасть на Ирландию. Агрессивные мародеры причалили и высадились на берег, на равнину Лиффи на юге Тары.

– Что за дом я видел, – спросил Ингкел у Фер Рогайна, – где огонь виден через главную дверь и через колеса колесниц?

– Конечно же это гостевой дом, который стоит на пути в Тару, гостевой дом Да Дерги, – ответил Фер Рогайн.

– Но гостевой дом является святилищем в любой стране, неправильно грабить его, – сказал Ломна Друт.

– Ломна, когда мы давали наши клятвы, то не делали никаких оговорок в отношении гостевых домов, – сказал Ингкел.

– Если земля не разверзнется у нас под ногами, – проговорил Фер Гобар, – то ничто не помешает разрушению этого дома. Ни старики, ни летописцы не смогут сказать, что я бросил разрушать этот дом до того, как довел дело до конца.

– Воодушевитесь же тогда, победители, – воскликнул Ингкел, одноглазый изгнанник Британии, – мы ограбим этот гостевой дом, и разрушим его, и уничтожим всех, кто находится в нем! Мы доставим на корабль богатую добычу.

Фер Рогайн и Ломна Друт отступили, а Фер Гобар присоединился к Ингкелу, и жестокие мародеры отправились к гостевому дому, называемому домом Да Дерги.

III

Король Конайре нарушил и другой запрет: на девятую ночь он покинул пределы Тары; он отправился разрешить спор двух своих рабов. На обратном пути в Тару он увидел, что все небо между ним и его королевским дворцом в сполохах пламени и клубах дыма. Вместе со своей кавалькадой он решил пойти другим путем; но, идя этой дорогой, он обошел Тару справа налево и Брегу слева направо. Странные создания появились перед ним, и он погнался за ними. Это были злые звери Керны, но Конайре не знал об этом, пока охота не завершилась.

Король понял, что ему придется ночевать вне его королевского замка. Он отправился к гостевому дому с семьей открытыми дверями, расположенному на пути в Тару. Имя Дерга означает «красный», и Конайре знал, что не должен позволить трем Красным идти перед ним к дому Да Дерги. И только он подумал так, как увидел впереди перед собой трех одетых в красное всадников на красных лошадях. Тут же он отправил к ним посланца с просьбой повернуть обратно. Но как ни погонял посланец свою лошадь, он не смог догнать их. Он попытался прокричать незнакомцам, чтобы те повернули назад и следовали за королем. Один из них, оглянувшись, крикнул в ответ: «Собрание в Доме; великое разрушение; великая новость!» Снова посланник Конайре крикнул им поворачивать, обещая большие награды. Тогда один из всадников пропел: «Устали наши кони – то кони из страны бессмертных. Хоть мы и живы, все же мертвы. Великие знамения. Гибель живого. Пища воронам. Битва и схватки. Кровь на мечях. Щиты с разбитыми шишками после захода солнца. О мальчик!» И они продолжили путь. Посланник Конайре увидел в свете, льющемся из окон дома Да Дерги, как они привязали своих лошадей и устроились внутри. Посланник вернулся и сообщил королю, что красные всадники вошли в дом перед ним. «Еще один гейс нарушен сегодня», – сказал он.

Конайре и его кавалькада продолжили свой путь и подъехали к дому Да Дерги. Они оставили колесницы за домом – семнадцать колесниц спряженными в них лошадьми, у каждой лошади была небольшая голова и широкая грудь, на каждой была уздечка, украшенная красной эмалью. На колесницах лежали серые копыта, у караульных в руках были мячи с железными рукоятками и серебряные щиты. С одной стороны двери на страже стоял Кормак, сын короля Ольстера, человек добрый и благородный. Его ясные глаза сверкали. Его лицо сужалось книзу. У него были светлые волосы, завязанные красивой лентой, на его плаще блистала серебряная брошь. В руке он держал меч с золотой рукоятью. На его щите были изображены пять кругов. С другой стороны двери стоял Конал Кернах – Конал Победоносный, самый знаменитый из ирландских воинов. Его глаза голубые, как горечавка, а брови темные как жук-олень. Копье, которое он держал в руке, было таким же толстым, как внешнее ярмо колесницы. На его щите цвета крови заклепки из белой бронзы чередовались с пластинами золота. Между ними стоял королевский чемпион Мак Хехт. Выражение его лица было строгим и внушающим страх. Древо его пики весило столько же, сколько и плуг. У него был деревянный щит, обитый железными пластинами, а в руке Мак Хехт держал копье, с наконечника которого капала кровь.

Конайре присел на ложе. Его плащ прекрасен, словно туман первых дней мая. Цвет свой меняет тот плащ поминутно. Рядом с ним лежит сияющий меч с золотой рукоятью, вынутый на локоть из ножен, и в свете клинка можно увидеть человека напротив дома. Цвет волос короля был как расплавленное золото. Рядом с ним сидел его сын – маленький, весь в веснушках юноша в пурпурном плаще, у него девичьи повадки, и он любим всеми.

Королевский жонглер выступал перед ними. Его волосы были белы, как горный покров. У него были три щита, три меча и три золотых яблока. Он заставлял их друг за другом, как пчел в прекрасный день, взлетать вверх и падать вниз, но как только король и его сын подняли свой взгляд, раздался крик. Они упали на пол, и затем кто-то бросил человеческую голову в дом. Конайре увидел, что это была голова Фер Рогайна, его молочного брата. Он взял ее, заплакал над ней, и тогда грабители напали на гостевой дом.

Вошла женщина и остановилась около дверного косяка. Ее плащ был грязен и пах сырой землей. При взгляде на женщину всех охватило отвращение. Король приказал ей убираться.

отвращение. Король приказал ей убраться.

– Известно, – сказал он, – что мне запрещено после захода пускать одинокую женщину туда, где я нахожусь.

Женщина ответила:

– Если и в самом деле не найдется у короля приюта и ночлега для одинокой женщины, я отыщу их в другом месте.

– Ты можешь остаться, – ответил Конайре, – еще один из моих гейсов нарушен.

Женщина постелила свой плащ на пол.

– Сегодня, – сказала она, – король будет спать со мной.

Затем другое видение появилось перед Конайре. Он увидел мужчину, у которого был всего лишь один глаз, одна нога и одна рука. Он узнал его, это был свинопас из Боу Дерг. Конайре знал, что любой праздник, где появлялся свинопас, заканчивался разрушением и гибелью. Еще более жуткие образы, чем этот, являлись Конайре. Он увидел трех дочерей Бадб, которых убивают во время каждого сражения. Обнаженные и истекающие кровью, они висели на привязанных к крыше веревках.

Вдруг вышла к грабителям ужасная банда, шайка людей в одеждах из грубого волокна, с поясами из воловьей шкуры. Вооружены они были цепями, каждый цеп представлял собой цеп тройного кручения. Это были гиганты, захваченные Качалэйном во время осады Фалдал. Они прошли через ряды грабителей, сквозь густые волосы были видны их дико сверкающие глаза. Но Ингкел позвал их, договорился с ними, и они перешли на его сторону. Затем реку, протекающую через дом, они повернули в сторону, ее забросали головешками; дом загорелся, и пожар нечем было тушить.

Конал Кернах вместе с девятью воинами вышел из дома. Он обошел вокруг гостевого дома, пройдя сквозь ряды грабителей, как ястреб сквозь стаю мелких птичек. Но вдруг перед ним появился волынщик в красном. Он заиграл и увлек Конала своей чарующей музыкой в сторону от сражения. Кормак, сын владыки Ульстера, боролся с грабителями. Как корабль идет сквозь волны, так Кормак шел сквозь шеренги атакующих. Перед ним появился волынщик в красном и, играя свою волшебную мелодию, увел его от сражения.

Король очень захотел пить, но не было воды, чтобы утолить его жажду. Мак Кехт взял золотую чашу короля и, пройдя сквозь ряды сражающихся, отправился на поиски воды. Король вооружил своих домашних и вышел из дома. Сражались все: он, его арфисты, виночерпии и жонглеры. Но волынщик в красном играл, а арфист крикнул, что народ данаан был против короля, потому что король Эохайд опустошил землю данаан, когда искал свою королеву, которую забрали из этого мира. Гиганты, перешедшие на сторону Ингкела, напали на королевских воинов, размахивая своими железными цепями.

Королевский чемпион Мак Кехт никак не мог найти воду, чтобы утолить жажду Конайре. Родники, реки и озера Ирландии спрятались от него по приказу народа данаан. Шэннон и Слэйни, Банн и Барроу – могучие реки Ирландии – все они скрылись при его приближении. Той ночью самые великие озера Ирландии спрятались от него. Мак Кехт подошел к уединенному озеру, расположенному очень далеко от дома, – он пришел к Лох-Гара. Прежде чем озеро успело спрятаться от него, Мак Кехт погрузил золотую королевскую чашу в воду. Затем вместе с водой он возвратился к гостевому дому. Он обнаружил, что все защитники либо мертвы, либо уведены с поля боя музыкой волынщиков из страны бессмертных. Он появился как раз тогда, когда один из грабителей отрубал голову королю Конайре. Мак Кехт убил этого человека. Взяв голову своего короля, он влил ему в рот воду. И тогда заговорила голова Конайре с Мак Кехтом, она поблагодарила своего воина и восхвалила его доблесть и преданность.

Мак Кехт обнаружил сына Конайре, который не пострадал во время сражения, и унес его с поля боя. Стоя около сгоревшего дома, он услышал, как волынщики пели песнь: «Великие известия. Благодаря древним чарам, погибли воины. Пока этого не произошло, мы не могли вернуться. Теперь же мы садимся на коней Донна Дескорах, на коней сына Мидира. Теперь мы возвращаемся в страну бессмертных».

ПУТЕШЕСТВИЕ БРАНА В СТРАНУ БЕССМЕРТНЫХ

Принц Бран сидел в своем королевском дворце. Крепостной вал был закрыт, и никто не мог войти. Было собрание благородных и выдающихся личностей сельских окрестностей, и принц Бран принимал их в своем зале.

Вошла женщина и остановилась в дверном проеме. Никто не знал, как она сюда попала. Она была прекраснее всех женщин, видимых ранее Браном и его людьми. На ней был необычный наряд; женщины его страны никогда не носили одеяний подобных тем, что были на этой женщине. В руках она держала ветвь, на которой были белые цветы с прекрасным запахом. Она поднесла ветвь к трону, на котором восседал Бран, и запела песнь:

Ветвью яблочного древа из Эмайн
Шлют привет серебряно-хрустальный
Жители бессмертных дальних стран,
Кои омывает океан
Чредою волн нежно-печальных.

Там о четырех столпах из бронзы
Остров, что сокрыл Равнину Славы.
Время льется в играх и пирах.
На равнине южной во бегах,
Мнут колеса серебристы травы
И по ним равняется курах.

Все поля усеяны цветами,
Старые деревья лес хранят,
Птицы оглашают голосами
Времени неутомимый ряд.

Сей дивный край познал красу музыки,
Средь красок неба слышится напев.

Этот мир – прекрасный мир – прекрасный мир

здесь нет оомана, горечи оезликои,
Здесь только смех и радость нежных дев.

Без скорби, без раздоров, без болезней
Цветет потусторонняя Эмайн.
Холмы ее небесных волн чудесней,
И над равниной стелется туман.

О берег бьются волны океана,
Играючи драконьими камнями,
Искрятся волны пеною хрустальной
И воздух наполняют чудесами.

Взгляни на Благодатную Страну:
По ней на солнце правят колесницы,
И в чистом хрустале вино искрится,
И сиды вспоминают старину.

С началом дня у глади моря вновь
Грядет великий муж на колеснице;
Сей дивный муж ко берегу стремится,
Чтоб море превратить рукою в кровь.

Большой курах, наполненный мужами,
Несется к нам упругостью волны.
У близлежащего курах пристанет камня,
Из коего напевы днем слышны.

Несется песнь печальная к плывущим
Стозвучная, чрез долгие века.
Певцам сним опасность смерти чужда,
Им чужда дряхлость, поступь их легка.

Далека и близка Обитель Яблок,
Где воздух серебром укрыл траву.
Свет Солнца над скалой прибрежной ярок,
И колесницы начали игру.

На запад от Эмайн, средь океана,
Сто пятьдесят чудесных островов;
И всяк из них готов поспорить рьяно
С размерами Ирландии лугов.

Мерцают белоснежные покровы
Над Тир-на-м'Баном, Женскою Страной.
Пусть Бран-король мой услышит зовы
И к западу уйдет морской тропой.

Женщина закончила петь и протянула ветвь так, чтобы Бран увидел цветы и почувствовал исходивший от них аромат. И исчезла. Ни Бран, ни кто из его людей, находившихся в зале, не знал, как она сумела исчезнуть с того места, где была.

Когда на следующий день принц Бран покинул свой замок, то услышал музыку, он все время слышал ее, стоял ли он или шел. Перед ним раскинулось огромное пространство, но он не видел ни мужчины, ни женщины. Он поднялся на холм, встал там и посмотрел на море. И все равно никого не увидел. И все же музыка была вокруг него; она успокоила суету внутри него, он сел на холме и заснул.

И во сне он увидел ту самую женщину, которая появилась перед ним с веткой в руке. «Поднимайся, – сказала она ему во сне. – Будь внимателен и готов. Спусти свой корабль на воду и плыви, пока не приплывешь к острову, о котором я тебе пела».

Бран подготовил корабль. Трижды по девять воинов взял он с собой, и во главе каждой девятки поставил он своих молочных братьев. Они спустили корабль на воду в маленькой бухте на своей территории и вышли в открытое море. В течение двух дней и двух ночей видели они перед собой только волны и монстров в их глубине. На третий день они увидели то, что было более странно, чем вид любых монстров в глубине: они увидели колесницу, мчащуюся по поверхности моря.

Колесницей управлял прекрасный мужчина; лошади, впряженные в колесницу, скакали так, будто бы двигались по поверхности равнины. Когда колесница приблизилась к кораблю, мужчина остановил лошадей и заговорил с теми, кто плыл по морю.

И вот что сказал прекрасный возница Брану и его товарищам:

– Мананнан Мак Лир, морской бог – вот кто говорит с тобой. Я еду в твою страну, чтобы найти королеву, которая родит мне сына; я буду его учителем. Его будут любить и смертный, и бессмертный народ. Он будет мудр и способен без страха разгадывать таинственное. Он будет драконом в битве, волком в лесу, рогатым оленем на равнине, в реке он будет лососем, меняющим окраску, в море – тюленем, на

берегу – белым лебедем. А имя ему будет Монган.

Затем Мананнан пропел Брану песню, призывая его отправиться в путь и говоря, что скоро он подойдет к островам, где живет бессмертный народ.

Мананнан продолжил свой путь по волнам на колеснице, а Бран и его соратники поплыли дальше. Они подошли к острову, от которого исходил волшебный аромат. Они увидели цветущие деревья, которые росли до самой кромки воды. Они увидели женщин на берегу, среди которых находилась и королева. Бран знал королеву, так как это именно она появилась перед ним в королевском дворце и принесла с собой ветвь с цветами. Королева крикнула ему:

– Подплывай, принц Бран, и высаживайся на берег. Добро пожаловать!

Но Бран и его соратники побоялись высаживаться на берег. Тогда королева бросила на корабль моток пряжи. Бран поймал его, и моток прилип к его ладони. Королева, держа второй конец пряжи, стала наматывать ее. И так она притянула Брана и его корабль к берегу. Тогда люди наконец сошли на землю.

Они отправились к высокому дворцу, находившемуся на острове. Там их ждали постели, их количества хватило для Брана и его воинов. Там мужчин развлекали королева и ее женщины. Моряки выбрали себе в качестве спутниц женщин королевы, а сама королева была с Браном.

На острове действительно были все те чудеса, о которых пела королева Брану, стоя в дверном проеме его зала. Этот остров был одним из пятидесяти, каждый из которых был крупнее Ирландии. Имена некоторых островов были следующими: Равнина Серебряных облаков, Спортивная равнина, Щедрая земля, Нежная земля. И никто из живущих на них не испытывал ни страха смерти, ни предательства, ни боли расставания.

И снова королева запела песню о красотах своей земли. Она пела ее Брану, стоя рядом с ним около своего высокого дворца:

Его возраст – сотни лет, и все же
На нем расцветают белые цветы,
На этом дереве, на котором
Птицы громко поют.
Слушай! С часами
Птицы меняют свое пение —
Но это всегда счастье —
Слушать их напев!

Взгляни туда, где желтогривые
Лошади мчатся!
Взгляни туда, где колесницы
Едут!
Серебрятся колесницы
На равнине вон там;
На равнине близко к нам,
Колесницы из бронзы!

И от наших земель,
Обработанных, хорошо знакомых,
Не доносится ни звука,
Но для нас звучит музыка.
Великолепие оттенков там,
Где лежит туман;
Роняет кристальные волосинки
С гривы волн!

А о многоцветной
Стране, Ильдатач,
Мы мечтаем, когда нас
Уносит сон.
Это как облако,
Которое сияет над нами,
Как великолепная корона
На челе красавицы.

Все это происходило на острове, называемом Эмайн. Но пришел день, когда первый из молочных братьев сказал Брану:

– В Ирландии цветы осыпаются с деревьев, и даже листья уносит прочь. Вороны прилетают с ветром. Но я с радостью снова увижу страну, где происходят подобные изменения. Именно ты, Бран, привел нас сюда. И если один из нас пожелает, то будет справедливо, если ты отвезешь нас обратно, чтобы снова взглянуть на нашу страну.

Бран знал, что это справедливо, что он так и должен поступить, – он должен позволить тем, кто хочет еще раз взглянуть на родную страну, уехать. Он говорил с королевой о том, что должен отвезти моряков увидеть страну Ирландию. Услышав это, королева очень опечалилась, но дала свое разрешение.

– Но пусть никто, – сказала она, – ни ты, ни один из твоих соратников не ступит на землю вашей страны. А взглянув на изменившуюся страну, возвращайся; приезжай ко мне в страну бессмертных.

Бран ответил ей, что они подплывут лишь в поле видимости Ирландии и что, взглянув на родную землю, тотчас повернут корабль обратно.

Корабль, на котором они приплыли сюда, стоял все так же в бухте. Ничто не изменилось на корабле: на парусах не было ни одной прорехи, ни одна щепка не отлетела от весла. Моряки поднялись на корабль и отплыли. Когда они немного проплыли, перед ними появился маленький остров. Они подошли ближе и увидели множество людей. Все играли в различные игры, были счастливы и смеялись. Бран отправил одного из своих молочных братьев на остров. Они стали ждать, когда он вернется к ним с новостями.

Но они ждали его напрасно. Потому что, сойдя на берег, молочный брат Брана в тот же момент присоединился к играм людей. Когда же он повернулся к своим соратникам на корабле, то они увидели, что он счастливо смеется. Какие только сигналы они не посылали ему, он так и не вернулся. Тогда Бран приказал своим воинам отплывать, оставив своего молочного брата на острове Веселья.

Они продолжили свой путь, они плыли туда, где на море опускался туман. И вскоре они увидели туман вокруг Ирландии. Тогда они отправились к северной части страны, которая была территорией принца Брана.

Когда же у них появилась возможность увидеть берег, то они увидели толпу людей, собравшихся сюда из окрестностей. Моряки крикнули людям на берегу:

– Здесь Бран, принц этих мест, его молочные братья и люди, отправившиеся в плавание вместе с ним.

– Мы не знаем никого с таким именем, – ответил им один из людей на берегу, – но в наших легендах есть предание о принце Бране, который отправился в путешествие за море.

Услышав это, Бран приказал морякам поворачивать корабль. Но его молочный брат, так страстно желавший увидеть Ирландию, спрыгнул с корабля и устремился к берегу. Люди подошли к тому месту, куда он приплыл, и стали ему помогать. Но как только они коснулись его, мужчина упал на гальку.

Люди отошли от него. Моряки на корабле видели его лежащим на берегу; присмотревшись, они поняли, что он похож на человека, умершего и похороненного много сотен лет назад.

Тогда Бран заговорил с людьми на берегу. Он рассказал им обо всем, что случилось с ним и его соратниками с того самого времени, как они отплыли отсюда. Для тех, кто слушал его, история была чрезвычайно удивительной. Ученый муж, находившийся среди людей на берегу, записал песни, которые слышал Бран в исполнении королевы острова. Затем Бран попрощался с людьми. Он снова отправился в море со своими спутниками. С тех пор больше не было никаких известий от принца Брана.

Это история о Пвилле, правителе Диведа. Однажды он отправился на охоту в Глин Кух. Отпустив собак и затрубив в рог, он понял, что оказался вдаль от своей свиты. Продолжив путь, он внезапно услышал лай чужих собак, приближавшийся к нему с другой стороны.

Пвилл находился в лесу, на открытой плоской поляне. К нему бежали его собаки, и в тот же миг он заметил оленя, за которым буквально по пятам гналась свора собак, которые не принадлежали Пвиллу. Когда олень добежал до середины поляны, псы нагнали его и свалили. Поначалу Пвилл не обратил на оленя особого внимания, поскольку во все глаза уставился на незнакомых собак. Он повидал на своем веку немало разных псов, но таких удивительных ему довелось видеть впервые. Их шерсть сверкала ослепительной белизной, уши были красными, как кровь, и красный цвет ушей еще более подчеркивал белизну их тел. Насмотревшись на них, Пвилл отогнал псов от уже мертвого оленя и позвал свою свору.

Не успел он это сделать, как прямо перед ним возник мужчина верхом на огромном светло-сером скакуне; на шее у него висел охотничий рог, а сам он был одет в серый охотничий шерстяной наряд. Подъехав ближе, незнакомец заговорил с Пвиллом:

– О господин, я знаю, кто ты, но я не стану приветствовать тебя.

– Возможно, – предположил Пвилл, – что из-за твоего положения ты не должен приветствовать меня?

– Нет, – ответил незнакомец, – мое положение не запрещает мне приветствовать тебя.

– Что же тогда, о господин? – спросил Пвилл.

– Твои невоспитанность и бесчестье, – ответил незнакомец.

– Что же такого невоспитанного и бесчестного я сотворил? – спросил Пвилл.

– Мне никогда еще не доводилось видеть большего бесчестья, – проговорил он, – как нагло отогнать собак, которые затравили оленя, и спустить на него своих собственных.

– О господин, – сказал Пвилл, – все, что смогу, сделаю я, чтобы искупить свою вину и завоевать твою дружбу, потому что я осознаю, что ты благородного происхождения.

– Я коронованный король в своей стране, – сказал незнакомец.

– Повелитель, – продолжил Пвилл, – скажи, как я могу завоевать твою дружбу.

Незнакомец ответил:

– Я Аравн, король Аннувна. Ты можешь завоевать мою дружбу, помогая мне в одном деле. Ты знаешь, что в Аннувне есть еще один король. Король, который готовится вступить со мной в войну. И если ты отправишься в мою страну и победишь этого короля, то все королевство станет моим.

– Господин, – сказал Пвилл, – научи меня. Скажи, что ты хочешь, чтобы я сделал, и я сделаю это, чтобы завоевать твою дружбу.

Тогда сказал Аравн, король Аннувна:

– Я стану твоим другом. Я отправлю тебя в Аннувн на своем коне и дам тебе самую красивую девушку, которую ты когда-либо видел, я передам тебе свою внешность, так чтобы ни один слуга, ни один воин, ни одной другой человек не узнал, что ты – не я. Так будет продолжаться год, после которого мы встретимся на этом самом месте.

– Да, господин, – сказал Пвилл, – но, когда я буду там в течение года, как я узнаю того, о ком ты говоришь?

– Ровно через год, начиная с этой ночи, наступит время, определенное для битвы между нами. Приходи на поле боя в моем обличье. Но, лишь один раз ударив его, ты лишишь его жизни. Если же он попросит тебя ударить еще раз, не бей, даже если он станет молить тебя. Если же ты ударишь его еще раз, он будет способен драться с тобой на следующий день так же хорошо, как всегда.

– Если я отправлюсь в твоё королевство, – проговорил Пвилл, – приняв твой облик на один год и один день, что же я должен делать с собственными землями?

– Я сделаю так, что никто в твоём владении, ни один мужчина, ни одна женщина, не узнает, что я – не ты. А отправлюсь я туда на твоём коне. Свободен будет твой путь, и ничто не задержит тебя, пока не окажешься ты на моей земле, а я буду твоим проводником.

Сказав это, король Аннувна, отправившийся в тот день в лес со своими собаками с единственной целью – привести Пвилла в свое королевство, проводил его до своих владений.

– Осмотри, – сказал он, – двор и королевство. Все в твоей власти. Войди во двор, там никто не узнает тебя, и, когда ты увидишь, что работа там закончена, ты поймешь обычаи двора.

После этих слов собеседник Пвилла скрылся из поля зрения.

Пвилл, повелитель Диведа, направился к крепости. Войдя во двор, он осмотрел спальни, залы, общие комнаты и другие здания – самые красивые из тех, которые он когда-либо видел. Затем он отправился в зал, чтобы переодеться. Вошли слуги и раздели его. Все они почтительно приветствовали его. Вошли два рыцаря, забрали его охотничий костюм и надели на него золотое одеяние из шелка. Зал был готов к приему, и Пвилл увидел, как вошла его свита. Вместе с ней появилась и королева; она была прекраснейшей из женщин, когда-либо видимых Пвиллом. Она была одета в желтое платье из сверкающего атласа. Пвилл заговорил с ней. Речь королевы была самой мудрой и очаровательной из когда-либо слышимых им. Она была его королевой весь последующий год. А двор Аннувна был, по мнению Пвилла, лучше всего обеспечен едой и питьем, золотом и драгоценными камнями, чем любой другой двор на земле.

Прошел год. Каждый день Пвилла состоял из охоты и песен бардов, из пиров и бесед с мудрыми и вежливыми собеседниками. И вот пришел день, предназначенный для поединка между королями. Люди даже в самых дальних уголках королевства знали об этом дне.

Пвилл отправился на поле, где должен быть состояться бой, за ним последовали придворные Аравна. Придя на поле, они увидели Хафгана, короля, с которым должен был сражаться Пвилл. Хафган находился на другой стороне поля. Поднялся рыцарь и провозгласил:

– Господа, это битва между двумя королями, между ними одними. Каждый на них претендует на землю и территорию другого. Этот бой разрешит все противоречия. Все остальные должны стоять в стороне и позволять бою между повелителями произойти.

Тем временем Пвилл в обличье Аравна приблизился к Хафгану. Они сошлись на середине поля. Пвилл поразил Хафгана копьем, да так, что оно в щепы раскололо его щит, его доспех и смертельно ранило короля, перелетевшего через круп коня и упавшего на землю.

– О господин, – вскричал он, – какое право ты имел убивать меня? Я не причинил тебе вреда, я не знаю, почему ты должен был убить

меня. Но раз уж ты начал, то заверши свое дело.

– Ах, господин, – сказал Пвилл, – я могу сожалеть о том, что сделал с тобой. Но я не нанесу еще один удар.

– Подданные мои, – снова вскричал Хафган, – унесите меня отсюда, потому что моя смерть пришла, и я не смогу больше поддерживать вас!

– Люди, – произнес Пвилл в обличье Аравна, – посоветуйтесь друг с другом, и пусть те, кто станут моими подданными, перейдут на мою сторону. Те, кто перейдет добровольно, будут с радостью приняты, а тех, кто не подчинится, убедит сила мечей.

– Господин, – ответили воины, – в Аннувне нет другого господина, кроме тебя.

И принесли они ему клятву верности. Пвилл в обличье Аравна пошел по королевству Аннувна, и везде ему подчинялись те, кто до недавнего времени были подчиненными Хафгана, так что теперь обе части королевства находились в его власти.

После этого Пвилл отправился на встречу с Аравном. Когда он пришел на поляну в лесу, король Аннувна был уже там. Они очень обрадовались друг другу.

– И пусть, – сказал Аравн, – небеса вознаградят тебя за то, что ты сделал для меня. Когда ты вернешься в свои владения, – продолжал он, – то увидишь, что я сделал для тебя.

Аравн, король Аннувна, вернул Пвиллу его облик, а себе – свой. Аравн отправился обратно в свое королевство Аннувн, а Пвилл, принц Диведа, отправился в свою страну и стал снова правителем семи частей Диведа.

Прибыв в свои владения, он начал расспрашивать своих приближенных о том, что случилось за год.

– О господин, – сказали они, – твоя милость никогда еще не была так велика, ты никогда не был столь добр к своим слугам, никогда так щедро не расточал даров, и твоя власть никогда не была справедливее, чем в этот год.

После этого Пвилл поведал им все.

– Поистине, господин, – сказали они, – надо возблагодарить небо за то, что ты приобрел такого друга.

И после этого короли укрепляли свою дружбу, посылали друг другу и коней, и борзых, и соколов, и все, что они считали желанным и приятным друг для друга. И по причине того, что Пвилл жил год в Аннувне и правил там столь удачно и объединил два королевства в один день своим мужеством и отвагой, его стали называть не Пвилл, король Диведа, а Пвилл, государь Аннувна.

МАТ, СЫН МАТОНВИ

1. Предательство Гвидиона и Гилфайтви

Король Аравн отправил Придери, сыну Пвилла, в подарок стадо свиней. Тогда Придери правил на юге, а Мат, сын Матонви, на севере. К Мату, сыну Матонви, пришел Гвидион.

– Господин, – сказал Гвидион, – слышал я, что на юге появились звери, не виданные на этом острове.

– И как же их зовут? – спросил тот.

– Свиньи, господин.

– И что же это за звери?

– Это небольшие звери, но их мясо вкуснее, чем говядина.

– И кто же ими владеет?

– Их хозяин – Придери, сын Пвилла; их прислал ему Аравн, король Аннувна.

– Хорошо, – сказал король, – и как же нам их добыть?

– Я сам, господин, отправлюсь к нему с дюжиной спутников под видом бардов и выпрошу свиней.

– Что ж, – сказал Мат, сын Матонви, Гвидиону, сыну своей сестры, – тогда иди.

Но целью Гвидиона были не свиньи, принадлежащие сыну Пвилла, его целью была хитрость, задуманная по отношению к Мату, сыну Матонви, именно поэтому Гвидион вызвался идти во двор Придери. Дело было в том, что брат Гвидиона влюбился в деву, которая всегда была рядом с Матом, и единственным средством, благодаря которому брат смог бы обладать ей, было втянуть Мата, сына Матонви, в войну.

Дело в том, что Мат, сын Матонви, не мог прожить без того, чтобы, когда он сидел, ноги его не покоились на коленях девушки, за исключением времени, когда он отправлялся на войну. Девушку, что была тогда с ним, звали Гэвин, и в Арфоне она была красивейшей из дев того времени. Гилфайтви, сын сестры Мата и брат Гвидиона, приметил ее и влюбился так, что не находил себе места, и так изменился от любви к ней, что его трудно было узнать.

– О юноша, – спросил Гвидион, – что случилось с тобой?

– Почему ты спрашиваешь? Что ты видишь во мне? – спросил Гилфайтви.

– Я вижу, что ты худ и бледен.

– Брат мой, – ответил тот, – я не могу открыть никому причину охватившей меня тоски.

– Но что же это, друг мой? – спросил Гвидион.

– Ты ведь знаешь Мата, сына Матонви, – сказал тот, – если самый тихий шепот двоих будет подхвачен ветром, он услышит его.

– Это так, – сказал Гвидион, – тогда лучше молчи, ибо я знаю твои мысли.

Гилфайтви, когда брат сказал ему это, издал самый тяжкий в мире вздох.

– Погоди вздыхать, друг мой, – сказал Гвидион, – может статься, с моей помощью ты добьешься своего. Я устрою войну, которая разделит Мата, сына Матонви, с девушкой.

Именно после этого Гвидион отправился к Мату, чтобы попросить у него разрешения отправиться за свиньями к Придери.

Итак, он вместе с Гилфайтви и десятью другими людьми отправился в путь. Они приняли вид бардов и шли с песнями и музыкой. Они пришли ко двору и были радостно встречены Придери, сыном Пвилла. И той же ночью Гвидион явился к Придери.

– Я буду рад, – сказал Придери, – услышать от вас какую-нибудь историю.

– О господин, – ответил ему Гвидион, – по нашему обычаю, когда мы приходим к столь знатному мужу, в первую ночь с ним говорит главный бард. Я с радостью поведаю тебе те удивительные истории, которые знаю.

И Гвидион развлекал короля и его свиту историями и беседами так, что все были очарованы им, и сам Придери говорил с ним. Спустя некоторое время Гвидион сказал Придери:

– Выслушай мою просьбу, отдай тех животных, что прислали тебе из Аннувна

– Выслушай мою просьбу, отдай тех животных, что прислали тебе из Анпува.

– Не было бы ничего проще, – ответил Придери, – если бы не договор с моими людьми, которым я обещал никому не отдавать этих животных, пока их число не удвоится.

– О господин, – возразил Гвидион, – Не отдавай мне свиней сейчас, но и не отказывай мне.

Так Придери не отдал свиней, но и не отказал Гвидиону.

И той же ночью Гвидион прибегнул к магическому искусству: он сотворил дюжину коней и дюжину черных борзых, у каждой была белая грудь, и дюжину ошейников и поводков для них. И никто из видевших их не догадался бы, что эти вещи не из золота. Все это Гвидион сотворил из грибов. И он сотворил дюжину седел для коней, каждая часть которых была из железа, покрытого золотом, и такие же уздечки. И со всем этим он пришел к Придери.

– Господин, – сказал он, – ты говорил мне прошлой ночью, что не можешь ни продать, ни подарить своих свиней. Но ведь ты можешь обменять их на что-то лучшее, и я дам за них эту дюжину коней, которых ты видишь, и их седла с уздечками, и дюжину борзых, и их ошейники с поводками.

Придери созвал своих людей на совет, и они порешили отдать свиней Гвидиону и взять за них коней и собак. Так и было сделано, Гвидион отправился в путь, захватив с собою свиней.

– Друзья мои, – сказал Гвидион своим спутникам, – нам придется поспешить. Волшебство имеет силу от часа, когда оно было сотворено, до того же самого часа следующего утра.

Они поспешили и вскоре подошли к владениям Мата. Там они соорудили загон для свиней и вскоре предстали перед Матом, сыном Матонви. Как только они предстали перед ним, раздался звук рога, и войско Придери вошло в Гвинедд, владение Мата.

Гвинедд огласился криками и шумом сражения. Мат, сын Матонви, отправился к Придери, Гвидион и Гилфайтви пошли вместе с ним. Однако ночью Гвидион и Гилфайтви тайно вернулись во дворец. Гилфайтви занял ложе Мата, сына Матонви. Грубо выпроводив остальных девиц за дверь, он заставил Гэвин остаться с ним против ее воли.

Следующим утром братья вернулись туда, где Мат, сын Матонви, находился вместе со своим войском. Началась битва, и армия Придери обратилась в бегство. Затем Придери и Гвидион сражались один на один. И мощью Гвидиона, соединенной с чарами, Придери, сын Пвилла, был сражен. После этого Мат, сын Матонви, вернулся обратно в свой дворец, а Гвидион и Гилфайтви отправились объезжать его владения.

Мат вошел в свои покои и увидел место отдыха, приготовленное для него так, чтобы он мог поставить ноги на колени девушки, как он это обычно делал.

– О господин мой, – заговорила тут Гэвин, – найди другую девушку, кто будет держать твои ноги, ибо я стала женщиной. Надо мною сотворили насилие, господин. И это дело рук твоих племянников Гвидиона и Гилфайтви, сыновей твоей сестры. Они обесчестили меня и запятнали твою честь.

– Что ж, – сказал Мат, сын Матонви, – я сделаю все, что смогу. Я защищу твои права, и сделаю тебя своей женой, и дам тебе власть над всеми моими землями. И кое-что я изменю для себя.

А Гвидион и Гилфайтви не вернулись ко двору, но и не выезжали за границы земель, пока не появился запрет выдавать им мясо и питье. И наконец пришли они к Мату.

– Господин, – произнесли они, – мы в твоей воле!

– По своей воле я не лишился бы воинов. Не можете вы отплатить и за мое бесчестье и за смерть Придери. Но раз уж вы пришли, я назначаю вам наказание, – ответил Мат, сын Матонви.

2. Превращение Гвидиона и Гилфайтви

И он поднял волшебный жезл и ударил им Гилфайтви, и тот превратился в олениху. Он ударил и Гвидиона, который хотел было убежать, и тот стал оленем.

– В наказание я велю вам жить вместе, как диким зверям, облик которых вы приняли. И у вас будет то же потомство, что и у них. Через год в этот же день вы придете ко мне.

И ровно через год он услышал шум за стенами дворца и лай собак.

– Посмотрите, что там, – велел он слугам.

– Господин, – сказали ему, – там олень с оленихой и с ними детеныш.

Услышав это, Мат встал и вышел на крыльцо. И там он увидел троих зверей: оленя, олениху и прелестного олененка. И тогда он поднял свой жезл.

– Те из вас, кто были этот год оленями, станут кабанями на весь следующий год, – сказал он и ударил их жезлом, – но детеныша я беру на воспитание. Идите же и будьте животными, в которых я обратил вас, а через год приходите ко мне.

И через год он услышал лай собак и шум за дворцовой оградой. Тогда он встал и вышел наружу, где увидел троих зверей. Это были дикий кабан и дикая свинья и с ними маленький поросенок.

– Что ж, – сказал Мат, – я возьму его и воспитаю. Что же касается вас, вы были дикими кабанями прошлый год, следующий же вы будете волками. – И он ударил их жезлом так, что они превратились в волка и волчицу. – Идите и будьте животными, облик которых я вам дал, и ровно через двенадцать месяцев приходите ко мне.

И в тот же день год спустя он услышал шум и лай собак за стенами дворца. Он встал и вышел наружу, где увидел волка с волчицей и с ними здорового и сильного волчонка.

– Я возьму его и воспитаю.

Так трое, которые были олененком, поросенком и волчонком, были воспитаны. Имена им были Хиддин, Хикдин и Бледдин, и были они сыновьями Гилфайтви.

И после этого он коснулся Гвидиона и Гилфайтви волшебным жезлом, и они обрели свой первоначальный облик.

– Люди, – говорил он, – за зло, причиненное мне, вы наказаны своим позором. – И приказал Мат тем, кто находился вокруг него: – Приготовьте же для них баню и драгоценные мази, и вымойте их, и оденьте.

И это было сделано, и братья, сыновья сестры Мата, снова стали людьми, которые могут говорить.

3. Гвидион и Арианрод

Пришел день, когда Мат, сын Матонви, спросил у Гвидиона, своего советника:

– Какую девушку могу я приблизить к себе, чтобы держать у нее на коленях свои ноги?

– Господин, – сказал Гвидион, сын Дон, – я с легкостью скажу, что это Арианрод, дочь Дон, твоя племянница.

И ее привели к нему, и она вошла.

– О дева, – спросил он ее, – девушка ли ты?

– Я не знаю, господин, кем же я еще могу быть.

Тогда он взял волшебный жезл и положил его на пол.

– Перешагни через него, – сказал он, – и, если ты девушка, я увижу это.

И она перешагнула через жезл, и тут позади нее вдруг возникли два младенца. Мат взял одного и решил воспитать его, Гвидион взял второго и спрятал его в маленькую шкатулку. Мальчик был крещен и сразу вслед за этим нырнул в море. Он был морской породы и плавал лучше любой рыбы. Потому его прозвали Дилан, сын волны. Ни одна волна не разбилась под ним. В один из дней Гвидион лежал в постели и вдруг услышал плач, который раздавался из спрятанной им шкатулки. Он расслышал его, хотя плач был тихим. Тогда он быстро встал и открыл шкатулку и в ней увидел маленького мальчика, тянущего к нему ручки из складок шелка. Гвидион достал мальчика и отнес в город, где отдал его на воспитание одной женщине, у которой мальчик прожил год. В конце второго года он вырос настолько, что смог сам прийти ко двору. И когда он пришел туда, Гвидион сам стал заботиться о нем, и мальчик привязался к нему и полюбил, как отца. Он оставался при дворе, пока ему не исполнилось четыре года, и в этом возрасте он выглядел на восемь лет. Однажды Гвидион с мальчиком отправились в замок Арианрод, и, когда они пришли туда, Арианрод встретила их.

– Что это за мальчик с тобой? – спросила она.

– Это твой сын, – ответил Гвидион.

– Увы тебе! Зачем ты позоришь меня?

– Тебя волнует то, что ты больше не девица, – сказал он ей. – Если же для тебя нет большего позора, чем такой прекрасный сын, то ты поистине должна быть счастлива.

– Как же его зовут? – спросила она.

– По правде говоря, – ответил он, – у него еще нет имени.

– Значит, ему суждено, – сказала она, – получить имя от меня.

На следующий день Гвидион поднялся и, взяв с собою мальчика, отправился к берегу моря. И там он сотворил из морской травы корабль, а другую траву превратил в кожи, выделанные самым искусным образом. Затем он поднял на корабле паруса и приплыл на нем вместе с мальчиком в гавань Арианрод. И там он стал шить обувь, и делал он это, пока его не увидели из дворца.

– Что за люди на этом корабле? – спросила Арианрод.

– Это сапожники, – ответили ей.

– Идите же и поглядите, что у них за кожа и какую работу они могут делать.

Посланные вернулись во дворец и сказали, что кожа на корабле была очень красивой и что более искусной работы они никогда не видели.

– Что ж, – сказала Арианрод. – Снимите мерку с моей ноги и попросите, чтобы они сшили мне туфли.

И Гвидион сшил туфли, но не по мерке, а намного больше.

– Они слишком большие, – сказала Арианрод, – но пусть этот сапожник получит свою плату и сделает другие, чуть поменьше.

Тогда Гвидион сшил туфли гораздо меньшие, чем ее нога, и отослал их ей.

– Передайте ему, что эти туфли тоже мне не по размеру, – велела она.

И ему сказали это.

– По правде говоря, я не смогу сделать туфли, пока не увижу ее ноги, – ответил Гвидион.

Эти слова передали Арианрод.

– Хорошо, – сказала она, – я сама пойду к нему.

И она пришла на корабль и увидела, что сапожник шьет обувь, а мальчик ему помогает. И тут на мачту корабля сел крапивник. Мальчик выстрелил в него из лука и пригвоздил к мачте за лапу. Увидев это, Арианрод рассмеялась.

– А твой юнец, оказывается, меткий стрелок, – сказала она. Ллеу Ллау Гифс были теми словами, что она прокричала.

– Лев твердой руки – это хорошее имя, – заметил Гвидион, – и ты, Арианрод, дала ему это имя.

И тут вся его работа превратилась в морскую траву.

– Что ж, – сказала она, – я предскажу этому мальчику будущее: он не получит оружия, пока я сама не дам его ему.

– Клянусь Богом, – воскликнул Гвидион, – вопреки твоему коварному предсказанию, у него будет оружие!

Он учил мальчика, пока тот не стал прекрасно справляться с любой лошадей. Ллеу достиг совершенства в силе и ловкости. Но изнывал без оружия.

– Радуйся, завтра мы отправимся по делам, – в один из дней сказал ему Гвидион.

– Я рад этому, – ответил юноша.

И на другой день они собрались и двинулись к замку Арианрод.

– Привратник, – сказал он тому, кто стоял у ворот, – иди и скажи госпоже, что прибыли барды из Гламоргана.

Тот доложил Арианрод.

– Пусть все блага небес снизойдут на них. Впустите их, – произнесла Арианрод.

Они вошли во дворец, но облик их был магическим образом изменен, так что Арианрод не узнала их. На рассвете Гвидион поднялся и сотворил волшебство. Тогда по всей этой земле прокатился шум, и гром, и звуки труб. Позже они услышали стук в дверь, и Арианрод потребовала впустить ее. Юноша встал и отпер ей дверь, и она вошла.

– Друзья мои, – сказала она, – мы в беде!

– Госпожа, – подтвердил Гвидион, – мы слышали шум и трубный зов.

– Что вы можете посоветовать против тех, кто нападает на нас?

– Госпожа, – ответил Гвидион, – у нас нет другого совета, кроме как доверить замок нам, и мы попробуем оборонять его.
– Пусть Небеса вознаградят вас, защитите замок, а я дам вам все необходимое для обороны.
И она вышла и вернулась с двумя служанками, которые принесли оружие и доспехи на двоих человек.
– Госпожа, – предложил Гвидион, – помоги снарядиться этому юноше, а я снаряжусь при помощи твоих служанок. Скорее, ибо я слышу шум войска.
– С радостью займусь я этим, – согласилась Арианрод и полностью снарядила юношу для битвы.
– Закончила ли ты свое дело? – спросил Гвидион.
– Да, я закончила, – ответила она.
– И я готов, – сказал он, – а теперь снимем доспехи, ибо нет в них нужды.
– Как? – воскликнула она.
– О женщина, здесь нет никакого войска.
– Так откуда же взялся этот шум?
– Шум, – сказал он, – расстроил твои козни против собственного сына и заставил дать ему оружие без его просьб и унижений.
– Клянусь Богом, – сказала она, – что ты злой человек, Гвидион. Многие лишатся жизни из-за того, что ты сделал сегодня. И я предсказываю этому юноше, что он никогда не женится на девушке из племени людей, живущих на земле.
– Поистине, – сказал он, – ты злобная женщина, но я добьюсь успеха, как добивался его раньше. У Ллеу, твоего сына, будет жена.

4. Девушка из цветов

И Гвидион, взяв с собой мальчика, отправился к Мату, сыну Матонви, и пожаловался ему на Арианрод.
– Ну что ж, – сказал Мат, – мы с тобой попытаемся сотворить ему жену из цветов. У него уже мужское телосложение, и он прекраснейший юноша из всех живущих.
И они взяли цветы дуба, таволги и раkitника, и сотворили из них прекраснейшую девушку, и крестили ее святым крещением, дав ей имя Блодьювидд.
После того как Блодьювидд стала невестой Ллеу, Гвидион сказал Мату:
– Нелегко прокормить семью, не имея земель.
– Это так, – сказал Мат, – поэтому я дам ему часть своей земли.
Мат отдал Ллеу одну часть своих владений, там молодой человек построил замок, где он жил вместе с Блодьювидд. Все были довольны правлением Ллеу.
И в один из дней он отправился навестить Мата, сына Матонви. И когда он уехал, жена его вышла из дома на прогулку и услышала в лесу звук рога. Вслед за этим мимо пробежал усталый олень, а за ним – собаки и загонщики. Следом шла толпа людей.
– Пусть слуга пойдет, – велела она, – и узнает, кто правитель этих людей.
– Это Гроно, владетель Пенллина, – передал он своей госпоже.
Гроно погнался за оленем, у реки догнал его и сразил. И он пребывал там до заката, разделявая оленя и бросая куски мяса собакам. И на исходе дня, когда солнце садилось, он подошел к воротам двора.
– Он обидится, – решила Блодьювидд, – если в столь поздний час мы не пригласим его войти.
– Это так, госпожа, – ответили все, – нам надо пригласить его.
И слуги отправились к нему, и он с радостью принял приглашение и вошел в дом. Она встала и приветствовала его.
– О госпожа, – обратился он, – Бог воздаст тебе за твою доброту.
Они сели ужинать, и, как только Блодьювидд взглянула на него, она не могла уже не думать о нем. И к нему, когда он посмотрел на нее, пришли такие же мысли. Он не мог скрывать своих чувств к ней и открылся. И она возрадовалась, и они завели нежный разговор. Они говорили о привязанности и любви, которую испытывали друг к другу и которая не могла длиться дольше чем один вечер. И этот вечер они провели в обществе друг друга. А наутро он собрался уходить, но Блодьювидд сказала:
– Я молю тебя не покидать меня сегодня.
Ту ночь они тоже провели вместе и задумались о том, как они могут соединиться.
– Есть лишь один способ, – предположил он, – это выпытать у Ллеу, каким путем можно его извести. Узнай это у него под видом любви и заботы.
И на другой день он вновь собрался уходить.
– Я не хочу, чтобы ты уходил сегодня, – ответила она.
– Раз ты не хочешь, – решил он, – я не уйду. Но есть опасность, что твой муж скоро вернется.
– Завтра, – сказала она, – я позволю тебе уйти.
И когда на следующий день он стал собираться, она не удерживала его.
– Помни, – наказывал он, – что я говорил тебе, и узнай от него под видом любви и заботы, от чего может настать его смерть.
И той же ночью Ллеу вернулся домой. И они веселились и беседовали, а когда легли спать, он обратился к ней один раз, но не получил ответа, второй раз – и снова ничего. Что бы он ни говорил, он не мог добиться от нее ни слова.
– Что с тобой, – спросил он ее, – здорова ли ты?
– Я думаю, – сказала она, – о том, что будет, если ты умрешь раньше меня.
– Благодарю тебя за заботу, но, пока не захочет Бог, я вряд ли смогу умереть.
– Ради Бога и меня скажи, от чего может настать твоя смерть, дабы я могла предохранить тебя.
– Что ж, я скажу тебе, – сказал он, – меня можно убить только ударом копыя, которое нужно закалять ровно год. И убить меня этим копыем можно только во время воскресной мессы. Меня нельзя убить ни дома, ни снаружи. Меня нельзя убить ни на коне, ни когда я иду пешком. Нужно сложить для меня баню на речном берегу, закрыв котел с водой соломенным навесом. Потом надо привести оленя и поставить его у бани, и, когда я поставлю одну ногу на край котла, а другую – на спину этого животного, всякий, кто застигнет меня в таком положении, может убить меня.
– Я благодарю Бога, – сказала она, – что ты легко можешь избежать этой смерти.
И когда после этого разговора она встала встать с ним своим разлюбленным. Гроно начал раскаиваться, когда и в тот же вечер через бол

и вскоре после этого разговора она послала весть о нем своему возлюбленному. Гроно начал закалывать копые, и в тот же день через год оно было готово. И он дал Блодьювидд знать об этом.

– Господин, – обратилась она к мужу, – я думаю, что ты верно поступил, рассказав мне все. Но можешь ли ты показать мне, как можно стоять одновременно на краю котла и на спине оленя, если я сама приготовлю тебе баню?

– Хорошо, я могу тебе показать это, – ответил он.

И на другой день она пришла и сказала:

– Господин, баня и навес для тебя готовы.

– Что ж, пойдем посмотрим.

И они отправились смотреть баню.

– Будешь ли ты мыться? – спросила она.

– Конечно, – ответил он, вошел в баню и стал мыться.

– Господин, – воскликнула она, – смотри, олени здесь!

– Что ж, – сказал он, – пусть поймают одного оленя и приведут сюда.

Оленя привели. Тогда Ллеу вылез из воды и поставил одну ногу на край котла, а другую – на спину оленя.

Гроно, прятаясь на вершине холма, сбегал вниз, встал на одно колено, метнул отравленное копые и поразил Ллеу в бок так, что древо копыя отлетело, а наконечник застрял в теле. Тогда Ллеу взмыл вверх в обличье орла и улетел.

Когда это случилось, Гроно и Блодьювидд вернулись в дом и эту ночь провели вместе. А на следующий день Гроно встал и объехал землю Ллеу. И он завладел этой землей, и правил ею, как и своей землей.

Новость эта дошла до Мата, сына Матонви, и опечалила его, а еще более – Гвидиона.

– Господин, – сказал Гвидион, – я не найду покоя, пока не узнаю что-либо о Ллеу.

И Гвидион покинул дворец Мата, и пустился в странствие, разыскивая Ллеу. Однажды он набрел на один дом и вошел в него. Вскоре вернулись хозяин и его семья, последним зашел свинопас.

– Эй, парень, – спросил хозяин, – вернулась ли твоя свинья?

– Она вернулась, господин, – ответил тот.

– Куда она уходит пастись? – поинтересовался Гвидион.

– Она убегает каждый день, как только откроют свинарник, и никто не видит, где она пасется до самого вечера.

– Прошу тебя, – сказал Гвидион, – не открывай завтра свинарник, пока я не приду туда вместе с тобой.

– Хорошо, господин, – согласился свинопас.

И все они уснули, а на рассвете свинопас поднялся и разбудил Гвидиона. Тот оделся и пошел за свинопасом к свинарнику. Когда свинарник открыли, свинья вырвалась из него и побежала прочь с небывалой скоростью. Гвидион бежал за ней вверх по реке до лощины. Там свинья остановилась и стала пастись. Гвидион встал под деревом и начал смотреть, что она ест. Свинья подбирала падаль. Тогда он взглянул на вершину дерева и увидел орла; когда тот хлопал крыльями, вниз летели черви и куски падали, которые подбирала свинья. И тогда Гвидион пропел:

Дуб растет между двух озер,
Красотою радуга взор.
Если я говорю не лживо,
То мой сын на его вершине.

Тогда орел слетел чуть пониже и уселся на ветку. И Гвидион пропел другой куплет:

Дуб растет высоко в горах,
Он исхлестан злыми ветрами,
Но зато не сгнил под дождями;
Мой сын Ллеу в его ветвах.

И после этого орел слетел на самую нижнюю ветку. Тут Гвидион спел еще один куплет:

Дуб красуется в вышине,
Ветви вытянув над обрывом.
Если я говорю не лживо —
Мой сын Ллеу придет ко мне!

И орел спустился к ногам Гвидиона, который тотчас ударил его волшебным жезлом, и Ллеу приобрел свой истинный вид. Никто, однако, не видел более плачевного зрелища, чем этот человек, ибо от него остались лишь кожа да кости. В течение года его пришлось лечить. Затем сказал Ллеу Мату, сыну Матонви:

– Господин, пришло мне время отомстить человеку, который хотел погубить меня.

– Поистине, – сказал Мат.

И они собрали войско Мата. Гвидион шел впереди войска Ллеу. Когда Блодьювидд услышала об их приближении, она взяла с собою служанок и поднялась на вершину холма. Перейдя через реку, они смотрели на приближающееся войско и пятились в страхе, не глядя себе под ноги, пока не свалились в озеро. Гвидион вытащил Блодьювидд.

И он сказал ей:

– Я не стану убивать тебя, но сделаю нечто худшее. Я обращу тебя в птицу, и из-за горя, что ты причинила Ллеу Ллау Гифсу, ты никогда больше не покажешь свое лицо средь бела дня, и все птицы будут ненавидеть тебя, и бить, и клевать, если обнаружат. И ты не

лишишься своего имени и всегда будешь зваться Блодьювидд.

И он превратил ее в сову, птицу, которую ненавидят другие птицы. Да и сейчас сову называют «блодьювидд».

ЛЕММИНКЯЙНЕН, ЕГО ГИБЕЛЬ И ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

В лес направился Лемминкяйнен. Он шел и пел свою магическую песню: «О, Тапио, властелин леса, помоги мне: отведи меня туда, где я смогу найти добычу! О, Нирикки, сын властелина леса, ты, который носишь красный колпак, могучий герой, проложи для меня тропинку во владениях твоего отца; не дай мне сбиться с пути». Прекрасный и быстроногий Лемминкяйнен пел магические песни, чтобы добиться благосклонности богов, потому что он искал лося Хийси.

И другую песню он пел: «О, Миеликки, владычица леса, прекрасная и щедрая госпожа, пошли мне дичь, пусть она выйдет на тропу, по которой идет охотник; заставь лесную чашу расступиться, открой закрома Тапио, распахни двери его замка в лесу. Сделай это, пока я на охоте!» Лемминкяйнен шел по лесу в поисках лося Хийси и пел разные магические песни. «Если ты не снизойдешь до меня, о владычица леса, отправь мне на помощь своих маленьких слуганок. А ты, о малышка Тапио, маленькая лесная дева, поднеси флейту к твоим медовым устам, и пусть звуки флейты разбудят владычицу леса и заставят услышать мои магические песни!»

Так шел Лемминкяйнен по лесу, но добыча, которую он искал, ему не попадалась. Сквозь лесные заросли пробирался он, через болота и пустоши. Наконец, он подошел к горе и вскарабкался на вершину. Он обратил свой взор на северо-восток; он обратил свой взор на север, и там, за болотами, он увидел жилище Тапио с золотыми окнами и дверьми.

И быстроногий, ступающий легкой походкой Лемминкяйнен пошел дальше. Он преодолел все преграды, которые стояли у него на пути, и вышел из зарослей прямо под окнами Властелина леса. Сквозь окна он увидел тех, чья работа заключается в распределении добычи между охотниками. Они отдыхали, они лентяйничали, на них были старые изношенные одежды. Лемминкяйнен, стоя под окнами, запел свои магические песни. «Владычица леса, почему ты сидишь здесь и позволяешь другим сидеть здесь в лохмотьях и обносках? Твой вид вызывает отвращение. А когда я шел сюда, я видел три замка – один деревянный, один костяной, один каменный; в них было шесть окон, все ярко сверкающие, все золотые; те, кто находились внутри, носили звенящие золотые украшения. Смени облачение – твое и твоей челяди; сними лапти из березовой коры, старые украшения, ужасные лохмотья! Владычица леса, облачись в одежды удачи! Надень золотые браслеты на запястья, золотые кольца на пальцы, золотой убор на голову. Пусть твои волосы украсят золотые монеты, твои уши – золотые серьги, а твою нежную шею пусть обовьют золотые бусы. Долг и тяжел был мой путь сюда; но главное – он был напрасным. Дичь, которую я искал, так мне и не попала!»

Старик в шляпе из еловых иголок, подпоясанный мхом! Измени лес! Дай осинам их серый цвет, облачи ольху в прекрасный зеленый наряд, одень сосны в серебро, укрась ели золотом, а березы золотыми соцветиями. Пусть все будет так, как в прошлые годы, когда дни были лучше, когда пустоши благоухали медом. О, дочь Тапио, Тууликки, благородная дева, направь сюда дичь! Возьми прут, ударь дичь, погони ее к тому, кто ее так долго и тщетно ищет. Хозяйка владений, Тапио, госпожа владений Тапио, распахни двери и выпусти дичь, которая была заперта внутри».

Так пел Лемминкяйнен, бродя по лесу. Его странствия длились уже больше недели. Его магические песни понравились властелину леса, восхитили владычицу леса и вселили радость в сердца всех лесных дев. Туда, где было лежище лося Хийси, пошли они; они выгнали его оттуда и направили по тропе, ведущей к тому, кто его так долго искал.

Лемминкяйнен бросил в лося лассо. Когда охотник наконец поймал лося, он запел свою магическую песню снова: «О, властелин леса Тапио, владычица леса Миеликки, придите же и возьмите награду за все хорошее, что вы для меня сделали. Придите и возьмите золото и серебро, брошенное мною на землю в лесу!» Так пел он и пошел на север, к Похьеле, с лосем, которого поймал.

– Я поймал лося Хийси! Выходи же, старуха из Похелы, отдай мне свою дочь, дай мне невесту, за которой я пришел!

Лоухи, хозяйка Похьелы, вышла из своего жилища. Она взглянула на Лемминкяйнена и лося, которого он поймал.

– Я отдам тебе мою дочь, я дам тебе невесту, за которой ты пришел, – сказала она, – когда ты поймаешь мерина Хийси и приведешь его ко мне.

Тогда Лемминкяйнен взял золотую уздечку и серебряный повод; он долго шел по зеленым лугам и наконец вышел на равнину. Там он не обнаружил ни одного знака, указывающего на присутствие поблизости мерина Хийси. Тогда Лемминкяйнен призвал на помощь Укко, бога неба, и запел магическую песню: «Раскрой створки небес; швырни град на спину мерина, бросай льдинками в него, чтобы он ускакал оттуда, где он сейчас находится, туда, где я его жду». Укко раскрыл небеса, он начал разбрасывать льдинки, которые были меньше, чем лошадиная голова, но больше, чем голова человека. Они упали на спину мерина Хийси. Тот поскакал вперед. Тогда Лемминкяйнен запел: «Мерин Хийси, вытяти вперед твою серебряную голову, продень ее в золотую уздечку. Я никогда не буду обращаться с тобой грубо, никогда не стану стегать кнутом. Нет, я поведу тебя на серебряном поводке, я покрою тебя мягкой шкурой». Так пел Лемминкяйнен, и мерин Хийси вытянул вперед голову и продел ее в золотую уздечку.

И тогда отправился Лемминкяйнен на север, ведя на поводу гнедого жеребца с пятнистой гривой. Он пришел к хозяйке Похьелы и сказал ей:

– Я поймал мерина Хийси и лося Хийси, теперь отдай свою дочь, дай мне невесту, за которой я пришел.

Но Лоухи, хозяйка Похьелы, ответила:

– Я отдам тебе мою дочь, я дам тебе невесту, за которой ты пришел, когда ты подстрелишь стрелой, причем только одной стрелой, белого лебедя на темных водах Туонелы.

Тогда Лемминкяйнен взял свой лук. Он отправился вниз, в мрачные бездны Маналы. Он пошел туда, где несет свои темные воды река Туони. Он пришел туда, где воды кружились в гигантском водовороте.

Там прятался презренный пастух; слепой человек дожидался Лемминкяйнена. Когда Лемминкяйнен пришел в Похьелу в первый раз, он пел магические песни и заколдовал всех меченосцев и молодых героев, которые были там. Остался только старый человек – дрянной пастух, его глаза были закрыты слепотой. Лемминкяйнен стал его ругать. «Я не околдовал тебя, – закричал он, – потому что ты – жалкое создание! Но ты – позор своей матери, ты покaleчил всех лошадей, до смерти загнал жеребят». Пастух очень разозлился. Он покинул место, где встретился с Лемминкяйненом, и с тех пор терпеливо ждал его у водоворота черной реки.

Белый лебедь плавал на черных водах Туонелы. Лемминкяйнен приготовил свой лук. Когда он это сделал, подлый пастух схватил водяную змею, швырнул ее, и змея укусила Лемминкяйнена. Лемминкяйнен не знал магических песен, способных исцелить от яда водяных змей. Он погрузился в мрачные воды реки, его затянуло в водоворот, сбросило с водопада, и в конце концов водный поток принес его в Туонелу. Там запятнанный кровью сын Туони ^[22] вытащил меч и разрубил его на куски. Он разрубил тело Лемминкяйнена на восемь кусков

и бросил их в мрачные воды реки, приговаривая: «Пусть тебя вечно носят черные воды вместе с твоими стрелами и луком, тебя, явившегося застрелить священного лебедя на священной реке».

Помощь Лемминкяйнену могла прийти только от матери. Она ждала его дома и очень тревожилась из-за его длительного отсутствия. Однажды она взглянула на расческу и щетку для волос, которую он оставил дома: она увидела, что кровь застыла между зубьями расчески, кровь стекала со щетки. Она знала, что эта кровь из тела ее сына. Она собрала вещи и отправилась на поиски.

Низины поднимались, когда по ним проходила мать Лемминкяйнена, а высокие горы опускались. Она торопилась в Похьелу. Она подошла к двери и спросила хозяйку Похьелы:

– Куда ты послала моего сына Лемминкяйнена?

– У меня нет новостей о твоём сыне. Я запрягла ему мерина, я приготовила для него сани, и он уехал из моего дома. Возможно, проезжая озеро по льду, он провалился и утонул.

– Ты мне бесстыдно врешь, женщина, – возмутилась мать Лемминкяйнена. – Скажи мне, куда ты отправила моего сына, иначе я разобью все двери Похьелы.

– Я накормила его, я дала ему напиток. Он сел в свою лодку и поехал к порогам, я не знаю, что с ним случилось.

– Ты мне бесстыдно врешь, женщина, – возмутилась мать Лемминкяйнена. – Скажи мне, куда ты отправила моего сына, иначе тебя сию же минуту поразит смерть.

– Я скажу, я скажу тебе всю правду. Лемминкяйнен отправился подстрелить священного лебедя на реке Туонелы.

И мать пошла дальше, по дороге расспрашивая о Лемминкяйнене. Она спрашивала о нем деревья и кусты, она спрашивала тропу, по которой шла, и даже золотую луну в небе. Но только у деревьев и кустов, у тропы и у золотой луны в небе были свои собственные неприятности, и им было некогда следить за сыном какой-то женщины. Тогда мать Лемминкяйнена спросила о своём сыне у солнца в небесах, и солнце ответило, что юноша находится в реке Туонелы.

Тогда мать Лемминкяйнена пошла к кузнецу Ильмаринену. Для нее изготовил он грабли – грабли с медной рукояткой и зубьями из стали – сто локтей была длина тех зубьев, пять сотен локтей была длина рукоятки. К реке Туонелы пришла мать Лемминкяйнена и запела там магическую песню.

Она молила солнце греть так сильно, чтобы стражи Маналы устали: молодые люди уснули, опираясь на рукояти своих мечей, старые уснули, опираясь на свои посохи, люди среднего возраста, копыеносцы, уснули, опираясь на рукояти своих копий. Тогда мать Лемминкяйнена взяла свои грабли и стала прочесывать ими реку против течения. Она сделала это один раз, потом второй. На третий раз грабли вытащили из реки шляпу и чулки ее сына Лемминкяйнена. Тогда она вошла в реку и стала прочесывать ее темные глубины. И грабли своими стальными зубьями извлекли тело Лемминкяйнена.

Многих кусков не хватало, чтобы тело Лемминкяйнена вновь стало целым – половины головы, руки, множества мелких фрагментов. И главное, ему не хватало жизни. Но мать не бросила его обратно в реку. Она снова начала прочесывать граблями глубокую реку Туонелы, сначала вдоль русла, потом поперек. Она нашла руку, затем половину головы, она нашла фрагменты позвоночника и куски ребер.

Она сложила все вместе: кости сошлись, суставы тоже. Она запела магическую песню, моля, чтобы Суонетар спряла жилы и сшила плоть и разорванные сухожилия самой острой иглой и самой тонкой шелковой нитью. Она запела магическую песню, моля, чтобы Юмала срастил кости. И вот сосуды были сотканы, кости сращены, но в теле юноши все еще не было жизни.

Тогда мать Лемминкяйнена снова запела магическую песню. Она просила пчелу полететь вдаль и найти целительную медовую мазь, которая излечит юношу. Пчела полетела мимо луны в небеса; она пролетела мимо границ Ориона; она пролетела мимо плеч Большой Медведицы и жилища великого творца – Юмала. Там в сосудах из золота и серебра находилась мазь, которая могла поставить юношу на ноги. Пчела взяла ее и принесла матери Лемминкяйнена.

Она натерла тело сына мазью. Она призвала его восстать из мертвого сна. И он встал, и стряхнул оковы тяжелого беспробудного сна, и к нему вернулась речь. А потом он снова пожелал убить священного лебедя, чтобы завоевать наконец невесту. Но мать отговорила его и отвела за собой домой. Там его ждала невеста, которую он завоевал в другом месте и в другое время, – Киллики, Цветок Саари.

ИСЛАНДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Начало. Строительство стены. Мимир. Бальдр. Наказание Локи. Дети Локи. Рагнарек. Судьбы богов.

Вначале был только зияющий провал, мировая бездна, по одну сторону от нее было место инея и тумана; по другую – место огня. Гиннунгагап, Нифльхейм и Муспелльсхейм – вот что было вначале. Зияющий провал наполнялся прохладными потоками воды, текущими с места инея и тумана, тепло, даваемое местом огня, превращало прохладную воду в иней; из инея появились два живых существа – древний великан Имир и корова Аудумла.

Имир оставался рядом с Аудумлой и пил ее молоко. Из его ног выходили великаны и великанши; род великанов множился. Потом появился еще один род. Однажды Имир заметил, что Аудумла дышит на ледяную скалу и лижет ее своим языком. В том месте, где от тепла ее дыхания и языка лед растаял, он заметил очертания фигуры. Она не была похожа на фигуру великана; новое существо было намного лучше сложено. Вскоре из льда показалась голова, покрытая шапкой золотых волос. Еще раз взглянув на появляющееся из льда живое существо, Имир люто возненавидел его за красоту.

А гигантская корова Аудумла продолжала лизать лед. Древний великан Имир возненавидел новое создание так сильно, что готов был убить его на месте, пока оно еще оставалось в плену льда. Но он знал, что, если сделает это, Аудумла больше не станет кормить его своим молоком.

Того, кто появился из ледяной скалы, звали Бури. Бури взял в жены одну из великанш, и у них родился сын. Их сын Бур взял в жены Бестлу, дочь великана Болторна, и у них родилось трое сыновей; они были первыми из эзиров^[23], первыми богами.

Их звали Один, Генир и Лодур^[24]. Некоторое время они жили в мире и согласии с Имиром и его детьми. Но только их дети множились, множились и дети Имира, и между ними возникла война. Древний великан был убит. Так огромен был Имир, что его кровь хлынула мощным потоком, в котором утонули все его сыновья, кроме Бергельмира. Когда полилась кровь, он вместе с женой находился в лодке, которую долго несло потоком, пока не прибило к месту, названному Йотунхеймом; от них пошел род великанов, и в том месте они жили.

Один, его братья и его сыновья взяли тело Имира – оно было огромно, ничего большего еще не существовало, – и бросили его в зияющий провал, заполнив тем самым огромную пропасть. Они выкопали из тела кости и сложили из них горы; они взяли зубы и сделали из них скалы; они взяли волосы и сделали из них траву и деревья; а из пустого черепа они сделали небо.

Один, его братья и его сыновья сделали даже больше этого. Они взяли искры и языки огня, которые вырывались из Муспелльсхейма, и сделали из них луну, солнце и все звезды, которые сейчас сияют в небе. Солнце и луну везли кони. Коней солнца звали Арвак и Альсвинн, что означает рано встающий и быстроногий. Когда Один осветил мир солнцем и луной, великаны, родившиеся от Бергельмира и его супруги, разгневались. Они нашли двух самых свирепых, сильных и быстроногих волков Йотунхейма и отправили их в погоню за солнцем и луной – Солем и Мани. С тех пор солнце и луну всегда преследуют волки из Йотунхейма – места, где живут великаны.

Затем Один, Генир и Лодур создали род человеческий. Первую пару людей звали Аск и Эмбла. Боги создали их из ясеня и ильма. Один дал им души и радость движения; Генир дал им чувства и ощущения, Лодур дал им тепло и цвет. Боги сделали мир для себя и мир для людей. Асгард назывался мир, который боги создали для себя, Мидгард назывался мир, который они предназначили для людей. А чтобы великаны не могли выбраться из Йотунхейма и уничтожить Мидгард, боги установили вокруг него забор, использовав бровь Имира. Из плоти Имира вышли карлики. Боги создали мир и для них, который назывался Свартальфахеймом. Он располагался под Мидгардом.

Одно дерево росло во всех мирах, а его корни находились в трех мирах. Дерево называлось Иггдрасиль. Один его корень был в Асгарде, один был в Йотунхейме и один – в Нифльхейме – мире мертвых. Корень, находившийся в Нифльхейме, был у колодца, в котором сидел ужасный дракон Нидхегг, который вечно грыз корни Мирового дерева, стараясь уничтожить его. Белка Рататоск бегала вверх-вниз по стволу, беспокоя и дракона, который грызет корень, и орла, сидящего на вершине. Она бежала вниз, чтобы рассказать дракону, что орел намеревается разорвать его на куски, а потом бежала вверх, чтобы поведать орлу о том, что дракон собирается его пожрать. Около корня дерева в Йотунхейме был колодец, который охранял Мимир Мудрый. Кто бы ни напился из этого колодца, узнавал множество полезных вещей. А у корня дерева в Асгарде был другой колодец. Его охраняли три сестры – норны^[25], которых звали Урд, Верданди и Скульд – Прошлое, Настоящее и Будущее. Они брали воду из колодца и поливали Иггдрасиль, чтобы мировое дерево оставалось сильным и зеленым. Колодец называли колодцем Урда. По его воде плавали два лебедя, они пели, и обитатели Асгарда часто слышали эти дивные звуки.

В Асгарде было много залов. Главный из них назывался Гладсхейм и был построен из деревьев с золотыми листьями из роши Гласир, здесь сидел великий Один и еще двенадцать богов, которые были ему равными; здесь же проходили празднества богов. На них Один, отец богов и людей, сидел сам, облаченный в синюю мантию и сияющий шлем, выполненный в форме орла. Он сидел на высоком троне, ничего не ел и только пил вино богов, а еду, которую он брал со стола, отдавал Гери и Фреки – волкам, которые сидели рядом с его тронном. Еще был Вингольф – зал богинь, где сидела Фригг, супруга Одина, и другие богини. Еще был Хейдсвольф^[26], крытый серебром: отсюда Один мог обозревать другие миры. Еще был Фенсалир, где Фригг пряла свои золотые нити; был Брейдаблик, где жил Бальдр со своей любимой супругой, юной Нанной. Еще был Бильскирнир, где жили Тор и его супруга Сиф. И был зал, где те, кто были героями среди людей, жили и устраивали пиршества, когда после смерти пришли к Одину; этот зал назывался Вальхалла.

Между Асгардом и Мидгардом протянулся мост Биврест, или Радуга. Это прочный и очень красивый мост. Он всегда залит красноватым свечением, которое дает пламя костра, горевшего всегда, чтобы по мосту не могли пройти великаны. Если по нему пройдут великаны, мост сломается, и начнется война, которая положит конец всему. Мост охраняет Хеймдалль. Он никогда не спит и может слышать, как на земле растет трава, а на спине барана – шерсть. Его зубы из чистого золота. И днем и ночью он может видеть на много миль вокруг. Его жилище зовется Химиньборг, или святая гора. Однажды он достанет рог, спрятанный под корнями Иггдрасиля, и подует в него. Звук рога сообщит богам и героям, что великаны идут по мосту Биврест и великая битва между богами и великанами, которая положит конец всему, начнется.

Эзирь обосновались в Асгарде и не позволили великанам уничтожить Асгард и Мидгард. У них были и другие враги. На них напали ваны и уничтожили их троны. Один заключил мир с ванами. Он дал им заложников и взял заложников у них. Он отдал ванами Генира, а взял у них Ньерда. Тогда между эзирами и ванами установился мир; они объединились, чтобы вместе противостоять великанам.

СТРОИТЕЛЬСТВО СТЕНЫ

Прежде чем был заключен мир между ванами и эзирами, прежде чем троны богов были построены снова, перед богами предстало странное существо.

– Я знаю, что задумал Один, – сказал пришелец. – Он хочет создать сильный и прекрасный город богов. Я не могу строить прекрасные залы. Но я могу строить прочные стены, которые никому и никогда не удастся сломать. Позвольте мне построить стену вокруг Асгарда.

– Сколько тебе потребуется времени, чтобы построить стену вокруг Асгарда? – спросил Один, отец богов и людей.

– Только год, о Один, – отвечал незнакомец.

Один понимал, что, если вокруг Асгарда будет возведена прочная стена, богам не придется прикладывать столько усилий, чтобы защитить Асгард от великанов. Он решил, что даже самая большая плата, которую потребует незнакомец, не будет слишком велика за это. Пришелец заверил, что за один год возведет вокруг Асгарда великую стену. И тогда Один поклялся, что боги даруют ему то, что он попросит, если строительство будет завершено в течение года, начиная с того дня.

Незнакомец ушел и вернулся утром. Он начал работу в первый день лета. Он не привел с собой ни одного помощника, кроме огромного коня. Боги решили, что конь будет таскать камни, которых потребуется очень много для строительства, но только конь делал намного больше. Он укладывал камни и скреплял их раствором. День и ночь, при ярком свете и во мраке конь не прекращал работу. И вскоре появилась стена, окружающая великолепные залы, построенные богами.

Строительство близилось к завершению, и боги стали спрашивать друг друга, какую награду потребует незнакомец.

Один пошел к строителю.

– Мы восхищены работой, которую ты и твой конь для нас делаете, – сказал он. – Теперь никто не сомневается, что постройка великой стены вокруг Асгарда будет завершена до первого летнего дня. Скажи мне, какую плату ты потребуешь? Мы должны ее приготовить.

Незнакомец на минуту отвлекся от работы.

– О Один, отец богов, в награду за свои труды я бы хотел получить солнце, луну и богиню Фрейю в жены.

Услышав эти дерзкие речи, Один разгневался. Он вернулся к другим богам, которые строили великолепные сверкающие золотом залы, и сообщил им требование незнакомца. Боги сказали: «Без солнца и луны мир зачахнет». А богини сказали: «Без Фрейи в Асгарде воцарится уныние».

Боги решили, что лучше оставить стену недостроенной, чем выполнить требования строителя. Но тут заговорил один из них. Это был Локи – божество только наполовину. Его отцом был великан. «Пусть незнакомец построит стену вокруг Асгарда, – сказал он, – а я найду способ заставить его отказаться от своих притязаний. Скажите ему, что стена должна быть готова до последнего камня к первому дню лета, если же в ней не окажется хотя бы одного камня, ему ничего не заплатят».

Боги пошли к незнакомцу и сказали ему, что, если последний камень не будет уложен в стену до наступления первого дня лета, он не получит ни солнце, ни луну, ни Фрейю. Теперь они знали, что строитель – один из великанов.

Великан и его конь стали работать еще быстрее, чем раньше. Ночью, когда великан спал, конь продолжал трудиться, перетаскивая камни и укладывая их в стену своими могучими передними ногами. Стена вокруг Асгарда день ото дня становилась все выше и выше.

Но великие боги не радовались, видя, как вокруг их прекрасных жилищ растет высокая стена. У них не было сомнений в том, что великан и его конь закончат работу до наступления первого дня лета и заберут солнце и луну, а также Фрейю, пришедшую к ним от ванов, которую любили все в Асгарде.

Только Локи сохранял безмятежное спокойствие. Он, как и раньше, говорил, что найдет способ помешать великану закончить работу вовремя и заставить отказаться от платы, которую ему обещал Один.

Осталось три дня до наступления лета. Стена была готова. Осталось только уложить каменный блок над воротами. Великан, прежде чем отправиться спать, велел коню притащить камень, чтобы он мог утром уложить его на место и завершить работу за два дня до наступления лета.

Была чудесная лунная ночь. Свадильфари – могучий конь великана – тащил огромный каменный блок. Ничего более тяжелого ему еще не приходилось перетаскивать. Неожиданно он увидел маленькую кобылу, скакавшую к нему. Конь никогда раньше не видел столь прекрасного создания и потому застыл на месте, глядя на чаровницу с удивлением и восторгом.

– Свадильфари, раб, – сказала кобылка и проскакала мимо.

Свадильфари оставил камень, который тащил к месту строительства, и окликнул маленькую лошадку. Она подошла.

– Почему ты назвала меня «Свадильфари, раб»? – полюбопытствовал конь.

– Потому что тебе приходится день и ночь трудиться на своего хозяина, – объяснила кобыла. – Он заставляет тебя работать без сна и отдыха и не позволяет наслаждаться жизнью. Вот и сейчас ты не осмелишься оставить свой тяжелый камень и поиграть со мной.

– Почему ты считаешь, что я не осмелюсь?

– Потому что я знаю это, – сказала кобыла и поскакала по залитому лунным светом лугу.

Правда заключалась в том, что Свадильфари действительно устал, работая день и ночь. Когда же он увидел, что маленькая кобылка быстро удаляется от него, то ощутил острое недовольство. Он оставил тяжелый камень на земле, немного потоптался в нерешительности, потом заметил призывный взгляд кобылы и устремился за ней.

Он не догнал прекрасную незнакомку. Очень уж легкой и быстроногой она была. Она скакала по зеленому лугу, залитому мягким лунным светом, иногда оборачиваясь и глядя на Свадильфари, который тяжело скакал за ней. Кобыла сбежала вниз по склону, и Свадильфари последовал за ней, наконец ощутив вкус свободы. Он наслаждался свежестью ветра, ароматом трав и цветов и предвкушением счастья. С первыми лучами солнца они оказались возле большой пещеры; кобылка вошла внутрь. Свадильфари за ней. Только здесь тяжелому коню удалось догнать быстроногую кобылку, и две лошади потрусили по пещере рядом. Кобылка рассказывала Свадильфари занимательные истории о гномах и эльфах.

Они прошли через пещеру и оказались в роще. Кобылка принялась так мило играть с могучим конем, что он совсем позабыл о времени и необходимости работать. А тем временем великан проснулся и стал разыскивать своего помощника.

Рано утром он пришел к стене, собираясь уложить последний камень над воротами и закончить работу. Но камня на месте не оказалось. Он позвал Свадильфари, но коня нигде не оказалось. Великан отправился на поиски. Он искал повсюду, даже в стране великанов, но

Свадильфари нигде не было.

Наступил первый день лета. Боги пришли и увидели, что строительство стены не закончено. Над воротами нет последнего камня. Они сказали друг другу, что, если камень не появится до вечера, они будут считать себя свободными от обязательств. Часы летнего дня пролетели быстро, но великан так и не установил последний камень над воротами. Вечером он явился к богам.

– Твоя работа не закончена, – сказал ему Один. – Ты заставил нас заключить с тобой невыгодную сделку, но теперь мы не считаем необходимым выполнять условия соглашения. Ты не получишь ни луну, ни солнце, ни Фрейю в жены.

– Я построил эту стену, – сказал великан, – я же ее и сломаю. – С этими словами он вышел из ворот и пошел прочь от Асгарда.

Вернулся Локи. Он рассказал богам, как превратился в симпатичную кобылку и лишил великана его единственного помощника. Боги воцарились в своих великолепных залах, окруженных прочной стеной, и возрадовались, что никакой враг им теперь не страшен. Только Тор не радовался – Тор, сын Одина, хранитель клятв. Он разгневался, узнав, что великан был обманут. Один тоже не радовался. Он знал, что теперь великаны станут вечными врагами богов и однажды они выступят против эзиров в великой битве.

Один отправился к Мимиру, чтобы испить глоток воды из колодца мудрости, который охранял Мимир. Он хорошо знал, какую цену запросит Мимир за глоток воды из его колодца – он потребует правый глаз Одина. Это была страшная цена, и отец богов и людей был очень встревожен.

Лишиться правого глаза! Вечно видеть мир только одним глазом! Один уже готов был повернуть обратно в Асгард, отказавшись от своей идеи.

Но, повернув голову на юг, он взглянул в сторону Муспелльсхейма и увидел Сурта с огненным мечом. Он знал, что это ужасное создание однажды объединится с великанами в войне против богов. Он повернул голову на север и увидел страну тьмы и страха – Нифльхейм. Один знал, что мир находится между Суртом, который уничтожит его огнем, и Нифльхеймом, из которого придет то, что вернет мир к тьме и небытию. Он, старший из богов, должен приобрести достаточно мудрости, чтобы помочь спасти мир.

Смирившись с неизбежностью потери и боли, Один направился к колодцу Мимира. Он находился под корнями Иггдрасиля, росшего в Йотунхейме. Там сидел Мимир, страж колодца мудрости, его взор был устремлен в темные глубины. Мимир, пивший воду из колодца каждый день, знал, кто предстал перед ним.

– Приветствую тебя, Один, старший из богов! – молвил он.

Один почтительно ответил на приветствие Мимира, мудрейшего из всех, и сказал:

– Я хочу испить воды из твоего колодца, Мимир.

– За это надо заплатить, – отвечивал мудрейший. – Всем, кто приходил до тебя, цена казалась неприемлемой. Заплатишь ли ее ты, старший из богов?

– Меня не остановит цена, которую придется заплатить, Мимир, – сказал отец богов и людей.

– Тогда пей, – согласился Мимир. Он взял рог, лежащий в корнях Иггдрасиля, наполнил его водой из колодца и передал Одину.

Один взял рог обеими руками, приник к нему и стал пить. И пока он пил, ему открылось будущее. Он увидел все беды и горести, которые обрушатся на богов и на людей. Но он также видел, почему все они должны произойти и как их вынести, чтобы боги и люди сохранили при этом честь и благородство. Видел он и силу, которая однажды – и этот день, увы, наступит очень не скоро – уничтожит зло, которое приносит в мир беды, горести и отчаяние.

Допив воду из гигантского рога, данного ему Мимиром, Один поднес руку к лицу и вырвал правый глаз. Боль была ужасной, но он не застонал. Он склонил голову и прикрыл лицо плащом. Мимир взял глаз и бросил его в воду. Глаз Одина медленно опустился на дно колодца мудрости. Он сверкал из-под воды, чтобы все, пришедшие к колодцу, знали о цене, уплаченной старшим из богов за мудрость. Мимир набрал воду в сосуд, который был тем глазом. Он полил из него корни Иггдрасиля.

В Асгарде было два места, которые сулили силу и радость для эзиров и для ванов. Одним из них был сад, где росли яблоки, которые собирала Идун^[271] – яблоки, дававшие молодость тем, кто их ел; другое – обитель мира, где в зале, названном Брейдаблик, жил Бальдр.

В обители мира никогда не совершались преступления, не проливалась кровь, не звучала ложь. Удовлетворение владело умами обитателей Асгарда, когда они думали об этом месте. Живший в Брейдаблике Бальдр был красив. Он был так красив, что все белые цветы на земле были названы его именем. Он был так счастлив, что все птицы на земле пели его имя. Он был так мудр и справедлив, что его суждения никогда не подвергались сомнению.

Но даже в обитель Бальдра явился предвестник несчастья. Бальдру приснился сон. Во сне он увидел царицу Хель, которая была наполовину живой женщиной, наполовину мертвым телом. Во сне Хель пришла в Асгард и сказала: «Один из эзиров должен жить со мной в моем царстве под землей». Когда Бальдр поведал богам о своем сне, наступило молчание. А Один и Фриг, отец и мать Бальдра, переглянулись, и страх закрался в их сердца.

Один поднялся на сторожевую башню. Он ждал, когда вернутся Хугин и Муниин, вороны, которые летали по мирам и приносили новости обо всех происшествиях. И вот они прилетели. Опустившись на его плечи, они поведали, что в царстве Хель уже расстелена кровать и приготовлен стул для одного из богов.

Услышав это, Один сел на Слейпнира, своего восьминогого коня, и поскакал вниз, в царство мертвых. Три дня и три ночи длилось путешествие. Однажды одна из собак Хельхейма отвязалась, залаяла и бросилась по следу Слейпнира. Весь день и всю ночь Гарм, так звали пса, преследовал коня и всадника; Один чувствовал запах крови, стекавшей с его чудовищных челюстей.

Наконец, Один прибыл туда, где, укрытые саванами, лежали мертвые. Один спешил и громко позвал одного из мертвых встать и поговорить с ним. Он призывал мертвого пророка. И, назвав имя, он прочитал руну, имевшую силу прерывать сон мертвых.

Раздался стон, и под саванами кто-то зашевелился. Тогда Один крикнул:

– Встань же, пророчица Вельва!

Шевеление стало более заметным, и наконец над саванами поднялись голова и плечи.

– Кто зовет Вельву? Дожди поливали мою плоть, а ветры не давали покоя костям так долго, что живым и не снилось. Ни один живой голос не имеет права пробуждать меня от сна мертвых.

– Это зовет тебя Вегтам, привыкший к пути. Для кого приготовлены кровать и стул в жилище Хель?

– Для Бальдра, сына Одина, приготовлена кровать, сварен мед и оставлен свободным стул. А теперь позволь мне вернуться ко сну, я так долго его ждала.

– Подожди, мудрая женщина! Скажи, кто станет убийцей Бальдра? Кто отнимет жизнь у сына Одина? Ответь же, пророчица Вельва!

– Слепой Ход станет убийцей Бальдра, это он отнимет жизнь у сына Одина. Но я больше не хочу говорить. Мне нужен покой.

– Подожди, мудрая женщина! Кто отомстит тому, кто совершит это злое дело? Кто предаст огню убийцу Бальдра?

– Вали^[281], который еще не родился, отомстит тому, кто совершит это злое дело. Он не будет мыть свои руки и причесывать волосы, пока не предаст огню убийцу Бальдра. Но я больше не хочу говорить. Мне нужен покой.

– Подожди, мудрая женщина! Мне нужно знать, какие девы станут оплакивать Бальдра?

– Ты не Вегтам; ты Один; ступай домой, Один, и знай, что никто не будет искать меня, пока Локи не будет освобожден от оков и пока в последней битве не сойдутся воины.

И в царстве мертвых наступила тишина. Один сел на коня и тронулся в обратный путь. Четыре дня ехал он во мраке и безмолвии и прибыл в Асгард.

Фриг терзали те же страхи, что и Одина. Она смотрела на сына, и ей казалось, что на него уже пала зловещая тень Хель. Но потом она слышала пение птиц в обители мира и начинала верить, что никто в мире не посмеет причинить вред Бальдру.

Чтобы укрепить свою уверенность, она пошла ко всем вешам, которые могли бы причинить вред Бальдру, и взяла с них клятву, что они никогда этого не сделают. Она взяла клятву с огня и воды, со всех металлов, с земли, камней и больших деревьев. Она взяла клятву с птиц, зверей и всех тварей ползущих, с ядов и болезней. Все они с готовностью дали клятву, что никогда не будут действовать во вред Бальдру.

Когда Фриг вернулась и рассказала о своих деяниях, уныние, поселившееся в Асгарде, рассеялось. Бальдр останется в городе богов. Конечно, возможно, Хель действительно приготовила для него место в своем мрачном царстве, но ни огонь, ни вода, ни железо или другие металлы, ни земля, ни камни, ни большие деревья не помогут ей получить прекрасного бога. Не станут помогать ей ни птицы, ни звери, ни все твари ползущие, ни яды и ни болезни. «У Хель нет средств, чтобы получить тебя!» – кричали эзиры и ваны Бальдру.

В их сердцах возродилась надежда, и они устроили игры в честь Бальдра. Пока он стоял в своей обители мира, они принесли все вещи, которые поклялись оставить его невредимым. В него не летел ни боевой топор, ни камень из пращи, ни горящая головня. Водный поток тоже отказывался причинить вред любимцу Асгарда. И эзиры, и ваны только радостно смеялись, глядя, как от Бальдра отлетает все, а сам он весело улыбается. Поучаствовать в играх пришли не только боги, здесь была большая толпа других существ – карлов и дружественных великанов.

С этой толпой пришел Локи, изгнанный из Асгарда. Он наблюдал за играми издали. Он видел, как в Бальдра летели камни, куски железа, деревья и прочие снаряды, а сам он стоял невредимым и только улыбался, глядя вокруг. Локи не понимал, что все это значило, но отдавал себе отчет, что не стоит требовать объяснений у тех, кто его знал.

Он принял облик старой женщины; он затесался среди тех, кто был вокруг Бальдра; он разговаривал с карликами и дружественными великанами. «Иди к Фриг и спроси ее». Это было все, что он слышал в ответ на свои расспросы.

Тогда Локи отправился в зал Фриг. Тем, кто окружал богиню, он сказал, что его имя Гроа и он – старая колдунья, которая извлекла из головы Тора осколок точила, врезавшийся в нее в результате меткого броска великана. Фриг знала о Гроа и воздала хвалу колдунье за все, что та сделала.

– Не объяснишь ли ты мне, о богиня, значение всех этих странностей, которые делают эзиры и ваны? – спросил Локи.

– Конечно, я тебе все расскажу, – сказала Фриг, окинув мнимую колдунью ласковым взглядом. – Они кидают всякие тяжелые и опасные вещи в Бальдра, моего возлюбленного сына. И весь Асгард радуется, видя, что ни дерево, ни камень, ни металл не причиняют ему

никакого вреда.

– А почему они не ранят его? – удивилась мнимая колдунья.

– Потому что я взяла у всех опасных вещей клятву, что они не станут вредить Бальдру, – объяснила Фригг.

– У всех до единой, госпожа? Неужели в мире не осталось ничего, что могло бы ранить Бальдра?

– Что ж, если быть точной, действительно есть одна вещь, у которой я не потребовала клятву. Но она настолько мала и тонка, что я прошла мимо, даже не подумав взять у нее клятву.

– Даже представить себе не могу, что это может быть! – воскликнул Локи в облике старой колдуньи.

– Белая омела^[29], которая не имеет ни корней, ни силы. Она растет на восточной стороне Вальхаллы. Я прошла мимо нее, не взяв клятву.

– И вы были правы, моя госпожа. Как может омела, не имеющая даже корней, навредить Бальдру? – С этими словами мнимая колдунья заковыляла к выходу.

Но ковылял Локи недолго. Удалившись на безопасное расстояние, он принял свой обычный облик и заторопился к восточной стороне Вальхаллы. Там рос огромный дуб, на одной из ветвей которого рос маленький кустик омелы. Локи сорвал побег и, держа его в руках, направился туда, где эзиры и ваны продолжали воздавать почести Бальдру.

Когда Локи приблизился, все от души веселились. Великаны и карлики, ваны и герои из Вальхаллы – все бросали в Бальдра самые разные снаряды, и ни один не попадал в цель. Великаны бросали слишком далеко, карлики – слишком близко, остальные тоже не могли похвастать меткостью. И было очень странно видеть в веселой развлекающейся толпе одно грустное лицо. Это был Ход, слепой брат Бальдра.

– Почему ты не участвуешь в общем веселье? – спросил Локи, изменив голос.

– Мне нечего бросить в Бальдра, – ответил Ход.

– Тогда возьми это и брось, – предложил Локи, – это побег омелы.

– Я же не вижу, куда бросать, – заметил слепой юноша.

– Ничего, я направлю твою руку, – ответил Локи. Он вложил ветку омелы в руку Хода и направил бросок в нужном направлении. Тонкая веточка полетела в Бальдра. Она ударила его в грудь, и любимец Асгарда с громким стоном рухнул мертвым.

В страхе и удивлении замерли эзиры и ваны, карлики, дружественные великаны и герои Вальхаллы. Локи ускользнул. А слепой Ход, рука которого бросила в брата побег омелы, спокойно стоял, не ведая, что именно его бросок лишил Бальдра жизни.

И тогда над обителью мира разнесся скорбный плач. Это горевали эзиры и ваны. Бальдр умер, и они оплакивали его. И пока они причитали, в толпе появился Один.

– Хель все-таки удалось отнять его у нас, – сказал Один Фригг, когда они оба склонились над телом своего возлюбленного сына.

– Нет, я не согласна! – закричала Фригг. Когда эзиры и ваны оправались от первого шока, мать Бальдра пошла к ним. – Кто из вас хочет получить мою вечную любовь и признательность? – спросила она. – Кто бы это ни был, пусть он отправится в темное царство Хель и предложит царице взять выкуп за Бальдра. Возможно, она согласится и отпустит его к нам. Кто из вас пойдет? Конь Одина готов к путешествию.

И тогда вперед выступил Гермод Смелый, брат Бальдра. Он сел на Слейпнира и направил коня к царству Хель.

Девять дней и ночей ехал Гермод. Его путь пролегал через непроходимые заросшие низины, каждая из которых была глубже и темнее предыдущей. Он подъехал к реке, которая называлась Гьоль, и к мосту через нее, сверкавшему золотом. Его охраняла бледная дева, преданная служанка Хель.

– Краски жизни еще тебя не покинули, – сказала бледная дева Модгуд. – Зачем прибыл ты в царство мертвых к его владычице Хель?

– Я – Гермод, – ответил юноша, – и я пришел узнать, не возьмет ли Хель выкуп за Бальдра.

– Жилище Хель не может не испугать тех, кто в него входит, – сказала Модгуд, – вокруг него стоит высокая стена, которую даже твой могучий конь вряд ли перепрыгнет. Дверь в него – Риск, кровать в нем – Тревога, стол – Голод, а портьеры – Адские мучения.

– И все же я должен попасть к Хель, – сказал Гермод.

– Бальдр проехал по этому мосту, – сообщила Модгуд, – и направился на север.

Гермод поехал в этом же направлении и вскоре подъехал к высокой ограде. Он спешился, подтянул подпругу, потом снова сел в седло и прищипнул Слейпнира. Могучий конь легко перепрыгнул через ограду. Гермод направил его к дому. Оттуда вышла Хель и заговорила с Гермодом. Она сказала, что, если Бальдра действительно так сильно любят в мире живых, она возьмет за него выкуп и позволит вернуться в Асгард.

– Если все живое и мертвое тоскует и плачет по нему, тогда он вернется к эзирам. Но он останется со мной, если хотя бы кто-то не заплачет и скажет, что смерть Бальдра ему безразлична.

Сердце Гермода исполнилось радостью. Он повернул коня и тронулся в обратный путь. Он снова проехал по непроходимым заросшим лесом низинам, каждая из которых была глубже и темнее предыдущей. Он вернулся в верхний мир и увидел, что все вокруг плачет, тоскует по Бальдру. Он прищипнул коня и поспешил дальше. Все, кого он встречал на своем пути, молились, чтобы Бальдру удалось вырваться из царства Хель. Земля и камни, деревья и металлы, все молились о том же. Но однажды Гермод заметил ворону, которая сидела на засохшей ветке. Ворона явно не горевала. Она вспорхнула с ветки и полетела прочь; Гермод последовал за ней: ему необходимо было убедиться, что она тоже тоскует по Бальдру.

Ворона скрылась из вида в пещере, из которой тут же показалась старая уродливая карга. Она улыбалась.

– Если ты ворона, которая только что влетела сюда, ты должна горевать по Бальдру.

– Я – Токк, и я не собираюсь лить слезы по этому божееству. Пусть он останется у Хель. Мне все равно.

– Но все в мире плачут по Бальдру, – сказал Гермод.

– А Токк не уронит ни одной слезинки, – сообщила старуха. – Я его никогда не любила.

И Гермод понял, что ему не придется возвращаться в царство Хель за Бальдром. Теперь все знали, что в мире есть кто-то, не проливающий слез по Бальдру. Понуро склонив голову, Гермод возвратился в Асгард.

Когда эзиры и ваны узнали, что выкуп не будет принят, им пришлось смириться с тем, что любимец Асгарда ушел от них навсегда. И они стали готовить тело Бальдра для сожжения. Сначала они обрядили тело в богатые одежды, потом каждый из эзир и ванов оставил рядом с ним ценный дар. Затем все простились с ним, запечатлев поцелуй на его холодном челе. И только Нанна, юная супруга Бальдра, с

плачем бросилась на грудь умершего, ее нежное сердце разоралось, и она умерла от горя. И снова стали эзиры и ваны лить слезы. Они взяли тело Нанны и положили ее рядом с телом ее любимого супруга.

Тела Бальдра и Нанны были доставлены на берег моря. Хрингхорни называлась ладья Бальдра. Она была очень большой. Боги хотели столкнуть ее в воду, чтобы устроить на ней погребальный костер, но, несмотря на все их усилия, ладья не сдвинулась с места. Тогда послали за великаншей Хюроккинн. Она прибыла верхом на огромном волке, уздой которого служила гадюка. Когда она спешила, волка пришлось удерживать четверем великанам. Хюроккинн одним движением руки столкнула ладью в море. Волны ударили в борт ладьи, и задрожала земля.

Тела Бальдра и Нанны были перенесены на борт. Там был Тор со своим молотом Мьелльниром; там был Фрейр на колеснице, в которую впряжен вепрь; там был Хеймдалль ^[30] верхом на коне; там была Фрейя в колеснице, запряженной кошками; там был Один с воронами на плечах; там была Фригг и остальные боги и богини. Там же были карлики и великаны. Когда корабль закачался на волнах, вспыхнуло пламя. Оно осветило одинокую фигуру, склонившуюся над Бальдром и шепчущую ему что-то. Это был Один, отец людей и богов. Он сошел с корабля, и пламя разгорелось. Словно лишившись от горя дара речи, молча стояли эзиры и ваны, великаны, карлики и герои из Вальхаллы и смотрели на огонь. По их лицам струились слезы. Они никак не могли смириться с тем, что Бальдр, бог весны и любимец Асгарда, отправился в мрачное царство Хель.

Но что же шепнул Один Бальдру, в последний момент склонившись над телом сына? Он поведал ему о небесах над Асгардом, которых пламя Сурта никогда не достигнет; о жизни, которая снова станет прекрасной после того, как по миру людей и миру богов пронесется огонь.

НАКАЗАНИЕ ЛОКИ

Ворона летела на север и громко каркала: «Пусть он останется у Хель! Пусть он останется у Хель!» Облик вороны приняла старая карга Токк, а облик старой карги Токк принял Локи.

Он летел на север и, наконец, оказался там, куда стремился, – на просторах Йотунхейма. Он жил там в облике вороны, скрываясь от гнева богов. Он сказал великанам, что пришло время строить корабль «Нагльфар». Его следовало построить из ногтей мертвых людей. Корабль отправится в Асгард в день Рагнарек, и у руля будет стоять великан Хрюм. Прислушавшись к его словам, великаны начали строить «Нагльфар», корабль, который и люди и боги предпочли бы никогда не видеть.

Потом Локи, устав от холода Йотунхейма, полетел на жаркий юг. Обернувшись ящерицей, он жил среди горячих скал Муспелльсхейма. Он весьма порадовал огненных великанов, рассказав, что боги утратили значительную часть своего могущества: Тюр, храбрый из эзиров, лишился правой руки, а Фрейр, главный из ванов, отказался от своего волшебного меча ради того, чтобы завоевать Герд, дочь великана.

И только одна обитательница Асгарда тосковала по Локи – его жена Сигюн. И хотя Локи покинул ее, не потрудившись скрыть свою ненависть, она лила слезы по своему злобному супругу.

Муспелльсхейм надоел Локи так же, как и Йотунхейм, и зловредный божок отправился в мир людей. Он знал, что здесь гнев богов мог его настигнуть, и был готов в любой момент бежать. Он построил дом с четырьмя дверями, чтобы иметь обзор во всех направлениях. И кроме того, он имел возможность превратиться в лосося.

В облике лосося Локи нередко скрывался в мерцающих водах. Но даже рыб, мирно плавающих по соседству, Локи ненавидел. Он соорудил из льняной нити сеть, чтобы люди получили средство для вытаскивания рыб из воды большими косяками.

Боги искали Локи повсюду и наконец обнаружили его жилище. Предприимчивое божество прыгнуло в водопад, превратившись в лосося. Когда преследователи вошли в дом, они нашли только потухший очаг. В золе были видны обрывки сети, и боги поняли, что перед ними нечто, предназначенное для ловли рыбы. И они сделали новую сеть, в точности такую же, какую уничтожил Локи.

С сетью в руках преследователи направились к водопаду. Они забросили сеть и стали тянуть ее по воде. И Локи с ужасом понял, что против него используется его же собственное изобретение. Он лег на дно между двумя камнями, и сеть прошла над ним.

Но преследователи почувствовали, что сеть задела что-то лежащее на дне. Они привязали к ней грузила и повторили попытку. Хитрый божок был вынужден признать, что на этот раз ему не спастись. Он всплыл на поверхность и поплыл к морю. Боги его увидели, когда он прыгал в водопад. Тор приготовился схватить его.

Локи снова вынырнул в устье реки, но что это? Над морскими волнами гордо реял орел, высматривающий добычу. Пришлось вернуться в реку. Божок совершил головокружительный прыжок и перепрыгнул сеть, которую все еще тянули его преследователи. И угодил в руки Тора. Тор был достаточно силен, чтобы удержать отчаянно вырывающегося лосося. Ни одна рыба еще так не боролась с человеком. И ему почти удалось освободиться. Враг держал его только за хвост, зато очень крепко. Тор отнес извивающуюся рыбку подальше от воды и заставил Локи принять свой прежний облик.

Боги привели Локи в пещеру и привязали его к трем остроконечным камням. Там они решили его оставить, связанного и беспомощного. Но Скади, в которой текла горячая кровь великанов, была недовольна. Она считала, что Локи должен помучиться. Поэтому она отыскала змею, с жала которой стекал смертоносный яд, и привязала над головой Локи. Капли яда капали на тело божка, принося ему невыносимые мучения.

Добросердечная Сигюн пришла на помощь своему непутевому супругу. Она ушла из Асгарда и добровольно поселилась в темной и холодной пещере, чтобы хоть чем-то облегчить страдания тому, кто был ее мужем. Она стояла рядом с Локи и держала над ним раковину, в которую капал змеинный яд, тем самым избавляя от мучений. Однако ей иногда приходилось убирать раковину, чтобы выплеснуть из нее яд, и тогда жгучие капли попадали на тело Локи, заставляя его кричать и корчиться в агонии. В таком положении Локи оставался до наступления дня Рагнарек, когда произошла битва, положившая конец всему.

До того как все это произошло, Локи, покинув Асгард, поселился в Ярнвиде, железном лесу. Там жили ведьмы, самые хитрые и злобные из всех ведьм. Их царица дала жизнь сыновьям, которые приняли обличье волков. Двоих сыновей звали Сколь и Гати – это они преследовали Соль, солнце, и Мани, луну. У нее был и третий сын – Манагарм, который должен был насытиться человеческой кровью, проглотить луну и запятнать небеса и землю кровью. Локи взял в жены одну из ведьм железного леса, ее звали Ангрбоды, и у них родились дети, принявшие чудовищный облик. Теперь обитатели Асгарда знали, что в мир пришло зло; они долго думали и решили, что должны увидеть порождения Локи и Ангрбоды. Они отправили Локи приказ представить богам силы, порожденные им и Ангрбодой. Так Локи снова попал в Асгард, чтобы показать своих отпрысков богам.

Первый ребенок, чьей страстью было быстрое уничтожение, был ужасным волком. Звали его Фенрир. Второй ребенок, страстью которого было медленное уничтожение, предстал перед богами в облике гигантского змея. Его звали Мидгард^[31]. Третий ребенок, чьей страстью были погубленные жизни, тоже принял некий облик. Когда боги его увидели, даже они испугались. Этот отпрыск Локи принял облик женщины. Это была наполовину живая женщина, наполовину труп. При виде этого чудовища ужас охватил Асгард. Звали ее Хель.

Ее удалили подальше от глаз богов. Один отправил ее вниз, в мрачные глубины, располагавшиеся под миром. Он определил местом ее жительства Нифльхель; там она забрала власть над девятью областями. Тор взялся справиться со змеем. Он схватил его и зашвырнул далеко в океан, опоясывающий мир. Но в морских глубинах змею Мидгарда очень понравилось. Он начал быстро расти и в конце концов сумел обвить кольцом весь мир. А Фенрира не мог схватить ни один из обитателей Асгарда. Он метался по городу богов и удалился на окраины, только когда ему пообещали столько пищи, сколько он сможет съесть.

Эзирь боялись кормить Фенрира. Только храбрый Тюр^[32] вызвался приносить пищу в волчье логово. Каждый день он приносил чудовищу провиант и кормил его, подавая куски концом меча. Волк быстро рос и вскоре приобрел настолько чудовищные размеры, что стал ужасом города богов.

В конце концов боги собрались на совет и решили, что Фенрира следует связать. В своей кузнице боги выковали цепь, которая была тяжелее, чем молот Тора. Боги не могли силой надеть оковы на Фенрира; они послали Скирнира, преданного слугу Фрейра, обманом заставить волка позволить себя связать. Скирнир пришел к волчьему логову. Рядом с чудовищным волком он казался сущим карликом.

Скирнир спросил:

– Как велика твоя сила, о могущественный? Можешь ли ты с легкостью разорвать эти цепи? Боги хотят тебя испытать.

Фенрир презрительно покосился на цепи, который волочил за собой Скирнир. Выказав максимум презрения, он стоял спокойно, позволив опутать себя цепью. Потом, почти не прилагая усилий, он потянулся, и цепь лопнула.

Боги растерялись. Но они взяли больше железа, развели более сильный огонь и еще более мощными ударами молота выковали другую цепь, которая была наполовину прочнее предыдущей. Не лишенный авантюрной жилки Скирнир доставил ее в волчье логово. Фенрир окинул цепь презрительным взглядом и молча позволил опутать ею себя.

Затем он встряхнулся, но цепь продолжала держать. Его глаза налились кровью, он напрягся, заворчал, издал грозное рычание, и цепь порвалась, а Фенрир злобно уставился на Скирнира.

Боги увидели, что ни одна цепь, которую они могут выковать, не в силах удержать Фенрира, и почувствовали еще более сильный страх. Они снова собрались на совет и вспомнили о чудесной работе, которую в прежние времена выполняли для них карлики, изготовившие копье Гунгнир, корабль «Скидбладнир», молот Мьельнир. Быть может, карлики сумеют изготовить цепи, которые удержат Фенрира? Если это удастся, боги пообещали расширить их владения.

Скирнир отправился в Свартальфахейм с посланием из Асгарда. Предводитель карликов буквально раздулся от гордости, узнав, что именно его народу выпала честь сделать цепь, которая удержит Фенрира.

– Мы сделаем ее, – сказал он. – Для этого нам потребуется шесть вещей.

– Какие? – полюбопытствовал Скирнир.

– Корни гор, голос рыб, бороды женщин, шум, издаваемый крадущимися кошками, сухожилия медведей и слюна птицы.

– Я никогда не слышал шума шагов крадущейся кошки, никогда не видел корней у камней и бород у женщин. Но вы можете использовать все, что хотите, о верные помощники богов.

Карлики собрали шесть необходимых им вещей^[33], и в их кузнице закипела работа, не прекращавшаяся ни днем ни ночью. Они сделали цепь, которую называли Глейпнир. Она была гладкая и мягкая, как шелк. Скирнир принес ее в Асгард и отдал в руки богов.

И настал день, когда боги снова решили снова заковать Фенрира. Но только заковать его следовало по возможности как можно дальше от Асгарда. Они заговорили об острове, на котором часто играли в спортивные игры. Фенрир проворчал, что отправится вместе с ними. Он прибыл на остров и тоже, как мог, занимался спортом. А потом, словно речь шла об очередном спортивном соревновании, один из эзирь показал Фенриру мягкую цепь.

– Она прочнее, чем кажется на первый взгляд, – сказал он. – Позволишь ли ты нам заковать тебя в эту цепь, чтобы ты мог показать, как разорвешь ее?

Фенрир обвел свирепым взглядом собравшихся вокруг богов.

– Не вижу ничего интересного в таком соревновании, – сказал он. – С такой ерундой справится и ребенок, так что мне не принесет славы, если я разорву такую пустяковую цепочку.

Боги по очереди показали, что не могут ее разорвать, хотя она и кажется тонкой.

– Только ты можешь справиться с такой задачей, о могущественный! – сказали они.

– Цепь может казаться тонкой и мягкой, но она может быть заколдована, – сказал подозрительный Фенрир.

– Значит, ты не можешь ее порвать, Фенрир, и мы можем больше тебя не бояться, – заключили боги.

Свирепый волк не на шутку разгневался. Ведь он жил страхом, который вселял в умы и сердца богов.

– Я позволю заковать себя в эту цепь, – сказал он, – если один из эзирь положит руку ко мне в пасть, как гарантия того, что вы освободите меня, если я не смогу сделать это сам.

Боги задумчиво переглянулись. Если бы они сумели наконец заковать Фенрира в цепь, это пошло бы на пользу всем. Но кто должен ради такого дела пожертвовать рукой? И эзирь один за другим стали отходить в сторону. И только brave Тюр не испугался. Он подошел к

Фенриру и вложил руку между его огромными челюстями.

– Не левую руку, Тюр, – прорычал Фенрир, – а ту, в которой ты держишь меч.

И Тюр вложил правую руку в пасть Фенрира. Боги связали чудовищного волка – тот не сопротивлялся и только следил за ними налитыми кровью глазами. Потом он напрягся, увеличился в размерах, но чем больше растягивалась цепь, тем прочнее она становилась. В дикой ярости он сжал челюсти и откусил руку Тюра.

Но дело оказалось сделанным – Фенрир был связан. К волшебным оковам прикрепили мощную цепь, которую проделали через туннель, прорытый в гигантской горе. Чудовищный волк делал отчаянные попытки освободиться, но на этот раз оковы оказались прочными. Убедившись в своей безопасности, чтобы отомстить за потерю руки Тюра, один из богов взял меч Тюра и воткнул его по самую рукоятку в нижнюю челюсть волка. Тот взвыл, а из раскрытой пасти хлынула слюна и пена. Слюны было так много, что она образовала реку Вон – реку ярости, которая текла, пока не наступил день Рагнарек.

РАГНАРЁК. СУДЬБЫ БОГОВ

Снег падал на четыре стороны света. Ледяные ветры носились по земле. Солнце и луну заволокло мглой. Была зима Фимбул. Не наступала весна, не приходило лето, осень не приносила ни плодов, ни злаков, и зима опять перерастала в зиму.

Было три зимы, длившиеся три года. Первая называлась Зимой Ветров: ураганы свирепствовали, снег валил не переставая, и мороз стоял лютой. Много детей человеческих погибло в ту страшную зиму.

Вторая зима называлась Зимой Меча: оставшиеся в живых принялись грабить и убивать ради крох пищи; брат пошел на брата, по всему миру шли великие войны.

А третья зима называлась Зимой Волка. Тогда древняя колдунья, обитавшая в Ярнвиде, железном лесу, вскормила волка Манагарма трупами павших в бою и непогребенных людей. Огромным и могучим вырос волк, который должен был проглотить Мани, луну. И настал день, когда герои, пирующие в Вальхалле, увидели, что их скамьи забрызганы кровью, капавшей с его клыков. Это был знак богам, что близок час последней битвы.

И вот глубоко в недрах земли прокричал петух, ржаво-красный кочет владычицы Хель, и крик его всколыхнул нижние миры. В Йотунхейме прокричал багряный кочет Фьялар, и по его крику поднялись великаны. Высоко в Асгарде тоже прокричал петух, золотой кочет Гуллинкамби, и крик его пробудил воинов в Вальхалле.

Из-под земли донесся лай. Это в пещере Гнипа лаял Гарм, пес с окровавленной пастью. Карлики, услышав его, застонали в своих каменных темницах. Дерево Игдрасиль закричало всеми своими ветвями. Раздался скрежет – то великаны сдвинули свой корабль; и раздался конский топот – то собиралось воинство Муспелльсхейма.

Но Йотунхейм, и Муспелльсхейм, и царство Хель напряженно ждали. А вдруг волк Фенрир не сумеет порвать узы, которыми связали его обитатели Асгарда? Без него победа над богами невозможна. И вот затрещала скала – Фенрир вырвался на свободу. Во второй раз пролаял пес Гарм в пещере Гнипа.

Тут земля задрожала под копытами конницы Муспелльсхейма, и хохот Локи потряс воздух, и затрубил рог Хеймдалля, и с грохотом распахнулись пятьсот сорок дверей, чтобы выпустить по восемьсот готовых к бою героев. Тем временем Один держал совет с головою Мимира. Он поднял ее из глубин источника мудрости и с помощью известных ему чар заставил говорить с ним. Где эзираю, ванам и героям лучше всего встретиться с ратями Муспелльсхейма, Йотунхейма и царства Хель и как лучше сразиться с ними? Голова Мимира посоветовала Одину сойтись с ними в долине Вигрид и биться так, чтобы силы зла были уничтожены навеки, пусть даже ценой гибели его собственного мира. Всадники Муспелльсхейма достигли Бивреста, радужного моста. Вот-вот они ворвутся в селение богов и предадут его огню. Но Биврест подломился под тяжестью воинов Муспелльсхейма, и они не добрались до Асгарда.

Опясывающий мир змей Мидгарда восстал из моря. Воды хлынули на землю и смыли ее последних обитателей. Мощная волна подхватила два корабля – «Нагльфар», который так долго строили из ногтей великаны, и ладью царицы мертвых Хель. Направляемый великаном Хрюмом, «Нагльфар» со всем воинством Йотунхейма на борту поплыл к месту последней битвы. Туда же Локи повел ладью из царства Хель, на которой находился Фенрир.

Поскольку Биврест рухнул, эзиры и ваны, герои и валькирии двинулись к долине Вигрид через воды реки Тунд. Предводительствовал ими Один в золотом шлеме на голове и с копьем Гунгнир в руке. Тор и Тюр ехали бок о бок с ним.

В Мюрквиде, темном лесу, ваны сшиблись с полчищами Муспелльсхейма. С обломанного конца радужного моста сыпались на них всадники в горящих латах, объятые огнем. Там был Ньерд со Скади, своей воинственной женой-великаншей, закованной в броню. Там была Фрейя. Рядом с Фрейром была Герд в боевых доспехах. Ослепительно сверкал меч Сурта. Столь же ярко сверкал только один меч в мире – тот, что Фрейр уступил, когда хотел завоевать в жены Герд, деву-великаншу. Фрейр и Сурт схватились, и Фрейр пал в этой схватке, чего не случилось бы, будь у него в руке его собственный чудесный булат. Но, увы, у него не было другого оружия, кроме оленьего рога.

И в третий раз залаял Гарм, пес с окровавленной пастью. Он вырвался на свет и свирепыми прыжками помчался к долине Вигрид, куда боги стягивали свои силы. Громко лаял Гарм. На краю небес клекотал орел Хресвельг. И вот небо расколосось, и дерево Игдрасиль потряслось до самых основ.

Туда, где боги выстроили свои рати, приплыли корабли из Йотунхейма и из царства Хель, прискакали всадники Муспелльсхейма и прибежал Гарм, пес с окровавленной пастью. А из моря, подступившего к долине Вигрид, выполз змей Мидгарда.

Что же сказал Один богам и героям, сплотившимся вокруг него?

– Мы отдадим наши жизни и позволим уничтожить наш мир, но будем сражаться так, что злые силы сгинут вместе с нами.

С ладьи Хель соскочил волк Фенрир. Его пасть была так широко разинута, что нижняя челюсть мела землю, а верхняя скребла небо. На бой с волком вышел Один, отец богов и людей. Тор не мог помочь ему, ибо должен был схватиться с мировым змеем.

Волк Фенрир растерзал Одина. Но тут подоспели более молодые боги. Молчаливый бог Видар, сын Одина, спрыгнул со своего коня прямо перед носом Фенрира. Поставив ногу в сандалии, сшитой из обрезков кожи, которую припасали для него башмачники, на нижнюю челюсть волка и упершись руками в его верхнюю челюсть, он порвал ему глотку. Так окошел Фенрир, самый ярый из всех врагов Асгарда.

Чудовищный змей Мидгарда затопил бы все вокруг своим ядом, который он уже приготовился изрыгнуть, если бы Тор не прыгнул вперед и не сокрушил его молотом Мьелльниром. Нанеся удар, Тор отскочил на девять шагов, но змей успел плюнуть на него, и, ослепленный, задыхающийся и обожженный, защитник мира скончался. Локи сцепился с Хеймдаллем, стражем радужного моста и хранителем богов. Он сразил Хеймдалля и сам был сражен им. Храбро бился Тюр, бог, пожертвовавший своей правой рукой, чтобы обмануть Фенрира. Храбро бился он, и много исчадий зла приняли смерть от его левой руки. Но Гарм, пес с окровавленной пастью, загрыз Тюра. И тут в вихре пламени, сверкая латами и мечами, в долину ворвались всадники Муспелльсхейма. Сурт метнул на землю огонь, и он побежал по стволу древа Игдрасиль к его могучим ветвям. Мировое древо вспыхнуло и умерло в пламени. Но страшный огонь, который Сурт принес на землю, спалил и его самого, и его войско.

Волк Хати догнал солнце – Соль, а волк Манагарм луну – Мани. И исчезли Соль и Мани в их утробе. Звезды попадали с неба. Мир погрузился во тьму.

Море накрыло сожженную и опустошенную землю, и над ним нависло черное небо, потому что не было больше Соль и Мани. Но в конце концов воды схлынули и вновь явилась земля, зеленая и прекрасная. Новое солнце и новая луна засияли на небе – дочь Соль и дочь Мани. И за ними не гнались кровожадные волки.

Четверо младших богов стояли на высочайшей из мировых вершин. Это были Видар и Вали, сыновья Одина, и Моди и Магни, сыновья Тора. Моди и Магни отыскиали Мьелльнир, молот Тора, и убили им чудовищ, все еще рыскавших по свету, – пса Гарма и волка Манагарма.

Видар и Вали нашли в траве послание старших богов – золотые дощечки с рунами мудрости. Там говорилось о небе над Асгардом и о чертоге Гимли, не тронутом огнем Сурта. В нем правили Вили и Ве. Бальдр и Ход выбрались из обители Хель, и боги сидели вместе на вершине горы и мирно беседовали, вспоминая о том, что было до Рагнарека, гибели богов. Двое людей пережили Рагнарек. Огонь Сурта не коснулся их. Они спали далеко в глухом лесу, а когда пробудились, мир вновь был зелен и прекрасен. Питались они утренними росами. Это были женщина и мужчина. Лив и Ливтрасир. Они вышли из леса и родили детей, которые, тоже народив детей, заселили землю.

**ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ В е д и ч е с к а я: Небесная нимфа и ее
смертный супруг. Э п и ч е с к а я: Пахтанье океана; Рождение Ганги.
Савитри и властелин мертвых. Выбор Дамаянти. Б у д д и с т с к а я:
Достижение Готамы**

НЕБЕСНАЯ НИМФА И ЕЕ СМЕРТНЫЙ СУПРУГ

Агни, который есть огонь, царь Пуруравас приносил дары. Агни, будучи посланцем между тремя мирами^[34], мог показать ему, куда ушла его бессмертная супруга. Но только Агни не указал место, где Пуруравас мог найти Урваши. Грозен и сверкающ Агни; у него три головы и семь лиц, и он уничтожает демонов, которые оскверняют дары.

Великому Индре приносил царь Пуруравас жертвы; он просил самого отважного из богов помочь ему в поисках Урваши. Индра убил дракона, который закрыл воды, и освободил их, чтобы дать земле свежесть; он управлял молниями, а борода его развевалась на ветру. Его называют грозным; считается, что он проявляет дружелюбие только к царственным особам. Но только и от Индры царь Пуруравас не получил помощи в поисках своей бессмертной супруги.

Он стал молиться величайшему из небожителей – Варуне, который растаптывает своими сияющими ногами все хитрости и уловки и который держит в руках лассо, чтобы ловить нечестных людей. Власть Варуны столь велика, что ни летящая птица, ни текущая река не могут достичь края его владений; он знает все тайны: куда летят птицы, дуют ветры и плывут корабли в океане. Он может сказать, сколько раз моргнул любой простой смертный, он держит в руках вселенную с той же легкостью, как человек держит в руках кость. Великому Варуне приносил земной царь жертвы и молил о помощи, но и Варуна, величайший из богов, не помог ему вернуть его бессмертную жену.

И тогда Пуруравас отправился странствовать по свету в поисках Урваши. Она была апсарой, столь же прекрасной, как богиня утренней зари. Некогда она сказала Пуруравасу, смертному, который полюбил ее: «Ни одна из нас, тех, кто плавает в водах, никогда не жила со смертным. Но я согласна жить с тобой, расставшись с подругами и с властелином гандхарвов, обитающим на небесах, имеющим сияющее оружие и доспехи. Только ты должен пообещать, что никогда не предстанешь передо мной обнаженным». Пуруравас, страстно жаждавший любви прекрасной девы, торжественно поклялся, что она никогда не увидит его без одежд.

Они жили, как муж и жена, в лесу – царь Пуруравас и апсара Урваши, и их любовь крепла день ото дня. Но для апсар и гандхарвов их небесная обитель утратила свою прелесть без Урваши. «Почему прекрасной Урваши больше нет с нами?» – вопрошали они друг друга. Когда же предводитель гандхарвов услышал, что она живет на земле с простым смертным, он преисполнился зависти к человеку, пользующемуся любовью небесной нимфы. Зная об обещании, данном Пуруравасом, он решил заставить Урваши уйти от своего супруга.

У нимфы было двое ягнят, которых она любила, как своих детей. Днем они паслись возле лесного жилища, а ночью спали в опочивальне нимфы и ее супруга. Урваши была уверена, что супруг защитит ее любимцев, если кто-то посмеет к ним приблизиться.

Апсары, посланные предводителем гандхарвов, однажды ночью подкрались и похитили одного из ягнят. Животное громко заблеяло. Но Урваши сказала себе: «Никто не посмеет украсть моего любимца, ведь нас охраняет герой, мой супруг». Ягненок заблеял еще громче, и ему вторил другой, которого тоже уводили от любимой хозяйки. Тогда Урваши воскликнула: «Почему уводят моих ягнят, когда рядом герой, мой супруг? Очевидно, нет защиты у женщины, вышедшей замуж за труса!» Пуруравас услышал ее слова и вскочил. Ночь была темной, и он не стал терять время на поиски одежд. Обнаженный, он побежал туда, где громко блеял ягненок. Тогда гандхарвы осветили небо молниями, и Урваши увидела своего супруга обнаженным.

В тот же миг она исчезла. Наступило утро, и Пуруравас узнал, что его супруга – небесная нимфа апсара – покинула его. После этого он стал приносить дары богам, моля их открыть, куда она ушла. Не дождавшись помощи, он отправился странствовать по свету.

Как-то раз он повстречал Ушас, бессмертную и неменяющуюся, которая пробуждала все к жизни. При ее приближении птицы, восторженно, посвящали ей свои песни. Ушас, богиня утренней зари, передвигалась в коляске, запряженной быстроногими конями; ее грудь была обнажена, а одежда сверкала и переливалась разными цветами. Пуруравас попросил ее сообщить хотя бы какие-нибудь сведения о местонахождении Урваши. Но богиня, которая однажды задержалась в пути, и наступившее ее солнце заклеямило ее, как клеймят вора, не остановилась, чтобы выслушать несчастного.

В другой раз он повстречал всадников – Ашвинов, выехавших на свою сияющую дорогу. С братьями-близнецами была Сурья – светлая дева. Их тоже Пуруравас попросил указать ему местонахождение небесной нимфы, но и Ашвины, и солнечная дева проехали мимо, не обратив внимания на мольбы смертного.

Тогда он вознес молитвы Диаусу, отцу-небу, и Притхиви, матери-земле, чтобы они указали ему, где находится их дочь. Он истово молился, и с небес упал луч, показавший укрытый цветами лотосов пруд, по которому плавали великолепные лебеди. То были апсары в облике лебедей. Они сбросили одежды из перьев и предстали перед Пуруравасом в своем истинном облике небесных дев. Царь подошел к пруду. Урваши была там в окружении подруг. Стоя среди лотосов, она крикнула Пуруравасу:

– Я ушла как первый луч зари. Возвращайся домой, Пуруравас. Я как ветер, который нельзя удержать!

Пуруравас бросился на землю возле пруда. Он вскричал, что не уйдет с этого места, пока дикие звери не сожрут его плоть. Урваши не сомневалась, что он именно так и поступит. Отчаяние мужа тронуло ее сердце. Она приблизилась и сказала, что он сможет вернуться в последнюю ночь года.

В последнюю ночь года Пуруравас пришел туда, где золотые ступени вели к возвышению, на котором стояли золотые стулья. Урваши была там и оставалась с ним всю ночь. Утром она сказала:

– К тебе придет предводитель гандхарвов и скажет, что ты можешь выбрать одно желание. Что бы ты ни выбрал, твое желание исполнится. У тебя есть время подумать.

И тогда Пуруравас сказал:

– Сделай выбор за меня.

Урваши молвила:

– Когда он спросит, какое желание ты хотел бы исполнить, скажи, что хочешь стать одним из них.

Итак, выбор был сделан. Желание Пурураваса исполнилось, и он жил в радости и счастье со своей женой – апсарой.

ПАХТАНЬЕ ОКЕАНА

Асуры были старше, чем боги. У них имелись большие владения в трех мирах, но они не приносили жертв, не посещали святых мест и не имели могущества. Но боги, не имевшие больших владений, но приносившие жертвы, обращавшиеся друг с другом честно и посещавшие святые места, обладали большим могуществом.

Боги и асуры знали, что смогут добыть амриту – напиток жизни, если собьют один из семи океанов, которые, кольцо за кольцом, окружают мир. Они пришли к молочному океану. Вместо веревки они взяли стоголового царя змеей Васуки, а мутовкой сделали гору Мандара. Они обернули змея вокруг горы, как веревку, асуры ухватили за одну голову великого змея, а боги за хвост, и начали пахтать океан ради амриты. Асуры и боги попеременно рывками тянули к себе тело змея, и молочный океан бурлил и пенился.

Тысячу лет боги и асуры пахтали молочный океан. Все это время все сто голов змея плевались ядом. Яд жег скалы и расщеплял их, он стекал вниз, уничтожая мир богов и людей. Поток яда уничтожил бы все создания на земле, если бы не деяние одного из богов.

Ради спасения мира Шива собрал яд в чашу и проглотил его. От страшного этого яда у него посинела шея; она так и осталась навсегда синей. Но благодаря этому деянию боги получили больше могущества, чем асуры.

Пахтанье продолжалось. И вот из молочного океана вышла дарующая желания корова Сурабхи. Возрадовались боги и асуры, ведь вместе с ней пришло процветание. За ней появились апсары, небесные нимфы, и боги и асуры развлекались с ними. Потом из океана показалась луна, Шива взял ее и водрузил себе на лоб. К этому времени асуры уже изрядно устали, да и развлечения с апсарами отнимали много сил. Боги, чье могущество возросло благодаря деянию Шивы, продолжали пахтать, и молочный океан пенился и бурлил. На поверхности вод появился камень камней Каустубха, а вслед за ним чудесный белый конь Уччайхшравас, быстрый, как мысль.

Теперь боги трудились и становились сильнее, а становясь сильнее, больше работали. В то же время асуры все чаще и чаще отвлекались, предаваясь удовольствиям, они даже сражались друг с другом за удовольствия. А потом, сидя на цветке лотоса и держа лотос в руке, из молочного океана появилась прекрасная богиня. Она приблизилась к Вишну и прильнула к его груди, она обратила свои взоры на возликовавших богов и отвратила свое лицо от асуров. И все знали, что это Шри^[35], богиня удачи. Асуры, пришедшие от этого в великое отчаяние, решили силой захватить следующее, что появится из океана.

И вот, что это? Из океана появился мудрый Дханвантари^[36], и в его руках была драгоценная чаша с амритой, напитком жизни. Асуры хотели захватить ее, они стремились выпить ее сами или бросить чашу с амритой туда, где по камням медленно стекал яд. Им почти удалось победить богов и заполучить драгоценную чашу. Но тут Вишну обратился в женщину необычайной красоты с дивным лицом и гибким станом, которая была прекраснее всех небесных нимф. Увидев пред собой чудесную деву, восхищенные асуры прекратили борьбу за чашу и вступили в борьбу за деву. А боги взяли чашу с напитком бессмертия, разделили его между собой и выпили.

Теперь они были полны такой силой, что асуры не могли их победить. Многие из асуров стали демонами – дайтьями, и началась война между богами и дайтьями, и эта война продолжалась веками.

Боги торжествовали, и три мира наполнились сиянием и могуществом. Царь богов Индра, сидя на троне, воздал хвалу Шри. Она же даровала ему выполнение желания, которое заключалось в том, чтобы она никогда не покидала богов.

Они жили на святой горе, которая была круглой, как мяч, и вся состояла из золота. Птицы, гнездившиеся на ней, имели золотые перья. Там находился и сам великий Индра! Конь, которого он получил при пахтанье океана, пасся неподалеку. Рядом с Индрой стояла его громовая стрела в оперении из тысячи перьев. Ее сделал Тваштар из костей пророка Дадхича. В ней было сто соединений и тысяча острых концов. Кроме грозовой стрелы, он имел копье и раковину. Вишну тоже был здесь, но только он обосновался на водах, отдыхая на спине змея; рядом с ним – Шри, его невеста, а над ними парила птица Гаруда. Шива жила в прекрасном лесу, полном восхитительных цветов. Рядом с ним копье, которым он уничтожит миры в конце времен. А еще рядом с ним его лук, боевой топор и трезубец. Однажды его супруга Ума в шутку закрыла его глаза руками. И сразу весь мир погрузился во мрак, люди дрожали от страха, и все живое оказалось на грани гибели. Чтобы спасти мир, во лбу Шивы открылся третий глаз. Когда он посмотрел этим глазом, мрак рассеялся, люди перестали дрожать, в мире воцарилось спокойствие. А горло Шивы навсегда осталось синим от яда, который он выпил, чтобы спасти процесс творения. Над святой горой стоит золотой дворец Брахмы – дворец, который не опирается ни на что материальное.

РОЖДЕНИЕ ГАНГИ

Давным-давно жил на земле мудрец Бхагиратха. Он жил в гималайском лесу в большой строгости и аскетизме. Тысячу лет он стоял с воздетыми к небу руками; вокруг него горело четыре костра, а с неба жгло палящее солнце. Наконец, Брахма смиловился над ним. Всевышний явился к мудрецу и сказал, что в награду за аскетизм он исполнит любое желание мудреца.

Тот ответил: «Я хотел бы, чтобы шестьдесят тысяч сыновей царя Сагары взойшли на небеса Индры. Их прах лежит глубоко под землей. И пока вода, которая не является влагой земли, не омоет и не очистит его, они не смогут взойти на небеса». Брахме понравились речи мудреца, и он пообещал исполнить его желание.

Таким образом, Брахма пообещал, что Ганга сойдет на землю. Ганга была дочерью царя Гималайя, властелина снегов, и она вовсе не стремилась покинуть небесный мир. Она сойдет на землю по приказу Брахмы, но ее падение будет столь ужасным, что земля расколется на куски. Только одно может спасти землю от страшного удара: если его примет на себя голова Шивы.

Целый год мудрец возносил молитвы Шиве. После этого он был взят в обитель Шивы и смог увидеть это божество, имевшее четыре лица. Однажды Брахма создал нимфу. Он создал ее из всего самого прекрасного, что было в мире. Он послал ее к Шиве, чтобы ее красота отвлекла его от вечных медитаций. Когда нимфа обходила кругом место, где находился Шива, лицо его появлялось с каждой стороны божества. Лица, обращенные на север, запад и восток, были красивыми, но лицо, обращенное на юг, было ужасным. Лицом, обращенным на восток, Шива правил миром; лицом, обращенным на запад, он восхищал всех существ; лицом, обращенным на север, он радовался вместе со своей супругой Умой. Но лицо, обращенное на юг, было лицом разрушения.

Шива, тронутый молитвами великого аскета, согласился принять на голову падение Ганги. Он взял трезубец, взошел на самую высокую горную вершину и призвал дочь царя Гималайя спуститься на землю. Она разгневалась, услышав его дерзкий призыв. «Я спущусь, – сказала

она, – но мои воды смоят Шиву». И мощный водопад устремился с небес на землю.

Но Шива, зная, что сделает Ганга, только улыбался. Он посрамил высокомерную дочь Гималай. Он заставил ее воды прокладывать себе путь через пучки и завитки своих волос. Ганга долго пробиралась сквозь них, как сквозь густые леса Гималайских гор, и почувствовала стыд, убедившись в собственной беспомощности.

Тогда мудрец, не дождавшись спускавшихся с неба вод, снова вознес молитвы Шиве и опять предался жесточайшему аскетизму. И Шива, ради Бхагиратхи, позволил наконец Ганге пробиться сквозь свои волосы и снизойти на землю.

Она спустилась с небес семью потоками. За ее нисхождением наблюдали боги в золотых колесницах, и от блеска их колесниц казалось, будто в небе зажглась тысяча солнц. Разноцветные рыбы, дельфины всевозможных форм и размеров плескались в реке. Мудрецы и святые явились, чтобы омыть свои тела в воде, ведь поток, упавший на голову Шивы, смывал грехи любого злодея. Дарующий радость, Очищающий, Покрытый лотосами и Светлоликий – так назвали четыре из семи потоков. Три потока потекли на восток, три потекли на запад. Средний поток, самый полноводный и самый чистый, устремился туда, где его ожидал Бхагиратха в колеснице. Он помчался вперед, и вслед за ним текла чистая, полноводная река.

Она текла все дальше и дальше, следуя за колесницей мудреца. Этот поток был то стремительный, то неспешный и плавный. Наконец, вдали показалось море. Здесь уровень воды понизился, и, когда он стал просачиваться в подземные глубины, мудрец вознес молитву, чтобы воды очистили прах шестидесяти тысяч сыновей Сагары.

Веком раньше царь Сагара и шестьдесят тысяч его сыновей жили на земле. Царь желал провозгласить себя правителем мира, а для определения границ своих владений использовать коня. Все земли, по которым проскачет конь, должны были стать царством Сагары, а коня по возвращении предназначили в жертву богам. Но планы оказались нарушенными; конь Сагары был украден и уведен в земные недра. Царь велел своим сыновьям отыскать коня и вернуть для жертвоприношения.

Сыновья Сагары отправились вниз, к центру земли. Они пришли туда, где слон востока, слон запада, слон юга и великий белый слон севера стоят, поддерживая землю. Они воздали почести бессмертным и проследовали дальше. В конце концов они увидели Капила, находившегося в центре всего сущего. Рядом с ним пасся конь. Сыновья Сагары схватили коня и, посчитав Капила вором, укравшим коня их отца, напали на него.

Когда они приблизились, Капила вызвал заклинаниями огонь и направил на них. Шестьдесят тысяч сыновей Сагары обратились в кучи пепла. А Капила продолжил свои размышления и даже не думал о том, что только что уничтожил шестьдесят тысяч сыновей царя Сагары. Тогда царь отправил своего внука на поиски коня. Тот пришел к центру земли. Он миновал бессмертных слонов и увидел коня, который пасся рядом с мудрецом Капилой. Увидел он и груды пепла неподалеку. Птица Гаруда поведала ему о происшедшем и объяснила, что они смогут попасть на небеса Индры, если Ганга снизойдет на землю и омоет их пепел.

Юноша отвел коня Сагаре. Он стал царем после своего деда, когда же его царские обязанности были выполнены, он удалился в гималайский лес и стал приносить жертвы, чтобы на землю снизошла вода Ганги. После него жертвы приносил его сын. А потом сын его сына, мудрец Бхагиратха, умерщвлявший свою плоть так, как никто не делал ранее. Он вызвал сочувствие Брахмы, и с помощью Шивы Ганга снизошла на землю.

Туда, где обитал Капила, потекла Ганга. Река омыла прах шестидесяти тысяч сыновей царя Сагары. Они очистились и с радостью взошли на небеса великого Индры.

САВИТРИ И ВЛАСТЕЛИН МЕРТВЫХ

В далекой древности в Мадрасе жила принцесса, известная далеко за пределами города своей красотой и преданностью долгу. Звали ее Савитри. Когда же она выросла и стала прелестной девушкой, ее отец царь Ашвапати встревожился, поскольку у нее все еще не было жениха. Ее красота и религиозность были так велики, что никто из живущих по соседству принцев не осмеливался просить ее руки. А все надежды царя на наследника были связаны только с его единственной дочерью. Как-то раз в день праздника Савитри пришла к отцу. В ее руках были священные цветы.

Взглянув на ее прекрасные глаза, золотые локоны и тонкий стан, царь принял решение как можно скорее выдать дочь замуж, даже если ему придется позволить ей самой выбрать мужа.

И он сказал девушке:

– Дочь, правильно понимающая свой долг, с радостью уходит из дома отца в дом мужа. Я решил, Савитри, разрешить тебе самой выбрать себе мужа.

Услышав слова отца, принцесса попросила его о позволении отправиться в священные места, где живут отшельники, чтобы там найти мудрого человека царских кровей, который мог бы взять ее в жены. Это разрешение отец дал ей с радостью. И дочь царя Ашвапати в сопровождении свиты отправилась в леса, где посещала приюты отшельников и подолгу беседовала с ними. Ее красота и благородство в словах и поступках не могли оставить равнодушным никого.

Она вернулась, раздала щедрую милостыню и накормила всех голодных, собравшихся у дворца ее отца, и они кричали ей: «Пусть будет у тебя хороший муж и ты никогда не узнаешь вдовьей доли!» Когда она предстала перед отцом, тот ласково улыбнулся возвратившейся дочери, и великий мудрец, его советник, улыбнулся тоже. И пока она стояла, скромно опустив глаза, перед старшими, мудрец, которого звали Нарада, сказал царю:

– Почему не уходит эта девушка в дом мужа?

И царь, глядя на Савитри, ответил:

– Я дал ей возможность выбрать мужа самой, и, судя по ее счастливому виду, она этот выбор сделала. Мне кажется, сейчас мы услышим имя счастливого избранника. – Потом царь ласково молвил дочери: – Говори, девушка, и назови своему отцу и его мудрому советнику имя принца, которого ты возьмешь в мужья.

Савитри склонила голову и не поднимая глаз, но с радостью в голосе сказала:

– О, мой отец. Есть один царь, ты знаешь его имя и страну, в которой он правил. Он потерял зрение. Став слепым, он не смог больше защищать свое царство, его захватили жестокие люди и изгнали царя и его семью. Несчастный с достоинством перенес свои потери, он взял жену и маленького сына и удалился в лес, где все трое жили отшельниками. Там, в лесу, он вырастил сына, который приобрел известность своей красотой и благородством. Его я выбрала себе в мужья. Я буду жить с ним в приюте отшельников и ухаживать за его слепым отцом и престарелой матерью.

Когда принцесса закончила свои речи, она с надеждой взглянула на отца, и тот всем своим видом показал, что одобряет ее выбор. Но мудрец выглядел встревоженным.

– Кто этот царь, лишившийся зрения, и как зовут благородного принца, выросшего в лесу? – спросил он.

– Принца зовут Сатьяван, – ответила Савитри, – его называют «Говорящим правду».

Услышав это, Нарада воскликнул голосом, полным скорби:

– Я хорошо знаю этого принца, так же как и его отца. Никто не мог бы стать для тебя лучшим мужем, Савитри, чем он, если бы не один недостаток.

– Если ты действительно знаешь его, – возразила принцесса, – то не можешь утверждать, что у него есть недостатки. Разве он не добр? Разве он не щедр? Разве он не терпелив? Разве он не благороден? И кроме того, разве он не красив, как один из Ашвинов, прекрасных небесных всадников? Так признай же это!

– Я охотно признаю все сказанное тобой, и все же ты, принцесса Савитри, дочь царя Ашвапати, не должна брать его в мужа. Дело в том, что принц Сатьяван обречен и через год или около того умрет.

Тогда заговорил царь Ашвапати:

– Жениху, которому осталось так мало жить на свете, я не могу отдать свою дочь. Савитри придется сделать другой выбор.

Савитри взглянула на отца, и в ее глазах он увидел непоколебимую решимость. Твердо, хотя и печально, она проговорила:

– О, отец мой, для меня ничего не может быть тяжелее, чем узнать, что тот единственный, кого я выбрала себе в мужа, скоро умрет и что в самом ближайшем будущем мне придется узнать все ужасы вдовьей доли. Но я сделала свой выбор и не стану ничего менять. Я вернусь в лес и стану женой принца Сатьявана. Потом я буду жить там с моим мужем, старым царем и царицей. Когда же я по истечении года лишусь мужа, я найду утешение в мысли, что такова воля богов.

Царь Ашвапати хотел запретить дочери совершить этот шаг, но великий мудрец Нарада посоветовал ему этого не делать.

– Савитри сделала выбор, – сказал он, – и не сможет поступить иначе. Пусть идет в дом своего супруга, и пусть боги решат, что из этого выйдет.

Мудрец благословил девушку, отец оплакал ее, и она в сопровождении свиты на сияющей колеснице отправилась к своему новому дому.

Там она облачилась в красные одежды, которые носят женщины отшельников, покрыла грудь грубой корой и вступила в брак с принцем Сатьяваном. Она стала жить в приюте отшельников и преданно ухаживала за слепым царем и немощной царицей. Савитри чувствовала себя абсолютно счастливой, и ее радость омрачало лишь сознание того, что дни летят очень быстро и двенадцать месяцев, которые ей суждено прожить с любимым супругом, вот-вот подойдут к концу.

Слова, сказанные мудрецом Нарадой, всегда присутствовали в уме и сердце Савитри, и, когда она кормила голодных или подавала милостыню неимущим, а те желали ей никогда не знать вдовства, принцесса лишь низко склоняла голову, и по щекам ее начинали струиться слезы. Когда двенадцать месяцев ее замужней жизни почти истекли, она стала молить богов даровать ей силы защитить своего супруга. При этом она так истово постилась, что старый царь, ее свекор, начал просить ее не лишать себя жизни.

Но спокойной и собранной, как всегда, была Савитри в последнее утро первого года своей супружеской жизни с принцем Сатьяваном. Она встало рано, выполнила свои обязанности по дому, накормила и обиходила старого царя и царицу. А заметив, что ее возлюбленный супруг собирается в лес, начала просить его взять ее с собой. Сатьяван мягко объяснил ей, что ему предстоит трудная дорога, а лес таит множество опасностей для тех, кто не умеет обращаться с дикой природой. Но Савитри не отставала. Она молила супруга, как о величайшем благе, о позволении сопровождать его. Неожиданно ее поддержали старый царь и царица. Они сказали: «Савитри живет здесь уже целый год. Она выполняет все работы по дому, преданно ухаживает за нами, и еще никогда и ни о чем не просила. Сделай же так, как она хочет». И Сатьяван согласился взять супругу с собой в лес.

Принц собрал голубые цветы и сплел для супруги венки, он показал ей антилопу, пугливо убегающую от незваных гостей. Принц Сатьяван не убивал обитателей леса, а птицы, зная, что им не причинят никакого вреда, пели для молодой пары, шагавшей в чашу леса. Принц нес топор и корзину – он собирался нарубить сучьев для очага и, кроме того, хотел набрать диких фруктов, которые в изобилии росли в лесу. Он шел легко, держа топор на плече, – высокий, статный и величественный, а рядом с ним семенила Савитри. В красных одеждах и венке из голубых цветов она была больше похожа на ребенка, чем на супругу принца.

Они вышли на небольшую поляну. Сатьяван начал рубить сучья, а Савитри села на траву, наблюдая за супругом. Про себя она повторяла слова молитвы. Но вот принц отложил топор, сел и прислонился к дереву.

– Я чувствую боль, подобную которой не испытывал никогда раньше, – простонал он. – О Савитри, мне кажется, что мою голову пронзают тысячи иголок.

Принцесса подошла, приласкала мужа, он лег, опустил голову ей на колени и закрыл глаза.

Неожиданно вокруг стало темно. И Савитри увидела нависающую над ними огромную фигуру.

– Кто ты? – в страхе воскликнула она.

– Я – Йама, – ответил громовой голос, и Савитри поняла, что перед ней властелин мертвых.

Высоким был Йама, властитель страны предков, чье жилище на юге; темно-синим был Йама, как ночное небо, а его глаза полыхали ярко-красным огнем. Сердце Савитри испуганно забилося. Она увидела, что пришелец держит в руках шнур и на нем тянет частицу, которая есть жизнь человеческая.

Когда он подошел, Савитри встала. Но его присутствие не могло не внушать ужас, и она поневоле опустилась снова на землю. Она увидела, как он уходит, унося на своем шнуре частицу размером всего лишь с палец, которая была жизнью Сатьявана. Савитри пошла за ним.

– Уходи, – сказал царь мертвых, – твоя обязанность позаботиться о теле, которое осталось на земле.

– Обязанность жены жить рядом с супругом, – сказала Савитри, – и ты, кто держит жезл правосудия, не сможешь это отрицать.

– Это так, но ты все равно уходи, и за это я дарую тебе исполнение любого желания.

– Тогда пусть отец моего мужа снова обретет зрение.

– Это желание будет исполнено, Савитри.

Было уже совсем темно, и Савитри увидела помощников царя мертвых. Они были облачены в темные одежды, их волосы ошетинились и торчали во все стороны, а ноги, глаза и носы были как ноги глаза и носы ворон...

– Поворачивай обратно, Савитри, дальше живым дороги нет.

– Моя жизнь – это жизнь моего супруга, и ты, кто держит жезл правосудия, не сможешь это отрицать, – сказала принцесса.

– Проси любое желание, и оно будет тебе даровано.

– Тогда верни отцу моего мужа его царство.

– Это желание будет исполнено, Савитри.

Темнота стала совсем уж непроглядной. Савитри с трудом различила силуэты четырехглазых собак Йамы. Они скалили зубы, глядя на нее.

– Поворачивай обратно, Савитри, дальше живым дороги нет. Ни одно живое существо еще не подходило так близко к жилищу Йамы.

Лучше проси любое желание, и оно будет тебе даровано.

– Я хочу, чтобы мой супруг не остался без потомков.

– Это желание будет исполнено, Савитри.

– Тогда тебе придется вернуть жизнь моему супругу! – возликовала Савитри.

– Я сделаю это, о самая преданная из женщин. Вернись на поляну, где осталось его тело, и ты увидишь, как в него вернется жизнь.

Савитри покинула царство мрака и вернулась на поляну, где осталось мертвое тело ее супруга. Она опустила рядом с ним на колени, обняла его голову и прижала к груди. А потом она приникла губами к его губам. Сделав это, она почувствовала, что в мертвое тело вернулась жизнь. Сатьяван вздохнул, открыл глаза и заговорил.

– О Савитри, – сказал он, – мне приснился странный сон, будто темно-синий великан нес меня сквозь густой мрак, а ты, моя самая дорогая, не отставала от него и заставила его отпустить меня.

– Не стоит об этом говорить, Сатьяван. Забудь свой страшный сон. Посмотри, день клонится к вечеру, скоро стемнеет, твои отец и мать будут волноваться. Вставай, давай скорее отнесем сучья и дикие фрукты царю и царице. Прислушайся, как потрескивают сухие ветки под ногами диких зверей, они просыпаются и скоро выйдут на охоту. Ходить по лесу будет опасно. Нам следует поторопиться.

Сатьяван и Савитри вернулись в приют отшельников. Там их встретил старый царь. Он радостно закричал, что слепота исчезла и он снова обрел зрение. Он был счастлив, что мог увидеть сына и невестку Савитри, чьи глаза как прекрасные лотосы, чей стан строен, а локоны сверкают, словно золото. Счастливый, вернулся царь с любимыми детьми в приют отшельников, и все они с удовольствием вкусили пищи отшельников. А Савитри ждала. Вскоре прибыли гонцы из царства, которым некогда правил царь, отец Сатьявана. Злой человек, захвативший его царство, неожиданно умер, и народ прислал их просить прежнего царя вернуться во дворец. Прошло немного времени, и Сатьяван и Савитри стали царем и царицей. И прежде чем Йама забрал их к себе, они произвели на свет множество потомков.

ВЫБОР ДАМАЯНТИ

В одном индийском царстве жил царь, дочь которого славилась красотой, равной которой не было среди небожителей. Звали ее Дамаянти. Люди часто говорили, что такое прелестное создание не может быть произведено на свет обычной смертной парой. В это же время горными племенами правил царь по имени Наль, который был так силен и так красив, что его сравнивали то с богом войны, то с богом любви. Дамаянти много слышала от своих подруг о красоте Наля, а в присутствии Наля часто восхваляли красоту Дамаянти. И получилось так, что молодые люди, еще не встретившись, горячо полюбили друг друга. Наль не думал о другой женщине, кроме Дамаянти, а Дамаянти не представляла себе другого мужчину, кроме Наля.

Однажды на озеро, находившееся в саду дворца Наля, опустился чудесный златокрылый лебедь. Наль, используя свое мастерство охотника, поймал его. Убедившись, что не сможет освободиться, лебедь перестал биться и заговорил человеческим голосом. «Отпусти меня, о великий царь, – сказал он, – и я полечу к царевне Дамаянти и расскажу ей о твоей любви». И Наль отпустил златокрылого лебедя.

Лебедь опустился на тенистый пруд в саду ее отца и позволил Дамаянти поймать себя. Он заговорил с ней, вознес хвалу красоте и мужеству Наля, рассказал о горячей любви, которую питает к ней прекрасный царь. «Скажи Налю все то же самое, – сказала Дамаянти, – и еще скажи, что я очень хочу увидеть его».

Дамаянти утратила свою веселость и игривость, стала грустной и безразличной ко всему. Все ее мысли были только о Нале, но она не знала, увидит ли его когда-нибудь. А ее отец, заметив перемены в характере дочери, решил, что пришло время подыскать ей жениха.

В те дни царским дочерям позволялось самим выбирать себе мужа среди особ царской крови: во дворец собирали достойных кандидатов, и принцесса выбирала из них подходящего мужа. Когда ей кто-нибудь приходился по сердцу, она надевала на голову избранника венок. Вот и царь, отец Дамаянти, объявил, чтобы женихи собирались во дворец. Слава о красоте, нежности и кротости Дамаянти распространилась так широко, что на призыв царя откликнулось великое множество царей и цариц. Даже бессмертные боги решили почтить собрание своим присутствием: Индра, Агни, Варуна и Йама ничего не имели против такой прелестной жены, как Дамаянти.

Услышал о сборе женихов и Наль. В блестящей колеснице он отправился во дворец отца Дамаянти, преисполненный самых радужных надежд. Подъезжая к дворцу, он увидел четыре колесницы, от владельцев которых исходило такое ослепительное сияние, что Наль сразу понял: это бессмертные боги. Он сошел с колесницы и склонился перед ними. И те, кого он знал как представителей сонма бессмертных, обратились к нему. Они сказали: «Иди к принцессе Дамаянти и скажи ей, что Индра, Агни, Варуна и Йама предстанут перед ней в надежде, что она дарует свой венок одному из них». Наль, услышав эти речи, приуныл. Но он не мог отказать бессмертным и почтительно отвечив, что выполнит поручение.

Очутившись во дворце, он сразу же передал все, что ему было сказано. Он попал в палаты женщины, и эта женщина была прекрасна, словно молодая луна в небе.

– Кто ты? И как попал в мои палаты? – спросила она. – И сразу добавила: – Скажи мне, что ты Наль, что ты пришел взглянуть на меня, что пришел получить от меня обещание надеть венок на твою голову. Да, конечно, я так и сделаю.

Но Наль ответил:

– Только властью богов попал я в эти палаты, которые охраняются лучше, чем все остальные.

– Не важно, как ты попал сюда, ты прибыл во дворец в качестве моего поклонника, и именно тебя я выберу своим мужем – тебя, Наль, о котором я всегда тосковала.

Тогда Наль с болью в сердце поведал ей о том, что является посланником бессмертных и что Индра, Агни, Варуна и Йама являются существами столь могущественными, что ни одна девица в их присутствии не сделает выбор в пользу простого смертного.

Дамаянти сказала:

– Будь среди претендентов, и я выберу только тебя. И тебя ни в чем нельзя будет обвинить, потому что закону, дающему мне право на

свободный выбор супруга, подчиняются даже боги.

Наль вернулся туда, где его ждали бессмертные, и передал им ответ Дамаянти.

– Тогда, Наль, мы пятером будем претендовать на руку прекрасной девы, – сказали боги.

В царском дворце собралось великое множество поклонников невесты: здесь были даже великие мудрецы и святые. Когда вошла Дамаянти в окружении подруг, люди ахнули от восхищения при виде ее красоты. Один за другим претенденты проходили перед ней. Дамаянти обвела взглядом толпу и увидела пятерых Нaley. Она поняла, что четверо бессмертных приняли облик Наля. В смятении она повернулась, чтобы покинуть зал, где собрались цари и принцы, но, сделав несколько шагов, остановилась, осознав, что если она так поступит, то лишится права на свободный выбор мужа. И Дамаянти осталась. Она смело пошла туда, где стояли пятеро Нaley, и, остановившись перед ними, склонила голову и сказала:

– О, великие боги, вы, которые слышите молитвы, ежечасно возносимые вам простыми смертными. Позвольте мне узнать, кто из вас Наль, смертный, которому я предназначила себя. – И когда прекрасная дева сказала это, она ясно увидела, кто из пятерых принадлежит к сонму бессмертных и кто – к простым смертным. Только один из пятерых отбрасывал тень, в его глазах застыла тоска, на челе блестели капельки пота, а цветочная гирлянда, которую он держал в руках, слегка привяла. Остальные четверо не стояли на земле, а парили над нею, они не отбрасывали тени, их глаза были спокойны, лбы сухими, а цветочные гирлянды, которые они держали в руках, были свежими. И все собравшиеся узнали, что среди них бессмертные.

И Дамаянти воздала почести бессмертным богам, поклонилась им, но свой венок отдала тому, в ком безошибочно признала Няля, – тому, чья цветочная гирлянда увяла, а на челе блестели капельки пота. Так принцесса сделала свой выбор. Присутствовавшие цари и принцы зарыдали от горя, но возражать не осмелились. Бессмертные боги пожаловали Дамаянти и Нялю богатые дары, а святые и мудрецы воспели Дамаянти хвалу за благородный выбор.

Готама родился в царской семье. Девушка, которую он взял в жены, была принцессой. Многие его подданные верили, что он станет правителем мира. Принц Сиддхаратха (таково было его имя во дворце отца) рос в окружении могущества и восхищения. Но так же как лотос растет в воде, в которой родился и поднимается над ней и перестает украшать ее, так и тот, кто рожден стать Буддой Просветленным и дающим просветление, поднимается над всем, что принадлежит этому миру, – могущество ли это, восхищение, беспокойство или служба. Готама родился, чтобы стать Буддой нашего века. Он не отдавал предпочтения тем, кто желал видеть его правителем мира, даже более того, он покинул жену, ребенка и дворец своего отца и отправился в лес, где стал отшельником. Он хотел узнать, как люди могут избежать смерти, неразрывно связанной с рождением, и старости, неразрывно связанной с младенчеством. Прожив шесть лет в лесу, на протяжении которых он довольствовался лишь несколькими зернышками проса в день, он вернулся в мир людей. Готама сказал себе: «Я буду питать свое тело и искать истину другими способами, отличными от строгостей и воздержания, которые почти довели меня до смерти».

Он пришел в деревню. В той деревне жила женщина по имени Суджата. Она увидела во сне, что тот, кому суждено стать Буддой, придет в деревню и что она должна быть готова накормить его. Поэтому, когда Готама пришел в деревню, у нее уже был готов рис самых лучших сортов, сваренный на молоке. Суджата подала гостю пищу в золотой чаше. Готама возрадовался готовности, с которой ему была предложена пища, ее качеству и изысканности сосуда, в который она была положена. Он благословил Суджату. Потом он съел пищу и искупался в реке. Когда же он опустил в воду золотую чашу, она поплыла вверх по течению. И великая радость охватила Готаму. Он знал, что поплывшая вверх по течению чаша – это знак того, что скоро он станет просветленным.

Готама пошел к дереву познания, под которым сидели Будды других веков. Под ним они достигли просветления и стали Буддами. И пока он шел к этому дереву, прекрасные птицы самых диковинных расцветок летали вокруг него, и дикие звери шли за ним следом. Добрые духи вывешивали на деревьях знаки, чтобы указать ему дорогу. И пока Готама шел, он думал, что добрые духи, птицы и звери станут свидетелями победы, которую даст ему просветление, и злые духи увидят это тоже.

Эта мысль проникла в мозг демона Мары – предводителя злых духов. И Мара поспешил собрать свои силы: Готаме нельзя позволить расположиться под деревом познания, сказал он своим приспешникам. Со скоростью урагана полетел Мара со своей бандой к дереву. А Готама, сохраняя хладнокровие, достоинство и уверенность в победе, шел туда же. Он подошел и сел там, где до него сидели другие просветленные, – с восточной стороны от дерева познания.

Шесть раз поднялась и снова опустилась земля. Птицы и звери, пришедшие с Готамой, испугались и разбежались. Только добрые духи остались с Готамой. И тогда Мара, предводитель злых духов, принял облик посланца отца Готамы. Он подошел туда, где сидел Готама, и, задыхаясь, словно от быстрого бега, проговорил: «Пока ты здесь сидишь, твой злобный брат захватил царство твоего отца и жестоко обращается с людьми, которых ты должен защищать. Уходи отсюда! Возвращайся в свое царство, уничтожь тирана и освободи людей!» Но только слова Мары, хотя и были хитроумными, не произвели должного впечатления. Готама не тронулся с места. Он, поразмыслив, решил, что, если его брат действительно так поступил, значит, им владела злоба, и если знатные люди в его царстве позволили ему это, значит, они были слабыми и трусливыми. Он еще немного подумал о злобе, трусости и слабости и решил подняться над ними, уничтожив в себе то, из чего они исходят, то есть желание, которое выбирает мирские вещи. Он также решил показать другим, как подавить это желание в себе.

И не тронулся с места. Дух дерева излил на него благовония и шелестом своих листьев попросил не прекращать попыток достичь просветления.

Тогда Мара наслав на него армию злых духов. Даже самого богатого воображения не хватит, чтобы представить, насколько ужасными они были – безногие и безголовые, лишенные глаз, вооруженные самым немислимим оружием. Уже сам их вид был так ужасен, что сопровождавшие Готаму добрые духи в страхе разлетелись, а дух дерева застонал и спрятался в глубинах земли. Полчища злых духов подступили к Готаме, завывая на все лады, потрясая копьями и мечами, палицами и горящими факелами. Но Готама остался недвижим. И оружие злых духов намертво прилипло к держащим его рукам, а руки неожиданно оказались парализованными. Увидев свою армию беспомощной, Мара пришел в неистовство. Он взгромоздился на своего мощного слона и направился к Готаме. В руке он сжимал диск, который в полете может расколоть гору. Он метнул диск в Готаму. Но железный круг не ударил его. Он завис над головой того, кому было суждено стать Буддой, словно венец. Тогда Мара приблизился к нему и заревел:

– Убирайся отсюда! Пошел прочь! Ты не имеешь права сидеть там, где сидели Будды прошлых веков! Исчезни, недостойный! – Так сказал демон Мара, надеясь посеять у Готамы сомнение в себе. И все, кто был вместе с исчадием ада, тоже закричали:

– Он не имеет права! Он недостойн! – Их голоса звучали словно грохот океанских волн.

– Это не твое место, – вопил предводитель злых духов, – и я призываю всех присутствующих здесь подтвердить, что оно мое!

– Твое! Твое! – вторили ему злые духи. – Мы подтверждаем!

А Готама остался недвижим. Он прижал ладони к земле, прося ее дать ему надежных свидетелей, и земля тысячей голосов подтвердила, что он достоин сидеть на месте, которое занимали Будды прошлых веков. А потом и слон, на котором приехал Мара, склонил колени в знак почтения перед Готамой. Армия злых духов поспешно разлетелась, и Мара последовал за ней.

Улетая, Мара вспомнил, что есть еще одна сила, которую он не использовал в борьбе против Готамы. Мара срочно призвал трех своих дочерей – Вожделение, Похоть и Ненасытность. Прекрасными они были в глазах людей. И вот они явились перед Готамой, сидящим под деревом познания, и стали танцевать и петь для него. Он видел их, но его разум не отвлекся – все его мысли были только о достижении просветления и приобретении власти просветлять других. И дочери Мары, осознав благородство его цели, прекратили петь, танцевать и принимать соблазнительные позы; они пожелали ему:

Пусть, что желает твое сердце, будет достигнуто,
И, найдя освобождение, освободи всех.

Когда Мара увидел собственных дочерей, склонившихся перед Готамой, он улетел.

И Готама остался один. Запало солнце. а он так и сидел под деревом. На него снизошло просветление. На ладонях часов все были

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Начало. Небесная ткачиха и пастух

Сначала были ян и инь, то есть свет и тьма, тепло и холод, сухость и влага. Затем то, что было светлое и легкое, поднялось вверх, а то, что было тяжелое и мутное, опустилось вниз. Небеса были созданы из легкого, а земля – из тяжелого. Теперь были ян и инь, активное и пассивное, мужское и женское. Из воздействия ян на инь произошли времена года, а времена года привели к появлению продуктов земли. Теплое истечение ян породило огонь, а самые легкие части огня образовали солнце. Истечение инь создало воду, и самые легкие части воды образовали луну. Солнце, действуя на луну, создало звезды. Небеса стали украшены солнцем, луной и звездами, а земля получила реки, дождь и пыль. И ян, соединившись с инь, – принцип, который выше, соединившись с принципом, который ниже, – произвели все живые существа, все вещи. Сила, которая есть ян, восприимчивость, которая есть инь, к которым ничего нельзя добавить или отнять, в этих двух принципах заключается ВСЕ.

Так повествуют мудрецы в умных трактатах. Но люди говорят, что до того, как ян и инь были разделены, появился Паньгу, человек. У него были стамеска и молоток^[37]. Он имел рога, которые выступали из его лба, и клыки, выступавшие из его челюстей. Он рос каждый день, который жил на свете, – восемнадцать тысяч лет он вырос на шесть футов каждый день. Ничего не было, когда во вселенной появился Паньгу, но с помощью стамески и молотка он создал все сущее. Он вырубил основания для гор, он выкопал котлованы для морей и русла для рек, он выровнял места для долин. И такой похвальной работой Паньгу занимался восемнадцать тысяч лет.

Его посещали дракон, единорог, черепаха и феникс – четыре благосклонно настроенных существа. Дракон – глава всех зверей, потому что больше всех наполнен принципом Ян: он больше, чем большой, меньше, чем маленький, выше, чем высокий, ниже, чем низкий. Когда он выдыхает воздух, его дыхание превращается в облако, на котором он может полететь на небеса. Его туловище пяти цветов, и он обладает жемчужиной, которая есть сущность луны и амулет против огня. Он может становиться видимым и невидимым; весной он поднимается в облака, а осенью остается в воде. Единорог силен телом и исключительно добродетелен духом, он совмещает в себе принципы ян и инь. Он не ест живых растений и никогда не ступает по зеленой траве. Черепаха – наиболее милосердное из созданий; она хранит тайны жизни и смерти и может своим дыханием создавать облака и колдовские замки. Феникс – глава всех птиц; его цвет – смешение пяти цветов, а его крик – гармония пяти нот; он плещется в чистой воде, текущей с гор Куньлунь, а ночью отдыхает в пещере Тан.

Но, несмотря на уважение и благосклонность дракона, единорога, черепахи и феникса, Паньгу поместил солнце и луну неправильно. Солнце и луна опустились в море, и мир остался без светил. Паньгу отправился в глубины; он вытянул руки, чтобы показать, куда им следует двигаться, и трижды повторил мощные заклинания. И тогда солнце и луна переместились на места, где им надлежало быть, и вселенная возрадовалась воцарившейся гармонии.

Но создание вселенной не было завершено, пока сам Паньгу не погиб; он умер после восемнадцати тысяч лет неустанного труда молотком и стамеской. И тогда его дыхание стало ветром и облаками, борода – светящимися небесными созвездиями, голос – громом, конечности – четырьмя частями света. Его голова стала горами, плоть – почвой, кровь – реками; его кожа и волосы стали травами и деревьями, а зубы, кости и костный мозг – металлами, скалами и драгоценными камнями. Но и тогда вселенная не стала завершенным творением: Паньгу построил мир из пятидесяти одного яруса, выделив тридцать три яруса небесам, восемнадцать ярусов – земле. Но он оставил большую дыру в дне мира, и в смутные времена мужчины и женщины проваливаются в нее. Женщина по имени Ну Ку нашла камень, который хорошо закрывает дыру. Правильно уложив его, она закрыла пустоту, тем самым завершив процесс сотворения мира.

НЕБЕСНАЯ ТКАЧИХА И ПАСТУХ

Ее величественный отец, Солнце, хотел бы видеть Чжиню гуляющей в прекрасных небесных садах или проводящей время в великолепных небесных дворцах, но девушка не отходила от своего ткацкого станка. Днями напролет она сидела у небесной реки и ткала бесконечные нити.

Солнце решило, что, если выдать девушку замуж, она перестанет быть рабой ткацкого станка. Оно подумало, что, когда у нее появится муж, это отвлечет ее от работы и хотя бы немного умирит пыл. Поэтому он объявил, что благосклонно рассмотрит предложения, касающиеся замужества его дочери Чжиню. Юноша, живший на другом берегу небесной реки, привлек августейшее внимание отца девушки. Это был пастух Ньюлан; он был молод и обладал множеством достоинств, иначе говоря, должен был составить превосходную пару Чжиню^[38].

Они стали мужем и женой – ткачиха и пастух; это событие праздновалось во дворце Солнца. Все, казалось, благоприятствовало этому союзу, и небеса были расцвечены красиво, как летящий фазан. Гости пили сладкую небесную росу, которая делает того, кто пьет ее, умнее и сообразительнее. Солнце, небесная ткачиха, пастух и гости пели песню, в которой говорилось: «Солнце и Луна постоянны, звезды и другие небесные тела имеют свой путь; четыре времени года сменяют друг друга. Как восприимчиво все вокруг к гармонии, которая установилась на небесах!» Величественное Солнце считало, что после этой торжественной свадьбы дочь умирит свое рвение и станет больше отдыхать.

Но только Чжиню ни в чем не знала меры: ни в работе, ни в развлечениях. Она больше не работала у ткацкого станка; она вообще перестала уделять внимание своим обязанностям. Вместе с молодым супругом она целыми днями играла и развлекалась, на небесах ночами напролет звучала музыка. Гармония небес нарушилась, и это не могло не отразиться на земле. Отец призвал к себе Чжиню и указал на прискорбные последствия ее бездумного времяпрепровождения. Но, несмотря ни на что, небесная ткачиха отказалась вернуться к своему станку.

Тогда отец решил разлучить пару, чье соединение повлекло за собой столь непредсказуемые последствия. Он приказал невинному Ньюлану отправиться на другой берег небесной реки и продолжить выполнение своих пастушеских обязанностей. А Чжиню он велел оставаться на своем берегу реки. И все же отец сжалился над дочерью и зятем. Он позволил им проводить вместе один день и одну ночь в году. Каждый год седьмого числа седьмого месяца они могли переходить реку и быть вместе. А мост, по которому они могли перейти реку, в этот день образовывали мириады сорок. Каждая сорока держалась клювом за хвостовое оперение сороки, находившейся впереди нее, и таким образом образовывалось непрерывное полотно моста. По этому мосту ткачиха переходила туда, где ждал ее пастух.

Все дни небесная ткачиха сидела у ткацкого станка и работала – к ней вернулось усердие. Ее отец не мог нарадоваться, глядя на нее. Но только ни одно существо на земле или на небесах не было таким одиноким, как эта девушка. Пастух прилежно пас своих волов, но его сердце было переполнено горечью одиночества и тоской. Дни, сменявшие друг друга, были одинаково безрадостны для обоих молодых людей. Но приближалось время, когда они смогут перейти реку по сорочьему мосту и быть вместе. И великий страх закрадывался в сердца юноши и девушки. Они боялись, что пойдет дождь. Небесная река была очень полноводна, и одной капли дождя было достаточно, чтобы она вышла из берегов и разлилась. В случае наводнения сороки не смогут перекрыть расстояние, разделявшее молодых супругов.

Годы разлуки шли, и ни разу дождь не пошел. Сороки всегда слетались вовремя. Та, что позади, хватала клювом хвостовое оперение той, что впереди, и появлялся мост, по которому жена могла перейти туда, где ждал ее муж. Она шла по мосту, и сердце ее трепетало, как крылья сорок. Супруги нежно обнимали друг друга и повторяли клятвы любви и верности. Потом Чжиню возвращалась к ткацкому станку, а сороки улетали, чтобы вновь вернуться через год.

А люди на земле истово молились, чтобы ни одна капля дождя не упала и не разлилась небесная река. Они возносят такие молитвы каждый год, когда приближается седьмой день седьмого месяца, и радуются, когда дождя нет и они могут видеть собственными глазами, как собираются мириады сорок. Иногда силы зла оказываются сильнее, и тогда сороки не прилетают, чтобы построить мост. И Чжиню рыдает у своего ткацкого станка, а Ньюлан плачет, погоняя волов у небесной реки.

ЯПОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Солнечная богиня, грозовой бог и ссора, которая произошла между ними.

Первые люди

СОЛНЕЧНАЯ БОГИНЯ, ГРОЗОВОЙ БОГ И ССОРА, КОТОРАЯ ПРОИЗОШЛА МЕЖДУ НИМИ

Блистательная солнечная богиня родилась из левого глаза своего венценосного отца-создателя, а ее брат, могущественный грозовой бог, родился из его ноздрей. Ей для жилья была отведена равнина высоких небес, а для владения – земля. Ему для жилья и владения было отведено море.

Но между солнечной богиней Амаэрасу и грозовым богом Сусаноо возникла ссора. Прекрасная богиня с большим вниманием относилась ко всему, что растет на земле; она боролась со злыми духами, жившими на земле, и бережно заботилась о храмах, которые люди строили, чтобы отмечать праздники урожая. Все это совершенно не интересовало ее могущественного брата. Он покинул свои владения и отправился на землю, производя при этом большой шум. Он ломал ветки и валил деревья, он губил посевы, о которых так заботилась его сестра. Он сломал все, что могло охранить людей от злых духов, которые распространились по всей земле. Он поднимал суматоху в храмах и не давал проводить обряды и праздники урожая. Вся работа, которой на земле помогала Амаэрасу, блистательная и милосердная богиня, была уничтожена Сусаноо – бородатым и вспыльчивым грозовым богом.

Однажды он появился на небесной равнине. Он подошел к небесной реке Ясу. Богиня закричала: «Ты, уничтоживший все, о чем я заботилась на земле, зачем ты явился сюда? Теперь ты хочешь сделать то же самое с небесной равниной?» Грозовой бог объявил, что пришел заключить мир между ним и его блистательной сестрой.

И на берегу небесной реки Ясу могущественный грозовой бог и его блистательная сестра обменялись знаками доверия друг к другу. Солнечная богиня отдала брату свои драгоценности, а грозовой бог отдал сестре свой меч. Потом солнечная богиня Амаэрасу и грозовой бог Сусаноо испили воды из источника, от которого берет начало небесная река Ясу. Они положили знаки, полученные друг от друга, в свои рты. От меча, который богиня положила себе в рот, родился красивый и смелый мальчик, от драгоценностей, которые положил в рот грозовой бог, родились сияющие боги роста и могущества.

После этого петухи^[39], звонкоголосые птицы Вечной страны, собрались повсюду на земле, пророча процветание всего произрастающего и обуздание сил зла, живущих на земле. Люди собрали богатый урожай и воздали благодарственные почести богам в храмах, которые больше никто не громил. Благодатная богиня Амаэрасу снисходила на землю и с улыбкой взирала на ее процветание, а могущественный бог Сусаноо оставался в своем царстве – в море.

И снова он вышел из моря. Он отправился на землю, круша все на своем пути. Он уничтожил все растущее; он сломал все, что могло охранить людей от злых духов, которые опять распространились по всей земле. Он поднял суматоху и разогнал людей из храмов, не дав провести обряды в честь богатого урожая. И Амаэрасу не захотела больше смотреть на землю, опустошенную ее братом. Она удалилась в пещеру и отказалась выходить из нее. Смятение охватило восемь миллионов богов, а злые духи ощутили полную свободу творить зло.

Амаэрасу вышла из пещеры. Боги схватили Сусаноо, отрезали его длинную бороду и лишили всех владений. Он отправился странствовать по земле, но больше не мог ее опустошать. Он пришел к горам, стоящим на берегу океана. Он посадил на этих горах волосы из своей бороды, и они стали лесом Кни. Он стал жить в этом лесу, и люди воздавали ему почести, как божеству леса. Именно Сусаноо убил дракона. Однажды на его пути возник восьмиглавый дракон. Сусаноо убил его и разрубил на куски. В хвосте дракона был меч, которому суждено всегда побеждать. Этот меч Сусаноо отправил Амаэрасу, как дань ей и ее потомкам.

Много было драконов на земле, куда пришел Сусаноо. Как-то раз по пути из леса к морю он увидел на берегу реки старика и старуху, которые горько плакали. Они рассказали Сусаноо о своем горе. Каждый год дракону, который держал в страхе жителей селения, отдавали молодую девушку. В этом году пришел черед их юной дочери. Разгневался грозовой бог. Он направился туда, где дракон поджидал свою жертву, убил его и разрубил на куски. А девушку Сусаноо взял в жены. Они стали жить в стране Идзумо и были ее господами.

Другой бог, Окунинуси, пришел, чтобы добиваться его дочери. Он вошел в дом, когда Сусаноо спал на своей циновке. Он привязал волосы, росшие на голове Сусаноо, к балкам крыши и взял самое ценное, что было у хозяина, – меч, лук, стрелы и арфу. Потом он взял девушку и вынес ее из дома вместе с сокровищами. Но арфа зазвучала, когда ее взял в руки молодой бог, и Сусаноо проснулся. Поскольку его волосы были привязаны к балкам крыши, он не мог пошевелить головой, и, чтобы пуститься в погоню за тем, кто унес его дочь и его сокровища, ему пришлось высвободить каждую прядь. В конце концов он освободился и устремился за похитителем. Он шел на звук арфы, которая играла сама. Но когда Сусаноо пришел туда, где прятался Окунинуси с похищенной девушкой, он сказал: «Ты ловок и умел, и потому я отдам тебе девушку и мои сокровища, а тебя буду считать своим сыном».

Сусаноо и Окунинуси вместе правили Идзумо, и потомки Сусаноо населили страну. Но Сусаноо знал, и Окунинуси знал, что их дети должны будут уступить место детям блистательной солнечной богини, которым было суждено стать правителями восьми островов.

Когда Амаэрасу из-за бесчинств своего брата скрылась в пещере, боги собрались вместе, чтобы решить: как вернуть миру доброту солнечной богини. Они принесли петухов, звонкоголосых птиц Вечной страны, и посадили их возле пещеры. Они разожгли костры, которые светили так ярко, что петухи постоянно кричали. Они попросили богиню Удзумэ танцевать для них. Она танцевала и пела на перевернутом котле, и ее танец и пение заставляли всех богов громко смеяться. Смех, веселье и крики петухов наполнили воздух и заставили землю содрогнуться. Амаэрасу слышала звуки всеобщего веселья и очень удивилась. Она была уверена, что, пока она в пещере, на земле, погруженной во мрак, не может быть никакой радости. Она проделала небольшое отверстие в камне, закрывавшем вход, и прикинула к нему. Она увидела улыбающихся богов, танцующую и поющую богиню. И тогда Амаэрасу засмеялась. Один из самых сильных богов протянул руку к отверстию и сделал его шире. Другой, у которого были самые длинные руки, вытащил Амаэрасу из пещеры. Яркий свет сразу же залил все вокруг. Громче закричали петухи. Бросились наутек злые духи. Возликовали боги, и их радость наполнила все сущее.

Так блистательная богиня вернулась в мир. Грозовой бог был изгнан и отправился искать для себя новое царство. И царство, которое он нашел, он должен был передать потомкам блистательной богини, он это знал.

После возвращения солнечной богини из пещеры вся растительность на земле расцвела. Злые духи попрятались. Кричали петухи, собирались богатые урожаи, проводились праздники урожая. Храмы стояли в полном порядке. Изгнанный грозовой бог вернулся в свое царство, а его наследники правили на восьми островах. Но блистательная богиня пожелала, чтобы ее внук воцарился на островах. И он явился. Он предстал перед правителями этой земли, держа в руках меч, который всегда побеждает. Наследники грозового бога отдали ему страну и власть над всем видимым. Но они сохранили для себя тайный мир и все могущество, связанное с колдовством и пророчеством. С тех самых пор дети солнечной богини правят в этой стране.

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ

Вначале были облака и туманы, приходили и уходили божественные поколения, оставался лишь Того, кто был господином в центре небес и великих богов и богинь, стоявших по обе стороны от него. А потом были созданы Идзанаги и Идзанами, мужчина и женщина. Они пошли по радужному мосту. Мужчина держал копьё опущенным, и с него падали капли, которые затвердевали, соединялись вместе и в конце концов образовали твердь, на которой могла жить первая пара – мужчина Идзанаги и женщина Идзанами. Но их окружали туманы.

У них появились дети: Ветер и Лес, Водопад и Гора, Река и Поле, Море и Острова. Когда Ветер подрос, он развеял туманы, и пространство вокруг стало прозрачным. А Идзанами носила новых детей – Огней. После их рождения она заболела, прошло время, и вот ее уже никто не видел на земле.

Идзанаги отправился вниз, в Мэйдо – обитель мрака, чтобы найти ее. Он шел вниз по пещере, ориентируясь на звук ее голоса. Она сказала, чтобы он не шел дальше; она велела ему не искать ее. Но Идзанаги не подчинился ее приказу. Он зажег факел и стал смотреть вперед, туда, откуда звучал ее голос.

И факел осветил серое царство Мэйдо. Идзанаги увидел Идзанами. Ее глазницы были пустыми, на губах не было плоти, и лоб был голый костью. Факел погас, и Идзанами прокляла мужа за то, что он посмотрел на нее в царстве мрака. Она сказала, что не позволит ему вернуться в мир, где живут их дети, и оставит его жить в Мэйдо.

Идзанаги бросился бежать, но Идзанами устремилась в погоню, она призвала на помощь других ужасных обитателей подземного мира, чтобы они задержали беглеца. Идзанаги на бегу схватил ростки бамбука и дикий виноград, который рос на гребне в его волосах, и бросил их в преследователей. Те остановились, чтобы съесть ростки и виноград. А Идзанаги побежал дальше. Он достиг пещеры, через которую и попал в царство мрака. И здесь разъяренная Идзанами почти настигла его. Он пробежал по пещере, отвалил камень, закрывавший вход снаружи, выскочил на свет божий и снова завалил вход. Но ярость Идзанами не улеглась. Она сказала: из-за того, что Идзанами посмотрел на нее в царстве мрака, она будет ежедневно утаскивать в Мэйдо тысячу человек. «Тогда я буду давать жизнь тысяче и еще половине тысячи человек каждый день», – сказал в ответ Идзанаги.

Отойдя от страшной пещеры, он омыл свое тело в чистой реке, которая протекала рядом. Он смыл скверну, которая коснулась его тела в подземном царстве. После его омовения на поверхности воды остались пятна, из них потом появились существа, которые утаскивали каждый день в мир иной тысячу человек. Так Идзанаги и его народ оказались перед необходимостью давать ежедневно жизнь тысяче пятистам младенцам. С тех пор, как первая пара была разлучена навсегда, на земле существуют смерть и расставание.

ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Новая Зеландия. Начало. Новая Зеландия и Гавайи. Мауи, несущий огонь. Как Мауи хотел добыть бессмертие для всех; Пеле, гавайская богиня вулканического огня

Боги родились от союза Ранги (Отца-Неба) и Папа-туануку (Матери-Земли). В те дни небо лежало на земле, и не было разницы между светом и тьмой. Ничего не могло расти на земле, ничего не созревало, ничто не стибалось под тяжестью плодов. Небо и Земля породили семьдесят детей-богов. Но тогда еще не было места, чтобы эти дети могли расти.

Они жили в расселинах и трещинах, образовавшихся в земле, а сверху на них давило небо. Одни лежали на спине, другие на боку, кое-кто ползал или передвигался согнувшись. Они слышали о свете, но знали только темноту, им оставалось только гадать, какой он – свет. Боги советовались, как принести свет туда, где они находились, и как расширить для себя жизненное пространство. Один из богов, Ту-матауэнга, отец войны и раздоров, предложил своим братьям и сестрам убить отца и мать, чтобы они больше не давили на них.

Другие боги пришли в ужас от этого предложения и отвергли его. Тогда Тане-махута, ласковый бог лесов, предложил более разумную мысль, как и полагалось тому, кому хватает терпения, чтобы дождаться, пока крошечные семена прорастут и превратятся в высокие деревья. Он предложил своим братьям и сестрам просто разъединить отца и мать. «Пусть Ранги станет далек от нас, но Папа останется рядом, чтобы нянчить нас. Пусть Ранги будет сверху, над нашими головами, а Папа – снизу, под нашими ногами. Это предложение понравилось всем богам, кроме Тауириматеа, бога ветра, который заревел громким голосом в знак несогласия. Он ревел все время, пока боги говорили, что небо должно быть поднято над головой, а земля оказаться под ногами.

Дети Ранги и Папа согласились разделить своих родителей. Ронго-матане, бог земледелия, попытался отделить небо от земли. Он сделал попытку, но она оказалась неудачной. Тангароа, бог рыб и всего, что есть в море, тоже попытался, но поднял небо от земли лишь на высоту волны, и этого было мало. После него за дело взялся Гумиатикитики, бог диких плодовых деревьев, но тоже не слишком преуспел.

Боги уже были готовы отказаться от своего плана и так и остались бы между небом и землей, не имея жизненного пространства и не зная разницы между светом и тьмой, если бы не Тане-махута. Терпеливый Тане-махута долго смотрел на тщетные усилия своих братьев. Наконец и он решил попробовать. Он изо всех сил толкал руками небо, но его усилия тоже оказались тщетными. Тогда он решил отделить небо от земли, встав на голову, и оттолкнуть небо ногами. Плечи его прижались к Папа, а ноги уперлись в Ранги. Медленно и неторопливо Тане-махута начал отталкивать небо от земли. Родители богов закричали и застонали, отделяясь друг от друга. «Зачем вы убиваете своих родителей?» – стонало небо. «Почему вы, наши дети, совершаете этот ужасный поступок?» – вторила ему земля. Боги стояли и молча взирали на происходящее. Тане-махута не прекращал попыток. Высоко вверху он упирался в небо, а внизу – отталкивался от земли.

Когда пространство между ними стало больше, свет пришел туда, где были боги. Они смогли выпрямиться и свободно перемещаться на большие расстояния. Теперь стало достаточно места для богов и растений. Земля и небо так и остались вдалеке друг от друга. Повсюду стали расти деревья, на которых созревали сочные плоды. Появились первые люди, которые постепенно заселили землю.

Ранги до сих пор печалится в разлуке с Папа, и его слезы каждое утро падают на землю росой, а иногда проливаются дождем. А с вершин заросших лесами гор к небу Ранги поднимаются вздохи печальной Матери-земли.

Новая Зеландия и Гавайи

МАУИ, НЕСУЩИЙ ОГОНЬ

Когда родился Мауи, последний ребенок в семье, его мать подумала, что у нее не хватит для него еды. Она отнесла его на берег моря, завернула в прядь своих волос и бросила в морскую пену. Но Мауи не утонул. Сначала к нему подплыла медуза: она обернула его своим мягким телом и согрела, пока он плыл по волнам. Потом его заметил бог моря и решил позаботиться о нем; он принес младенца в свое жилище, обогрел и приласкал его. Маленький Мауи вырос в доме бога моря.

Но еще мальчиком он вернулся в страну своей матери. Он увидел мать и четверых братьев и прошел за ними в дом. Это был дом, куда заходили все жители страны. Мауи сел рядом с одним из своих братьев. Когда же мать позвала детей, чтобы идти с ними домой, она увидела рядом с ними незнакомого мальчика. Она не знала его и не взяла с собой. Но он все равно увязался следом. И когда четверо его братьев вышли за порог их собственного дома, они увидели его рядом и стали играть с ним. Сначала они играли в прятки, но потом смастерили для себя копьа из стеблей тростника и начали кидать их в стену дома.

Хрупкие копьа не могли пробить толстый слой травы, которой был обложен дом. Но Мауи заколдовал тростник, из которого сделал себе копье, тот стал прочным и тяжелым, и проделал в стене большую дыру. Мать вышла, чтобы отругать мальчика и прогнать его прочь. Но когда женщина, стоя на пороге, увидела, как он сердит и как легко разрушает ее дом своими копьями, она узнала в нем великую силу, которая была у его отца, и она позвала его в дом. Мальчик не вошел, пока она не положила руку ему на плечи и не повлекла за собой. Когда же она это сделала, его братья почувствовали зависть и ревность. Они не понимали, почему их мать уделяет внимание этому странному мальчику. Они не хотели, чтобы он оставался с ними. И тогда заговорил старший брат. Он сказал: «Ничего, пусть он будет с нами и станет нашим дорогим братом». И братья пригласили Мауи войти в дом.

Дверные косяки – Короткий косяк и Длинный косяк – не желали пускать его. (Поговаривали, что это были его дяди, которые заправляли хозяйством в доме, пока мальчики были еще маленькими.) Мауи поднял копье. Он бросил его в Длинный косяк и опрокинул его. Он снова бросил копье и опрокинул Короткий косяк. После этого он вошел в дом и стал жить со своими братьями.

В те дни, как утверждают люди, знающие сказания о старых временах, мужчины и женщины на островах не видели птиц. Те летали вокруг домов, было слышно хлопанье их крыльев и шелест потревоженных ими листьев. И еще была слышна дивная музыка. Но люди, никогда не видевшие птиц, считали, что это звучит музыка богов, которые не хотят, чтобы люди их видели. Мауи видел птиц. Он радовался их ярким оперениям, и, когда он звал их, они прилетали и рассаживались на ветках вокруг него и пели для него свои самые радостные песни.

Как-то раз в страну, где жил Мауи, прибыл заморский гость. Он много хвастался о диковинах, которыми была полна его страна, и люди из страны Мауи подумали, что у них нет ничего достойного подобного восхваления. И тогда Мауи позвал птиц. Они прилетели, и со всех сторон полилось их сладкоголосое пение. Гость, который так красноречиво хвастал о чудесах в своей стране, признал, что в его стране нет ничего подобного этому дивному пению.

Теперь, когда пением птиц восхищались все, Мауи произнес заклинание, и птицы стали видны всем: красные, желтые, голубые – всех мыслимых цветов и оттенков. Восторг от их созерцания был ничуть не меньше, чем восторг от их пения. С тех пор птицы всегда были видны людям, и люди не уставали радоваться яркому оперению и неповторимому пению. Это сделал Мауи, еще когда был мальчиком и рос в доме своей матери вместе с братьями и сестрами.

Его мать, очевидно, знала о существовании огня и о том, как его использовать; не зря же ее звали Гина-из-огня; знала она и о том, как получилось, что ее птицы знали, где спрятан огонь, и что надо сделать, чтобы он разгорелся. Но люди, жившие на острове, не знали огня: они ели сырые корни и сырую рыбу, они страдали от холода. Для них Мауи и решил добыть огонь; именно для них он отправился в нижний мир, для них он обошел верхний мир в поисках огня.

В Новой Зеландии есть сказка о Мауи, которую гавайцы не знают. Там рассказывают, как он посетил свою прапрабабку Махуи-Ике, которая была хранительницей огня в подземном мире. Он нашел дыру в земле, которая вела в подземный мир, и отправился в гости к Махуи-Ике. Старуху настолько очаровал ее красивый потомок, что она спросила его, что он хочет получить от нее. Мауи попросил у нее немного огня, чтобы принести его к себе в дом. Махуи-Ике выдернула один из своих ногтей на руке, который был пылающим огнем, и Мауи вернулся с огнем в верхний мир.

Переходя ручей, Мауи уронил ноготь в воду и погасил огонь. Потом он вернулся к Махуи-Ике и сказал ей, что, пока он шел домой, огонь погас. Прапрабабушка ответила, что такое иногда случается, выдернула еще один ноготь и вручила ему. Оказавшись в верхнем мире, Мауи снова погасил огонь.

Вернувшись в нижний мир, он получил третий ноготь и опять уронил его в ручей. Он проделывал это снова и снова до тех пор, пока у Махуи-Ике не остался всего один ноготь на ноге. Прежде она проявляла терпение, но тут ей стало ясно, что ее праправнук – просто обманщик, который пытается обхитрить ее. Она выдернула последний ноготь и погнала Мауи в верхний мир огромным языком пламени. Она швырнула пламя на землю, воскликнув: «Если ты хотел огня, так получай его!»

И весь мир охватил огонь. Мауи побежал в верхний мир, а разъяренная Махуи-Ике следовала за ним по пятам. Он бросился в воду. Но вокруг горели леса, горела земля, и вода закипела. Мауи побежал дальше, Махуи-Ике – за ним. По пути он произнес волшебное заклинание, которое должно было вызвать дождь, чтобы загасить огонь:

Грохочущему грому,
Великому дождю – долгому дождю;
Морсящему дождю – короткому дождю;
Дождю, стучащему по листьям.
Грозы, грозы!
Придите и пролейте на землю
Стремительным ливнем.

Дождь пришел: долгий дождь, короткий дождь, дождь, стучащий по листьям и проливающийся на землю стремительным ливнем. Огонь, который свирепствовал в лесах и опустошал землю, был погашен. Мауи-Ике, преследовавшая Мауи, едва не утонула в потоках воды. Она увидела, что от огня, всего огня, который был в нижнем и верхнем мире, ничего не осталось. Тогда она собрала отдельные искры, которые ей удалось найти, и спрятала под корой деревьев, чтобы огонь до них не добрался. Мать Мауи, судя по всему, знала, где именно старуха спрятала огонь. Если нет, то это знали ее священные птицы. Они могли срывать кору с деревьев и тереть ее, пока не получали огонь.

На Гавайях рассказывают, как Мауи и его братья каждый день выходили в море ловить рыбу. Однажды, удалившись в море достаточно далеко, они увидели дым, поднимающийся над склоном горы.

– Что это? – сказал один.

– Огонь! Но чей же он? – сказал второй.

– Давайте поплывем к берегу и приготовим нашу рыбу на этом огне, – предложил третий.

Наловив рыбы, Мауи и его братья направили каноэ к берегу. Самый быстроногий из них побежал вверх по склону горы, но когда он достиг места, откуда поднимался дым, то увидел только болотную курочку, которая скребла глину вокруг обугленных головешек. Курочки прятались в местах, где их невозможно было заметить, но Мауи продолжал преследовать их, надеясь поймать момент, когда огонь будет разведен.

Его братья отправлялись на рыбную ловлю, а Мауи наблюдал, не покажется ли где дым от разведенного курочками огня. Но только они не разводили огонь в те дни, когда Мауи не рыбачил с братьями. «Мы не сможем сегодня приготовить для себя бананы, – сказала старая птица молодым, – потому что быстроногий сын Гины где-то рядом. Он заметит нас и прибежит раньше, чем мы успеем погасить огонь. Помните, что хранитель огня приказал нам никогда не говорить людям, где он спрятан и как его можно взять из нашего тайника».

Мауи догадался, что курочки следят за ним и не разводят огонь, пока не увидят, что он вышел в море на каноэ. Он знал, что они пересчитывают людей, которые находятся в каноэ, и если одного не хватает, они не готовят пищу. Всякий раз, когда он выходил на рыбалку, он видел поднимающийся над склоном горы дым.

Тогда Мауи решил обмануть упрямых курочек, не желавших отдавать огонь, тем самым обрекая людей на то, чтобы есть сырые корни и сырую рыбу. Свернул Мауи циновку и закрепил ее в каноэ так, чтобы издалека ее можно было принять за человека. Потом он спрятался на берегу. Братья отправились рыбачить, а курочки сосчитали людей в каноэ. «Сегодня быстроногий сын Гины ловит рыбу, – сказала молодая курочка, – мы сможем испечь себе бананы».

Они вместе собрали хворост, потеряли кору и получили огонь. От костра поднялся дым, и быстроногий Мауи устремился вверх по склону горы. Он подбежал к стае птиц как раз в тот момент, когда самая старая курочка выплескивала воду на угли. Схватил Мауи птицу за шею и крепко зажал ее в руках.

– Я убью тебя за то, что ты прячешь от людей огонь.

А курочка и говорит:

– Если ты убьешь меня, Мауи, тебе никто и никогда не покажет, где взять огонь.

– Покажи мне, где взять огонь, и я тебя отпущу! – воскликнул Мауи.

Хитрая птица решила обмануть Мауи. Она подумала, что сумеет отвлечь его, он ее отпустит, и она улетит, так и не сказав правды.

– Пошади меня, Мауи! А я тебе скажу, где можно взять огонь. Попробуй потереть стебель тростника.

Стал Мауи тереть стебель тростника, а искр все нет и нет, одна влага. Но при этом он продолжал держать курочку за шею. В гневе повернулся Мауи к курочке и еще сильнее сжал ее шею, а она ему опять:

– Если ты убьешь меня, Мауи, тебе никто и никогда не покажет, где взять огонь. – Хитрая птица не оставляла надежды обмануть Мауи. – Иди и потри стебли таро! Получишь огонь.

Не выпуская птицу из рук, Мауи потер стебли таро, но огонь так и не появился. Он сильнее сжал шею. Птица уже была полумертвой, но все еще старалась обмануть человека.

– Возьми листья бананов и потри их. Получишь огонь.

Мауи так и сделал, но огня так и не добыл. Рассвирепев, он едва не придушил курочку.

– Иди в лес и найди там сандаловое дерево и дерево гау, – наконец подсказала курочка.

Мауи потер кору этих деревьев, и скоро огонь у него разгорелся. Распространявшее сладкий аромат сандаловое дерево Мауи назвал «или-аха» – огненная кора, потому что легче всего огонь получается от трения именно коры. Взяв ветки этих деревьев, Мауи пошел к людям. Он показал им, как добывать огонь трением одной палочки о другую. Больше людям не приходилось питаться сырыми корнями и сырой рыбой. У них появился огонь. Мауи был все-таки сердит на птицу: зачем она гоняла его, почему не сказала сразу про нужные деревья? И он прижег огнем гребешок курочки. С тех пор гребешки у кур стали красными.

КАК МАУИ ХОТЕЛ ДОБЫТЬ БЕССМЕРТИЕ ДЛЯ ВСЕХ

Пришло время, и Мауи вернулся в страну своего отца.

– Кто может победить меня? – спросил он. – Я дал людям огонь, я заставил солнце двигаться по небосклону медленнее, я поднял со дна моря острова. Есть ли в мире кто-нибудь, способный меня одолеть?

Отец протянул руку в сторону горизонта, туда, где море встречается с небом. Там были видны сполохи.

– Они от зубов страшной богини Гине-нуи-те-по, великой дочери ночи. Эта могущественная богиня – твоя прародительница, Мауи, – объяснил он. – Она побеждает всех, поскольку несет всем живым существам смерть. Одолеет она и тебя, сын мой.

Мауи похвалился своими прежними подвигами и сказал:

– Пойдем без страха, отец мой, вырвем сердце из ее груди и покончим с ее властью над живыми существами. Она не сможет приносить людям смерть, и все будут жить вечно.

Но отец отказался идти к великой богине Гине-нуи-те-по.

Тогда к Мауи подлетели птицы, желая быть товарищами в его предприятии, и вечером отправились с ним. Малиновка и дрозд, овсянка и трясогузка – много разных птиц сопровождали Мауи. В компании птиц Мауи направился к горизонту – туда, где небо с морем встречается. Их путь начался вечером, и они по пути видели сполохи от зубов страшной богини. Ее зубы были из вулканического стекла. Ее рот был широк, как рот рыбы. Ее волосы разметались по сторонам, как морские водоросли расплываются по морю. Глаза сверкали даже на большом расстоянии.

расстоянии.

Они пришли к жилищу Гине-нуи-те-по, увидели ужасную богиню, и Мауи почувствовал страх. Даже на великого Мауи произвела впечатления великая дочь ночи Гиненуи-те-по. Но он вспомнил, что обещал своим спутникам найти способ дать всем живым существам бессмертие, и стал думать, как вырвать сердце из тела богини.

Богиню они застали в глубоком сне. Мауи приготовился влезть в ужасный открытый рот Гине-нуи-те-по, взять ее сердце, вытащить наружу и отдать на съедение всем живым существам. Мауи запретил птицам смеяться, когда они увидят его влезающим в старую повелительницу, а когда он весь скроется в ней и начнет выходить из ее рта с сердцем в руках, тогда они могут смеяться громко и долго. Маленькие птицы собрались вокруг великого Мауи, и одна из них, дрожа от страха, сказала: «О, наш господин, мы не будем смеяться. Мы не пророним ни звука. Только будь осторожен».

Затем Мауи закрепил на поясе оружие. Он сбросил свою одежду, и кожа его бедер, татуированная резцом Уетонги, была разноцветна и прекрасна, как чешуя макрели. Он несколько секунд постоял обнаженным, а потом протиснулся между челюстями своей ужасной прародительницы. Он благополучно миновал зубы, необычайно острые, поскольку были из вулканического стекла. Он пролез по пищеводу в желудок и приблизился к сердцу. Он вырвал сердце богини, направился в обратный путь и вскоре добрался до мощных челюстей и увидел между ними голубое небо.

Сначала птицы молчали. Одна из них, самая маленькая, привыкшая смеяться, изо всех сил старалась сдерживаться. Она смотрела, как обнаженный Мауи протискивается между челюстями ужасной дочери ночи, и прилагала все усилия, чтобы не расхохотаться. И все же она не выдержала, маленькая тивакавака, и разразилась громким и веселым смехом, разбудившим Гине-нуи-те-по.

Дочь ночи вскочила. Она крепко стиснула челюсти, схватила Мауи и разорвала его. Так умер Мауи, держа бессмертие в руках, и смерть посетила мир. С тех пор никто не подходит близко к логову Гине-нуи-те-по, богини ночи и смерти. Если бы Мауи проник в ее тело и вышел из него невредимым, люди не умирали бы более.

ПЕЛЕ, ГАВАЙСКАЯ БОГИНЯ ВУЛКАНИЧЕСКОГО ОГНЯ

I

Богиня Пеле выбралась из кратера Килауеа. Больше она не будет сидеть внизу у очага из лавы, когда кожа чернеет, волосы приобретают цвет углей, а глаза становятся красными. Она больше не будет казаться старухой, от которой отворачиваются люди. Она вышла из кратера в облике молодой красивой женщины. У нее были сестры, и все они были чуть менее привлекательны, чем Пеле в тот день. Они стояли по бокам от богини, поскольку было запрещено приближаться к богине сзади и касаться руками ее горящей спины.

Пеле и ее сестры стояли на краю кратера. Вокруг них раскинулась почерневшая равнина, но где-то внизу была Пуна с разбивающимся о камни прибоем, зелеными цветущими рощами. Эта земля принадлежала Пеле. Она ее создала и могла уничтожить. Ее могущество признавалось и на небесах – вулканический огонь вполне мог достичь небес. Все боги, даже великие боги Ку, Кане, Каналоа и Лоно, были вынуждены последовать за ней, когда она покинула Кахики, землю за великим океаном, и прибыла на Гавайи. Килауеа стал ее домом на Гавайях – так она решила. А теперь она вышла из кратера и сказала своим сестрам: «Давайте пойдем на берег в Пуне и будем купаться, радоваться и наслаждаться жизнью». Сестры обрадовались и вместе с Пеле отправились на берег.

Они купались, играли, плавали, бегали друг за другом по берегу. Потом Пеле пошла в пещеру отдохнуть. Она сказала сестре, которая всегда была рядом с ней:

– Я буду спать, пока сама не проснусь. Если кто-то из вас попробует разбудить меня, это принесет смерть всем вам. Но если все же кому-то придется меня разбудить, пусть это сделает самая младшая из сестер.

Так сказала Пеле, легла на дно пещеры и крепко уснула. Сестры переглянулись.

– Как странно, что несущая разрушение спит так крепко!

Они по очереди дежурили рядом с богиней, пока она спала в пещере.

Но самой младшей из сестер, маленькой Хииаки, не было рядом с Пеле, когда она отдавала распоряжения, прежде чем лечь спать. Хииака пошла туда, где в рощах зеленых деревьев лехуа цвели роскошные цветы. Она была очарована буйством зелени и богатством красок, она собирала цветы и плела венки. А потом она увидела другую девушку, которая тоже собирала цветы и плела из них венки. Эта девушка была духом дерева лехуа Хопое. Хопое, увидев Хииаку, стала танцевать для нее. Девушки подружились. Они танцевали, играли, вместе плели красивые венки. Никогда еще у маленькой Хииаки, сестры грозной богини, не было такой прекрасной подруги, как Хопое, жизнь которой проходила в роще зеленых деревьев лехуа.

А в это время богиня Пеле мирно спала в пещере, и во сне она слышала барабанную дробь. Барабан звучал так, словно напоминал о начале хула-хула. Ее дух покинул место, где она спала, и полетел на звук барабана. Над морем пролетел ее дух, направляясь на звук. Он прилетел на остров Кауаи. Там она увидела зал, воздвигнутый в честь богини Лака^[40], где танцевали хула-хула. Пеле вошла туда в облике молодой и очень привлекательной женщины. Люди, собравшиеся на хула-хула, обернулись, чтобы взглянуть на нее. И в этом зале Пеле увидела принца Лохиау.

Он сидел на возвышении, а перед ним расположились музыканты. Пеле прошла через толпу туда, где был принц. Лохиау усадил ее рядом с собой; он приказал накрыть столы, чтобы угостить прекрасную незнакомку. Пеле не притронулась к еде. «Должно быть, она явилась издалека, – говорили люди, – ведь если бы такая красивая женщина жила на нашем острове, мы бы не могли не знать ее». Принц Лохиау тоже не ел. Он не мог думать ни о чем, кроме прекрасной женщины, которая сидела рядом с ним.

Когда хула-хула закончилась, он отвел Пеле в свой дом. И хотя они сидели рядом на циновке, Пеле не позволила ему ласкать ее. Она разрешила ему поцелуи, но не более того. Она сказала: «Когда я привезу тебя на Гавайи, ты будешь обладать мной, а я буду владеть тобой». Принц попытался схватить ее и задержать, но она ускользнула, взмыла над землей и улетела. Она покинула дом принца, покинула остров, пролетела над морем и вернулась туда, где ее тело лежало в темной пещере.

Принц Лохиау сильно тосковал о женщине, которая была с ним; больше всего он тосковал о ней ночью, темной безлунной ночью, когда наступало время духов. Он думал, что потерял ее навсегда. Поэтому он вернулся в дом, снял с себя набедренную повязку и повесился на потолочной балке своего дома. Утром его сестра и соплеменники вошли в его дом и обнаружили своего вождя мертвым. Они горько оплакивали его и проклинали женщину, которая была с ним и которая послужила причиной его смерти. Потом они завернули тело в одежды из ткани^[41] и положили в пещеру на склоне горы.

из таны — и положили в пещеру на склоне горы.

А в это время в пещере Пуны лежало тело Пеле. Казалось, богиня спокойно и крепко спит. Оно лежало без движения день, ночь, и еще день, и еще ночь. Ни одна из ее сестер не решалась разбудить богиню. Но в конце концов они испугались. Им показалось, что богиня впала в некий транс, который длится слишком долго. Они решили, что младшая из сестер Хииака должна разбудить Пеле, и послали за ней.

Хииака увидела посланца от сестер, когда гуляла в роще деревьев лехуа с любимой подругой Хопое. Глядя на приближающегося гонца, она пропела:

От лесных зарослей в Папа-лау-ахи
До гирлянд, сложенных в Куа-о-ка-ла,
Деревья лехуа увяли,
Они иссушены, сожжены,
Уничтожены огнем —
Огнем, который наслала женщина из пещеры.

А Хопое, любимая подруга Хииаки, возразила:

– Неправда то, что ты спела. Посмотри! Наши деревья лехуа вовсе не увяли и не засохли. Если бы это было так, я бы не смогла ни говорить с тобой, ни видеть тебя. Тогда почему ты причитаешь? Ты останешься со мной, и мы соберем еще много цветов для венков и гирлянд.

Хииака ответила:

– Увидев посланца, который идет сюда, чтобы увести меня, я увидела деревья лехуа, уничтоженные огнем Пеле.

Посланник подошел и сказал, что Хииака должна вернуться туда, где остались ее сестры. Она попрощалась с Хопое и пошла туда, где ее ждали сестры. Они привели ее в пещеру и показали Пеле, которая лежала без движения, бледная, словно мертвая. Тогда Хииака, младшая и любимая сестра Пеле, встала над ее телом и запела заклинания. И дух Пеле, который свободно витал в пещере, вернулся в ее тело. Воздух проник в легкие, богиня едва слышно вздохнула, краски вернулись на лицо – оно порозовело. Богиня вулканического огня потянулась, встала и заговорила с сестрами.

Они вернулись в жилище Пеле в кратере Килауеа. Прошло некоторое время, и Пеле обратилась к сестрам. Она сказала каждой из них:

– Будешь ли ты моей посланницей, чтобы привести нашего возлюбленного – твоего и моего – с Кауаи?

Ни одна из старших сестер не согласилась. Они понимали, насколько опасной может оказаться такая миссия. Но когда Пеле обратилась с этим предложением к Хииаке, самой младшей из сестер, девушка сказала:

– Я согласна. Я приведу сюда мужчину.

Старшие сестры пришли в смятение, услышав эти слова Хииаки. Путешествие было долгим, и любой, кто брал на себя эту миссию, подвергался нешуточной опасности. Но никто не мог предвидеть, какую волну гнева и ненависти обрушит богиня огня на женщину, которая будет с мужчиной, избранным богиней для себя. Хииака, согласившаяся выполнить эту миссию, была самой младшей и самой неопытной из сестер. Старшие пытались предупредить ее об опасности, но они боялись высказывать свои мысли вслух. Кроме того, они знали, что Хииака всей душой предана своей старшей сестре и готова ради нее на все.

Пеле сказала Хииаке:

– Когда ты доставишь сюда нашего возлюбленного, пять дней и пять ночей он будет моим. После этого он станет твоим. Но пока я не сниму табу, ты не должна дотрагиваться до него, ласкать его, целовать его. Если ты нарушишь мой запрет, это принесет смерть тебе и принцу Лохиау.

Сестры стали уговаривать Хииаку, и она задержала свой отъезд. Она снова предстала перед Пеле, и та упрекнула сестру за медлительность. И тогда Хииака обратилась к своей старшей сестре, грозной богине. Она сказала:

– Я отправляюсь за возлюбленным для тебя, а ты остаешься дома. Но прежде я хочу поставить одно условие. Если ты захочешь пронестись в огне по землям, которыми мы обе владеем, обойди стороной тот участок, где растут деревья лехуа с прекрасными альмами и желтыми цветами, не причиняя вред моей подруге Хопое, чья жизнь в этих деревьях.

Хииака сказала это и собралась в путешествие. Только теперь она осознала, насколько долгий и опасный путь ей предстоит. Ей стало страшно. Она увидела себя, одинокую и беспомощную, идущую по бесконечной дороге. И тогда она вернулась к грозной богине. Она сказала, что в пути ей необходим спутник, и попросила, чтобы ей была дана часть маны, то есть волшебной силы Пеле. Грозная богиня не отказала сестре в этом. Она призвала солнце и луну, звезды, ветер, дождь, молнию и гром дать помощницу ее сестре и ее посланнице. Получив желаемое, Хииака отправилась в путь, который лежал через острова и моря в дом человека, которого возжелала ее сестра Пеле, богиня вулканического огня.

II

Далеким было путешествие Хииаки и ее спутницы, много времени они провели в пути, с большими опасностями встретились и преодолели их. Наконец, они пришли в деревню, где вождем был Лохиау.

– Зачем вы пришли? – спросили люди, встретившие измученных путешественниц.

– Я пришла, чтобы отвести принца Лохиау к Пеле, чтобы они стали любовниками.

– Лохиау мертв уже много дней. Он был околдован ведьмой и добровольно расстался с жизнью. – И люди показали Хииаке пещеру на склоне горы, в которой его сестры положили тело принца Лохиау.

Хииака была потрясена до глубины души. Но она взяла себя в руки, собрала всю силу, которой ее наделила Пеле, и посмотрела в сторону пещеры на горе. Она увидела, как кто-то бродит у входа в пещеру, и поняла, что это маячит усталый и исхудавший дух Лохиау. Она знала, что должна вернуть дух в тело, которое лежит в пещере, и поняла, что все трудности, с которыми ей пришлось столкнуться, были ничем по сравнению с этой задачей. Она протянула руки в сторону пещеры и прошептала заклинание, которое должно было удержать дух на месте. Присмотревшись, Хииака увидела, что дух еще более исхудал, чем ей показалось вначале. Она была испугана его эфемерностью. Голос, который донесся до нее, был слаб и тих, словно шелест травы. Она ответила, и ее голос был полон сострадания:

Мой мужчина из гонимого ветром тумана,
Или чистый освежающий дождь,
Наполняющий горную реку,
Сбегающую по склону Калалау —
Куда мы заберемся вместе
С тобой, мой друг, с тобой.
Спутник темной ночи,
Когда в небеса посмотрит мое лицо,
Ты будешь моим мужчиной.

Вместе со своей спутницей Хииака направилась к склону горы. Солнце склонялось к закату. Им едва хватило бы времени, чтобы взобраться по лестнице и войти в пещеру, прежде чем наступит ночь и лестницу унесут ведьмы, затаившие вражду к Хииаке. Дух Лохиау заплакал тонко и жалобно.

Хииака произнесла заклинание, задержавшее солнце на небе, и, обеспечив таким образом себе освещение, она и ее спутница полезли на гору. Они подошли к входу в пещеру. Хииака поймала дух Лохиау, и женщины вошли в пещеру. Хииака велела своей спутнице взять за ноги мертвое тело. А сама поднесла дух Лохиау, который держала в руке, к глазнице и постаралась заставить его проникнуть в тело. С помощью заклинаний ей удалось сделать это. Душа вернулась в тело и стала двигаться по нему вниз. Достигнув паховой области, она остановилась. Хииака заклинаниями подтолкнула ее дальше. И вот душа достигла ног; руки зашевелились, вздрогнули веки, вернулась способность дышать. Хииака и ее спутница подняли тело и уложили его на циновку. Потом они омыли его оздоравливающими травами с головы до ног. Спутница Хииаки сказала:

- Бесполезно, он все равно не оживет.
- Я произнесу заклинание, – сказала Хииака, – если все сделать правильно, жизнь обязательно вернется к нему. – И она запела:

Эй, боги со священного нагорья!
Эй, боги с горящего залива!
Летите сюда с искусством и хитростью:
Ку, который спускает и правит лодкой войны;
Ку, который показывает нам дорогу по стране снов;
Все боги Гавайев;
Каналоа, храни хорошо свои табу;
Тот, кто делает свечи, тот, кто задувает свечи;
Богини тоже из видений страсти;
Красные молнии наполнят небеса;
И непроглядная тьма превращается в свет.
Лоно, приди, ты, бог огня,
Приди и ты, пронизывающий глаз дождя;
Скорее, скорее, донесите мою молитву небесам!

Хииака продолжала произносить заклинания. Прошла ночь, а за ней и следующий день. Соплеменники Лохиау были заняты танцами и не мешали Хииаке. Она произнесла последнее, самое сильное заклинание, душа воспряла в теле, и принц Лохиау ожил.

Хииака и ее спутница подвели его к выходу из пещеры. Оттуда вниз протянулись три луча радуги, и по ним Хииака, ее спутница и принц Лохиау спустились с горы. Они вышли на берег, и все трое совершили очищающее омовение в океане. Теперь, когда все трудности остались позади (а их было немало: долгое изнурительное путешествие, возвращение Лохиау к жизни), Хииака вспомнила о роще деревьев лехуа и своей дорогой подруге Хопое.

Теперь, когда пришло время возвращаться обратно, Хииака обратила свой взор в сторону Гавайев и пропела:

Я не забыла тенистые парки лехуа,
Их прекрасные цветы!
Долог мой путь, и пройдет много дней,
Прежде чем ты придешь к постели любви,
Ты слышишь зов возлюбленной?
Прислушайся к голосу возлюбленной, Лохиау!

Они прошли много островов, пересекли много каналов и наконец оказались на Гавайях. Хииака отправила свою спутницу вперед, чтобы уведомить Пеле о прибытии Лохиау. Когда она вместе с принцем достигла восточных врат солнца, когда она пришла в Пуну, она поспешила вперед, чтобы посмотреть на свою землю.

Пеле изрядно потрудилась. Несмотря на договор со своей сестрой и посланницей, она уничтожила огнем рощи лехуа. Там больше не было роскошных деревьев, украшенных волшебной красоты цветами. И жизнь Хопое, любимой подруги Хииаки, окончилась вместе с жизнью тенистых рощ.

Только черные обугленные пни стояли всюду насколько хватало глаз. Хииака стояла на возвышенности, откуда прежде открывался великолепный вид на ее любимую землю, и всю горечь, переполнявшую ее сердце, она излила в песне:

На холмах Похаке

Я стою и смотрю на Пуну —
Пуну, исхлестанную горьким дождем,
Укрытую завесой ливня, черного, словно ночь!
Нет больше моих рощ лехуа,
Из цветов которых птицы когда-то пили нектар!
Хотя их защищало обещание.

Потом она сказала: «Я выполнила все, о чем мы договаривались с моей сестрой. Я не тронула ее возлюбленного. Я не ласкала его. Я не подарила ему даже поцелуя. Теперь наш договор утратил силу. Я свободна и могу сделать этого красивого юношу своим возлюбленным. Я вижу, что он давно желает меня. И пусть Пеле сама увидит, что нас с ней больше ничего не связывает».

Когда Лохиау подошел, она взяла его за руку и была добра к нему; она сказала, что мечтала о времени, когда их спутница оставит их вдвоем и они смогут быть вместе. Рука об руку они пошли по черной, опустошенной огнем земле. Они пришли туда, где на камнях росло уцелевшее дерево лехуа. Там Хииака сорвала цветы, чтобы сплести венок для своего возлюбленного.

На открытой террасе, где их могла видеть Пеле и все ее приближенные, Хииака усадила юношу рядом с собой. Она сплела для него венок из цветов лехуа. Она надела венок ему на шею, а он, не ведая о глазах, которые на них смотрят, хотел любить девушку.

– Подвинься ближе, – сказала Хииака, – я хочу закрепить венок. – Она обвила руками шею Лохиау и прижалась к его груди.

Сестры, стоявшие рядом с Пеле, в один голос закричали:

– Хииака целует Лохиау! Хииака целует Лохиау!

– Губы созданы для поцелуев, – ответила Пеле, но в ее глазах запылал огонь.

III

Потом Пеле приказала сестрам надеть свои платья, сшитые из языков пламени, и уничтожить Лохиау. В огненных платьях отправились они туда, где был принц. Приблизившись, они бросили угли к его ногам и удалились. Но Пеле знала: они только сделали вид, что уничтожили человека. Котел в ее кратере кипел, из него выплескивался огонь. Пеле призвала на помощь Лоно-макуа, Ку-пулупулу, Кумоку-халли, Куалана-вао. Сначала они не пожелали помочь ей уничтожить человека; вместо этого они собственными руками собрали распространившийся огонь обратно в котел. Тогда богиня вулканического огня пригрозила помощникам, и Лоно-макуа отправился выполнять ее приказ.

Лохиау увиделдвигающийся на него огонь и запел:

Все вокруг в огне – им охвачена вся долина;
Кокосовые пальмы, которых было здесь так много,
Уничтожены, все уничтожены до Капохо.
Вперед летит дракон, изрыгающий огонь,
Он прокладывает себе путь к Ома-олала.
Словно сухой хворост, он пожирает побеги папоротника.
Мрачной пеленой заволокло небо,
Закопченные птицы ураганом мечутся в воздухе;
Небеса стонут, покрытые пятнами, словно от крови дракона.

Огонь, который наступал на возлюбленных, обошел Хииаку, а Лохиау задохнулся в дыму, упал, и поток лавы поглотил его.

Так Хииака лишилась того, кого хотела любить, как прежде потеряла рощи лехуа и свою любимую подругу Хопое. И виной тому была ее сестра, злобная богиня Пеле. В горе она хотела проломить землю, заставить подняться море и уничтожить острова, но перед ней явился Кане – бог, создающий земные формы. Кане успокоил Хииаку, она вернулась в кратер и села рядом со своими сестрами.

Однажды человек, слышавший великим колдуном, пришел к кратеру.

– Зачем ты пришел? – спросили его.

– Я пришел, чтобы узнать, почему был уничтожен мой друг Лохиау, – ответил гость.

– Он и Хииака поцеловались, а этот мужчина должен был достаться Пеле, – сказали сестры.

– Он уже узнал вкус смерти на Хаене. Почему он должен был снова пройти через это на Гавайях?

Тут заговорила Пеле, сидевшая у дальней стены кратера:

– Что ты сказал? Лохиау познал смерть на Хаене?

– Да, Хииака вернула душу в его тело. Потом они вместе отправились на Гавайи.

– Это правда? – спросила Пеле свою младшую сестру. – Правда, что ты обнаружила Лохиау мертвым и вернула его к жизни?

– Да, это правда, как правда и то, что я не позволяла себе ласкать Лохиау, пока не узнала, что ты уничтожила мои рощи лехуа и любимую подругу Хопое.

Эти слова молвила Хииака, и Пеле, грозная богиня вулканического огня, надолго замолчала. Тогда подал голос друг Лохиау:

– Я буду говорить с Пеле. Но кто из вас Пеле? Позвольте, я проведу небольшой опыт. Я возьму каждую из вас, о нимфы, за руку, и сам узнаю, кто из вас богиня.

Он по очереди брал руку каждой из сестер Пеле и прикладывал к своей щеке. А свою вторую руку он приложил к уху, чтобы лучше слышать. Руки сестер Пеле излучали естественное тепло. А потом он взял руку женщины, кожа которой почернела, волосы были цвета углей, а глаза красные. Эта рука обожгла щеку пришельца, а его ухо уловило рокот, издаваемый бушующим пламенем.

– Это Пеле, – сказал он, и поклонился, и воздал ей почести.

Пеле понравился друг Лохиау. А узнав, что Хииака не нарушила своего обещания, она захотела вернуть к жизни Лохиау. Но только один бог, обитавший на далеком Кахики, имел достаточно могущества, чтобы вернуть Лохиау к жизни. Это был Кане-милохаи, брат Пеле.

И Кане-милохаи, пронесшийся над водами на своем каноэ-раковине, нашел дух Лохиау, воплотившийся в птицу. Он поймал ее и принес туда, где лежало тело Лохиау. Он взломал застывшую лаву, поглотившую тело, воссоздал его из сохранившихся фрагментов, вернул внешность, которой до своей гибели обладал Лохиау. После этого он вернул дух в тело.

Случилось так, что Хииака, гуляя там, где снова начали расти молодые деревья лехуа, и радуясь тому, что даже после полного уничтожения жизнь возрождается снова, услышала песню:

Равнины Пуны оделись в алые одежды,
Красные, как кровь сердца, цветы лехуа.
Нимфы кратера сплели сердца в венок,
О, нимфы кратера Килауеа.

Хииака пошла на голос и встретила Лохиау, снова возродившегося к жизни. Вместе с ним она пошла бродить по землям, раскинувшимся у подножия вулкана. Мужчины и женщины населяли эти земли, и боги вулкана больше не внушали ужаса.

МИФОЛОГИЯ ПЕРУ

Виракоча. Пастух лам и солнечная дева

В былые времена мы, народ инков, поклонялись Солнцу. Мы считали его величайшим и самым милосердным из всех существ и называли себя детьми Солнца. По старинным преданиям, мы, так же как и остальные представители человеческой расы, находились в весьма прискорбном положении, пока Солнце не сжалилось над нами и не решило показать нам путь к лучшей жизни. Итак, Солнце, наш господин, посадило двух детей своих – сына и дочь – в лодку на озере Титикака. Оно велело им плыть по воде, пока они не доберутся до мест, где обитают люди. Оно вложило свой золотой жезл в руки сына и велело ему отвести людей туда, где этот жезл, брошенный на землю, уйдет глубоко в нее.

И дети Солнца, нашего великого и милосердного повелителя, поплыли по водам Титикаки. Они пристали туда, где в те далекие дни жили предки наших отцов. Там, где мы живем сейчас, выросли города и деревни; мы видим сбегающие со склонов гор реки, орошающие наши поля и сады, мы видим стада лам, пасущихся на зеленой траве вместе со своими ягнятами, – их очень много, этих стад. Но в те дни там, где жили люди, были только непроходимые заросли или голые камни; у нас не было лам, не было богатых урожаев, мы не знали, как отвести воду для орошения посевов. У нас не было деревень, не было городов, не было храмов. Мы жили в горных расщелинах или в землянках. Наши тела были прикрыты листьями или корой, иначе нам пришлось бы днями и ночами оставаться нагими, даже в лютый холод. Мы ели корни, которые доставали из земли, или боролись с лисами за мертвую добычу, которую они спешили утащить в свои норы. Нами никто не правил, и мы ничего не знали о доброте, которую необходимо проявлять друг к другу.

Из своей лодки на озере Титикака вышли к людям дети Солнца. Они собрали нас вместе и стали править нами, они показали нам, как жить семьями и иметь детей, как узнавать предводителей и подчиняться им. Научив нас всему этому, они увели нас из тех мест, где нас нашли.

Часто тот, кто был сыном нашего великого господина – Солнца, – бросал жезл на землю, по которой мы шли. Иногда жезл отскакивал от земли, иногда немного погружался в нее. Бывало, он даже уходил в землю на половину своей длины. И наконец, мы пришли на то место, где жезл, брошенный на землю тем, кто был сыном великого Солнца, ушел в нее на всю длину, осталась видна только верхушка. Там мы и остались, вернее, там остались наши предки, потому что нас отделяет много поколений от тех мужчин и женщин, которые шли за детьми Солнца.

Они показали нам, как сеять зерно в плодородную землю, как отводить воду с холмов, чтобы она поливала наши поля и деревья. Они показали нам, как приручить лам, как ловить их и делать домашними животными. Они показали нам, как брать их шерсть и ткать ткани, из которых можно делать одежду. Они также показали нам, как красить ткани, чтобы наша одежда выглядела нарядной под лучами солнца. Они показали нам, как обрабатывать золото и серебро, как изготавливать сосуды из глины и как наносить на них изображения. Они показали нам, как строить деревни, города и храмы... И еще они научили нас подчиняться тем, кто остался править нами, инками.

Потом те двое, кто были сыном и дочерью Солнца, покинули нас. Прежде чем уйти от нас, они сказали, что их великий отец – Солнце – считает и нас своими детьми. Так мы, народ инков, стали детьми Солнца. Кроме того, они сказали нам: «Наш отец, Солнце, делает добро всему миру; он дает свет, чтобы люди могли видеть все, что происходит вокруг; он согревает людей, когда им холодно; он помогает созревать нашим посевам; он увеличивает стада лам; он приносит росу на землю. Солнце, наш отец, каждый день обходит вокруг земли, чтобы узнать, в чем нуждаются люди, и помочь им обрести необходимое. И вы будьте, как Солнце, дальновидными и постоянными в своих занятиях. Принесите поклонение Солнцу во все племена, живущие в темноте и невежестве».

Итак, те двое, которые были сыном и дочерью Солнца, покинули нас навсегда. Но теперь мы знали, что тоже являемся детьми Солнца. Мы учили поклоняться ему другие племена, приносили им знание о его величии и милосердии. Мы возвели в его честь великий храм. И дочери инков сотнями становились его преданными служанками – солнечными девами.

И все же были среди нас те, кто имел другие мысли о небесах и о том, что на них происходит.

– Разве Солнце не следует по пути, указанному ему другим существом? – сказал один из инков.

– Разве Солнце не похоже на стрелу, выпущенную человеком? – вторил ему другой. – Оно скорее как лама, которой руководит человеческая воля, чем свободное существо. Разве оно не позволяет облакам затмевать свое сияние? И к тому же оно никогда не отдыхает.

Так наши люди беседовали между собой, и те, кто это говорил, упоминали имя. Это имя было Виракоча. И они произносили слова из ритуалов, известных народу этой земли до прихода инков. Они восклицали: «О, великий Виракоча! Ты даешь жизнь и мужество мужчинам, говоря «пусть это будет мужчина», и женщинам, говоря «пусть это будет женщина». Ты создаешь их и даешь им жизнь. Так следи же за ними, чтобы они жили в мире и благополучии. Ты, живущий высоко в небесах среди грозных облаков, дай им долгую жизнь и прими эту жертву, о создатель!» Так молились жрецы той земли до того, как туда пришли наши отцы.

Они утверждали, что именно Виракоча создал солнце и луну. Они говорили, что вначале солнце было не ярче луны и что оно в зависти стало бросать пепел в лицо луны, чем и затмило ее первоначальную яркость. И еще они рассказывали, что Виракоча может заставлять обширные террасы из скал и глины давать богатые урожаи. Также он легко изменял течения рек, заставляя их течь на террасы и орошать поля и сады, для этого ему нужно было всего лишь ударить о землю пустотелой тростью, которую он всегда носил с собой.

Теперь же, хотя Виракоча, безусловно, велик и могуч, он скрылся от людей и вернулся жить среди богов в облике нищего. Никто не узнал в нем Виракочу, творца всего сущего. Однажды он увидел богиню Кауй Льяку, которая сидела под деревом лукма среди ягнят лам и ткала шерсть белой ламы. Он увидел ее и подошел к ней. Он оставил рядом с ней спелый фрукт. Она съела фрукт и понесла ребенка от Виракочи.

Когда ребенок родился, родители матери и ее друзья сказали: «Ты должна узнать, кто его отец. Пусть все живущие недалеко от дерева лукма придут, и пусти ребенка ползать среди них. Мужчина, к которому он подползет и тронет рукой, и будет его отцом».

Кауй Льяка снова села под деревом лукма, и ее ребенок был с ней. Все, кто жил неподалеку, пришли на это место, и среди них был Виракоча в облике нищего. Все собрались вокруг Кауй Льяки и ее малыша. Ребенок начал ползать среди людей. Он подполз к Виракоче, протянул руку и коснулся его нищенских одежд.

Кауй Льяка стало очень стыдно перед другими богами. Она подхватила ребенка, прижала к груди и убежала. С ребенком на руках она устремилась к берегу океана. Виракоча облачился в свои великолепные одежды и поспешил за ней. Он шел и повторял: «О, богиня, обернись, взгляни на меня! Посмотри, я велик и блистателен!» Но только богиня не оборачивалась. Глядя прямо перед собой, она убежала прочь.

Ви́ракоча отправился искать их. Пробираясь горными тропами, он встретил кондора, и кондор полетел вместе с ним и стал утешать его. Ви́ракоча благословил кондора и дал ему долгую жизнь и силу, позволяющую преодолевать огромные пространства и взлетать над высочайшими горными вершинами. Также он даровал ему право охотиться на других живых существ. Потом Ви́ракоча встретил лису, но та посмеялась над ним и предрекла неудачу в поисках. Он проклял лису и обрек ее охотиться только по ночам и становиться желанной добычей для людей. Он встретил пуму, и пума пошла с ним и стала утешать его. Он благословил пуму, сказав, что она будет принимать почести от людей. Спускаясь по другому склону горы, Ви́ракоча увидел стайку попугаев. И попугаи выкрикнули слова, которые были дурным знаком. Он проклял попугаев, сказав, что люди никогда не станут их уважать. Но он благословил сокола, который полетел вместе с ним к берегу океана.

Добравшись до берега, Ви́ракоча обнаружил, что Кауй Льяка и ее ребенок погрузились в воду и превратились в скалы. Тогда Ви́ракоча, отдавшись горю, остался на берегу.

Там жили две девы, дочери Урпихуачак. Их охраняла змея. Ви́ракоча покорил змею своей мудростью, и она позволила ему подойти к дочерям Урпихуачак. Одна из них убежала и стала голубкой. Но другая стала жить с Ви́ракочей. Морская дева показала Ви́ракоче, где ее мать держит всех рыб. Они были собраны в пруду и не могли распространиться по водам мирового океана. Ви́ракоча разрыл берега пруда и позволил рыбам расселиться по рекам, морям и озерам. Так он дал людям рыбу в пищу.

Ви́ракоча жил среди людей и научил их множеству ремесел. Именно он, как утверждают жрецы тех, кто жили на землях до прихода инков, показал людям, как отводить воду рек для орошения полей, он же научил их строить в горах террасы, на которых будут шуметь поля. Он воздвиг огромный крест на горе Каравай. И когда прокричала птица, которая четыре раза кричит на рассвете, и первый луч упал на поставленный им крест, Ви́ракоча ушел от людей. Он спустился к морю и направился на запад. Но он обещал тем, кого оставил, что будет направлять к ним своих посланцев, которые будут защищать их и помогать в освоении новых знаний. Он покинул людей, но они все еще помнят песни, которые пели те, кого он оставил в горах у креста:

О, услышь меня,
Высоко в небесах,
Где ты, быть может, живешь,
Или в глубине моря,
Где ты, быть может, живешь,
Творец мира,
Создатель людей,
Властелин всех властителей.
Мои глаза подводят меня,
Не дают разглядеть тебя,
Мое единственное желание – знать тебя.

ПАСТУХ ЛАМ И СОЛНЕЧНАЯ ДЕВА

Жил-был пастух лам, молодой человек, игравший на флейте, пока его стадо мирно щипало траву. В его стаде были только белые ламы, и многие из них имели маленьких ягнят. Рядом с тем местом, где паслось его стадо, находился дом солнечных дев. Обитательницы этого дома часто разбредались по окрестностям, а две из них любили прятаться за скалами и слушать музыку молодого пастуха.

Однажды пастух, имя которого было Аройя-Напа, взглянул вверх и увидел двух солнечных дев, стоящих у двух источников. Что он мог подумать? Конечно, что эти прекрасные девы – духи этих источников. Он подошел к ним и преклонил пред ними колени, а они протянули ему руки для поцелуя. Тогда он узнал, что перед ним создания из плоти и крови, что они инки и являются девами, посвятившими себя служению Солнцу.

Пастух снова заиграл на флейте, и одна из девушек почувствовала, что в ее сердце вошла любовь – любовь к юноше, который пас лам. Ее звали Чуки-ланту, что означало Тень Копья. Когда же ее спутница собралась возвращаться в дом солнечных дев, та никак не могла заставить себя последовать за ней. Она хотела получить что-нибудь, принадлежащее пастуху, на память о нем. И она получила серебряную пластину, которую он носил на челе своем, на которой были изображены две фигуры, съедающие сердце.

Только тогда Тень Копья вернулась в дом солнечных дев. Когда они вошли в дверь, их тщательно осмотрели – таков был порядок. Была осмотрена их одежда и личные вещи, чтобы ничего неподобающего не попало в дом солнечных дев.

Там, где спала Тень Копья, было четыре фонтана. Она лежала в постели, думала о пастухе лам, о серебряной пластине, которую она получила в подарок и которая теперь украшала ее чело. Девушка поняла, что изображение на этой пластине вполне можно отнести и к ней, потому что теперь ее сердце съедается двумя фигурами. Она спала и во сне видела птицу, летающую между двух деревьев и издающую жалобные крики. Во сне она заговорила с птицей – это был чеколло, – и та сказала, что она тоже горюет о том, от чего нет спасения, от любви, которую солнечная дева испытывает к юноше, пасшему лам.

Птица сказала, что девушка должна встать с постели, сесть между фонтанами и пропеть свои самые сокровенные мысли. Если фонтаны отзовутся, она получит лекарство. Тень Копья встала, расположилась между четырьмя фонтанами и запела о сердце, съедаемом двумя фигурами. Фонтаны отозвались, и их голоса успокоили ее. Всю ночь она сидела, пела и слушала песни фонтанов.

У того, кто пас лам, была мать, которая жила в горах. Она обладала опытом и мудростью. Во сне ей привиделся сын, и, лишь только рассвело, она заторопилась туда, где он пас свое стадо. Когда мать подошла, он спал, и она заметила на лице его следы слез. Юноша проснулся. Мать спросила, где серебряная пластина, которую он всегда носил на лбу. Он ответил, что подарил ее, и рассказал кому. И женщина гор поняла, что ее сын влюбился в принцессу, которой суждено было стать жрицей Солнца.

Стоя перед хижинкой, женщина увидела Тень Копья и ее спутницу. Они приближались к стаду лам. Она велела сыну оставаться на месте и накрыла его плащом, который принесла с собой, – волшебным плащом. После этого она ушла в горы. Она собрала травы, бросила их в источник и сварила их. А когда подошли две принцессы, она, стоя на коленях, подала им приготовленные ею травы.

Они попросили разрешения войти в хижину; они осмотрели хижину и местность вокруг. Тень Копья хотела увидеть юношу, о котором мечтала, а ее спутница следовала за ней. Но они не увидели пастуха. Они увидели плащ, расстеленный на кровати, но под ним никого не оказалось. Благодаря колдовству женщины гор ее сын вошел в плащ и теперь был его частью.

Тень Копья пришла в восторг от мягкости ткани и ее цвета. Женщина гор рассказала, что этот плащ ей подарила возлюбленная самого великого бога Пачакамака. Тень Копья, думая, что ей никогда больше не придется увидеть юношу, который так прекрасно играл на флейте, попросила у женщины этот плащ. Она хотела иметь вещь, прикасающуюся к телу ее недостижимого возлюбленного.

Женщина гор отдала ей плащ, и Тень Копья и ее спутница понесли его вместе. Они пришли в дом солнечных дев. Стражники, как обычно, остановили их и внимательно осмотрели все принадлежавшие им вещи, чтобы ничего неподобающего не попало в дом солнечных дев. Потом их пропустили внутрь.

Тень Копья, как и прежде, легла на свою кровать. Плащ она положила рядом. Через некоторое время она встала, села у фонтанов и запела о двух существах, съедающих ее сердце. Фонтаны не отозвались, и она горько расплакалась. Затем она оглянулась туда, где оставила плащ, и что это? Теперь в плаще кто-то был! Это был он, юноша, которого она полюбила и который ответил ей тем же.

Двое влюбленных провели вместе всю ночь, и фонтаны пели им прекрасные песни. Утром они украдкой выбрались наружу. Но не все стражники спали. Один бодрствовал. Он заметил влюбленную пару и устремился в погоню. Тень Копья и ее спутник бросились в горы. Но теперь их преследовали уже все стражники солнечных дев. Им не удалось уйти в безопасное место, потому что Солнце превратило их в камни, и эти камни до сих пор стоят между Калька и Гуаиллапампа.

МИФЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И МЕКСИКИ

Начало. Близнецы-герои и властители Шибальбы. Кецалькоатль. Враг Кецалькоатля. Боги ацтеков. Ацтеки

В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание. Один был Тепеу, один был Кукумац, они были одни в бесконечных водах. Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями. Была только бескрайность неба и спокойствие вод. Ничто не соединялось ничем, ничто не было устойчивым, ничто не стояло прямо. Все было тихо и неподвижно, спокойно и безгранично. По природе своей Тепеу и Кукумац были большими мудрецами и большими мыслителями. Они размышляли и советовались. А потом они ощутили присутствие его, который есть Сердце небес, который звался Хуракан. И пришло его слово. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац услышали его. «Пусть это и это будет сделано, – услышали Тепеу и Кукумац. – Так пусть это свершится! Пусть воды отступят и образуют пустоту, пусть появится земля и будет прочной; и на ней будет произрастать зерно. Но не будет ни славы, ни величия в этом нашем труде, пока не будет создано человеческое существо, наделенное разумом, от которого мы будем получать славу и почести». «Земля!» – воскликнули боги, и немедленно она была сотворена. Затем, словно гигантские лобстеры, горы появились из воды. Немедленно кипарисовые и сосновые рощи пустили побеги на поверхности земли. И тогда Кукумац исполнился радости. Он приветствовал Хуракана, назвал знаки того, кто был Сердцем небес, молнией в небесах, вспышкой молнии и громом. Были созданы земля, горы и долины; был указан путь водным потокам, ручьи стали свободно бежать у подножия холмов и между ними.

Затем они создали малых диких животных, лесных человечков, духов гор, оленей, птиц, пуму, ягуаров, пресмыкающихся, змей, ехидн, хранителей лесных чащ. Им были указаны их места на земле, в воде и в воздухе. «Ты, олень, будешь спать в полях, на берегах рек и в ушельях. Ты будешь бродить среди кустов, среди трав; в лесах ты будешь умножаться; ты будешь ходить на четырех ногах, и они будут тебя поддерживать. Так да будет сделано!» И пуме, и опоссуму, и койоту, и дикобразу, и пекари они тоже определили среду обитания. Затем они назначили также жилища на земле и в воде птицам, большим и малым, и рыбам. Но только создания ничего не отвечали своим создателям. Они рычали, пищали, щелбтали, ревели или визжали. Тогда боги сказали: «Те, кого мы создали, не могут произнести наше имя. Это нехорошо». Они обратились ко всем созданиям и молвили: «Вы не прославляете нас, но должны быть те, кто смогут произнести наши имена и исполнить нашу волю. Что же касается вас, ваша плоть будет разрушаться и перемалываться зубами».

Итак, создания разошлись по земле, каждая пара – на отведенное ей место, а боги стали размышлять над созданием тех, кто станет их поддерживать и прославлять. И они создали тех, кто стоял прямо на двух ногах, они сделали человеческую фигуру из мокрой глины. Но они увидели, что это получилось неудачно. Люди из глины не могли поворачивать головы, они не могли двигаться по собственной воле и плохо видели. Они могли говорить, но разума у них не было, потому не было и смысла в произносимых ими словах. И боги разломали глиняные фигуры, разрушили свое творение, и глиняных людей на земле не стало.

Тогда боги создали фигуры из дерева. Они имели лица, говорили и могли двигаться по собственной воле. Боги дали им возможность размножаться, и они умножались; они имели дочерей, они имели сыновей, эти деревянные фигуры, и их потомство тоже было деревянным. Деревянных людей становилось на земле все больше и больше.

Но они не имели ни души, ни разума, ни памяти, они говорили, но лица их не имели выражения; их ноги и руки не имели силы; они не имели ни крови, ни сукровицы, они не имели ни пота, ни жира. Щеки их были сухими, их ноги и руки были сухими, а плоть их была трухлявой. И боги решили уничтожить эту расу деревянных людей.

Потоп был вызван богами, был устроен великий потоп, который пал на голову деревянных созданий. Лик земли потемнел, и начал падать черный дождь; ливень днем и ливень ночью. Многие деревянные люди утонули. Тех же, кто не утонул, атаковали гигантские летучие мыши и совы, они терзали тела божественных творений своими крепкими клювами. Видя, как на людей нападают летучие мыши и совы, животные, большие и маленькие, тоже последовали их примеру. Люди пытались спрятаться в домах, но дома рушились, они хотели спрятаться в пещерах, но те закрывались перед ними. Свои же собаки кусали их, свои куры клевали, даже их горшки и прочая кухонная утварь ополчились на своих хозяев. И все начало говорить: их глиняные кувшины, их сковородки, их тарелки, их горшки, их камни, на которых они растирали кукурузные зерна, – все, сколько их было, поднялось против людей.

– Вы сделали нам много дурного, вы ели нас, а теперь мы убьем вас, – сказали домашние птицы.

А зернотерки сказали:

– Вы мучили нас каждый день; каждый день, ночью и на заре, все время наши лица терлись друг о друга и говорили: «холл-холи, хуки-хуки из-за вас». Вот какую дань платили мы вам. Но теперь вы, люди, наконец-то почувствуете нашу силу. Мы измелем вас и разорвем вашу плоть на кусочки.

А в это же самое время их сковородки и горшки говорили им:

– Страдания и боль причинили вы нам. Наши рты почернели от сажи, наши лица почернели от сажи; вы постоянно ставили нас на огонь и жгли нас, как будто бы мы не испытывали никаких мучений. Теперь вы почувствуете это, мы сожжем вас.

Пришедшие в отчаяние деревянные люди побежали в лес так быстро, как только могли. Некоторые сумели вскарабкаться на деревья. Те, кому это удалось, уцелели и стали маленькими обезьянками, потомки которых до сих пор живут в наших лесах. И снова задумались боги о создании людей, снова стали совещаться друг с другом. Они сошлись вместе в темноте и в ночи, искали и обсуждали, размышляли. Они послали ворону и койота за веществом, которое росло в месте раздела вод. Ворона и койот принесли это вещество. Это были желтые початки кукурузы и белые початки кукурузы^[42]. Боги размолотили кукурузу, они смешали ее с кровью тапира и змеи, которых ворона и койот тоже доставили им. Великая Мать и Великий Отец богов сделали девять напитков, и напитки, соединившись с веществом, образовали мускулы и сухожилия. Люди из кукурузы стояли прямо, они видели, слышали и имели разум, чувства и ощущения. Четверых людей создали боги и дали им имена. Вот они: Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах, Ики-Балам. Таковы имена наших далеких предков.

Боги увидели, что, когда первые люди подняли голову, их взгляды устремились на то, что было перед ними. Ничего не укрылось от них: они знали все. «Нехорошо, – сказали боги, – эти создания не просты, они будут соперничать с нами, своими создателями». Кукурузные люди поблагодарили богов, сказав: «Мы говорим, мы понимаем, мы думаем, мы ходим, мы видим все, что далеко от нас, и то, что близко, мы понимаем вещи большие и малые, и наш взор охватывает и небеса, и землю». Но только все ими сказанное не было приветствием Тепеу, Кукумацу и Хуракану. Тогда Сердце небес выдохнул облако перед первыми людьми, и их взор затуманился. Они видели, но видели не слишком хорошо то, что далеко от них, и то, что очень близко. Их зрение и их мудрость стали маленькими – такими, как у нас.

Были созданы для них женщины. И они появились во время сна первых мужчин. Их женщины находились рядом, когда они пробудились, и сердца их мгновенно были наполнены радостью при виде их жен. У них родились дети, и раса людей начала размножаться.

Они возносили молитвы Творцу, Создательнице и Сердцу небес. Они молились о том, чтобы им были даны дети, чтобы в мир пришел свет. В то время, когда на земле появились первые люди, в небе не было солнца.

В Тулан-Суйва, месте семи пещер и семи ущелий, им были даны боги – бог для каждого клана. Тохиль был богом, данным Балам-Кице. Тохиль подарил клану Балам-Кице огонь. И когда первый огонь был погашен внезапным дождем, он снова дал им огонь, топнув ногой. Люди из других кланов приходили в тот клан, где богом был Тохиль, и, стуча зубами от холода, просили огня. Но им не давали огня, и они удалялись, а их сердца были исполнены страданием. В те дни солнца не было, и ничто не давало земле тепло.

Люди пришли в уныние, тщетно ожидая появления солнца. Они ждали появления утренней звезды, предвещающей первый восход солнца, но звезды все не было. И тогда первые люди решили, что отправятся в то место, которое зовется «местом восхода солнца».

Когда они отправились туда из Тулан-Суйва, им крикнула птица:

– Вы все умрете! Вы все умрете! Я ваш вестник! Вы мне верите?

Но первые люди шли вперед, не слушая криков птицы, которая звалась «стражем ущелий». Они шли дальше, и им стала пророчить сова. Она сказала:

– Вы умрете! Вы заблудитесь!

Но первые люди пошли дальше, не обращая внимания на предостережения совы. Тогда закричал попугай:

– Вы умрете! Вы заблудитесь!

Но первые люди ответили попугаю:

– Ты кричишь весной, дождь перестал, вот ты и разоряешься. Для нас ты не пророк.

Они вышли на берег моря, но не могли переправиться через него. Тогда они положили посох, который один из них взял, выходя из Тулан-Суйва, на песок. И воды расступились, и первые люди перешли море. На своем пути они встретили того, кого называют Закикоксоля.

– Кто эти дети, идущие сюда? – закричал он. – Кто вы? Как смее вы попадаться на моем пути?

А первый человек ответил:

– Не убивай меня! Я, который пришел сюда, – горящее сердце леса.

Первые люди дали ему одежду, они дали ему кроваво-красную кирасу, кроваво-красные башмаки.

Они прошли мимо места, которое охранял Закикоксоля, и пришли к месту солнечного восхода. Они воскурили фимиам. И увидели утреннюю звезду. Они увидели ее, и, поднимаясь по небу, она становилась все величественнее и великолепнее. А потом они увидели рассвет. Появилось солнце, и все животные, большие и малые, потянулись к нему, согрелись в его ласковых лучах. Солнце тогда было не такое огромное и яркое, как сегодня. Оно было небольшое, бледное и покрытое тенью. И все же оно высушило влагу, пропитавшую землю, и сделало ее более пригодной для существования.

Когда появилось солнце, первые великие звери – первый ягуар, первая пума, первая змея, а также боги кланов превратились в камень. Тохиль, Авилиш и Хакавиц почувствовали, что их руки твердеют, словно ветви деревьев. А потом и все остальные части их тел превратились в камень. Если бы первые звери остались на земле, все сотворенное было бы ими уничтожено, а боги, превращенные в камень, сделали бы жизнь людей очень тяжелой.

Итак, первые люди, четверо братьев, пришли на гору Хакавиц. Они видели гору, освещенную солнцем, луной и звездами. И все же им было жаль тех, кто остался позади. «Мы увидели солнце, – говорили они, – но где все они теперь, когда пришел день восхода?» И еще они говорили: «Мы уходим, наша работа сделана, наши дни завершены». С этими словами четверо братьев ушли в горы, и никто никогда не видел их следов.

БЛИЗНЕЦЫ-ГЕРОИ И ВЛАСТИТЕЛИ ШИБАЛЬБЫ

В Шибальбе, земле, куда опускается солнце, стране, чьи властители – правители мертвых, росло дерево, которое было запретным деревом; никому не разрешалось подходить к нему. Листья этого дерева были темными и широкими, плоды – круглыми и тяжелыми; они росли на ветвях, как тыквы. Как-то раз принцесса Шибальбы сказала:

– Почему я не должна подходить к этому дереву? Его плоды, наверное, очень ценные. – И она направилась к дереву.

Среди фруктов, которые свисали с ветвей, была голова человека. И когда принцесса Шибальбы (ее звали Шкик), стоя под деревом, сказала: «Неужели я умру, если сорву плод?», она услышала голос, который велел ей подойти поближе. Он шел от головы, которая висела среди широких темных листьев. Голос произнес:

– Круглые глыбы, которые висят на ветках среди листьев, – это не что иное, как черепа и мертвые головы. Я еще не такой, как они. Протяни вперед руку!

Принцесса протянула руку между ветвей и среди листьев, и голова плюнула ей в ладонь.

– Теперь ты понесешь мое потомство, – удовлетворенно проговорила голова. – Больше я не стану разговаривать. А ты беги со всех ног отсюда в верхний мир, туда, куда я тебе скажу.

Принцесса спустилась под деревом, и голос объяснил ей, какому человеку принадлежала голова и куда ей идти на земле.

Жили на земле два брата, которых звали Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Они были большими мастерами в игре в мяч. Властители Шибальбы слышали об их игре и послали сов-людей, чтобы те позвали братьев поиграть в мяч в нижнем мире. Братья согласились. Они спустились вниз по отвесному спуску; они пересекли реку, текущую в глубоком ущелье; они пересекли кипящую реку и реку крови; и подошли они к четырем дорогам – красной, черной, белой и желтой. «Я – дорога к царю», – сказала черная дорога и привела братьев туда, где на тронах восседали две фигуры. Братья приветствовали их, но не получили ответа и только услышали презрительный смех властителей Шибальбы. Тогда они увидели, что фигуры из дерева, и устыдились. Началась игра; братья со злостью играли против властителей Шибальбы. Когда дневная игра завершилась, их отвели туда, где они могли отдохнуть. Но места, куда им предложили сесть, оказались раскаленными камнями. Братья с криками вскочили и ушли прочь.

Тогда властители Шибальбы отвели их в дом мрака, чтобы они смогли там провести ночь. Им в руки были даны факелы, но было сказано, чтобы рукоятки не почернели, когда братья утром предстанут перед властителями Шибальбы. Никто не объяснил им, как выполнить этот приказ. Они провели лишь очень короткое время в доме мрака, когда факелы догорели, и братья остались с почерневшими рукоятками в руках.

Когда игроки на следующий день вновь предстали перед властителями Шибальбы, им было сказано:

– Ваши факелы не такие, как мы приказали.

– Но факелы догорели! – возмутились братья.

Однако властители Шибальбы не приняли этот факт во внимание и принесли братьев в жертву. Их головы были повешены на дерево, к которому было запрещено приближаться. В голове Хун-Хун-Ахпу еще теплилась жизнь, когда к дереву подошла принцесса Шкик.

После того как принцессу там обнаружили, она тоже была обречена на жертвоприношение. Люди-совы были посланы, чтобы убить ее. Но принцесса обманула их. Совы отнесли властителям Шибальбы толстый кусок сорняка, по форме напоминающий сердце; он имел запах крови, и властители Шибальбы были удовлетворены.

А принцесса отправилась в верхний мир, откуда пришли братья. Она шла очень долго, и, когда очутилась на пороге дома матери Хун-Хун-Ахпу, пришло ей время разрешаться от бремени. Ее приняли плохо. Женщина не пожелала признать ее невесткой, а два ее сына подняли Шкик на смех. Женщина, мать Хун-Хун-Ахпу, сказала, что, прежде чем ей дадут крышу над головой, она должна собрать кукурузу в поле. Шкик отправилась в поле. Кукуруза уже была срезана и свалена большой грудой. Принцессе велели собрать кукурузу, не трогая ту, которая в груди. Когда же девушка пошла по полю, кукуруза выросла, и она собрала то, что ей нужно. Увидев, что Шкик явно помогают боги, мать Хун-Хун-Ахпу взяла ее в дом.

У нее родились близнецы, которые были мудрыми с самого рождения. Их бабушка знала, что они станут великими героями и великими волшебниками. Но дяди насмеялись над детьми и хотели их уничтожить. Их дядями были Хун-Бац и Хун-Чоуэн; они знали все искусства и ремесла, которые существовали в мире: они были певцами и умели играть на флейте, они были художниками и скульпторами, ювелирами и кузнецами. Они также были прекрасными стрелками из духовых трубок. И они были жестокими и злыми врагами детей Шкик.

Дяди не желали, чтобы юноши стали мужчинами, героями и волшебниками, чьи дела превзошли бы их собственные. Они завели детей в лес и хотели принести их там в жертву. Но мальчики превратили злых дядей в обезьян; так они и остались жить на деревьях. Но даже в облике обезьян они почитаются певцами и музыкантами, художниками и скульпторами, ювелирами и кузнецами.

После этого близнецы (их звали Хун-Ахпу и Шбаланке) сделали для себя волшебные инструменты и с их помощью очистили поле, повалили деревья, уничтожили сорняки. Инструменты работали сами, а братья в это время охотились. Когда они вернулись вечером, поле было полностью готово к посеву. Когда же они на следующий день вышли из дома, оказалось, что деревья и сорняки растут на том же месте. Они снова оставили волшебные инструменты работать, а сами отправились на охоту. Вернувшись, они снова увидели готовое к пахоте поле. Всю ночь они не спали и даже не заходили в дом. Они наблюдали за полем, чтобы увидеть собственными глазами, что там происходит. И они увидели, что, когда наступила темнота, в поле вышли животные: там были пума и ягуар, заяц, крыса и опоссум, олень, койот, дикобраз и пекари и еще много-много птиц. Они призвали поваленные деревья и уничтоженные сорняки снова вырасти и зацвести. Они подняли срубленные стволы и поставили их на пни, они соединили разорванные стебли сорняков и посадили их в землю. Все это они проделали на всем поле, и, когда наступил рассвет, работа волшебных инструментов была полностью уничтожена.

Братья стали преследовать птиц и зверей. Птицы улетели высоко в небо, а звери быстро разбежались. Им удалось поймать только оленя и кролика за длинные хвосты. Животные вырвались, оставив свои хвосты в руках братьев. У оленя и кролика хвостов нет по сей день. Единственным животным, которого братьям удалось поймать и удержать, была крыса. Крыса попросила пощады и обещала открыть братьям великий секрет, если они сохранят ей жизнь.

Братья сохранили ей жизнь, и крыса сказала, где их бабушка прячет мяч, рукавицы и кольцо, которыми пользовались их отец и дядя, когда играли в мяч. Бабушка действительно убрала эти вещи с глаз долой, опасаясь, что близнецы их найдут и станут игроками, как их отец и дядя, и тоже погибнут. Мальчики нашли все эти вещи и стали играть в мяч. Скоро они забыли обо всем, кроме игры.

Они принялись ородить по миру, играли в мяч с самыми разными людьми и слышали о земных великанах. Их было трое, причем все трое были заносчивыми и хвастливыми. Они не уважали богов, и один из них мог сказать: «Солнце – это я», другой вторил ему: «Земля – это я», а третий утверждал, что может сотрясти небеса и перевернуть землю. Близнецы, услышав про такую дерзость, решили отложить свою игру в мяч до тех пор, пока не освободят землю от этих чудовищ.

Первым был Вукуб-Какиш. Каждый день он объявлял: «Я стою выше всех созданий; я их солнце; я их луна; я их рассвет. Мои глазные яблоки из серебра, а зубы сияют словно полуденное небо. Мои ноздри как луна. Из серебра сделан трон мой, и земля живет, когда я ступаю по ней. Я – солнце, я – луна, я – носитель всех приятностей». Все это он говорил, подходя к дереву, на котором произрастали плоды, питавшие его; обычно он наведывался туда на рассвете. Чудесным было дерево, принадлежавшее Вукуб-Какишу.

Братья пришли к дереву. Они спрятались в ветвях. Когда великан приблизился, Хун-Ахпу выстрелил в него из духовой трубки. Стрела пробила челюсть Вукуб-Какиша. Великан поднял руки, поймал Хун-Ахпу, сидевшего в ветвях, и оторвал ему руку. Ревя от боли, великан вернулся домой и принес трофей – руку Хун-Ахпу.

Теперь перед близнецами встала новая задача – вернуть оторванную руку. Они изменили облик и отправились в дом великана, представившись лекарями. Они сразу заметили руку Хун-Ахпу, висящую над огнем. Туда ее определила жена великана, которая как раз произносила над ней заклинания, чтобы рука засохла и никогда не смогла соединиться с телом. В доме были слышны крики – это страдал от боли в челюсти Вукуб-Какиш.

Близнецы сказали, что смогут вылечить великана.

– Ты испытываешь боль не оттого, что в тебя попала стрела из духовой трубки, а потому, что в твоих зубах поселились черви. Мы вырвем твои зубы, и с твоей челюстью все будет в порядке.

– Только благодаря своим зубам я являюсь царем, – возразил великан. – Вся моя красота только от сияющих зубов и глазных яблок.

– Мы вставим тебе другие зубы, которые будут сиять еще сильнее, – пообещали братья.

Великан согласился и позволил братьям привязать себя к корням деревьев. Они вырвали его зубы, они содрали серебро с его глаз, и Вукуб-Какиш умер там, где был привязан.

Они утащили руку Хун-Ахпу прямо из-под носа колдующей над ней жены великана. Рука еще не успела высохнуть и легко соединилась с телом Хун-Ахпу. И братья направились ко второму великану.

Этого звали Сипакна. Время от времени он развлекался тем, что тряс землю, от чего рушились дома людей. Близнецы пришли к нему в компании с другими юношами. Они обманом завлекли Сипакну в большую и глубокую яму. После этого Хун-Ахпу, Шбаланке и все, кто были с ними, завалили яму деревьями. Через некоторое время великан перестал шевелиться в яме. Они насыпали сверху камни, построили на них большой дом, где и отпраздновали смерть Сипакны, великана, который заставлял землю дрожать. Но пока они веселились, Сипакна встал в яме. Он повалил дом и зашвырнул сотни молодых людей, помогавших братьям, высоко в небо. Там они и остались, став четырьмя сотнями звезд.

Но великану не удалось поймать Хун-Ахпу и Шбаланке. И когда он, утомившись, удалился, братья пошли по его следам, размышляя, как можно его убить. Сипакна любил поедать огромных крабов, которые в изобилии водились в море. Братья сделали краба из дерева – самого большого краба, которого когда-либо видели в мире. Они поместили творение своих рук в глубокое ущелье, после чего, приняв облик охотников, пришли к Сипакне. Они сказали, что во время охоты заметили краба, который был так велик, что они даже испугались подойти поближе. Великан отправился посмотреть. Глубоко в ущелье он увидел то, что ему показалось самым большим в мире крабом, и он полез вниз. Когда великан спустился глубоко в ущелье, близнецы обрушили на него гору, потом еще одну и еще... Горы были так тяжелы, что даже такой могучий великан, как Сипакна, не смог вылезти из-под них. Так близнецы-герои уничтожили второго великана.

После этого близнецы снова отправились бродить по миру, играя в мяч и вызывая других на игру. Они повстречали третьего из надменных великанов – Кабракана. Он продирался сквозь непроходимые леса и заставлял небеса содрогаться. Братья нашли его в логове на земле.

– Как ты силен, о Кабракан, – сказали они. – Мы слышали, что ты можешь сдвигать горы, даже такие огромные, как эта.

– Я сдвину ее на ваших глазах, – ответил великан.

– Тебе надо сначала поесть, – предложили братья. – Давай мы уьем и приготовим для тебя птицу.

Великан не отказался. Близнецы убили большую птицу и вырыли яму, чтобы приготовить ее. Но только они добавили яд в глину, которой обмазали птицу. Кабракан с нетерпением поджидал еду. Он с жадностью сожрал птицу, обглодал все кости и встал, чтобы продемонстрировать свою силу. Но едва он взялся рукой за гору, как рухнул мертвым у ее подножия.

Так близнецы-герои Хун-Ахпу и Шбаланке уничтожили трех великанов, которые мешали людям жить на земле. Но властители подземного мира внимательно следили за их передвижениями и за игрой в мяч. «Кто эти двое, – спрашивали они друг друга, – так прекрасно играющие в мяч? Разве высохшие головы Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не висят на ветвях нашего дерева?» И властители подземного мира приказали своим посланцам – совам вызвать братьев на игру в Шибальбу.

Близнецы спустились в Шибальбу. Они долго шли вниз по крутому спуску; они пересекли реку, текущую в глубоком ущелье; они пересекли кипящую реку и реку крови; и подошли они к четырем дорогам, которые были красная, черная, белая и желтая.

Братьям приходилось слышать от матери и от бабушки, как властители Шибальбы встретили их дядю и отца, поэтому они решили употребить все свое умение, чтобы победить их. Поэтому, когда черная дорога сказала, что именно она ведет к царям, братья сначала не пошли по ней. Они взяли насекомое, называемое шаном^[43], и послали его вперед по дороге. Шан увидел статуи, сидевшие на троне, попробовал их укусить, но они не пошевелились. Тогда он отправился туда, где стояли другие, ужалил каждого в ногу, и каждый издал крик.

– Что это, Хун-Каме? – спросил первый.

– Что это, Вукуб-Каме? – спросил второй.

Так были произнесены вслух имена всех властителей Шибальбы: Шикирипат, Кучумакик, Ах-Альпук, Ах-Альхана, Чамиабак, Чамиаолом, Патан, Кикшик, Кикришак. Услышав их, шан вернулся к братьям, сообщил все имена и описал, где сидят деревянные статуи.

Только тогда близнецы пошли по черной дороге и пришли туда, где правители Шибальбы стояли рядом с деревянными статуями. Братья не приветствовали статуи. Они обратились с приветствием прямо к властителям Шибальбы, причем каждого назвали по имени. Те встревожились. Они не знали, с какими людьми им теперь придется иметь дело. Они предложили братьям присесть на раскаленные камни, но близнецы не сели. «Это не наши места», – сказали они.

После этого началась игра в мяч. Ночь наступила раньше, чем игра была закончена, поэтому близнецов отвели в дом мрака, где им предстояло отдохнуть до наступления следующего дня, когда игру можно будет возобновить. Им вручили зажженные факелы и велели

сохранить их не почерневшими до утра.

Войдя в дом мрака, братья задушили факелы. Они покрыли их красной краской. Когда они вышли из дома мрака, их факелы не почернели.

– Кто вы? – вскричали правители Шибальбы. – Откуда вы явились?

– Кто может сказать, кто мы и откуда? – ответствовали братья. – Мы и сами этого не знаем.

Игра возобновилась, и братья снова выступили против правителей Шибальбы. Игра подходила к концу, и выходцы из подземного мира сильнее беспокоились. Они не знали, как им уничтожить двоих пришельцев из верхнего мира.

Их послали в дом холода; но братья не замерзли там. Они нашли под слоем пыли на полу сосновые сучья, всю ночь жгли их и грелись у костра. Потом их послали в дом ягуаров, где им пришлось всю ночь сражаться со свирепыми зверями, рыскавшими вокруг. Затем им поручили набрать цветов в саду Вукуб-Каме – саду, который охранялся ядовитыми змеями. Справиться с этим зданием близнецам помогли муравьи. Все живые существа были готовы помочь братьям-героям справиться с властителями подземного мира. Муравьи принесли цветы, братья наполнили четыре вазы и преподнесли их правителям Шибальбы.

Игра снова началась, и в конце дня близнецов отправили в самое ужасное место – в дом летучих мышей. Всю ночь юноши лежали в пещере лицом вниз, а летучие мыши летали вокруг. Но вот Хун-Ахпу на мгновение поднял голову, и гигантская летучая мышь, подлетев, отрезала ее. Хун-Ахпу непременно истек бы кровью, если бы не черепаха, которая подползла и прижалась к тому месту, где была голова. Черепаха не давала крови течь из шеи, представляя собой некое подобие головы. На следующее утро правители Шибальбы пришли к пещере. Они требовали, чтобы юноши вышли и приняли участие в последней игре. Когда они стояли у входа в пещеру, по их ногам пробежал кролик. Обитатели подземного мира решили, что это брошенный братьями мяч, и побежали за кроликом. Шбаланке оглядел пещеру, которая теперь была залита светом. Он легко обнаружил голову Хун-Ахпу. Тогда он отодвинул черепаху и приставил голову к шее брата. Она сразу приросла. И когда обитатели Шибальбы вернулись, утомившись погоней за кроликом, братья уже были готовы играть в мяч.

Игра завершилась. Близнецы-герои выиграли у правителей Шибальбы. Тогда братья сказали, что покажут побежденным, как они умеют творить чудеса. Они позволили убить себя, после чего их кости были истерты в муку и брошены в реку. Там юноши превратились в рыб и уплыли. Потом они вернулись в облике нищих и вновь предстали перед обитателями Шибальбы. Они сжигали дома и снова восстанавливали их. Они убили собаку и в тот же миг вернули ее к жизни. Они убили друг друга и тут же друг друга оживили. Тогда правители Шибальбы закричали: «Сделайте с нами то же самое! Мы тоже хотим познать смерть и жизнь после нее!»

Братья согласились убить их, но только оживать не стали и оставили лежать под ветвями их же собственного запретного дерева. После этого Хун-Ахпу и Шбаланке объявили всем, кто они на самом деле, и рассказали, что они пришли отомстить за смерть своего отца и дяди. Они сняли с дерева высушенные головы и с почестями похоронили их. Потом они обратились ко всем, кто остался в Шибальбе. Они сказали: «У вас нет больше могущества. И вы больше не будете править никем. Уходите отсюда, где вы были правителями, и делайте вещи из глины: горшки и зернотерки. Только дети чащ и пустынь будут представлены вашему покровительству. Но порождения света, сыновья света, не будут иметь общения с вами, они будут избегать вашего присутствия. Грешники, искатели раздоров, носители печалей, изменники, отдающиеся порокам, – вот те, кто будет приветствовать вас. И не будете вы больше неожиданно хватать людей для жертвоприношений; помните, что ваше положение теперь низкое!» Так сказали близнецы-герои, и те, кто раньше правил в подземном мире, с позором удалились.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ

В Толлане жил Кецалькоатль. И в Толлане процветали все искусства и ремесла, известные нам сегодня, потому что Кецалькоатль обучал им людей. Он учил их, как плавить серебро и обрабатывать драгоценные камни; как строить дома из камня, вырубать статуи и писать знаки в книгах; кроме того, он учил людей началам астрономии. Всем искусствам, кроме искусства войны, учил людей Толлана Кецалькоатль. И они приносили ему хлеб, цветы и благовония. В этом он отличался от других богов, в жертву которым люди вырвали сердце из груди других людей.

Он жил в доме, построенном из серебра, в котором было четыре помещения. Комната, выходящая на восток, была золотой, комната, выходящая на запад, была выложена драгоценными камнями зеленого цвета – изумрудами, бирюзой, нефритом. Комната, выходящая на юг, была украшена разноцветными морскими раковинами, а та, что выходила на север, была выложена яшмой. Дом был крыт птичьими перьями самых ярких цветов. Все птицы, имеющие богатое оперение и сладкие голоса, были собраны здесь. В полях росла кукуруза, причем такая большая, что человек не мог унести за один раз больше, чем один початок. Тыквы в обхвате часто превышали рост человека. Хлопок созрел красным и желтым, синим, черным и белым, и людям не приходилось его красить. Все, кто жил там, где находился Кецалькоатль, имели все необходимое для богатой и счастливой жизни.

Было время, когда у людей не было кукурузы, они ели корни и то, что могли добыть охотой. Кукуруза была спрятана в горах, и никто не знал где. Разные боги пытались разрушить горы и отыскать место, где росла кукуруза, но им это не удавалось. Тогда Кецалькоатль превратился в черного муравья; вместе с красным муравьем, который стал его проводником, он проник в гору Тонакатепетль и нашел место, где была спрятана кукуруза. Он взял зерно и отнес его людям. И люди засеяли поля кукурузой, они собрали богатый урожай, построили города и стали вести оседлый образ жизни. И Кецалькоатль научил их ремеслам. Они чтити того, кто жил в сияющем доме. Кецалькоатль имел много слуг, некоторые из них были гномами, и все были чрезвычайно быстроногими.

А потом стало известно, что Тецкатлипока, который бродит по земле, сея раздоры и войны, на паучьей паутине спустился в Толлан. Его принес с гор порыв такого ледяного ветра, что холод убил все цветы в прекрасном саду Кецалькоатля. Почувствовав ледяное дуновение, Кецалькоатль сказал своим слугам: «Явился тот, кто изгонит меня отсюда; возможно, лучше мне самому уйти, не дожидаясь его появления, и испить воды из источника в стране Солнца, откуда я могу вернуться молодым юношей». Так он сказал, и слуги видели, как он уничтожил свой дом из серебра и драгоценных камней, с крышей из ярких перьев и дверными косяками из белых и красных раковин. Они видели, как он созвал сладкоголосых птиц в цветном оперении и приказал им лететь в страну Анахуак.

Затем к Кецалькоатлю явился бог и волшебник Тецкатлипока и повел его туда, где они вдвоем могли сыграть в мяч. Все жители собрались вокруг и следили за игрой. Мяч следовало забросить в кольцо, закрепленное высоко на стене. Кецалькоатль взял мяч, чтобы бросить. В это время Тецкатлипока превратился в ягуара и бросился на него. Кецалькоатль побежал. Тецкатлипока преследовал его до тех пор, пока не выгнал из города.

Гномы побежали за своим господином и присоединились к нему. Вместе с гномами Кецалькоатль перебрался через горы и в конце концов прибыл на холм, где росло большое дерево. Там он решил отдохнуть. Сидя под деревом, Кецалькоатль заглянул в зеркало и отметил: «Я становлюсь стариком». Он отбросил зеркало и стал бросать в дерево камни.

Он пошел дальше, а гномы бежали впереди и наигрывали мелодии на флейтах. Устав, он присел отдохнуть на придорожный камень. Оглянувшись туда, где остался милый его сердцу Толлан, старик заплакал. Его слезы прожгли отверстия в камне, а руки, которыми он держался за камень, оставили на нем отпечатки. Камень лежит у дороги по сей день, и на нем видны углубления от слез и отпечатки рук. Кецалькоатль встал и продолжил свой путь. Он встречал людей из Толлана и рассказывал о ремеслах, которым еще не успел их научить.

Но он не отдал им сокровище из драгоценных камней, которое несли его преданные слуги – гномы. Он бросил его в водоем Коапан, где оно осталось до наших дней. Он перебрался через огненную гору и заснеженную гору. На снежной горе гномы умерли от переохлаждения. Кецалькоатль горько оплакивал своих преданных слуг.

Затем он спустился с горы и вышел на берег моря. Он сделал плот из змей и на нем вышел в море. Во всяком случае, так утверждают те, кто рассказывают его историю. Говорят, что на нем Кецалькоатль добрался до земли Тлапаллан, что в стране Солнца, где испил воды бессмертия. Когда-нибудь он вернется оттуда молодым юношей. Но другие утверждают, что, выйдя на берег, он снял с себя одежды, украшенные яркими перьями, маску из крокодиловой кожи цвета бирюзы и, оставив все это у кромки воды, бросился в огонь и сгорел дотла. Они же говорят, что пепел Кецалькоатля превратился в самых ярких и самых сладкоголосых птиц, а его сердце улетело в небо и стало утренней звездой. После того как с момента его смерти прошло восемь дней, звезда стала видимой для людей, и впоследствии Кецалькоатля назвали Повелителем Рассвета.

ВРАГ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ

Враг Кецалькоатля на покинул Толлан. Он вышел нагим на рыночную площадь и расположился на ней. Он сидел рядом с царским дворцом. У царя была единственная дочь, и девушка, выглядывая из окна на рыночную площадь, заметила Тецкатлипоку. Он делал вид, что продает специи. Любовь поразила девушку прямо в сердце. Она стала чахнуть, слегла и очень скоро оказалась на пороге смерти. Когда царь стал расспрашивать женщин о причинах странного недомогания своей дочери, ему объяснили, что принцесса умирает от любви к человеку, которого увидела на рыночной площади, нагому чужеземцу.

Царь приказал доставить к себе чужеземца. И когда враг Кецалькоатля предстал перед ним, царь сказал: «Ты должен излечить мою дочь от поразившего ее недуга». Тецкатлипоку одели, остригли его волосы, окрасили тело и привели к царской дочери. Девушка пришла в восторг и очень быстро поправилась.

После этого Тецкатлипока разослал во все стороны глашатаев, чтобы объявить юношам и девушкам Толлана о грандиозном празднике, который он устраивает для них. В назначенный день молодые люди собрались на рыночной площади. Тецкатлипока увлек их за собой, играя на флейте. Юноши и девушки пошли за ним, по пути они пели и танцевали. Он завел их высоко в горы и предложил танцевать там. Он пел для них песни, и они повторяли эти песни за ним, куплет за куплетом, хотя раньше не слышали ничего подобного. Потом Тецкатлипока ударил в барабан, и толпу охватила паника. Молодые люди побежали обратно, но на их пути был мост через пропасть. Враг Кецалькоатля успел перейти мост первым и сломал его. Юноши и девушки, подбегая к сломанному мосту, поневоле сталкивали друг друга в пропасть. Те, кто упал, превратились в камни.

Тецкатлипока принял другой облик и отправился в роскошный сад Кецалькоатля. Он позвал туда мужчин и женщин Толлана, чтобы те ликвидировали нанесенный саду ущерб. Когда же все собрались, он напал на людей с мотыгой, и многие из них остались лежать мертвыми среди разоренного сада Кецалькоатля.

Но это было еще не последнее зло, причиненное Тецкатлипокой людям Толлана. Он еще раз изменил облик и пришел на рыночную площадь. Он показал людям сделанную им фигурку размером с его палец, которая танцевала на его ладони. Люди столпились вокруг, чтобы увидеть диковинку, и многие были раздавлены. Потом они услышали голос – это был голос Тецкатлипоки, но шел он со стороны, – и голос этот сказал: «Не дайте себя обмануть, граждане Толлана. Возьмите камни и убейте этого колдуна и его творение». Люди взяли камни и закидали колдуна и маленького человечка, плясавшего на его ладони. Их тела остались погребенными под грудой камней. Скоро они стали разлагаться, и вся округа наполнилась отвратительной вонью, и многие люди от этого заболели. Они снова услышали голос, который сказал: «Вышвырните тела колдуна и человечка из города, чтобы больше никто не умер от распространяемых ими болезней». Люди Толлана обвязали тела канатами и стали тянуть. Но тела оказались такими тяжелыми, что их невозможно было сдвинуть. Пришлось взять еще канаты и пригласить больше людей. Но когда люди снова стали тянуть, канаты лопнули и убили много народа.

Люди опять услышали голос, который сказал: «Народ Толлана, вы должны всего лишь спеть куплет песни». Труп колдуна и труп маленького человечка затащили песню, которую подхватили люди. Они стали тянуть и вытащили трупы из города. Люди сбросили тела с обрыва и вернулись в город.

Они вернулись, и все были словно пьяные. Никто не мог вспомнить, зачем они выходили из города. Тогда люди вернулись и увидели, что гора, возвышавшаяся рядом с Толланом, охвачена огнем. Они увидели белую птицу, пронзенную стрелой, летящую над городом. А потом на них посыпались камни, и их город остался пустым и необитаемым.

Кецалькоатль поведал людям о богах и о создании мужчин и женщин. Сначала были Ситлалатонак и Ситлаликуэ, Отец-Небо и Мать-Земля. Затем Ситлаликуэ породила кремневый нож и метнула его в землю, породив шестнадцать сотен земных богов^[44]. Они жили, как живут сегодняшние мужчины и женщины, трудились и добывали себе пропитание. Но через некоторое время они решили, что им, детям Отца-Солнца и Матери-Земли, не подобает так жить. Они отправили ястреба Глотли к своей матери с просьбой создать людей, которые могли служить им, шестнадцати сотням земных богов.

До земли, на которой они жили, была другая земля, на которой жили люди – мужчины и женщины. Эта земля и населявшие ее мужчины и женщины были уничтожены богами, причем не единожды, а много раз. Один раз землю и все, что на ней было, уничтожил потоп. Один раз все уничтожил ветер и один раз – огонь. Когда же шестнадцать сотен земных богов попросили создать мужчин и женщин, которые могли бы им служить, Мать-Земля сказала, что они должны сделать для процесса творения.

Они должны были послать одного из них в нижний мир – Миктлампу, место, где не было света. Тот, кто отправится вниз, должен попросить у правителя этого мира кость, принадлежавшую человеку из последней погибшей расы. Своим посланцем земные боги выбрали Шолотля. Именно его отправили в нижний мир – Миктлампу, место, где нет света.

Шолотль оправился туда, куда его послали земные боги. Он предстал перед Миктлантекульти, правителем Миктлампы, и застал его льющим огонь в сосуд с кровью. И Миктлантекульти, имевший вместо головы голый череп, решил, что сможет обмануть одного из земных богов и задержать его навсегда в месте, где никогда не бывает света. Он сказал, что даст посланцу земных богов кость одного из великанов, которые раньше жили на земле; в верхнем мире ее следует положить в сосуд, куда каждый из земных богов капнет по капле своей крови. Из этого сосуда выйдут двое, которые положат начало новой расе людей.

Шолотль знал, что Миктлантекульти замыслил зло против него. Поэтому он украл кость и понес ее через царство вечного мрака. Кость была большой и тяжелой, поскольку принадлежала представителю расы великанов, некогда живших на земле. И все же посланец земных богов двигался с ней довольно быстро. Когда же он подошел к выходу в верхний мир, на него набросились огромные совы, охранявшие царство Миктлантекульти, и вырвали его глаза. Шолотль споткнулся, уронил кость, и она разбилась на кусочки. Он собрал кусочки и принес их в верхний мир, где его возвращения ожидали остальные боги.

Затем шестнадцать сотен земных богов сложили обломки кости в сосуд, и каждый из них капнул туда по капле своей крови. Три дня они следили за сосудом и периодически помешивали содержимое. Создавалось впечатление, что их труды напрасны. На четвертый день содержимое сосуда начало булькать и пузыриться. И из сосуда появился человеческий ребенок – мальчик. Еще четыре дня земные боги наблюдали за сосудом, и из него появился еще один человеческий детеныш, на этот раз это была девочка. Боги взяли детей и напоили их соком растения магуэй^[45]. Дети быстро выросли в мужчину и женщину. Они стали мужем и женой, и от них произошли современные мужчины и женщины.

Кость, которую Шолотль принес в верхний мир, была разбита на небольшие кусочки, поэтому мужчины и женщины, которые от нее образовались, не были похожи на великанов, некогда живших на земле. Осколки были разных размеров, поэтому современные мужчины и женщины имеют разный рост – одни высокие, другие низкие, встречаются даже карлики. В мире, куда пришли первые мужчины и женщины, не было ни солнца, ни луны. И великие боги стали совещаться, как создать в небе светила.

На совете боги решили, что светилами станет пара богов из их числа. Они объявили, что те двое, которые войдут в огонь и позволят себя сжечь, станут солнцем и луной. Они построили две башни, по одной для каждого бога, который станет дневным или ночным светилом; они покрыли землю ветками и цветами и принесли жертвы. Двое богов согласились броситься в огонь и превратиться в луну и солнце. Эти двое надели на себя короны, одежды из ярких перьев и вошли в башни. Остальные боги разожгли вокруг костры, которые горели четыре дня. Затем двое, стоявшие на башнях, бросились в огонь и были сожжены.

Остальные боги, собравшиеся в этом священном месте, ждали, чтобы увидеть возрождение их товарищей в виде солнца и луны. Четыре дня они ждали возле башен. Потом они заметили, что небо покраснело; они не знали, что будет, и очень испугались. В небе появилось солнце; оно было очень красным, и никто из богов не мог на него посмотреть, потому что его лучи слепили. Потом на другом краю неба появилась луна. Ее свет был не менее ярким, чем свет солнца. Один из богов взял кролика и бросил его в луну. Кролик остался на ней, затмив ее яркость. Так луна стала менее яркой, чем солнце.

Но оба светила оставались неподвижными в небе. «Умрите все! – крикнули они оставшимся на земле богам. – Умрите все и создайте звезды». А потом налетел сильный ветер. Он дул до тех пор, пока все боги не были уничтожены его силой. Их останки были перенесены на небо и стали звездами. Ветер стал дуть на солнце и заставил его двигаться по небу. Он не дул на луну, поэтому она висит в небе неподвижно. Но она появляется в небе не одновременно с солнцем. Все это Кецалькоатль рассказала жителям Толлана.

Много раз, с тех пор как ацтеки пришли на равнину, связывались годы в узелки, каждый узел был пятьюдесятью двумя годами. Много раз при связывании лет огонь гас и снова зажигался на груди приносимых в жертву людей. Много раз отмечался праздник, называемый Узлом лет, и много раз вожди и жрецы следили за знаменами, которые являлись, когда огонь гасили и зажигали новый.

Монтесума-завоеватель был верховным правителем. Знамение, которое появилось, представляло собой пару огромных сандалий, которые были найдены на полу храма Уицилопочтли, бога войны ацтеков. Монтесума изрек: «Это знак от Уицилопочтли, означающий, что он никогда не покинет ацтеков. – И он поведал жрецам: – Отнесите эти сандалии Коатликуэ, матери нашего бога. Он живет в Ацтлане. Из Ацтлана ацтеки ушли в древние времена, ведомые Уицилопочтли. Они стали владеть долиной. Они покорили племена, жившие в долине и в горах; они построили великий город Теночтитлан. Идите и расскажите об этом Коатликуэ. И скажите, что силой моего оружия ацтеки теперь завоюют племена, живущие дальше, и захватят много пленных для жертвоприношений. Уицилопочтли никогда не покинет людей, которые показали себя завоевателями. Идите, отнесите эти сандалии со всем уважением матери Уицилопочтли; они будут для нее знаком того, что ее сын никогда не вернется в Ацтлан».

Жрецы Уицилопочтли поискали в своих книгах и нашли дорогу, ведущую в Ацтлан. Это был гора, окруженная водой. В воде было полно рыбы; в ней плавали стаи диких уток; птицы радовали взор местных жителей яркостью оперения и услаждали их слух песнями. Там в пещерах жило много поколений ацтеков. Все хорошее, что они имели, было принесено отсюда: кукуруза, бобы, фрукты. На воде стояли баржи, а на них росло все, чем питались люди. И когда мужчины и женщины ацтеков выходили из пещер, полных драгоценных камней, они отправлялись на каное мимо плавающих садов, качающихся на воде уток, ныряющих бакланов. А над их головами летали цапли. Они собирали разноцветные цветы в садах и слушали волшебные песни птиц.

Но Уицилопочтли поднял многих ацтеков, и те покинули райские места. Они оставили гору и плавающие сады, хотя взяли с собой много растений, которые в этих садах росли. Ацтеки шли по земле. Жесткая трава колола их ноги, острые камни больно ранили. Перед ними расстилались поля, заросшие колючками. Путь им преграждали ягуары, которые бросались на пришельцев и разрывали их плоть. Но пробужденные Уицилопочтли и ведомые им ацтеки двигались дальше. Они прошли через пустыни, где голод уменьшил их ряды. Тогда они достигли места семи пещер, где смогли немного отдохнуть. Потом они подошли к дереву, сожженному молнией, и там некоторые из них остались. Остальные пошли дальше, и Уицилопочтли шел впереди. Наконец, они вышли к озеру Тескоко. Они увидели высокую скалу с растущим на ней кактусом. На кактусе сидел орел. Он взмыл вверх и медленно полетел в сторону восходящего солнца. В когтях он держал змею. Знак был хорошим. И ацтеки решили обосноваться там. Много сражений пришлось им вести. Они подчинили себе племена, живущие в долине, и построили величайший из городов – Теночтитлан.

Теперь же жрецы Уицилопочтли, посланцы великого Монтесумы, отправились обратно в Ацтлан. В Толлане, который есть «пуп земли», они встретили четырех волшебников, которые стали их проводниками. Потом они увидели гору, поднимающуюся прямо из воды. Жрецы направились к ней, оставив волшебников позади. Ночной ветерок донес до них аромат цветов, утром они услышали пение птиц. Жрецы пошли дальше и увидели сады на воде и плавающие вокруг них стаи уток, ныряющих бакланов и летающих или ловящих рыбу цапель. Они увидели птиц в зеленом и желтом оперении, перелетающих из сада в сад, они услышали их сладкоголосое пение, доносящееся с ветвей фруктовых деревьев.

Люди, жившие там, заговорили со жрецами на знакомом им языке. Они спросили, зачем те пришли к ним через пустыню. Жрецы ответили, что они вернулись на землю предков. Они сказали, что принесли Коатликуэ сандалии ее сына Уицилопочтли.

Но когда жрецы упомянули имя великого Монтесумы и его приближенных, люди, живущие у воды, сказали, что ушедшие от них в далекие времена не носили таких имен. Они назвали тех, кто ушел с ацтеками из Ацтлана. Тогда посланцы Монтесумы удивились и сказали:

– Мы не знаем этих людей; мы их никогда не видели; они уже давно умерли.

Пришел черед удивляться людям, живущим у воды. Они сказали:

– Но ведь мы, знавшие их, до сих пор живы.

Пришел жрец Коатликуэ, чтобы проводить гостей к великой богине. Она жила на вершине горы. Когда они пошли вверх, ноги посланцев Монтесумы проваливались, поскольку гора стала как куча песка.

– Что делает вас такими тяжелыми? – спросил жрец Коатликуэ. – Что вы едите? – Он был очень стар, но двигался легко и свободно.

– Мы едим мясо, – ответили гости, – и пьем пульке.

– Это ваша пища не дает вам попасть туда, где жили ваши отцы, – ответил жрец. – Мы здесь едим только фрукты, коренья и зерно, а пьем чистую воду. Поэтому мы не испытываем никаких трудностей при ходьбе.

Когда он это сказал, прилетел легкий ветер и перенес его и гостей из Теночтитлана на вершину горы в пещеру, где жила богиня.

Они предстали перед ней. На ней было платье из змей, и облик ее был ужасен. Когда она взглянула на сандалии, которые были положены перед ней, она горько вздохнула и сказала: «Уходя из Ацтлана, Уицилопочтли сказал мне, своей матери: «Когда мое время будет окончено, я вернусь к тебе, чтобы опустить голову на твои колени. Но до этого я не буду знать усталости. Поэтому дай мне две пары сандалий: одну – чтобы идти вперед, вторую – чтобы вернуться». И вот вы говорите, что он не придет, чтобы положить голову мне на колени». Тогда богиня оделась в траурное платье, а посланцы Монтесумы вышли из пещеры.

Они не думали, что провели в Ацтлане много времени. Но, вернувшись в Теночтитлан, они обнаружили, что годы связались в еще один узел, что огни на земле погасли и новый огонь был зажжен на груди принесенного в жертву человека. У ацтеков был уже другой правитель, которого звали Монтесума Второй. Этому сопутствовало много плохих, страшных знаков. Рыбак поймал странную птицу; в ее голове был сияющий камень. Монтесума Второй взглянул в этот камень и увидел войны, которые будут вестись против ацтеков, с применением нового смертоносного оружия, не похожего ни на что, применявшееся раньше. Когда были погашены огни, умерла его сестра. Она была похоронена, но теперь оказалась сидящей перед фонтаном в дворцовом саду. Монтесума и его свита пришли к ней. Она сказала, что была отнесена к Восточному морю. Она видела там огромные корабли, которые вели бледнолицые бородатые мужчины, имевшие больше оружия, чем когда-либо приходилось видеть ацтекам. После этого на востоке показался огненный столб, который, казалось, сожжет всю землю. Возрадовались пленные, но великая печаль охватила старейшин ацтеков. Они знали, что огненный столб на востоке является предвестником гибели великой империи ацтеков.

ПАЙЯТУМА И КУКУРУЗНЫЕ ДЕВЫ

Откуда пришли они, девы, о которых рассказывается в преданиях и поется в песнях наших отцов? Кто они, семь дев с волшебными прутьями и перьями, которые были прекраснее, чем семь звезд в небе над нашими головами? Пайятума, игравший на флейте, бог утренней росы и рассвета, привел их к нашим отцам; они были его воспитанницами. И когда он привел их туда, где жили наши отцы, он пропел песню, в которой предупредил, что эти девственницы должны всегда считаться священными.

Кукуруза, которая растет, тянется вверх,
Это дар семи прекрасных дев;
Вы должны кормить их,
Хорошо ухаживать за ними,
Чтобы они дали плодородие вашим полям.
Вы и ваши дети должны чтить их плоть,
Если вы потеряете их, больше никогда не найдете.

Утренняя дымка начала рассеиваться. Произнеся свое предостережение, Пайятума, бог, игравший на флейте, скрылся в ней. Семь побегов кукурузы оставил он нашим отцам, семь девушек, которые заставят кукурузу расти. «Спасибо, спасибо тебе, о Пайятума! – воскликнули наши отцы, обращаясь к богу, скрывшемуся в утреннем тумане. – Мы будем лелеять девушек и чтить чистоту их плоти».

Когда сменились времена года, наши отцы построили для дев жилище из кедровых бревен, крытое лесом, принесенным из-за гор. Они зажигали костры перед входом в жилище. Всю ночь кукурузные девы танцевали под звуки барабана, трещотки и песен, которые пели наши отцы. Они танцевали у семи растущих побегов кукурузы, взмахами своих волшебных прутьев и перьев призывая их тянуться вверх.

Потом первая дева обняла первое растение. Когда она сделала это, пламя прыгнуло вверх, отбросив желтый свет. Потом вторая дева обняла второе растение, и огонь полнее охватил горящие головни, костер задымил, и свечение, которое он отбросил, было синим. Третья дева обняла растение, и одновременно с этим огонь достиг максимальной силы, а разлившийся вокруг свет был красным. Четвертая дева обняла растение, и костер, в котором не было видно пламени, отбросил белый свет. Когда пятая дева обняла растение, костер выдохнул облако искр, и разлившееся свечение было разноцветным. Шестая дева обняла растущую кукурузу, и уснувший огонь почти не дал света, только тепло. Когда же седьмая дева обняла побег, огонь под порывами утреннего ветра занялся вновь, разлив разноцветное свечение и тепло. Красивым был танец семи дев, восхитительной была музыка, под которую они танцевали. Когда же над землей начинала стелиться утренняя дымка, девы уходили в свое жилище, складывали волшебные прутья и перья, снимали свои струящиеся блистательные одежды и смешивались с обычными людьми.

Все радовались танцам одетых в белое кукурузных дев. Но настало время, когда некоторые молодые жители деревни стали говорить о музыке, которую они слышали, звучащей из Горы Грома. Эта музыка была чудеснее, чем та, под которую танцевали кукурузные девы. Молодые люди утверждали, что танец, которого они, правда, не видели, тоже должен быть чудеснее, чем танец кукурузных дев. Они говорили об этом так часто, что танец кукурузных дев стал казаться чем-то не столь уж и важным. Тогда наши отцы выбрали двух посланцев и велели им идти в горы. Они должны были выяснить все, что возможно, о музыке и танце Горы Грома. Быть может, те музыканты и танцоры могут присоединиться к кукурузным девам, и между жилищем из кедра и костром будут звучать музыка и устраиваться танцы, которые сочтут чудесными все.

Посланцы отправились к Горе Грома. Приблизившись, они услышали звуки флейт. Они вошли в пещеру, откуда доносилась музыка, – пещеру радуги. Когда посланцы оказались внутри, их окутал туман, но они знали, что за существо находится внутри, и воздали ему почести. Ведь это был Пайятума, игравший на флейте, бог утренней росы и рассвета.

Посланцы послушали музыку и увидели танец, исполненный в пещере радуги. Музыка была не такой, как их музыка, потому что музыканты играли на флейтах. Танцовщицы были такими же красивыми, как кукурузные девы, их тоже было семь. Они держали в руках волшебные палочки из веток тополя. С их веточек и почек текли тонкие ручейки. «Они такие же, как ваши девы; дом семи звезд, отраженный в воде, как дом семи звезд в небе. Они богаты, но не семенами, а водой жизни, где рост семян ускоряется». Так сказал Пайятума, бог утренней росы и рассвета. Когда же посланцы взглянули на девушек внимательнее, они заметили, что те выше, чем их девы, и бледнее.

Потом Пайятума поднял свою флейту и заиграл. Зазвучал барабан, и пещера содрогнулась, словно от удара грома. И пока звучала музыка, белая дымка сочилась из флейт музыкантов. «Люди всегда жаждут того, что не имеют, – проговорил Пайятума, игравший на флейте, сквозь туман. – Хорошо, что вы пришли, и все будет так, как вы захотите». И посланцы поняли, что ему все известно об их миссии.

Они вернулись и сказали старейшинам деревни, что игроки на флейте Пайятумы придут и будут играть для кукурузных дев. Музыканты действительно спустились на «танцплощадку». Из своего жилища вышли одетые в белое и невыразимо прекрасные кукурузные девы. Музыканты подняли флейты и стали играть для них. И пока девушки танцевали в свете костра, те, кто играл на флейтах, смотрели на них так, что девушкам пришлось распустить волосы и опустить глаза. Заметив, что музыканты взирают на девушек влюбленными глазами, наши юноши последовали их примеру. Они хватили девушек за одежды, когда те, в танце, приближались к ним. А потом музыканты и наши юноши вскочили со своих мест и стали приставать к девушкам, выкрикивая непристойные предложения и пытаясь сорвать с них прекрасные белые одежды.

И все же кукурузные девы закончили свой танец, и седьмая дева обняла седьмое растение. Сразу после этого на площадку, где танцевали девушки, опустился туман, и они смогли незамеченными проскользнуть в дом. Они положили свои волшебные прутья и перья, они положили свои прекрасные белые одежды и, также незамеченными, удалились. Лишь только они ушли, появился Пайятума. Он вышел из тумана и остановился среди собравшихся людей. Музыканты, игравшие на флейтах, размахивая своими флейтами, последовали за богом, который медленно и молча шагал сквозь туман, стелившийся по склону горы.

Ударили барабаны, зазвучали трещотки, но девы не появлялись из своего жилища. Старейшины вошли внутрь, но не нашли ничего, кроме волшебных прутьев, перьев и предметов одежды. Так стало известно, что кукурузные девы ушли. Горе и растерянность поселились в сердцах людей. «Мы должны отправиться на поиски и найти их! – закричали они. – Без них кукурузные зерна, дающие нам пищу, не будут

расти». Но куда идти? Кукурузные девы не оставили никаких следов. «Если кто и может найти их, так это наш старший брат – орел, – сказали люди. – Он обладает сильной волей и непревзойденным зрением. Давайте отправим гонцов к орлу и попросим его отыскать наших прекрасных девушек!»

И гонцы отправились в пещеру, где находилось гнездо орла. Три маленьких птенца, сидевшие в гнезде, попытались спрятаться в самых темных уголках пещеры.

– Не выдергивайте наши перья! – кричали они. – Это очень больно! Не трогайте наши перья, и, когда наши крылья станут сильными, мы будем летать высоко и сами сбросим для вас перья.

– О, наш старший брат, великий орел, – сказали гонцы орлу, с шумом вспорхнувшему из гнезда. – Мы пришли просить тебя отыскать наших девушек, белых и красивых.

– Я отправлюсь на поиски и отыщу их, – ответил орел. – Ни синешейка, ни крыса лесная не укроются от моего зоркого глаза. – Он щелкнул клювом, соскочил глаза на незваных гостей, потом взмыл высоко в небо и полетел на поиски.

Он летал всюду: побывал на севере и на юге, на западе и на востоке. Но нигде не увидел девушек. Тогда он вернулся и обратился к старейшинам деревни:

– Я летал везде, искал во всех местах, но нигде не видел ваших девушек. Пойдите к моему брату соколу и попросите его поискать их. Он летает ближе к земле, пускается в полет еще до рассвета. Возможно, он сможет найти вашу пропажу.

Гонцы отправились к соколу.

– Если у вас с собой силки, я улечу быстро, как стрела, – сказал сокол.

– У нас нет с собой силков, – ответил гонцы, – мы пришли просить тебя отыскать покинувших нас девушек. Наш старший брат, великий орел, искал их, но не нашел никаких следов.

– Ха! – воскликнул сокол. – Орел летает слишком высоко! Он поднимается даже над облаками. Разве мог он оттуда увидеть девушек? Но даже если они спрятались лучше, чем воробьи, я все равно смогу их найти.

Сокол раскинул свои крылья и полетел над верхушками деревьев и кустов, словно искал птичьи гнезда или полевых мышей. Он летал повсюду. И однажды он опустился на муравейник, расположенный вблизи деревни, и обратился к людям, собравшимся вокруг. Он сказал, что не смог найти кукурузных дев, белых и прекрасных.

Когда же люди разрыдались, осознав, что их потеря невосполнима, он сказал:

– Есть еще кое-кто, способный отыскать для вас девушек. Это ворон по прозвищу Сильный Клюв. – Сказав это, сокол взлетел с муравейника и отправился искать птичьи гнезда и полевых мышей.

Тогда люди отправились на поиски ворона. Они нашли его в начале дня на окраине города – он искал пищу в грязи и мусорных кучах.

– О, наш дедушка, – сказали они, – ни наш старший брат орел, ни его младший брат сокол не смогли отыскать наших девушек. Мы просим вашего совета и руководства в поисках.

– Вы хотите, чтобы я их нашел? Но я слишком голоден, чтобы искать кого-то для вас неизвестно где, – сказал ворон. – Вы же скупцы. Я живу здесь всю жизнь и никогда не ел досыта. Вы обгрызаете все кости дочиста, ничего не оставляя мне.

– О, наш бедный дедушка, – сказали старейшины, – пойдем с нами, мы тебя накормим.

Ворон отправился со старейшинами, ему оказали самые высокие почести и дали лучший табак, чтобы он мог закурить. Но лишь только ворон вдохнул табачный дым, как стал задыхаться и кашлять. Дым был внутри его, дым окутал его всего. И по сей день синеватое мясо, черное оперение и слезящиеся глаза свойственны потомкам ворона, которому наши предки дали самый лучший табак.

Они принесли ему зерна кукурузы. Ворон ел стоя, косясь на старейшин то одним глазом, то другим.

– Кар-кар, – сказал он, когда съел все, что ему принесли, – а теперь расскажите, что я должен для вас сделать.

– Мы просим тебя отыскать наших девушек, белых и прекрасных.

Ворон немного подумал, после чего, не говоря ни слова, улетел. Он прилетел на кучу мусора, сел на нее и снова стал думать. Потом он вернулся к нашим отцам.

– Я знаю, кто может найти ваших девушек, белых и прекрасных, – сказал он. – Это властелин тумана и рассвета – Пайятума. – С этими словами ворон поднялся в воздух и полетел над мусорными кучами прочь из деревни.

Наши отцы задумались над его словами. Теперь они знали, что ни орел, ни сокол, ни ворон не могут отыскать и вернуть девушек, белых и прекрасных, девушек, которые могли заставить кукурузу расти, а без кукурузы жители деревни были обречены существовать впроголодь. Только Пайятума мог найти их и вернуть. Они нашли божество на окраине деревни возле мусорных куч – там, где раньше сидел ворон.

Пайятума был в превосходном настроении. Его одежда была грязной и порванной, глаза затуманены, губы его не слушались, и он невнятно бормотал что-то себе под нос. Когда к нему подошли наши отцы, он необыкновенно оживился, стал смеяться и шутить. Когда же они попросили его пойти с ними, он встал и пошел туда, где заседал совет старейшин. Он поприветствовал всех присутствующих шумно и без намека на уважение. А когда наши отцы стали жаловаться и просить его найти и вернуть девушек, которых он уже однажды к ним приводил, Пайятума закричал: «Зачем искать то, что не потеряно, и звать тех, кто не придет?»

Пайятума вел себя на совете как клоун. Он бы и дальше продолжал паясничать, если бы к нему не подошел жрец, не положил руку между его губ и не сбил то, что было на губах. «Хорошо, – сказал Пайятума, – а теперь очистите себя, и я буду говорить с вами так, как это пристало мне». Он больше не казался бездумно болтающим клоуном, произносящим слова, оскорбляющие его же собственную священную натуру. Нет, Пайятума стоял перед нашими отцами высокий и величественный, словно могучее дерево. И наши отцы снова узнали в нем божество утренней росы и рассвета.

В его присутствии они провели обряд очищения, сняв с себя все, что могло бы навлечь на них позор в его глазах. Из юношей деревни были выбраны четверо, которые не были грешны. Их привели к Пайятуме.

В сопровождении четверых юношей Пайятума отправился в страну лета. Во время привала он играл на флейте, и птицы и бабочки слетались со всей округи, чтобы испить росы, которую выдувала флейта. Через некоторое время он пришел в страну лета. Семь кукурузных дев были там. Они слышали, как он играл на флейте, а когда они увидели его высокую фигуру, направляющуюся к ним через кукурузное поле, то поспешили навстречу. Пайятума снова заиграл на флейте, птицы и бабочки слетались со всей округи и стали порхать над ними всеми – над семью кукурузными девами, четверыми юношами из деревни и Пайятумой, божеством утренней росы и рассвета.

Они вместе отправились в деревню – семь кукурузных дев, четверо юношей из деревни и Пайятума. Великая радость охватила людей, когда девушки снова оказались среди них. Было построено жилище и, как и прежде, зажжен костер. Всю ночь кукурузные девы танцевали

под музыку и песни, которые пели наши отцы. Они танцевали у семи стеблей кукурузы, жестами призывая их тянуться вверх. И когда каждая девушка обнимала свое растение, из огня лился желтый свет, голубой свет, красный свет, белый свет, полосатый свет, тусклый свет и разноцветный свет.

Но когда каждая девушка обнимала растение, она с помощью некоего таинства вкладывала в него частицу своей сущности. И когда свет разных цветов разлился от костра, девушки стали прозрачными, словно тени. Они ушли в ночь, и люди их никогда больше не видели. Наступил рассвет, и наши отцы увидели Пайятому. Он стоял со скрещенными на груди руками перед костром. Он заговорил, и голос его был торжественным. И слова, которые он произнес, запомнились всем. Кукуруза будет расти, потому что девушки вложили в нее свою сущность. В следующие годы девушки, избранные из числа наших дочерей, будут танцевать под звуки флейты, и каждая будет обнимать в свете костра свое растение. Что же касается кукурузных дев, белых и прекрасных, которых он приводил к людям дважды, они ушли навсегда. Девушки ушли, но их сущность осталась в зернах кукурузы.

По этой причине зерна кукурузы, предназначенные для посева, считаются нами священными. Их берегут днями и ночами во время сияния луны безымянной, луны священного огня и земли, луны, белящей землю, луны снежных сугробов, луны бесснежных тропинок, луны несущих песок бурь. Потом зерна с почестями укладывают в землю – их кладут в землю с такими почестями, как если бы племя хоронило умершего самого уважаемого человека. Семена, которые содержат в себе сущность кукурузных дев, быстро прорастают. Пайятому, бог утренней росы и рассвета, освежает землю своим дыханием, потом Тенатсали, бог времени и времен года, помогает семенам расти, а затем Квелеле, бог тепла, помогает початкам созревать, касаясь каждого факелом своего брата-огня. А наши девушки в свете костра танцуют у стеблей кукурузы, призывая их расти, расти, расти...

notes

Примечания

«Кольцо нибелунга» – тетралогия. В нее вошли: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов».

Вальмики – древнеиндийский поэт, которому приписывается авторство первого текста «Рамаяны».

По другой версии, это был плод какади.

В другом варианте Иштар лишалась одежды в следующем порядке: корона, серьги, ожерелье, украшения, пояс, браслеты, набедренная повязка, или: тиара, подвески, ожерелье, щитки с груди, пояс, браслеты, набедренная повязка.

В популярной литературе чаще встречается имя Ушу-шу-намир.

Арианство – одна из древнейших ересей в христианстве.

Шехина – божественное присутствие.

В другом варианте мифа сундук открыла сама Пандора – из любопытства, когда он еще стоял в доме Эпиметя.

В другом варианте мифа Персефона с подругами резвилась в Нисейской долине, которая является мифической и часто помещается в самых разных частях света. Э н н а – провинция Сицилии.

В другом варианте мифа зернышко граната было только одно, и суть не в том, что Персефона съела какую-то пищу в подземном мире, а в том, что гранат – символ брака.

Тэнара – мыс на юге Пелопоннеса.

Овидий не упоминает о воротах, а описывает священную реку Стикс, через которую следовало переправиться, и перевозчика умерших Харона.

По другой версии, мифа Аполлон обидел бога любви, и тот поразил его сердце стрелой, вызывающей любовь, а сердце Дафны – стрелой, убивающей любовь.

По другой версии, оружие у Геракла все-таки было, и он сначала оглушил льва булавой, а уж потом задушил.

По другой версии, это был Хирон, друг Геракла.

Геллеспонт – пролив Дарданеллы.

Трезена – город в Арголиде.

В другом варианте мифа Геракл прибыл в Трою уже после освобождения из рабства, он отомстил обманувшему его Лаомедонту, убив его и всех его сыновей, кроме младшего, а дочь Гесиону отдал Теламону.

Имя бога леса – Сильван.

Консус – древнеиталийское божество земли и посевов, позже его стали отождествлять с Посейдоном. Его алтарь располагался под землей и открывался только во время праздников – Консуалий.

Гидромела – медовый напиток.

Манна, Манала, Туонела, Туони – разные названия загробного мира.

Другой вариант названия встречающийся в литературе чаще, – асы.

По другой версии – Один, Вили и Ве.

Норны – низшие женские божества.

В нашей литературе этот зал носит название Вальскъяв.

Идун – богиня вечной юности.

Вали – бог мщениа.

Омела – род вечнозеленых полупаразитных кустарников или трав. Паразитирует на ветвях деревьев.

Хеймдаль – страж мира.

Строго говоря, змея звали Ермунганд, но, когда он обвил кольцом весь обитаемый мир, его стали именовать змеем Мидгарда.

Тюр – бог войны и судья.

Считается, что с тех пор шаги кошек стали бесшумными, у гор нет корней, у женщин – бород, у птиц – слюны, у медведей – сухожилий, а у рыб – голоса.

Агни считался огнем на земле, молнией в воздухе и солнцем в небе.

Она же Лакшми.

Дханвантари – лекарь богов, бог врачевания и исцеления.

По другой версии, у него был топор, но одинаково непонятно, откуда взялись все эти инструменты.

В другом варианте Ньюлан был земным юношей, небесная ткачиха полюбила его и сбежала на землю.

В японской мифологии петух – магическая птица, которая призывает солнце, отгоняет злых духов и возвещает возрождение жизни.

Лака – покровительница танцев и танцоров.

Тапа – полинезийская ткань из древесной коры.

Согласно индейскому эпосу «Пополь-Вух» их принесло четверо животных, кроме вороны и койота еще лисица и попугай.

Шан – насекомое наподобие комара, с жалом.

В другом варианте богов было только шестьсот.

Магуэй – американская агава.